

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА

**«ВЫЗОВ» В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ТОМ 1

**Материалы международной научной конференции,
1–3 апреля 2021 г.**

Санкт-Петербург
2021

PUSHKIN LENINGRAD STATE UNIVERSITY

**“CHALLENGE” IN THE EVERYDAY LIFE
OF RUSSIAN POPULATION:
HISTORY AND MODERNITY**

VOLUME 1

**Proceedings of the International scientific conference,
April 1–3, 2021**

St. Petersburg
2021

УДК 94(470):316(060.50)
ББК 63.3(2)+60.5я431

Редакционная коллегия: д-р ист. наук, проф. В. А. Веретенко (отв. ред.),
д-р ист. наук, доц. В. Н. Шайдуров,
канд. ист. наук, доц. В. О. Левашко,
А. Е. Жукова,
О. А. Семёнова

«Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веретенко. Т. 1. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. – 360 с.

ISBN 978-5-8290-1925-9 (т. 1)

ISBN 978-5-8290-1924-2

В сборнике представлены доклады международной научной конференции (1–3 апреля 2021 г.), в работе которой приняли участие ученые из Российской Федерации и зарубежья. Среди авторов – ведущие ученые, специалисты и начинающие исследователи в области истории и социальных наук.

Материалы сборника могут представлять интерес для преподавателей вузов, учителей, организаторов образования, а также для научных работников, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется проблемами истории повседневной жизни в России.

ISBN 978-5-8290-1925-9 (т. 1)
ISBN 978-5-8290-1924-2

© Авторы, 2021
© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2021

UDK 94(470):316(060.50)
BBK 63.3(2)+60.5я431

Editorial Board: V. A. Veremenko, Full Professor,
Doctor of Historical Sciences (editor-in-chief),
V. N. Shaidurov, Associate Professor,
Doctor of Historical Sciences,
V. O. Levashko, Associate Professor,
Candidate of Historical Sciences,
A. E. Zhukova
O. A. Semyonova

“Challenge” in the everyday life of Russian population: history and modernity:
proceedings of the International scientific conference / executive editor V. A. Veremenko.
Vol. 1. – St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2021. – 360 p.

ISBN 978-5-8290-1925-9 (Vol. 1)

ISBN 978-5-8290-1924-2

The collection presents the reports of the international scientific conference (April 1–3, 2021), in which scientists from the Russian Federation and abroad took part. Among the authors there are leading scientists, specialists and beginning researchers in the field of history and social sciences.

The materials of the collection can be of interest to university professors, teachers, educational providers, as well as for researchers, postgraduates, students and all those who are interested in the problems of history of everyday life in Russia.

ISBN 978-5-8290-1925-9 (Vol. 1)
ISBN 978-5-8290-1924-2

© Authors, 2021
© Pushkin Leningrad State University,
2021

Содержание

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>И.Г. Снетков</i> Экспериментальная философия как «вызов» традиционной философии и метод исследования повседневности на примере проблемы о свободе воли.....	15
<i>А.Д. Резанов</i> Повседневность Древней Руси в отражении берестяных грамот: основные подходы в историографии	20
<i>С.В. Зайцева, А.Е. Жукова</i> Личность Г.М. Спренгтпортена в отечественной историографии конца XIX – начала XX в.	24
<i>И.В. Максимова</i> Повседневная жизнь маргинальных и деклассированных слоев населения русского города второй половины XIX – начала XX в.: обзор современной историографии.....	27
<i>Е.Н. Козинникова</i> Цензура как детерминанта повседневности в имперской России: оценка отечественных государствоведов конца XIX – начала XX в.	32
<i>М.В. Ломоносова, А.В. Попова</i> Голод в России на рубеже XIX–XX вв.: научное осмысление ужасающей повседневности крестьянства в трудах Андрея Евдокимова и Питирима Сорокина.....	37
<i>Е.В. Алексеенко</i> Трудовая повседневность провинциального рабочего в 1920–1930-е гг.: методологический аспект	42
<i>Г. Абдыкулова, Г.Т. Мусабалина</i> К вопросу об историографии женской истории в науке Казахстана.....	46
<i>Н.И. Петев</i> Эпидемия толерантности как «вызов» человеку и обществу.....	51
<i>В.Ю. Курдюкова</i> Информационно-психологическое воздействие как актуальный вызов современности	57
<i>Г.В. Бакуменко</i> Пределы культурной травмы в условиях COVID-19	61
<i>Л.П. Дидуренко</i> COVID-19: вызов и философия ответа	66
<i>А.М. Харитонов</i> О некоторых причинах возникновения современных эпидемиологических вызовов	71
<i>Г.Ю. Дзюбка</i> Отражение массового сознания периода пандемии в Интернет-коммуникации	77
<i>Р.Б. Дякиева, О.В. Северцев, А.Н. Когданов</i> COVID-19. Вызовы и решения: опыт региональных СМИ (на примере Республики Калмыкия).....	81

<i>Т.О. Чукаев</i>	
Государство как неотъемлемый элемент современной политической системы общества	86
<i>К.С. Арутюнян</i>	
Модернизация управления в условиях глобального кризиса: социально-философский подход	90

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>И.Г. Подгорбунская</i>	
Жест в пространстве повседневности (на примере идиом английского языка).....	94
<i>М.В. Сухова</i>	
Вещь в контексте повседневности: особенности предмета материальной культуры как источника в антропологическом исследовании.....	97
<i>А.В. Загуменнов</i>	
Идеология периода раннего старообрядчества как культурно-психологический вызов (на материале «Послания в Москву из Пустозерска» Федора Иванова).....	102
<i>Н.Д. Чекулаев, М.-П.Б. Абдусаламов</i>	
Документы фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан как источники по истории медицинского обслуживания военных чинов Низового корпуса (1722–1735 гг.).....	106
<i>А.В. Белова</i>	
Искусство как источник по истории детской повседневности и материнства.....	113
<i>С.С. Михайлов</i>	
Исторический ассирийский некрополь Москвы как источник по изучению диаспоры.....	118
<i>Т.П. Урожаева</i>	
Иерусалимская гора в Иркутске: от некрополя к историко-мемориальному комплексу.....	123
<i>С.С. Крюкова</i>	
Крестьянская повседневность и ее «вызовы» в судебно-следственных документах второй половины XIX – начала XX в.	129
<i>Л.И. Новикова</i>	
Малоизвестный источник изучения повседневности: журнал «Городское Дело».....	134
<i>А.В. Долгова, Ю.В. Казарина</i>	
Стиль изложения в документах личного происхождения в годы Гражданской войны в Пермской губернии.....	139
<i>Ю.В. Костяшов</i>	
Источники по истории повседневности послевоенной колхозной деревни (на примере Калининградской области).....	143
<i>Н.Н. Кравченко</i>	
Источники по изучению сельской повседневности в 1960–1980-е гг. (на примере Нижнего Дона).....	147

<i>С.В. Григорьева</i>	
Мемуары советских военных в Анголе как исторический источник по изучению советской повседневности 1970–1980-х гг.	152
<i>С.А. Ржанова, Е.В. Янькина</i>	
Экономическая журналистика в ситуации кризисной коммуникации (на примере прессы Мордовии)	157
<i>В.В. Волков, Н.В. Волкова</i>	
Судьба книги и чтения в литературной антиутопии: от вербализации к визуализации	161

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>С.В. Павлова</i>	
«Слово о Законе и Благодати» как культурный код России.....	167
<i>С.Н. Травкин</i>	
Период правления князя Александра Невского и история денежного обращения Восточной Европы	171
<i>С.Д. Верецагин</i>	
Повседневная жизнь и лагерный быт Русской и Шведской армий в период Невской битвы.....	175
<i>А.О. Вербовой</i>	
Политическая деятельность Александра Невского в отечественной историографии.....	179
<i>А.Л. Никифоров, И.П. Горелов</i>	
Повседневная жизнь новгородцев в последней четверти XIII в. в свидетельствах иностранцев	182
<i>В.О. Левашко</i>	
Меч в военной культуре Высокого Средневековья (по материалам эпических произведений XII–XIII вв.)	188
<i>А.С. Новиков</i>	
От воина-варвара к рыцарю и феодалу – трансформация гендерной модели мужчины-аристократа в Английском королевстве в XI–XIII вв.....	195
<i>П.В. Крылов</i>	
Тема воспитания ребёнка в контексте инквизиционного процесса по делам веры	201
<i>К.А. Иванов</i>	
Физическое воспитание в Западной Европе в эпоху Высокого Средневековья	207

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ»

<i>Р.В. Глубоковских</i>	
Периоды исторического развития розыскной деятельности в России.....	213
<i>А.А. Зверева</i>	
Крестьянская реформа 1861 г. как «вызов» для дворянской повседневности (по материалам Самарской губернии)	217

<i>Я.А. Гуркин, А.Б. Гуркин</i>	
Криминальный мир России конца XIX – начала XX в. Вызов государству и обществу	223
<i>Л.С. Королева</i>	
«Пишите, лучше меньше, да чаще» – Социальные связи между политическими ссыльными северо-западного региона Российской империи в 1860–1870-х гг.	227
<i>П.С. Кабытов, Е.П. Барина</i>	
Аграрные «беспорядки» в России 1902–1904 гг.: новые вызовы крестьян имперской власти.....	233
<i>Е.Н. Крылова</i>	
«...купить правительственную газету в Петербурге – нет никакой возможности»: к вопросу об организации артели газетчиков «Русского государства»	240
<i>Н.Н. Демьяненко</i>	
«Бой на Литейном»: отечественная печать о столкновениях демонстрантов с полицией в Санкт-Петербурге во время манифестаций 17 марта 1913 г. по случаю взятия болгарскими войсками Адрианополя в ходе Первой Балканской войны.....	247
<i>Н.Н. Кабытова</i>	
Общественная жизнь губернского города в 1917 г.	252
<i>О.А. Семёнова, А.М. Семёнов</i>	
Взгляд на домашнюю прислугу в России в 1917 г.	259
<i>Е.В. Никуленкова</i>	
Беспартийные в Институте красной профессуры в 1920-е гг.	263
<i>А.Ю. Федотова</i>	
Российское общество Красного Креста в борьбе с голодом 1921–1923 гг. (на примере Республики Татарстан)	268
<i>Г.Г. Циденков</i>	
«Голодная кадрили», «залежи трупов» и другие специфические приметы НЭПа в голодающих губерниях в 1922 г.	272
<i>Е.В. Суровцева</i>	
Святость как ответ на духовный и политический кризис: на материале житий новомучеников и исповедников Московской Епархии	276
<i>Е.Д. Маскевич</i>	
Советская власть и скаутское движение в 1924–1930-е гг.: по материалам Архивного управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУ ФСБ по СПб и ЛО).....	280
<i>Д.В. Плюйко</i>	
Политические дискуссии депутатов Моссовета о преодолении конституционного кризиса власти 1993 г. в России	285
<i>Х.А. Буриева, Д.А. Чориева</i>	
Государственная политика и культурное сотрудничество (на примере деятельности национальных культурных центров)	290
<i>Н.С. Нижник, А.Р. Абдуллоев</i>	
Политико-правовая организация общества как доминирующая детерминанта повседневности населения Таджикистана.....	295

<i>Е.А. Дрогавцева</i> Правовое регулирование двойного гражданства в современной России: проблемы совершенствования	302
<i>Р.М. Нуреев</i> Природа современного кризиса и его последствия	307

«ВЫЗОВЫ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Д.А. Мельникова</i> Страхование сельскохозяйственного скота в Российской империи (вторая четверть XIX – начало XX в.)	312
<i>Е.В. Дианова</i> Коммунальный общепит как элемент политики «военного коммунизма».....	316
<i>С.Н. Филимончик</i> Питание городского населения Карелии в условиях «социалистического штурма» начала 1930-х гг.	322
<i>И.И. Иноземцев</i> Влияние денежной реформы на массовое сознание и повседневную жизнь населения Ленинграда и Ленинградской области в 1947 г.	327
<i>Р.С. Воронцов</i> Технологическое оснащение пищевого производства Курской области в условиях послевоенной модернизации	331
<i>А.И. Репинецкий</i> Три вызова: западный образ жизни как вызов традиционной повседневности населения СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.)	336
<i>В.А. Повлюченко</i> Практика решения проблем жилищного строительства Советами народных депутатов в г. Куйбышеве в 1977–1985 гг.	343
Сведения об авторах	348

Contents

METHODOLOGY AND HISTORIOGRAPHY OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>I.G. Snetkov</i> Experimental philosophy as a "challenge" to traditional philosophy and a method of studying everyday life on the example of the problem of free will.....	15
<i>A.D. Rezanov</i> Ancient Rus' everyday life in the reflection of birch bark manuscripts: the basic approaches in the historiography	20
<i>S.V. Zaitseva, A.E. Zhukova</i> Personality of G.M. Sprengtporten in Russian historiography of the late XIX – early XX centuries	24
<i>I.V. Maksimova</i> Everyday life of marginal and declassed strata of the Russian city population in the second half of the XIX – early XX century: a review of modern historiography	27
<i>E.N. Kozinnikova</i> Censorship as a determinant of everyday life in Imperial Russia: evaluation of domestic political scientists of the late XIX – early XX centuries	32
<i>M.V. Lomonosova, A.V. Popova</i> Famine in Russia at the turn of the XIX–XX centuries: a scientific understanding of the terrifying everyday life of the peasantry in the works of Andrey Evdokimov and Pitirim Sorokin	37
<i>E.V. Alekseenko</i> Labor everyday life of a provincial worker in the 1920s – 1930s: a methodological aspect	42
<i>G. Abdykulova, G.T. Musabalina</i> On the issue of historiography of women's history in the science of Kazakhstan.....	46
<i>N.I. Petev</i> The epidemic of tolerance as a "challenge" to the individual and society.....	51
<i>V.Yu. Kurdyukova</i> Informational and psychological influence as an actual challenge of our time.....	57
<i>G.V. Bakumenko</i> The limits of cultural trauma in the context of COVID-19	61
<i>L.P. Didurenko</i> COVID-19: challenge and response philosophy.....	66
<i>A.M. Kharitonov</i> Some of the causes of modern epidemiological challenges.....	71
<i>G.Yu. Dzyubko</i> Reflection of the mass consciousness of the pandemic period in Internet communication	77
<i>R.B. Dyakieva, O.V. Severtsev, A.N. Kogdanov</i> COVID-19. Challenges and solutions: experience of regional mass media (on the example of the Republic of Kalmykia).....	81
<i>T.O. Chukaev</i> The state as an essential element of modern society's political system	86

<i>K.S. Arutyunyan</i> Management modernization in the context of the global crisis: socio-philosophical approach.....	90
--	----

SOURCE STUDIES OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>I.G. Podgorbunskaya</i> Gesture in the space of everyday life (on the example of the English language idioms).....	94
<i>M.V. Sukhova</i> The thing in the context of everyday life: features of the subject of material culture as a source in anthropological research	97
<i>A.V. Zagumennov</i> Ideology of the early old believers as a cultural and psychological challenge (based on the material of "Messages to Moscow from Pustozersk" by Fyodor Ivanov)	102
<i>N.D. Chekulaev, M.-P.B. Abdusalamov</i> Documents of the funds of the Central state archive of the Republic of Dagestan as sources on the history of medical care of military ranks of the Lower corps (1722–1735).....	106
<i>A.V. Belova</i> Art as a source on the history of children's everyday life and motherhood.....	113
<i>S.S. Mikhailov</i> Historical Assyrian necropolis of Moscow as a source for the study of the diaspora	118
<i>T.P. Urozhaeva</i> Jerusalem mountain in Irkutsk: from the necropolis to the historical and memorial complex.....	123
<i>S.S. Kryukova</i> Peasant everyday life and its "challenges" in judicial and investigative documents of the second half of the XIX – early XX centuries	129
<i>L.I. Novikova</i> A little-known source for the study of everyday life: the magazine «Urban Business» («Gorodskoe Delo»).....	134
<i>A.V. Dolgova, Yu.V. Kazarina</i> Narrative style in the documents of personal origin during the Civil War in the Perm Province	139
<i>Yu.V. Kostyashov</i> Sources on the history of everyday life of the post-war collective farm village (on the example of the Kaliningrad region)	143
<i>N.N. Kravchenko</i> Sources for the study of rural everyday life in the 1960–1980s (on the example of the Lower Don)	147
<i>S.V. Grigor'eva</i> Memoirs of the Soviet military in Angola as a historical source for the study of Soviet everyday life in the 1970–1980s	152
<i>S.A. Rzhanova, E.V. Yankina</i> Economic journalism in the situation of crisis communication (on the example of the Mordovia press)	157

<i>V.V. Volkov, N.V. Volkova</i>	
The fate of books and reading in literary dystopia: from verbalization to visualization	161

MEDIEVAL EVERYDAY LIFE

<i>S.V. Pavlova</i>	
"The Word about Law and Grace" as a cultural code of Russia.....	167
<i>S.N. Travkin</i>	
Period of reign of Prince Alexander Nevsky and the history of monetary circulation in Eastern Europe.....	171
<i>S.D. Vereshagin</i>	
Daily life and camp routine of the Russian and Swedish armies during the Battle of the Neva.....	175
<i>A.O. Verbovoy</i>	
Political activities of Aleksander Nevsky in Russian historiography.....	179
<i>A.L. Nikiforov, I.P. Gorelov</i>	
Everyday life of Novgorodians in the last quarter of the XIII century in the reports of foreigners	182
<i>V.O. Levashko</i>	
The sword in the military culture of the High Middle Ages (based on the materials of the epic texts of the XII–XIII centuries).....	188
<i>A.S. Novikov</i>	
From the barbarian warrior to the knight and feudal lord – the transformation of the gender model of the male aristocrat in the English Kingdom in the XI–XIII centuries.....	195
<i>P.V. Krylov</i>	
Education of child as a subject of inquisition process	201
<i>K.A. Ivanov</i>	
Physical education in Western Europe during the High Middle Ages	207

POWER AND SOCIETY: “POLITICAL CHALLENGE”

<i>R.V. Glubokovskikh</i>	
Periods of historical development of investigation activity in Russia.....	213
<i>A.A. Zvereva</i>	
The peasant reform of 1861 as a "challenge" for the nobility's everyday life (based on the materials of the Samara province)	217
<i>Ya.A. Gurkin, A.B. Gurkin</i>	
The criminal world of Russia in the late XIX – early XX centuries. Defial to the state and society	223
<i>L.S. Korolyova</i>	
«Write, better less, but more often» – social ties between political exiles of the northwestern region of the Russian Empire in the 1860–1870s.....	227
<i>P.S. Kabytov, E.P. Barinova</i>	
Agrarian "riots" in Russia in 1902–1904: new challenges of the peasants to the Imperial power.....	233

<i>E.N. Krylova</i>	
"...there is no way to buy a government newspaper in Petersburg": to the question of artel organization of the "Russian State" newsmen	240
<i>N.N. Demyanenko</i>	
"Battle on Liteyny": Russian press about the clashes between demonstrators and police in St. Petersburg during the demonstrations on March 17, 1913 on the occasion of the capture of Adrianople by Bulgarian troops during The First Balkan war	247
<i>N.N. Kabytova</i>	
Public life of the provincial city in 1917.....	252
<i>O.A. Semyonova, A.M. Semyonov</i>	
A look at the domestic workers in Russia in 1917.....	259
<i>E.V. Nikulenkova</i>	
Non-partisans at the Institute of Red Professorship in the 1920s	263
<i>A.Yu. Fedotova</i>	
Russian Red Cross Society in the fight against famine 1921–1923 (on the example of the Republic of Tatarstan).....	268
<i>G.G. Tsidenkov</i>	
"Hungry quadrille", "dead deposits" and other specific NEP signs in the starving provinces in 1922	272
<i>E.V. Surovtseva</i>	
Holiness as a response to the spiritual and political crisis: based on the lives of the new martyrs and Confessors of the Moscow Diocese	276
<i>E.D. Maskevich</i>	
Soviet power and the scout movement in 1924–1930: based on the materials of the Archive Department of the Federal security service for St. Petersburg and Leningrad region (AU FSB for SPb and LO)	280
<i>D.V. Plyuiko</i>	
Political discussions of the Moscow city Council deputies on the overcoming the constitutional crisis of power in 1993 in Russia	285
<i>H.A. Burieva, D.A. Chorieva</i>	
State policy and cultural cooperation (on the example of the national cultural centers' activities).....	290
<i>N.S. Nizhnik, A.R. Abdulloev</i>	
Political and legal organization of society as the dominant determinant of the everyday life of the Tajikistan population	295
<i>E.A. Drogavtseva</i>	
Legal regulation of dual citizenship in modern Russia: problems of improvement.....	302
<i>R.M. Nureyev</i>	
The nature of the current crisis and its consequences.....	307

“CHALLENGES” OF ECONOMIC EVERYDAY LIFE

<i>D.A. Melnikova</i>	
Insurance of agricultural livestock in the Russian Empire (second quarter of the XIX – early XX centuries).....	312
<i>E.V. Dianova</i>	
Communal catering as an element of the "war communism" policy.....	316

<i>S.N. Filimonchik</i>	
Nutrition of the urban population of Karelia in the conditions of the "socialist storm" of the early 1930s	322
<i>I.I. Inozemtsev</i>	
Influence of the monetary reform on the mass consciousness and daily life of the population of Leningrad and the Leningrad region in 1947	327
<i>R.S. Vorontsov</i>	
Technological equipment of food production in the Kursk region in the conditions of post-war modernization.....	331
<i>A.I. Repinetskiy</i>	
Three challenges: Western lifestyle as a challenge to the traditional everyday life of the USSR population (second half of the 1950s – first half of the 1960s).....	336
<i>V.A. Povlyuchenko</i>	
Practice of solving housing construction problems by Councils of people's deputies in Kuibyshev in 1977–1985	343
About Authors	354

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

И.Г. Снетков

Экспериментальная философия как «вызов» традиционной философии и метод исследования повседневности на примере проблемы о свободе воли*

В настоящей статье рассматривается современная «экспериментальная философия», как академическая дисциплина, объектом изучения которой являются наши повседневные представления. Экспериментальная философия опирается на эмпирические данные, чем бросает «вызов» традиционной философской методологии, которая опирается главным образом на априорное обоснование. В частности, автор рассматривает это на примере проблемы свободы воли. Таким образом, делается вывод, что экспериментальная философия является эмпирическим изучением «повседневной философии» и эффективным философским средством для работы с новыми вызовами в наших противоречивых повседневных представлениях.

This article considers modern "experimental philosophy" as an academic discipline, the object of which is our everyday ideas. Experimental philosophy relies on empirical data, which challenges the traditional philosophical methodology, which relies mainly on a priori justification. In particular, the author considers this on the example of the problem of free will. thus, it is concluded that experimental philosophy is an empirical study of "everyday philosophy" and an effective philosophical tool for dealing with new challenges in our contradictory everyday concepts.

Ключевые слова: экспериментальная философия, повседневность, здравый смысл, свобода воли, детерминизм, моральная ответственность.

Key words: experimental philosophy, everyday life, common sense, free will, determinism, moral responsibility.

Многие философские проблемы коренятся в повседневном мышлении. В случае со свободой воли исследования показывают, что люди в самых разных культурах отвергают детерминизм, но при этом люди дают противоречивые ответы на вопрос: «может ли детерминизм подрывать моральную ответственность?». Когда речь идет об абстрактных вопросах, люди склонны утверждать, что детерминизм подрывает ответственность, но когда речь идет о конкретных случаях правонарушений, люди склонны говорить, что детерминизм согласуется с моральной ответственностью. Остается неясным, почему люди отвергают детерминизм и что движет столь противоречивым отношением людей к ответственности. Экспериментальная философия стремится решить эти вопросы и тем самым осветить философскую проблему свободы воли. Многие

* *Исследование выполнено при поддержке, Российского научного фонда (проект No 18-18-00222).*

центральные философские проблемы, такие как проблемы, касающиеся свободы воли, морали и сознания, имеют свои корни в наших обычных способах понимания мира. Не требуется специальной подготовки, чтобы ответить на такие вопросы, как «как материальный объект может быть сознательным?» или «является ли мораль только относительной по отношению к культуре?» Такие проблемы резонируют со здравым смыслом. Эти философские проблемы здравого смысла также известны своей устойчивостью. Многие из них восходят к самым ранним дням философии.

Экспериментальная философия – это относительно недавнее движение, которое привносит новые методы при решении философских проблем [2]. Эти методы на самом деле являются хорошо известными экспериментальными методами из социальной науки, но цели этих экспериментов являются чисто философскими, как и общечеловеческие философские проблемы, связанные со свободной волей, моралью и сознанием. Поскольку эти проблемы основаны на здравом смысле, экспериментальные философы стремятся диагностировать психологические причины философских проблем, и такая диагностика может указывать на новые пути разрешения этих проблем. Проблемы здравого смысла возникают ввиду того, что нам трудно понять, как устроен мир. Например, трудно интуитивно понять, как такая физическая вещь, как мозг, может производить сознательный опыт вкуса винограда, который кажется совершенно отличным от всего физического [5]. В других случаях философские проблемы здравого смысла возникают из-за того, что мы, по-видимому, обладаем противоречивой интуицией. Здесь свобода воли дает яркий пример. С одной стороны, кажется, например, что в момент принятия решения о том, прекратить ли читать, человек действительно может свободно принять это решение в любом случае, и после того, как решение принято, все еще кажется, что он мог бы решить что-то еще, даже если бы все, что привело к решению, было фактически тем же самым [2; 15]. С другой стороны, интуитивно понятно, что когда происходит событие, должно быть полное причинное объяснение, почему оно произошло. Каждое событие, по-видимому, вызвано предшествующими событиями. Было бы странно сказать, что выбор продолжать читать просто произошел, без какого-либо причинного объяснения. Идея о том, что все происходящее должно иметь причину, является центральной для детерминизма, грубо говоря, это представление о том, что каждое событие полностью обусловлено тем, что произошло до этого события. Детерминизм интуитивно привлекателен, но он, по-видимому, противоречит идее о том, что в момент принятия решения действительно возможно выбрать один путь или другой [6; 17]. Кажется, что-то должно перевесить, либо наша приверженность интуиции о наличии свободы воли, либо наша приверженность идее, что каждое событие полностью обусловлено предшествующими событиями.

Философы исследовали очевидный внутренний конфликт между свободной волей и детерминизмом, прибегая к сложным логическим аргументам и семантическому анализу [9; 18]. Вместо этого философы-экспериментаторы сосредотачиваются на психологических аспектах проблемы. Действительно

ли людей тянет в эти разные стороны? Действительно ли обычные люди обладают интуицией, противоречащей детерминизму, как предполагают философы? И если да, то каков же в конечном счете психологический источник этих интуиций? Человек, как правило, не будет считать свои текущие действия свободными, если он не чувствует, что это его собственное добровольное действие. Исследователи выдвинули два совершенно разных фактора, которые способствуют этому чувству свободы воли. Согласно одной гипотезе, внутренние моторные сигналы, которые вызывают поведение, также генерируют предсказание о непосредственном движении тела, и это предсказание сопоставляется с фактической сенсорной информацией о движении тела. Если предсказанное движение соответствует сенсорной информации, то человек получает ощущение свободы воли; в противном случае движение, скорее всего, будет произвольным [7]. Другое предположение состоит в том, что на чувство свободы воли человека влияет наличие внешних сигналов, таких как временной интервал между внешним сигналом и последующим поведением [19]. Эти внутренние и внешние сигналы, по-видимому, соответствуют чувству свободы воли [10].

Чувство свободы имеет решающее значение для ощущения того, что ваше текущее действие свободно, потому что действие не будет чувствоваться свободным, если оно не ощущается как ваше бездействие. Но есть еще один вопрос о том, считаются ли действия человека неопределенными. Современные психологи недавно показали, что в некоторых обстоятельствах маленькие дети рассуждают так, что это наводит на мысль о вере в детерминизм. Наблюдая за физическими событиями, такими как возгорание, дети ожидают, что этому событию будет дано каузальное объяснение. После того, как они наблюдали за включением света при щелчке выключателя, если выключатель впоследствии не включал свет, маленькие дети ищут причину того, почему свет не включался [16]. Однако экспериментальные философы также нашли доказательства того, что дети в возрасте от 3 до 5 лет отвергают детерминизм в контексте человеческих действий. Наблюдая за ребенком, экспериментатор выполнял простое действие, например, опускал руку в коробку, и спрашивал у ребенка, мог ли экспериментатор сделать что-то еще. Подавляющее большинство детей сказали, что человек мог бы сделать что-то еще [8; 13]. Большинство детей, однако, не говорили то же самое, наблюдая за физическим событием, таким как мяч, катящийся в коробку. Скорее, в этом случае дети отрицали, что мяч мог сделать что-то еще. Конфликтные интуиции, порождающие проблему свободы воли, могут присутствовать уже в раннем возрасте.

Другой способ оценить, воспринимают ли люди детерминизм, – это представить им нетехническое описание детерминированной Вселенной, а затем оценить их реакцию. Этот метод был использован в нескольких исследованиях на взрослых. Результаты экспериментальной философии подтверждают то, что многие философы уже утверждали: здравый смысл привержен детерминизму в отношении принятия решений [2; 6; 15; 17]. Но результаты подчеркивают загадочный аспект этой приверженности общему смыслу. Что заставляет

людей отвергать утверждения детерминизма? В конце концов, детерминизм – это сложная теория устройства Вселенной. И, похоже, что большинство участников этих экспериментов никогда прежде не придавали детерминизму особого значения. Детерминизм может быть нелогичным из-за того, как люди думают о себе [15]. Поведение компьютера, очевидно, является функцией компьютерной программы и входных данных. Но "Я", согласно этому предложению, понимается как нечто отличное от психологических механизмов и способностей, нечто, что может стоять в стороне от этих элементов и принимать исполнительные решения. Если люди думают о себе как о чем-то отдельном от внутренних процессов и механизмов, то неудивительно, что они отвергают идею о том, что решения продуцируются детерминированными механизмами и процессами. Моральная ответственность и детерминизм предполагают, что детерминизм истинен. Что это значит с точки зрения того, несут ли люди моральную ответственность за свои поступки? Философы давно разделились в этом вопросе. Одни из них, компатибилисты, утверждают, что детерминизм совершенно не имеет отношения к вопросу о моральной ответственности; то есть наши обычные способы мышления об ответственности невосприимчивы к любой угрозе со стороны детерминизма [2]. Противоположная точка зрения у инкомпатибилистов, они в свою очередь утверждают, что если детерминизм существует, то никто не несет истинной моральной ответственности [2; 14; 17].

Экспериментальные философы показали, что обычные люди, как и философы, предлагают конфликтующие взгляды. В одном эксперименте участники были представлены с описанием детерминистической Вселенной, в которой «каждое решение полностью обусловлено тем, что произошло до принятия решения – учитывая прошлое, каждое решение должно произойти так, как оно происходит». После того, как им было представлено это описание детерминизма, одну группу участников спросили, возможно ли для кого-либо быть морально ответственным за свои действия в такой вселенной. Эти участники, как правило, говорили, что в этом мире невозможно быть морально ответственным. Вопрос о моральной ответственности, конечно, ставится на абстрактном уровне. Вместо этого другой группе участников был представлен конкретный случай человека, убившего свою семью. Это вызвало совсем другую реакцию. Когда речь идет о конкретном случае, когда человек совершает предосудительное действие, люди склонны говорить, что человек несет полную моральную ответственность за свои действия, даже если он находится в детерминированной Вселенной [12]. Напротив, когда задают абстрактные вопросы о том, следует ли винить людей в детерминированной Вселенной за плохие поступки, люди склонны говорить, что их не следует винить за это.

Чем объясняются эти противоречивые ответы? Обычно, когда люди думают, что мир детерминирован, то приходят к выводу, что их подсознательные размышления и другие психологические процессы причинно «неуместны». Однако это не то, что влечет за собой детерминизм. Детерминизм согласуется с идеей, что поведение продуцируется (т. е. детерминируется) сознательными

психологическими процессами. Чтобы выяснить, влияет ли такая путаница на ответы, участникам были представлены различные версии детерминизма. В одной версии детерминизма поведение определяется неврологическими и химическими процессами. В этом случае участники сделали инкомпатибилистские выводы, заявив, что люди не несут ответственности, если поведение обусловлено неврологическими и химическими процессами. В другой версии детерминизма поведение характеризовалось как то, что детерминировано психологическими процессами. В этом случае участники, как правило, давали компатибилистские ответы, утверждая, что люди ответственны, даже если их действия определяются их психологическими состояниями [11]. Это говорит о том, что детерминизм сам по себе может быть менее угрожающим для наших обычных представлений о моральной ответственности, поскольку определяющими причинами являются наши психологические состояния и процессы. Так же как философы отстаивали диаметрально противоположные взгляды на то, является ли детерминизм основанием ответственности, обычные люди предлагают противоположные взгляды на этот вопрос. В некоторых случаях люди склонны говорить, что детерминизм снимает ответственность; в других случаях они склонны считать детерминизм совместимым с наличием ответственности. Экспериментальная философия обещает объяснить, почему же нас тянет в разные стороны. В дополнение к диагностике устойчивости проблем, экспериментальная философия может также внести свой вклад в решение этих проблем, поскольку мы можем обнаружить, что некоторые из естественных реакций являются продуктом ошибок или предвзятости. Если это так, то у нас были бы основания игнорировать ответы, основанные на ошибках. Экспериментальная философия также готова пролить свет на веру в саму свободу воли. Если мы выясним, почему люди думают, что их выбор не определен, мы окажемся в лучшем положении, чтобы оценить это убеждение. Знание того, почему люди верят в свободу воли, может дать нам возможность оценить, оправдана ли вера людей в свободу воли.

Таким образом, экспериментальная философия предстаёт перед нами эффективным средством для работы с нашей повседневностью. Это и работа с повседневными проблемами здравого смысла, и работа с противоречиями между нашими повседневными представлениями и повседневными практиками. А кроме того, это принципиально иной, «вызывающий» подход для традиционных способов решения философских проблем.

Список литературы

1. Blakemore S.J., Wolpert D.M., Frith C.D. Trends Cogn. 2002. Sci.6. 237.
2. Campbell C. On Selfhood and Godhood. London: George Allenand Unwin. 1957.
3. Dennett D. Elbow Room. Cambridge: MIT Press, MA, 1984.
4. Hume D. Treatise of Human Nature. J. Noon, London, 1739; reprinted by New York: Oxford Univ. Press, 2000.
5. Huxley T. Lessons in Elementary Physiology. MacMillan, London, ed. 2, 1868.
6. Kane R., J. Philos. 1999. 96, 217.
7. Knobe J., Nichols S. Experimental Philosophy. New York: Oxford Univ. Press, 2008.

8. Kushnir T., Wellman H., Chernyak N., in Proceedings of the 31st Annual Conference of the Cognitive Science Society, N. Taatgen, H. van Rijn, Eds. Cognitive Science Society, Austin, TX, 2009. P. 87–92.
9. Moore G. Ethics. Oxford: Oxford Univ. Press, 1912.
10. Moore J.W., Wegner D.M., Haggard P., Conscious. Cogn. 18. 2009. 1056.
11. Nahmias E., Cogn J. Cult. 6. 2006. 215.
12. Nichols S., Knobe J., Nous 41. 2007. 663.
13. Nichols S., Mind Lang. 19. 2004. 473.
14. Pereboom D. Living without Free Will. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
15. Reid T. Essays on the Active Powers of Man. London: G.G.J. and J. Robinson, 1788.
16. Schulz L.E., Sommerville J., Child Dev. 77. 2006. 427.
17. Strawson G., Freedom and Belief. Oxford: Oxford Univ. Press, 1986.
18. van Inwagen P. An Essay on Free Will. Oxford: Oxford Univ. Press, 1983.
19. Wegner D.M., Wheatley T. Am. Psychol. 54. 1999. 480.

А.Д. Резанов

Повседневность Древней Руси в отражении берестяных грамот: основные подходы в историографии

В статье анализируется специфика изучения повседневности Древней Руси по такому источнику как берестяные грамоты. Дана краткая характеристика грамот как источника, их особенностей в контексте сведений о повседневности Руси и в плане потенциала для направления «истории повседневности». Проанализированы подходы к изучению древнерусской жизни по берестяным грамотам наиболее важных специалистов – историков и филологов. В итоге отмечены основные подходы и характерные черты отечественной историографии поставленного вопроса.

The article reveals the features of the development of Ancient Rus' everyday life study from such a source as birch bark manuscripts. The author gave a brief description of the bark manuscripts as a source, their features in the context of information about the everyday life of Rus' and in terms of their potential for the direction of "the history of everyday life". Then we analyzed the approaches to the study of ancient Rus' life based on birch bark manuscripts of the most important specialists - historians and philologists. As a result, the main approaches and characteristic features of the national historiography of the question are noted.

Ключевые слова: источниковедение, берестяные грамоты, история повседневности, историография, археология, древнерусский город.

Key words: source studies, birch bark letters, history of everyday life, historiography, archeology, ancient Russian city.

Берестяные грамоты – очень важный источник по истории средневековой Руси. Древнейшие грамоты относятся к XI в., а самые поздние – к XV в. Первую берестяную грамоту обнаружила экспедиция А.В. Арциховского в Новгороде, хотя отдельные фрагменты, а также приспособления для письма («писала») случайно находили при раскопках как минимум с 1930-х. С тех пор не только в Новгороде, но и в других русских городах, найдено в общей сложности уже более тысячи берестяных грамот.

Уникальность такого источника как берестяные грамоты состоит в том, что в отличие от других известных письменных источников по истории Руси XI–XV вв. (таких, например, как летописи или княжеские уставные грамоты), тексты «берестяных памятников» могут гораздо подробнее ознакомить нас с бытом и повседневной жизнью простого люда. В летописях мы можем так или иначе узнать факты политической или социальной истории княжеств и городов, но летописные сведения о повседневности различных категорий населения, об их быте и привычках весьма скудны. Берестяные грамоты дают нам эту возможность, несмотря на всю краткость их текстов. Но главное состоит в том, что берестяные грамоты аутентичны как источник. Они описывают то, что их авторы переживали либо непосредственно в дни написания своих посланий, либо спустя незначительное время после этого. Это выгодно отличает степень достоверности сведений грамот от, скажем, содержащихся в Начальной летописи – записанных как минимум спустя два века после описываемых ими событий.

История повседневности изучает сферу «человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев» [4, с. 7]. «История повседневности» при анализе берестяных грамот может помочь нам совершенно по-новому увидеть различные аспекты быта и самочувствия среднего человека в древнерусском городе, будничных условиях своей жизни. Безусловно, применение относительно молодого направления по отношению к историческому материалу XI–XV весьма затруднительно, даже если опираться на все известные берестяные грамоты. Поэтому практически отсутствуют исследования берестяных грамот как источника повседневности на Руси.

Однако важно, что так или иначе еще советские исследователи пытались получить от грамот сведения о том, что максимально подходит к пониманию сферы изучения «истории повседневности»: о вопросах быта и занятий древнерусских горожан, о положении женщин в обществе, о торговле, о заботах и важных темах из переписок горожан. В этом смысле, интересно рассмотреть и сравнить, как именно различные исследователи берестяных грамот подходили к изучению этих вопросов.

Первооткрыватель берестяных грамот А.В. Арциховский, например, уделил особое внимание грамотам с рисунками новгородского мальчика Онфима. По этим рисункам, на примере самого Онфима, Арциховский пытался представить отдельные черты жизни и поведения детей на Руси. Например, он писал: «Всякий маленький мальчик, когда ему надоедает писать, начинает рисовать. Так бывает теперь, так было и на рубеже XII–XIII вв. На обороте описанного доньшка туеса нарисован зверь». «Все мальчики мечтают стать воинами. Онфим изобразил свои будущие военные подвиги. Довольно веро-

ятно, что мечты его сбылись. Он должен был стать взрослым в XIII в., а Новгород вел тогда много войн». «Обучение в средние века носило церковный характер, но маленький Онфим еще плохо понимал заучиваемые им тексты. Он записал их без смысла. Рисунков нет» [1, с. 218]. Также важно, что Арциховский заключает: «в Новгороде, судя по берестяным грамотам, умели писать богатые и бедные, мужчины и женщины. Всё это довольно неожиданно для науки» [1, с. 224]. Нельзя говорить, что А.В. Арциховский старался использовать какой-либо подход при рассмотрении вопросов повседневности. Однако он опирается на метод реконструкции реалий средневекового Новгорода, в частности, пытается представить основные черты бытия и сознания школьника Онфима.

Крупный исследователь и археолог В.Л. Янин в книге «Я послал тебе бересту» писал о первостепенном значении грамот для изучения «фона эпохи» – повседневной жизни простых новгородцев. Он рассматривал различные типы берестяных грамот, давая к описанным в них ситуациям свой пояснительный комментарий. Например: «Петр уехал в село Озеры или Озеричи косить. Но местные жители отняли у него скошенное сено, заподозрив в нем самозванца, не имеющего прав на скошенный участок. Очевидно, Петр только что купил его и еще не был знаком своим новым соседям. Он просит Марью, жену или совладелицу, чтобы та списала ему копию с купчей грамоты... Из-за строк берестяных листов отчетливо звучат живые голоса: мужской, решительный, не любящий ждать и привыкший распоряжаться, другой – женский, плачущий в тоске, ищущий сочувствия и утешения» [5, с. 36]. Мы видим, что исследователь не просто реконструирует черты быта новгородцев, но и пытается представить их в различных контекстах – в социальном, в гендерном. Также В.Л. Янин часто сопоставлял берестяной «фон эпохи» с известными летописными сведениями о политических событиях тех времен, в которые написаны те или иные тексты грамот, помещая таким образом, бытовые ситуации и в политический контекст. Поэтому можно сказать, что Янин сформулировал основы исторического подхода к рассмотрению вопросов быта и повседневности на Руси при изучении берестяных грамот.

Из более поздних исследователей берестяных грамот стоит отметить лингвиста А.А. Зализняка. В лекции «Новгородская Русь по берестяным грамотам» он объясняет причину поврежденности многих найденных грамот, при этом пытаясь реконструировать реалии жизни новгородца: «Адресат, получив письмо, часто не хотел, чтобы оно, валяясь на земле, попало в руки соседа или кого угодно другого, кто все прочтет. Поэтому большинство полученных берестяных писем, как мы сейчас понимаем, человек немедленно уничтожал. Если он был около очага – бросал в огонь. Если нет, то чаще всего резал или рвал, если рядом был нож, то резал им, некоторые разрезаны ножницами» [3]. Как лингвист, Зализняк уделяет особое внимание анализу языка грамот. Он противопоставляет их стиль (обыденный, повседневный язык) церковнославянскому и «высокому» языку летописей. При этом Зализняк говорит о самом контексте повседневной жизни, перечисляя наиболее характерные ситуации,

которые отражают грамоты: «Это простейшие записки внутри семьи или от хозяина дома к домочадцам, или к зависящим от него людям, которые живут на его усадьбе, или ремесленникам, которым он заказывает изготовить какие-то предметы или что-то продать, что-то купить. Обстоятельства текущей жизни являются главным содержанием этих писем. Кроме того, это обстоятельства семейной жизни, отношения между людьми, ссоры, угрозы, судебные дела – все то, что занимало людей на уровне ежедневного существования, а не на уровне официально-праздничного бытия» [3]. Можно заключить, что Зализняк уже более глубоко пытается использовать терминологию «истории повседневности», но опирается при этом не столько на историческую реконструкцию, сколько на привычный для себя лингвистический подход, рассматривая сведения грамот о повседневной жизни в контексте анализа «берестяного» языка и его стиля.

Этот подход близок и современному исследователю – филологу А.А. Гиппиусу. В интервью он говорит: «Берестяные грамоты – это письменность практического характера. Древнерусский человек, когда брался за писало, исходил из какой-то бытовой необходимости. Например, находясь в поездке, отправить письмо родным, написать заявление в суд, составить какую-то памятку для себя. Берестяные грамоты знакомят нас прежде всего с практической жизнью той эпохи» [2]. Гиппиус указывает на новые возможности интерпретации повседневных сюжетов из грамот. В частности, тексты, касающиеся семейных отношений, могут не только рассказать нам о моделях поведения разных полов и социальных слоев Руси, но и отразить их этические представления в бытовой сфере. Гиппиус указывает: «Скажем, письмо, где отец наставляет дочь: жить бы тебе подобру с братом, а ты как-то через силу с ним общаешься. И все это явно несет отпечаток христианской этики. Но есть и тексты, так сказать, с противоположным знаком – то есть магического содержания. Это заговоры, их найдено около десятка» [2]. Как видим, современный исследователь не только рассматривает сведения о быте и повседневности на базе анализа языка и системы письменности грамот, но и подходит к тому, чтобы увидеть обыденные ситуации, отраженные в грамотах, сквозь призму методов направления «истории повседневности».

Подводя итог, еще раз отметим: несмотря на сложности, с которыми сопряжено изучение «берестяных» ситуаций при методологии «истории повседневности», современные исследователи постепенно углубляют изучение берестяных грамот в этом направлении, и что при этом основы такого изучения «берестяных» сведений были заложены еще советскими историками и археологами в рамках исторического и лингвистического подходов. Потенциал берестяных грамот как источника по истории повседневности неисчерпаем.

Список литературы

1. Арциховский А.В. Берестяные грамоты мальчика Онфима // Советская археология. 1957. № 3. С. 215–224.
2. Гиппиус А.А. Почему берестяные грамоты стали сенсацией? [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/pochemu-berestyanyie-gramoty-stali-sensatsiey.html> (дата обращения: 30.03.19).

3. Зализняк А.А. Новгородская Русь по берестяным грамотам. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2006/11/30/zalizniak/> (дата обращения: 30.03.19).

4. Пушкарева Н.Л., С.В. Любичанковский. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 1.

5. Янин В.Л. Я послал тебе бересту. М., 1975.

С.В. Зайцева, А.Е. Жукова

Личность Г.М. Спренгтпортена в отечественной историографии конца XIX – начала XX в.*

Статья посвящена выдающемуся деятелю конца XVIII – начала XIX в. Георгу Магнусу Спренгтпортену (1740–1819), сыгравшему важную роль в истории Финляндии и России. В 1786 г. он перешел на русскую службу, пропагандировал идеи отделения финских территорий от Швеции и оказывал влияние на формирование внешнеполитического курса Российской империи в период правлений Екатерины II, Павла I и Александра I. Авторами рассмотрены взгляды дореволюционных русских и финских историков и публицистов на личность и деятельность Г.М. Спренгтпортена во время его пребывания в России.

The article is dedicated to the outstanding figure of the late XVIII – early XIX centuries Georg Magnus Sprengtporten (1740-1819), who played an important role in history of Finland and Russia. The authors consider the views of pre-revolutionary historians and publicists on G.M. Sprengtporten's personality and activities. In 1786 he entered the Russian service, promoted the idea of separating the Finnish territories from Sweden and influenced the formation of the foreign policy of the Russian Empire during the reigns of Catherine II, Paul I and Alexander I. The authors consider the views of pre-revolutionary Russian and Finnish historians and publicists on the personality and activities of G.M. Sprengtporten during his stay in Russia.

Ключевые слова: Финляндия, Российская империя, Швеция, Спренгтпортен, историография.

Key words: Finland, Russian Empire, Sweden, Sprengtporten, historiography.

С середины XIX столетия в российском обществе стал проявляться интерес к финской истории. Прежде всего, своим прошлым заинтересовались сами жители Княжества Финляндского, а вслед за ними и многие публицисты, профессора, историки и политические деятели. Ключевым моментом в этих изысканиях стали русско-шведские отношения екатерининского времени, а также 1808–1809 гг., завершившиеся включением территории Финляндии в состав Российской империи. Немаловажную роль в этих событиях авторы конца XIX – начала XX в. отводили Георгу Магнусу Спренгтпортену, «шведскому эмигранту на русской службе».

* *Статья подготовлена по проекту «Густав III – Спренгтпортен – Екатерина II» в рамках ППС 2014–2020 «Россия – Юго-Восточная Финляндия» при финансовой поддержке Европейского Союза, Финляндии и Российской Федерации – The reported study was funded by European Union, the Russian Federation and the Republic of Finland, CBC 2014–2020 South-East Finland – Russia, project “Gustav III – Sprengtporten – Catherina II”.*

Г.М. Спренгтпортен родился и вырос на окраине шведского королевства, на территории Финляндии. В юношеские годы, получая вначале домашнее образование, а затем обучаясь в кадетском училище в Стокгольме, он неоднократно сталкивался с пренебрежительным отношением со стороны сверстников, детей шведских дворян, что, по его словам, отразилось на его собственном ненавистническом отношении к Швеции [3, с. 380–381]. Тем не менее, Георгу Магнусу удалось сделать карьеру успешного шведского военного, особенно в 1775–1779 гг., когда он руководил военными частями в Саволаксе, на восточной границе шведского королевства, на территории Финляндии. Там Спренгтпортен создал военную школу, проводил военные маневры и консультации, пользовался авторитетом и уважением местного финского населения [3, с. 382–385].

Однако, уже в начале 1780-х гг. у Г.М. Спренгтпортена стали портиться отношения с военным руководством и непосредственно шведским королем Густавом III, завершившиеся отставкой Георга Магнуса. Уже в те годы Спренгтпортен начал разрабатывать проекты и идеи о дальнейшем развитии Финляндии, ее самостоятельности либо автономии, преимущественно под протекторатом России. В 1786 г. Г.М. Спренгтпортен перешел на русскую службу. В годы русско-шведской войны 1788–1790 гг. он пытался склонить финских и шведских дворян на сторону России, принимал непосредственное участие в боях, за что был приговорен Абоским судом к смертной казни за государственную измену.

В годы правления Павла I Спренгтпортену было поручено заняться освобождением русских солдат, плененных армией Наполеона, а в 1801–1803 гг. он возглавил экспедицию с целью военно-стратегического осмотра европейской и азиатской частей России [8, с. 364–370].

С началом новой русско-шведской войны 1808–1809 гг. Г.М. Спренгтпортен вновь стал ключевой фигурой: он активно занимался разработкой очередных проектов устройства финских земель, общался с финскими дворянами, в том числе прибывшей от них в Петербург депутацией, занимался подготовкой и проведением сейма в Порвоо в 1809 г., был назначен первым генерал-губернатором Финляндских территорий, вошедших в состав Российской империи (однако, на этом посту оставался недолго). Тем не менее, в начале XIX столетия Г.М. Спренгтпортен был известной личностью, как отмечали многие публицисты и современники, способным и знающим военачальником, автором проектов государственного устройства разных территорий, но также интриганом и мотом.

Во всех дореволюционных работах, посвященных истории Финляндии и ее присоединения к России, русско-шведским войнам второй половины XVIII – начала XIX вв., имя Г.М. Спренгтпортена неизменно встречается. Но авторы по-разному рассматривали его личность, его отношение к событиям тех лет, результаты его политической карьеры.

Среди финских авторов, занимавшихся изучением этих вопросов, в середине 1870-х гг. разгорелась полемика, главными участниками которой являлись профессор Форсман, известный под именем Юрия Коскинена («один из

главных вожаков партии финноманов» [3, с. 378]), и К.К. Тигерстедт. По мнению К. Тигерстедта, которое поддерживалось столичными публицистами, Юрий Коскинен навязывал поддерживавшему его финскому населению свое положительное мнение о Спренгтпортене, создавая образ «истинного героя нации» [3, с. 380]. Различны мнения этих авторов и по причинам, побудившим Спренгтпортена после отставки перейти на враждебную сторону и вести действия против Швеции. С точки зрения Ю. Коскинена, в отставке Георга Магнуса и удалении его из страны выразилось «недоверие Густава III не к Спренгтпортену лично, а вообще к финнам». В то время как К. Тигерстедт считал, что «главной причиной перемены всего его образа мыслей было самое низкое побуждение: все дело состояло в деньгах, в каких-нибудь двух тысячах риксдалеров. Его самолюбие было оскорблено, его гордость испытала жестокий удар; он запылал непримиримой ненавистью к Густаву и поклялся отомстить ему. Спренгтпортену показалось, что всего большее он может уязвить Густава в Финляндии: там он был известен и пользовался влиянием, оттуда не далеко было до России: он решился отторгнуть Финляндию от Швеции, вовсе не заботясь о желаниях излюбленной страны или о средствах к ее благосостоянию» [3, с. 388].

Столичные авторы были более схожими в мнениях и оценке личности Г.М. Спренгтпортена. Неоднократно этого человека называли авантюристом, перебежчиком, изменником, в соответствии с этим создавали образ неприятного, нечестного, занимавшегося интригами политика. Даже сам его внешний вид, по отзывам современников, вызывал отталкивающее впечатление. Неоднократно приводились слова финляндского статс-секретаря, служившего при императорах Александре I и Николае I, Роберта Генриха Ребиндера, так описывавшего Спренгтпортена: «он был высокого роста, полный, имел маленькие пронизывающие глаза, надменный взгляд. Во всей фигуре его замечалось нечто хищническое и она способна была внушать страх» [1, с. 208].

Спренгтпортену приписывались такие качества, как легкомыслие, честолюбие, мстительность; окружение (в том числе, по мнению отдельных авторов, сама императрица Екатерина II) его нередко презирало за то, что он «нарушил присягу, принесенную законному королю, и, в своих стремлениях отделить Финляндию от Швеции и создать из нее особое государство, неоднократно прибегал к интригам для устранения препятствий, отделявших его от заветной цели. Его резко осуждали как современники, так и потомство» [4, с. 42]. Также Спренгтпортен обвинялся в «крайней беспорядочности» и даже казнокрадстве [4, с. 42]. Негативная оценка давалась и ближайшим сподвижникам Георга Магнуса [5; 6].

Однако положительные оценки отдельных качеств Спренгтпортена также встречались в дореволюционных работах. Так, например, публицист, издатель и редактор Б.Б. Глинский называл шведа «бурной душой»: «Жажда жизни захлебывала его, вносила в его деятельность непримиримые противоречия. <...> Увлекающийся, страстный, он не знал удержа в своих желаниях. Женщины играли главную роль в его жизни и он поклонялся им, искал их, как пылкий Дон-Жуан. Для наслаждения жизнью у него однако не хватало средств, и вот

он, не брезгая попрошайничеством и даже унижением, направляет все возможные усилия, чтобы приобрести их» [2, с. 183]. К.В. Ньюгольм отмечал «неоспоримое мужество, гениальность и любовь к родине с сильно развитым и чутким самомнением и склонностью к политическим интригам» [7, с. 11]. Отзываясь не всегда положительно о Спренгтпортене, П.И. Мессарош, тем не менее, признавал, что «своими действиями Спренгпортен доказал замечательную энергию и способность приноравливаться к обстоятельствам» [6, с. 78]. М. Бородкин, автор целого ряда исследований по истории Финляндии, хотя и относил Спренгтпортена к «авантюристам», отмечал, что он был человеком, «жаждавшим широкой деятельности» и стремившимся к «большому делу, похожему на подвиг» [1, с. 210].

Подводя итог неоднозначной деятельности и личности «шведского эмигранта», ряд исследователей называл его «очень недюжинным политическим деятелем со смелой революционной доктриной» [2, с. 183], полагая, что «для свекоманов Спренгпортен – изменник, для финноманов этот автор проекта образования финской республики – народный герой, обманутый русским правительством» [6, с. 129].

Список литературы

1. Бородкин М. История Финляндии. СПб.: Гос. Типография. 1912. 466 с., прил.
2. Глинский Б.Б. Великодушное покорение // Исторический вестник. Год одиннадцатый. Апрель, 1890. С. 176–191.
3. Грот Я.К. Спренгтпортен, шведский эмигрант при Екатерине II. 1885 // Труды Я.К. Грота. IV. Из русской истории. Исследования, очерки, критические заметки и материалы. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1901. С. 378–435.
4. Даниельсон-Кальмари Ю.Р. Соединение Финляндии с Российской державой. Гельсингфорс: Тип. И.К. Френкеля и сына, 1890. 172 с.
5. Еленев Ф.П. Учение о финляндском государстве. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1893. 489 с.
6. Мессарош П.И. Финляндия – государство или русская окраина? СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1897. 333 с.
7. Ньюгольм К.В. Положение Финляндии в Российской державе. Берлин: Кн. маг. Штура (владелец И. Реде), 1901. 125 с.
8. Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 599 с.

И.В. Максимова

Повседневная жизнь маргинальных и деклассированных слоев населения русского города второй половины XIX – начала XX в.: обзор современной историографии

В статье осуществлен комплексный анализ опыта изучения различных аспектов повседневной жизни маргинальных и деклассированных слоев населения дореволюционного русского города в современной отечественной историографии. Проведенный обзор позволяет говорить о неразрывной взаимосвязи между положением обозначенных слоев с проблемами бедности и различного рода социальными девиациями, усугубляемыми на фоне развернувшихся в стране модернизационных преобразований второй половины XIX – начала XX в.

The article provides a comprehensive analysis of the experience of studying various aspects of everyday life of marginal and declassed segments of the population of the pre-revolutionary Russian city in modern Russian historiography. The review suggests that the situation of these strata is inextricably linked to the problems of poverty and various types of social deviations, which are aggravated by the modernization transformations that unfolded in the country in the second half of the XIX – early XX century.

Ключевые слова: дореволюционный город, история повседневности, модернизация, девиантное поведение, городские низы, отечественная историография.

Key words: pre-revolutionary city, history of everyday life, modernization, deviant behavior, urban lower classes, Russian historiography.

Одним из ведущих направлений изучения прошлого в современной исторической науке является история повседневности, ставящая во главу угла «жизнь незамечательных людей», обычных обывателей, долгое время остававшихся для историков и в целом потомков преимущественно «безымянными» и «молчаливыми». Последнее утверждение в полной мере справедливо для многочисленных обитателей городских трущоб, представленных маргинальными и деклассированными слоями населения, без учета которых невозможно целостное и полноценное восприятие социокультурного облика русского города в пореформенное время.

Настоящая статья, написанная в формате историографического обзора, призвана осветить накопленный на сегодняшний день опыт в изучении заявленной перспективной темы, неразрывно связанной с такими неоднозначными явлениями и одновременно злободневными проблемами российской действительности второй половины XIX – начала XX в. как модернизация и урбанизация, бедность и нищенство, благотворительность и общественное призрение, девиантное поведение и социальная аномия. Касаемо последней связки, большинство авторов исходят из того, что изучение исторической наукой сферы девиантных явлений позволяет применять полученные результаты к современным российским реалиям, тем самым придавая изучению социальных аномалий прошлого высокое практическое значение и актуальность (см., например, [1, с. 190–191]).

Среди деклассированных и маргинальных слоев населения традиционно особые позиции занимали нищие, устойчивый общественный и научный интерес к которым окончательно сложился еще в дореволюционный период. После советских лет относительного забвения, с начала 1990-х гг., наблюдается возрождение традиции изучения феномена бедности, особенно в крайней форме своего проявления – нищенстве. Пробудившийся интерес, на наш взгляд, в условиях массового обнищания населения и резкой поляризации общества был закономерен, так же как и обращение к дореволюционному прошлому страны [10, с. 19]. При этом современные исследователи, прежде всего, изучают нищенство как социальный феномен в неразрывной взаимосвязи с проблемами борьбы с ним, благотворительности и общественного призрения, среди прочего уделяя внимание некоторым аспектам повседневной жизни

этих деклассированных элементов. Так, в кандидатской диссертации Н.Ю. Рождественской в первой главе дается оценка масштабам, межгубернским различиям, основным причинам российского нищенства; приводится социокультурная типология ярославских и костромских нищенствующих конца XIX – начала XX в. [13, с. 48–94]. Диссертационная работа Ж.В. Соболевой написана в схожем ключе, но уже на другом региональном уровне – материалах Курской губернии. Автор делает упор на раскрытие нищенства как особой профессии и субкультуры [16, с. 48–65].

Для ряда современных авторов в теоретико-методологическом плане при изучении положения обозначенных нами слоев населения, зачастую также выступавших представителями различных девиантных групп, характерно обращение к зарубежным социологическим концепциям – теориям аномии, лиминальности и пр., на основании которых они проводят собственные научные изыскания. Так, кандидатская диссертация Ю.М. Полянской посвящена исследованию социального положения классических маргинальных слоев г. Москвы, амбивалентности их социальной роли и влияния указанной группы на урбанизационные процессы, охватившие страну в период раннеиндустриальной модернизации [12]. Под классической фигурой маргинала – «промежуточного» человека – в предлагаемом труде понимается человек, пришедший из села в город в поисках работы: уже не крестьянин, еще не рабочий; нормы деревенской субкультуры уже подорваны, городская субкультура еще не усвоена. Показательно, что благодаря применению принципа междисциплинарности диссертанту удалось осветить несколько малоисследованных и по-прежнему актуальных для изучения, особенно на региональном уровне, вопросов, связанных с социальной психологией маргинальных слоев и их образа жизни в контексте истории повседневности (об этом подробнее см. [12, с. 145–177]).

Другим ярким примером обращения к концепциям Р. Парка, Э. Дюркгейма, Р. Мертона служит научная статья И.В. Синовой, в центре внимания которой находятся такие маргинальные категории населения как подростки-отходники, нищие, проститутки, выяснение причин их маргинального положения, особенностей проявления ими девиантного поведения в петербургском социуме исследуемого нами периода [15].

Проведенный историографический обзор позволяет отметить, что, как правило, в диссертационных работах последних лет повседневная жизнь деклассированных и маргинальных слоев населения не становилась предметом самостоятельного изучения и самоцелью, а выступает лишь одной из составных, хотя и немаловажных частей, подвергающихся рассмотрению. Так, в комплексном исследовании А.А. Титовой отдельный параграф последней главы посвящен повседневности деклассированных и маргинальных слоев населения городов Курской губернии второй половины XIX – начала XX в., при этом данные категории жителей отнесены автором к новым городским социальным группам, нарождающимся под воздействием модернизационных процессов [17, с. 177–195]. В докторской диссертации И.В. Синовой четвертая

глава полностью связана с раскрытием причин и проявлений различных форм девиантного поведения среди детей трудящегося населения Санкт-Петербурга, таких как преступность, нищенство, самоубийства, проституция, алкоголизм [14, с. 179–263]. Своеобразные грани повседневности городов Тамбовской губернии в период раннеиндустриальной модернизации раскрываются в работе Д.П. Жеребчикова, в том числе благодаря анализу различных проявлений девиантного поведения в городской среде, нашедших выражение, например, в росте городской преступности и проституции (об этом подробнее см. [3, с. 108–157]).

Более подробно необходимо остановиться на кандидатской диссертации Н.А. Зоткиной, представляющей собою одну из первых в отечественной историографии попыток целостного изучения феномена девиантного поведения как особой сферы реализации повседневности в жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв. Предпринятая регионализация проблемы, заключающаяся в рассмотрении ее основных вопросов на материалах Пензенской губернии, позволила автору в рамках указанного периода углубить понимание причин, факторов и условий роста явлений девиантного поведения, таких как проституция, преступность, алкоголизм во взаимосвязи и взаимоотношениях друг с другом и прочими сферами повседневной жизни, а также провести более детальный анализ содержания и эффективности применения различных форм социального контроля [4].

На волне всплеска интереса к гендерной истории, как мы уже могли частично убедиться выше, растет количество работ, посвященных проблеме городской проституции в рамках исследования женской повседневности. На региональных материалах предпринимаются попытки создания социальных портретов типичных представительниц древнейшей профессии, изучаются условия жизни «жриц любви», места их проживания, возможные перемещения, а также общественное мнение о распространении проституции и реакции местной общественности на эту проблему в дореволюционных городах Российской империи (см., например, [2; 5; 7; 8, с. 4–37]).

Одновременно можно констатировать рост числа исследований, где в качестве основного источника для изучения положения деклассированных и маргинальных слоев населения выступает дореволюционная периодическая печать. Подобный интерес, безусловно, оправдан и объясняется тем, что на страницах прессы нередко публиковались материалы, напрямую или опосредованно связанные с такими «общественными недугами» как бедность, нищенство, безработица, хулиганство, проституция и т. п. Так, в работах И.В. Максимовой на материалах местных газет, выходивших в уездном городе Царицыне Саратовской губернии, рассматриваются различные аспекты повседневной жизни представителей социальных низов – обитателей царицынских трущоб (нищих, хулиганов и пр.) [9; 10; 11]. Исследования по истории городской повседневности Т.А. Кискидосовой отличает активное использование материалов сибирской прессы. Например, одна из последних статей автора посвящена проблеме нищенства и мерам борьбы с нею в городах Енисейской губернии конца XIX – начала XX в. [6].

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что поднятая тема является актуальной и весьма перспективной для разработки, как на общероссийском, так и на региональном уровнях. В силу своей многогранности и в чем-то противоречивости успешное изучение повседневной жизни маргинальных и деклассированных слоев населения дореволюционного города должно обеспечиваться, на наш взгляд, соблюдением двух главных условий. Во-первых, дальнейшим усилением междисциплинарного подхода к исследованиям положения обозначенных слоев в единой связке с проблемами социальных девиаций и модернизации российского общества. Во-вторых, за счет расширения привлекаемого круга источников, а также их переосмысления с учетом новых теоретико-методологических подходов (концепций аномии, теории модернизации и др.).

Список литературы

1. Безгин В.Б., Жеребчиков Д.П. Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 5. С. 190–206. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/6231> (дата обращения: 05.12.2020).
2. Быкова А.Г. Проституция в истории больших городов Западной Сибири 1880-е – 1914 гг. (по материалам Омска и Томска): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 255 с.
3. Жеребчиков Д.П. Городское население Тамбовской губернии в период модернизации: вторая половина XIX – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. 235 с.
4. Зоткина Н.А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 374 с.
5. Кискидосова Т.А. «Жрицы любви» в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. № 8. С. 99–105.
6. Кискидосова Т.А. Сибирская пресса о проблемах нищенства в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3 (36). С. 197–206.
7. Кончаковская Н.Б. Проституция в городской повседневности Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 2 (49). С. 67–79.
8. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.) [историко-культурологические очерки]. М.: Прогресс-Академия, 1994. 219 с.
9. Максимова И.В. «Мы, балканские отпеты, кандалы на нас надеты...»: освещение проблемы хулиганства в дореволюционной прессе г. Царицына // Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье на перекрестке цивилизаций, культур, исторических альтернатив и природных ландшафтов: сб. науч. трудов. Волгоград: ООО «Бланк», 2018. С. 166–174.
10. Максимова И.В. «Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет»: освещение проблемы бедности в прессе г. Царицына конца XIX века // История: факты и символы. 2019. № 4 (21). С. 18–26.
11. Максимова И.В. Царицынские трущобы и их обитатели на страницах газеты «Волжско-Донской листок» (Очерки с натуры) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. материалов междунар. науч. конф. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 197–202.
12. Полянская Ю.М. «Классические маргиналы» в социальной структуре Москвы 1861–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 217 с.

13. Рождественская Н.Ю. Нищенство и благотворительность в Костромской и Ярославской губерниях в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2004. 293 с.

14. Синова И.В. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. 442 с.

15. Синова И.В. Маргиналы в петербургском социуме во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. 2016. № 1 (1). С. 63–77.

16. Соболева Ж.В. Борьба с нищенством в Курской губернии в условиях индустриальной модернизации конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2015. 209 с.

17. Титова А.А. Эволюция повседневной жизни населения городов российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв.: по материалам Курской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2016. 234 с.

Е.Н. Козинникова

Цензура как детерминанта повседневности в имперской России: оценка отечественных государствоведов конца XIX – начала XX в.

В статье анализируются взгляды отечественных государствоведов конца XIX – начала XX в. на значение, которое оказывало цензурное законодательство на сознание и повседневную жизнь российского общества, в период введения на территории Российской империи чрезвычайного правового режима исключительного положения.

The article analyzes the views of Russian statesmen of the late XIX – early XX century on the legislation on censorship that was in force during the introduction of the Russian Empire's emergency legal regime of exclusive status as a factor that influenced the consciousness and daily life of Russian subjects of this period

Ключевые слова: полицистика, полицейское право, чрезвычайный правовой режим, режим исключительного положения, усиленная охрана, чрезвычайная охрана, полиция печати, цензурное законодательство.

Key words: police law, emergency legal regime, the regime of the exclusive position, close protection, emergency service, police the press, legislation on censorship.

Современный мир немислим без средств массовой информации и массовой коммуникации (интернет-каналы, социальные сети). Поскольку средства массовой информации и массовой коммуникации являются одновременно источниками информации о происходящих в мире явлениях и событиях, и инструментами ее распространения, влияние, которое они оказывают на сознание и социальное поведение людей огромно.

Возможность открыто высказываться в средствах социальной коммуникации на любые темы, без отсутствия какой-либо цензуры, приводит к тому, что в информационном поле появляются сведения, окрашенные различными политическими симпатиями и антипатиями, одни и те же события описываются по-разному, что с одной стороны, позволяет взглянуть на различные

точки зрения по тем или иным вопросам социально-политической действительности, а с другой – делает затруднительным понимание достоверности полученных из данных источников сведений, ведь различие политических позиций, экономических, финансовых и других интересов порождает диаметрально противоположность в интерпретации, происходящих в мире событий и явлений.

Поскольку средства массовой информации являются одним из мощнейших ресурсов власти, в современном мире они, все чаще становятся ареной для «информационных войн», последствия которых могут быть необратимы.

Одним из самых действенных орудий правительственного влияния на содержание и распространение информации в социуме всегда была цензура, выполнявшая функцию регламентации и контроля распространяемой в обществе информации, а также охраны существовавшего государственного строя от крамольных идей, которые могли бы пошатнуть этот строй.

Развитие цензурного законодательства в России началось в период правления Петра I с попытки правового регулирования книжного дела, однако, первый в истории российского государства Устав о цензуре был принят лишь в 1804 г. [28] императором Александром I. В дальнейшем цензурное законодательство претерпевало изменения в сторону либерализации. Новый виток развития цензуры и, как следствие, такого института полицейского права, как «полиция печати», начался с конца XIX в.

В XIX в. печать являлась главным фактором просвещения и прогресса и, по мнению большинства ученых, свое предназначение могла исполнять, только развиваясь свободно [16, с. 114]. Известный российский полицеист В.В. Ивановский одним из условий народного развития и благосостояния видел свободу слова, заключающуюся в возможности беспрепятственно выражать свои мысли и воззрения путем печати и устной речи [11, с. 181].

Однако, назревший во второй половине XIX в. политический кризис [13, 15] характеризовавшийся крайней общественной нестабильностью, ростом революционных настроений, а также преступлений против существовавшего государственного строя, показал, что печать может стать площадкой для появления, развития и распространения вредных, опасных учений и воззрений [14, с. 126–127]. В данной ситуации возник вопрос, какие отношения выстроит государство с печатным словом.

До 1881 г. основным источником цензурного законодательства относился «Устав о цензуре» 1828 г. [27] (с изменениями от 16 июля 1873 г. [5] и от 5 сентября 1879 г. [7]). «Полиция печати» [25, с. 24–25] являлась одним из институтов полицейского права России и изучала общественные отношения, регулируемые нормами цензурного законодательства. Профессор В.Ф. Дерюжинский определял «полицию печати», как совокупность мер против злоупотребления свободой печати [9, с. 106–108].

4 сентября 1881 г. в России было издано «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия...» с одновременным объявлением в некоторых местностях империи чрезвычайного

правового режима (исключительного положения в форме усиленной охраны) [12]. Данное положение содержало нормы, касавшиеся, в том числе, и печати: при введении режима чрезвычайной охраны губернаторы по своему усмотрению могли приостанавливать выпуск периодических изданий [4]. Однако такой меры не было предусмотрено на случай введения режима *усиленной охраны*, который с 4 сентября 1881 г. [12] действовал в 10 губерниях, 6 уездах, 3 городах и 3 градоначальствах Российской империи. В данной ситуации министр внутренних дел Д.А. Толстой (надзор за цензурой в России относился к ведению МВД) настоял на необходимости незамедлительного ужесточения административного контроля за периодическими изданиями, в связи с чем, 27 августа 1882 г. были утверждены «Временные меры относительно периодической печати» [6]. В соответствии с данным нормативным правовым актом редакции тех периодических изданий, деятельность которых уже была приостановлена на определенный срок, при возобновлении своей деятельности обязаны были заблаговременно предоставлять все планируемые в печать номера в цензурные комитеты для предварительного изучения.

Правительственные издания (губернские и областные ведомости), освобожденные от предварительной цензуры [8], согласно новым «Временным мерам...» обязаны были по первому требованию министра внутренних дел предоставить всю информацию об авторах статей своих изданий.

Анализируя законодательство о цензуре, известный российский государствовед И.Т. Тарасов выделил три способа борьбы с «опасными» печатными изданиями: *запретительный, предупредительный и репрессивный* [26, с. 231].

К *запретительным* мерам отечественные полицейисты относили: право полиции дозволять и запрещать книги, полицейская регламентация типографского промысла и издательства, право полиции на административные взыскания за нарушение цензурного законодательства, которые зачастую имели характер тяжких наказаний [3, с. 89; 9, с. 109; 26, с. 233].

Предупредительные меры заключались, прежде всего, в возможности запрета части какого-то печатного сочинения, исключении «вредного» отрывка из всего произведения. Профессор И.Е. Андреевский полагал, что предупредительная цензура несет в себе положительное начало, предупреждая возможные преступления авторов, внесение в массы вредных начал для общественного порядка и нравственности, что в конечном итоге давало в руки правительства средства для надлежащего воспитания населения и развития умов [1, с. 254–273].

Принудительные меры включали в себя самую принудительную деятельность полиции, связанную с ограничениями и запретами в сфере цензуры, например, предусмотренную «Положением о мерах к охранению...» возможность приостановки издательства периодических изданий (Решение о приостановке или полном прекращении деятельности периодических изданий с последующим запретом их редакторам и издателям заниматься подобной деятельностью принималось министром внутренних дел на совместном обсуждении с министром народного просвещения, министром юстиции, а также Обер-прокурором Святейшего Синода, а обеспечивалось силами полиции).

«Временные меры...», хоть и издавались как временные (до полного пересмотра законодательства о печати), на деле действовали более 20 лет и фактически приобрели значение постоянного законодательного акта, на основании которого, только за период с 1882 по 1889 г., была приостановлена деятельность 14 периодических изданий, в отношении 34 изданий было вынесено решение о запрете к продаже, в отношении 4 объявлений было вынесено решение о запрете их опубликования [2, с. 129]. Многие печатные издания не получили разрешения на опубликование. Так, отказано было в разрешении издания журналов «Отклик» (1882 г.) [19], «Отечество» (1884 г.) [22], «Южная Русь» (1898 г.) [24], газет «Московский вестник» (1882 г.) [20], «Московская газета» (1882 г.) [18], «Основа» (1883 г.) [21], «Голос Москвы» (1884 г.) [23], запрещена розничная продажа газет «Голос» [17, л. 32–34] и «Петербургский листок» [17, л. 32–34]. Прекратили свое существование газеты «Московский телеграф» (1883 г.) [17, л. 35–36], «Русская жизнь» (1895 г.) [17, л. 44–45], журналы «Отечественные записки» (1884 г.) [17, л. 44–45], «Новое слово» (1897 г.) [17, л. 45], «Начало» (1899 г.) [17, л. 46–47].

Целью принятия «Временных мер...» было установление в России единой проправительственной идеологии. Под преследование попадали издания, допускаящие на своих страницах любое инакомыслие, даже в умеренной форме [10, с. 262]. Таким образом, государство полностью контролировало не только содержание периодических изданий, но и их перечень.

Анализируя события современности, российские ученые указанного периода, признавали, что когда печать, в особенности периодическая противодействует планам и мероприятиям государства, это рождает опасную для его существования ситуацию [3, с. 139]. Полицейсты признавали необходимость цензуры печатных произведений «особенно во время народных возмущений, во время войны и вообще при приближающейся опасности государству или его части...» [29, с. 391]. И.Е. Андреевский в своих работах отмечал, что полиция печати выполняет важную функцию предупреждения опасностей, которые могут произойти от печатного и устного слова [1, с. 254–273]. Рассматривая печать как «совокупность различных способов выражения мысли, делающих произведения одновременно доступными большому количеству людей» [9, с. 106–108], В.Ф. Дерюжинский признавал способность влияния прессы на сознание людей, в том числе и отрицательное.

Таким образом, российские полицейсты, признавая важную роль средств массовой информации и подчеркивая значение свободы мысли, слова и печати как необходимым условиям развития общества, в ситуации, когда обозначалась опасность для государственного строя, обосновывали необходимость государственно-надзорного характера регулирования деятельности печатных изданий в России как одного из способов обеспечения общественной безопасности и недопущения обострения социально-политической обстановки.

Список литературы

1. Андреевский И.Е. Полицейское право: в 2 т. Т. 1. Введение и часть 1. Полиция безопасности. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1874. 666 с.
2. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб.: Типо-лит. Ф. Вайсберга, 1903. 264 с.
3. Белявский Н.Н. Полицейское право. Пг., 1915. 409 с.
4. Высочайше утвержденное «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 (далее – ПСЗ РИ-3). Т. I. № 350.
5. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 16 июля 1873 г. «О взыскании с периодических изданий, изъятых от предварительной цензуры, за оглашение вопросов, не подлежащих, в течение известного времени, опубликованию» // ПСЗ РИ-2. Т. XLVIII. № 52395.
6. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 27 августа 1882 г. «О временных мерах относительно периодической печати» // ПСЗ РИ-3. Т. II. № 1072.
7. Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 5 сентября 1879 г. «О применении пункта 55 прил. к статье 4 Устава Цензурного Т. XIV Свода Зак. по прод. 1876 года» // ПСЗ РИ-2. Т. LIV. Ч. 2. № 59985.
8. Высочайшее повеление от 30 сентября 1881 г. «Об освобождении губернских и областных ведомостей от предварительной цензуры и о возложении на Вице-Губернаторов цензурования частных периодических изданий, выходящих в свет в губернских городах, в которых нет цензурных учреждений» // ПСЗ РИ-3. Т. I. № 420.
9. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Пг., 1917. 454 с.
10. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
11. Ивановский В.В. Учебник административного права. (Полицейское право. Право внутреннего управления). Казань, 1911. 516 с.
12. Именной, данный Сенату, высочайший указ «Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлению некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны» от 4 августа 1881 г. // ПСЗ РИ-3. Т. I. № 383.
13. Козинникова Е.Н. Чрезвычайный правовой режим как особая среда полицейской деятельности // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной междунар. науч. конф., посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 137–141.
14. Нижник Н.С. Полицейское государство – социюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 123–130.
15. Нижник Н.С. Тотальный полицейский режим как детерминанта российской революции // Государство и право в эпоху революционных преобразований (к 100-летию революции в России): Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25–26 мая 2017 г. М.: РГУП, 2017. С. 347–355.
16. Потапов Ю.А. Российское законодательство о цензуре XVIII – начало XX века. М., 2018. 168 с.
17. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 776. Оп. 1. Д. 17.
18. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 59.
19. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 119.
20. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 140.
21. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 194.

22. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 273.
23. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 290.
24. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1143.
25. Старилов Ю.Н. История развития административно-правовой науки (вступительная статья) // Российское полицейское (административное) прав: Конец XIX – начало XX века: Хрестоматия / сост. и вступ. ст. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999. 618 с.
26. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897. 718 с.
27. Устав о цензуре от 22 апреля 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. (далее – ПСЗ РИ-2). Т. 3. № 1979.
28. Устав о цензуре от 9 июля 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 28. № 21388.
29. Шеймин П.Н. Полицейское право. Одесса, 1887. 601 с.

М.В. Ломоносова, А.В. Попова

**Голод в России на рубеже XIX–XX вв.:
научное осмысление ужасающей повседневности крестьянства
в трудах Андрея Евдокимова и Питирима Сорокина***

Статья посвящена анализу работ Андрея Евдокимова и Питирима Сорокина, в которых авторы с научной точки зрения осмысливают голод 1921–1922 гг. Отмечается, что Сорокин П.А. в своей работе «Голод как фактор» изучает голод на макроуровне, как фактор изменения политической и социальной реальности, а Евдокимов А.А. в работе «Среднее Поволжье и постигший его неурожай», наоборот, изучает голод на микроуровне, описывая повседневность крестьянства в период 1921–1922 гг. Оба исследователя раскрывали тему голода 1921–1922 гг. с двух, ранее не известных ракурсов. Эти работы долгое время были недоступны читателям из-за идеологических цензурных ограничений.

The article is devoted to the analysis of the works of Andrey Evdokimov and Pitirim Sorokin, where the authors interpret the famine of 1921–1922 from a scientific point of view. In addition, these works were not available to the reader for a long time due to ideological censorship restrictions. It is noted that P. Sorokin in his work studies hunger at the macro level, that is, as a factor of changing political and social reality, and A. Evdokimov, on the contrary, studies hunger at the micro level, describing the everyday life of the peasantry in the period 1921–1922. Both works reveal the theme of the famine of 1921–1922 from two previously unknown points of view.

Ключевые слова: голод 1921–1922 гг., голод в Поволжье, Питирим Сорокин, Андрей Евдокимов.

Key words: famine of 1921–1922, famine in the Volga region, Pitirim Sorokin, Andrey Evdokimov.

Голод 1921–1922 гг. охватил около 40 миллионов человек, проживающих в 35 губерниях Советской России – Поволжье, Южной Украине, Крыму, Казахстане, частично Приуралье и в Западной Сибири. Причиной данного бедствия была целая совокупность факторов: недосев зерновых в 1920-м г. и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01168 А.

сокращение посевных площадей; засуха 1921 г. в зерновых регионах; развивающаяся на фоне Гражданской войны, и введенная, в связи с этим, большевистская политика продразвёрстки. В некоторых из регионов голод начался еще с осени 1920 г. и продлился до лета 1923 г., основной пик голода пришелся за 1921–1922 гг. Именно в это время было опубликовано большое количество исследований, посвященных теме голода. В основном в этих трудах изучались социально-экономические причины голода, например, один из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим профессор С.Н. Прокопович указывал, что именно продовольственная политика большевиков стала катализатором голода 1921–1922 гг. [4]. Точно такие же причины указывали в своих трудах партийные и государственные деятели, а затем и западные исследователи [6; 7]. Характер этих работ был направлен на практическое решение проблемы «здесь и сейчас», однако голод как социально-экономическое и политическое явление в этих работах на осмыслялся. Также вне поля зрения исследователей осталась тема повседневности крестьянства в обозначенный период.

Кроме того, стоит сказать, что тема голода подвергалась цензуре, так как была политизирована, но ограничения не носили тотальный характер, в отличие от темы голодомора 1932–1933 гг., где фактически все сведения были идеологически искажены. Однако не все работы о голоде 1921–1922 гг. дошли до своего читателя, так как подверглись большевистской цензуре. Также существовали работы, недооцененные современниками, но которые были открыты позже.

Ярким доказательством того, что тема голода была подвержена цензурным ограничениям является судьба книги Питирима Александровича Сорокина «Голод, как фактор». Фундаментальный научный труд, написанный русским классиком западной социологии в 1921–1922 гг. и подготовленный к печати, но уничтоженный большевиками, увидел свет лишь после смерти ученого. В Америке она была издана в 1975 г., в России в 2003 г. Питирим Сорокин снабдил своё исследование красноречивым посвящением: «Посвящается Американской Администрации Помощи, Миссии д-ра Ф. Нансена, Христианскому Союзу Молодых Людей, Ученым, Студентам, Рабочим Европы и Америки. Всем, Кто спасает Великий Русский Народ от голодной смерти в эти трагические годы его истории» [5, с. 15]. Эта книга представляет собой фундаментальное научное исследование на тему голода, в котором максимально глубоко изучены механизмы воздействия голода на поведение человека и на общество в целом. Используя сравнительно-исторический метод, Питирим Сорокин показывает, что последствия голода всегда одинаковы и не зависят от исторического периода, национальных и этнических особенностей, уровня культурного развития и других факторов, определяющих портрет индивида или социальной группы. Голод приводит к полной деградации – физической и нравственной. Причем, именно научная экспедиция Питирима Сорокина в

районы Самарской губернии, охваченные голодом 1921 г., послужила поводом для проведения фундаментального исследования причин и последствий голода.

В этой книге Питирим Сорокин переносит читателей в голодающие города Римской Империи, Византии, Древней Персии и Индии, средневековой Европы, в вымирающие российские деревни. Используя огромный эмпирический материал, он показывает, как связаны между собой голод, миграция, войны, революции, эпидемии. Кстати говоря, книгу Питирим Сорокин не снабдил ни одной иллюстрацией, преследуя одну единственную цель – пробудить у читателя разум, а не эмоции, заложив основы для преодоления проблемы голода в будущем. Но книга Питирима Сорокина, так и не была прочитана его современниками, многие из которых испытали на себе ужасы голода. Причина, по которой эта работа была запрещена заключается в том, что Питирим Сорокин убедительно доказал, что голод является самым мощным фактором социальных изменений. Относительный голод приводит к массовым беспорядкам, выступлениям, революциям, являясь следствием борьбы за жизнь. Но это «ущемление голодом имеет свой предел, перейдя который, оно ведет уже к полной апатии. Поэтому, наиболее активных действий от голодающих масс можно ждать тогда, когда голод велик, но не чрезмерен» [5, с. 282]. Население, охваченное голодом, будет готово принять любую идею, любую веру, любой политический режим, примет всё, что поможет спастись от голода.

В 1921 г. увидела свет книга Андрея Андреевича Евдокимова «Среднее Поволжье и постигший его неурожай». Ее тираж был очень большим для того времени и составил 10 000 экземпляров, а завершалась она следующими призывами: «Братья Земледельцы Северного Края! Помогите Голодающим братьям Поволжья» и «Братья Земледельцы Северного Края! Спешите встать под знамя науки и кооперации!». Несмотря на то, что основное предназначение книги заключалось в обращении внимания на проблему голода, охватившего Поволжье сразу после окончания Гражданской войны, она носила не агитационный, а историко-этнографический характер. Сегодня эта книга известна разве что исследователям, занимающимся изучением истории неурожая и голода в России, поскольку сама тема голода находится на обочине гуманитарного знания в силу специфики этой проблемы. Но ещё одна причина того, что исследования А.А. Евдокимова были преданы забвению на протяжении целого века, заключается в самой личности автора и его судьбе. Известный экономист, кооператор, педагог, политик и лидер профсоюзного движения, этнограф, прошедший сложный путь от простого рабочего до ученого – организатора «Архангельского общества краеведения» (1923–1937), Андрей Евдокимов был в 1938 г. арестован, в 1940 г. он был приговорен к ссылке в Красноярский край на 5 лет. В январе 1941 г. он скончался от голода и истощения в селе Большая Мурта Красноярского края. Только спустя долгие годы после официальной реабилитации А.А. Евдокимова в 1956 г., историк и неза-

висимый исследователь из Архангельска – Юрий Всеволодович Дойков, написал и издал о нём книгу «А.А. Евдокимов: Судьба пророка в России» и библиографический указатель его работ.

Исследование А.А. Евдокимова отличается тем, что в нем присутствуют ужасающие картины повседневного быта крестьян, для которых голод – это не экстраординарное явление, катастрофа, а периодически повторяющиеся периоды выживания в условиях неурожайного года. А.А. Евдокимов описывает такое явление, как «лежка» – приспособление к минимальным потребностям, своеобразные опыты с отучением человека от пищи. Для того чтобы меньше есть, крестьяне меньше двигались. Они фактически лежали безвыходно в домах и целыми днями только спали. Так как именно во сне все процессы организма замедляются, люди перестают ощущать чувство голода. Автор описывал это явление таким образом: «В доме воцаряется мрак и тишина, а больше на печке и на полатах кучками и в одиночку лежит вся семья. Думы всех поглощены «лежкой», сокращением дня и ночи... Целый уезд образует сказочное царство, где в течение долгой зимы царит непробудный сон... Сопоставьте блестящие, оживленные центральные улицы тогдашнего Петербурга и далекий, засыпанный снегом Симбирский уезд, приспособляющийся к зимней лежке» [3, с. 8].

А.А. Евдокимов причинами голода видел не политику большевистского правительства, а, наоборот, царского. Голод 1891–1892 гг., по мнению автора, уже показал ряд обнажившихся проблем: отсутствие современных знаний и практики в области сельского хозяйства, недооценка фактора засушливого климата, отказ царского правительства от просвещения крестьянства в сфере агрономии или «природоведения». А.А. Евдокимов сравнивал системы ведения российского сельского хозяйства с европейским и американским агрокомплексами, которые считались в то время передовыми. Именно непрерывное образование и многообразие практик в области сельского хозяйства помогали западным аграрным системам избегать различного рода аномалий, в том числе голода. Российское крестьянство не знало, как пользоваться новейшей техникой, не умело бороться с полевыми, садовыми, огородными «вредителями», а также не имело представления о новых способах обработки земли, что сказывалось на состоянии всего сельского хозяйства. «В то время как западно-европейское и северо-американское крестьянство вошло в связь с образованностью века, приняло в свои хозяйства науку, изучало законы природы и боролось с возможными бедствиями – российское крестьянство лишь в слабой степени, еле-еле двинулось по этому пути» [3, с. 10]. Боязнь и нежелание царского правительства просвещать крестьянство, отсутствие интереса к сельскому хозяйству со стороны научного сообщества, интеллигенции и землевладельцев, неумение извлекать опыт из ошибок прошлого – причины голода 1921–1922 гг. по мнению А.А. Евдокимова.

Автор подчеркивает, что большевистскому правительству досталось от царского правительства плачевное состояние сельского хозяйства, перефрази-

руя слова А.А. Евдокимова, «с запущенными садами и полями, полными сорной травой». В этой ситуации автор предлагал создавать сельскохозяйственные крестьянские товарищества, целью которых должно стать развитие знаний и практик об улучшении посевных площадей, выращивании культур и пород скота, а также разработка и освоение аграрной техники. «Сочетайте науку с кооперацией и дайте двум этим силам простор в ваших планах, помыслах и действиях» [3, с. 17]. Кроме того, А.А. Евдокимов указывает, что на данный момент, в период голода, северное крестьянство также должно активно осваивать аграрные практики для того, чтобы помочь южным зерновым регионам, пострадавшим от данного явления.

Несмотря на то, что работа А.А. Евдокимова носит явный пропагандистский характер, она раскрывает с нового ракурса повседневность крестьянства, в частности их быт в период голода. Кроме того, экономист выделяет причины данного явления и видит их в отсутствии необходимых знаний и практик в области сельского хозяйства, как в среде крестьянства, так и в среде собственников, организаторов сельского хозяйства, научной элиты.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, стоит сказать, что работы социолога П.А. Сорокина и экономиста А.А. Евдокимова, раскрывают проблему голода 1921–1922 гг. на макро- и микроуровнях. П.А. Сорокин рассматривает данное явление, как фактор социально-политических и экономических изменений, а в его условиях голодное население может перестроить текущую реальность. Голод, с точки зрения П.А. Сорокина, является отчасти проверкой всей государственной системы на её устойчивость. А.А. Евдокимов, наоборот, рассматривает этот феномен на микроуровне, то есть его влияние на повседневность крестьянства. Кроме того, именно на этом уровне экономист выясняет причины голода, которые заключаются в отсутствии сельскохозяйственного образования у крестьянства, а также в ошибках предыдущего правительства. В обеих работах делается вывод, что голод – это социально-обусловленное бедствие, которое требует незамедлительного решения, так как его последствия могут быть разрушительными для всего государства.

Список литературы

1. Дойков Ю.В. А.А. Евдокимов: Судьба пророка в России. СПб.: Акрополь, 1999. 190 с.
2. Евдокимов А.А. Библиографический указатель / сост. Дойков Ю.В. Архангельск, 2005. 20 с.
3. Евдокимов А.А. Среднее Поволжье и постигший его неурожай. Издание Вологодской Губернской Кооперативной Комиссии помощи голодающим. Вологда: Тип. Северосоюза, 1921. 18 с.
4. Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1: моногр: Нью-Йорк, 1952. 358 с.
5. Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. 496 с.
6. Landfield J. The Relief of Starving Russians // The American Review of Reviews. 1921. Vol. 64. P. 267.
7. Fisher H.H. The Famine in Soviet Russia, 1919–1923. New York: Macmillan, 1927. 609 p.

Трудовая повседневность провинциального рабочего в 1920–1930-е гг.: методологический аспект

В статье рассматриваются принципы и способы организации и построения научного исследования, посвященного повседневной трудовой жизни советского провинциального рабочего в 1920–1930-е гг. Выбранный междисциплинарный метод позволяет объединять, в рамках одного исследования, инструментарии исторической науки, социологии, антропологии, экономики, психологии, культурологии и политологии. Анализ влияния глобальных исторических процессов на повседневную жизнь человека новой эпохи, в рамках выбранного подхода, позволяет сконструировать траекторию мысли, поведенческие реакции и социальные эмоции, заключенные в диалогах между государством и человеком.

The article deals with the principles and methods of organizing and constructing a scientific research on the daily working life of a provincial worker in the 1920s-1930s. The interdisciplinary method allows you to combine the tools of historical science, sociology, anthropology, economics, psychology, cultural studies and political science in one study. An analysis of the influence of global historical processes on the daily life of a person of a new era allows one to construct the trajectory of thought, behavioral reactions and social emotions contained in the dialogues between the state and the person.

Ключевые слова: междисциплинарность, история повседневности, антропология, СССР, индустриализация, новый советский человек.

Key words: interdisciplinary studies, history of everyday life, anthropology, USSR, industrialization, new Soviet man.

Период 1920–1930-х гг. стал важнейшим периодом отечественной истории, сконструировавшим качественно новый диалог между властью и человеком. Кардинальные изменения произошли во всех сферах жизни общества и государства. Экономические эксперименты, внедрение новых форм труда, сосуществование старого и нового, все эти факторы заложили базис для новой советской экономики и создали условия для «большого рывка» к близкому индустриально развитому коммунистическому будущему. Рубеж 1920–1930-х гг. был назван историками периодом «социалистического наступления».

Анализ трудовой повседневной жизни рабочего помогает осознать переживания, желания и мотивацию как отдельного индивида, так и трудового коллектива в целом, что приобретает особое значение при изучении переломных моментов в истории. Выявление черт общей социально-экономической и морально-психологической обстановки воссоздает аутентичный дискурс, отражающий систему ценностных ориентаций личности, способов коммуникации и механизмов воздействия, корректирующих понятие «норма». В исследуемый период происходит знакомство социалистической и капиталистической систем. Советский человек впервые имел возможность познакомиться с инновационными видами техники и новыми методами производства, европейской и западной деловыми культурами. В этой связи, изучение влияния процесса

трансформации экономики и трудовых отношений на человека в пространстве повседневности представляет безусловный научный интерес и является актуальным в связи с необходимостью многоаспектного анализа новых методов адаптации, поведенческих практик, сиюминутных эмоций, особенностей мировосприятия «нового» советского человека.

Проблематика исследования, на наш взгляд, обусловила обращение к принципам «истории повседневности», черпающей идеи у таких родственных направлений как социальная история, историческая (культурная) антропология, гендерный, микроисторический, социокультурный, политико-правовой, системный подходы.

Исследовательский интерес к проблемам адаптации человека к новой производственной повседневности, в условиях постоянно изменяющейся конкретно-исторической действительности позволил использовать междисциплинарный инструментарий, что позволит воссоздать многогранный и изменяющийся во времени «портрет» человека той эпохи в процессе трудовой деятельности.

Тематика исследования требует проведения работы по «наведению мостов» между микроуровнем и макроуровнем. Использование данных методов оправдывает выявленная формула влияния процесса трансформации государственной экономики на трудовые отношения, а значит и производственную повседневность, которая в свою очередь оказывает непосредственное влияние на формирование идентичности и самосознания [11, с. 110–116; 3]. На микроуровне, а точнее на разных «микроуровнях» (внутри бригады, затем – цеха, отдела, предприятия в целом) взаимоотношения американских и западноевропейских специалистов и рабочих с советскими гражданами играли не меньшую роль в становлении советской промышленности, чем государственное финансирование и снабжение. Пытаясь синтезировать «микро» и «макро» подходы, выводится формула «рассмотрение большого через микроскоп».

На макроуровне работник выступает одновременно и как производитель материальных благ, и как социальный объект – «потребитель». Необходимо обратить внимание на ситуацию в обществе, в немалой степени влияющую на производительность труда и действенность разных форм мотивации. Таким образом, задача приближения к реконструкции более-менее цельной и действительной картины процесса формирования советского человека побуждает изучать данную проблему через события и детали не только производственной, но и бытовой повседневности. Следует сделать вывод о том, что макроуровневый анализ, в нашем случае, приводит нас к принципам социальной истории. Глобальные процессы, происходившие в Советском государстве выступают как макроисторическая рамка, внутри которой, с помощью микроанализа, мы рассматриваем практики, тактики и адаптации советских граждан провинциального города к быстротечным изменениям.

Движение от микроисторических случаев или казусов к макроисторической гипотезе позволяет повысить строгость исторического дискурса, его убедительность и верифицируемость. В данной работе через анализ деталей без

отрыва от макроисторического контекста обобщается полученная информация. Здесь также, как и в социологии, имеет место отказ от любых априорных суждений и постулатов и стоит задача преодоления в исследовательской практике дихотомий индивидуального – коллективного, единичного – массового, уникального – всеобщего.

Руководствуясь определениями понятия «повседневности» Норберта Элиаса [10] и Бернхарда Вальденфельса [2], мы вынуждены признать, что просто не существует её универсального определения. Это – условная конструкция и она возникает, и начинает приобретать очертания в тот момент, когда мы проводим разграничения между сферами общественной жизни. Противопоставление категории повседневности, как всего повторяющегося, обыденного тому, что выходит за рамки правил, как яркое, уникальное, необычное прочно укрепилось в германской историографии. При использовании такой исследовательской оптики история повседневности рассматривается как противопоставление «жизни масс» «жизни отдельных уникальных и необычных личностей» [5, с. 3–8]. Труд, работа, учёба в подобных классификациях оказываются включёнными в понятие «повседневного» (а не противопоставленными ему). «Их изучение и составляет задачу истории повседневности», по мнению одного из её главных современных идеологов А. Людке [7, с. 117–131; 13].

В нашем случае, под «повседневностью» будет пониматься синтез рабочей истории и производственной повседневности. Анализ архивных казусов позволяет дополнить властный дискурс человеческим, чувственно-эмоциональным восприятием, социально-психологической информацией, а также множеством деталей и приметам времени. Использование текстуального анализа позволило отбросить «тропы» и выделить информационную составляющую текста.

Лингвистическая антропология эмоций Карла Хайдера дала возможность получить ответы на следующие вопросы: как культура влияет на эмоции и в какой мере эмоциональное поведение являет собой культурную переменную [12]? Под значением «эмоции» мы будем понимать «скорее смысловое наполнение переживаний в связи с ситуацией, создающее «распоряжения для действия», руководствуясь термином введенным Лизой Фельдман Баррет [1, с. 154]. В условиях «советского эксперимента» нам видится важным проанализировать феномен человеческой двойственности, которая представляется нами как диалектическая и состоящая из чувств, связанных с разделением и независимостью, с одной стороны, и привязанностью и взаимозависимостью, с другой. Данная эмоциональная конструкция существует как независимо от какой-либо конкретной социальной структуры, так она может изменяться под воздействием социальных обстоятельств [8, с. 215–240]. Стоит отметить существенные черты культуры советского человека, которые уже определены советской социокультурной доминантой. Среди них: идеализм и материализм, социальное равенство и справедливость, патернализм, коллективизм, индивидуализм, социальный оптимизм, склонность к планированию долговременной

перспективы, эсхатологическая вера, фатализм. Таким образом, дихотомия чувств, подтверждает феномен человеческой двойственности, а также тот факт, что социальные эмоции формировались двумя векторами: вектором действия власти «сверху» и вектором, формируемым собственной личностью, в соответствии с собственными чувствами, эмоциями, ощущениями.

В данном исследовании реконструкция исторической действительности основывается на использовании методов, заимствованных из антропологии эмоций, а также на использовании лингвокультурного анализа текста. Данный инструментарий был выбран исходя из особенностей источниковой базы исследования. Под особенностью мы подразумеваем феномен эмоционально – гротескного делопроизводства, который и определил методологию, методiku и структуру исследования.

Через призму междисциплинарных методов мы можем восстановить эмоциональный фон событий исследуемой эпохи. Маленький человек нового государства, запечатлённый в тот момент, когда он апеллирует к власти или застигнут властью, неизбежно одинок в коллективе. Ему приходится «пересотворять» себя, находить или создавать в самом себе личность, подходящую для нового советского общества [9, с. 11].

При анализе повседневных тактик и стратегий выживания в рамках нашего исследования, мы используем заимствованные из социологии такие концепты как «порядок интеракции» и «лицом-к-лицу» [4]. Парадигма интеракции или двойная контингенция в рамках данного исследования предстают перед нами в качестве государства, с одной стороны, и «обывателя», с другой. Сам процесс взаимодействия власти с человеком, язык, символы и интерпретации ситуаций этого взаимодействия необходимы для понимания социального поведения индивидуума. Через такую коммуникацию становятся заметны особенности шаблонов ролевого поведения, а значит и отклонение от «нормы». Тем самым процесс «перековки» человека совершенно иной культуры, угодного новому государству заметен наиболее ярко, путем анализа «импульсивного Я» в архивных казусах [6, с. 211–300].

Следует также отметить, что для регионального аспекта рассмотрения вопроса производственной повседневности рабочих важно использовать сравнительно-сопоставительный метод, который позволит выявить специфику взаимодействия государства и человека на уровне региона в сравнении с общероссийским.

Выявленная закономерность влияния процесса трансформации государственной экономики на трудовые отношения, а значит и производственную повседневность, которая в свою очередь оказывает непосредственное влияние на формирование идентичности и самосознания, безусловно, позволяет рассматривать интересующие нас вопросы микроисторического характера без отрыва от макроисторического контекста.

Таким образом, реконструкция механизмов формирования человека нового социального типа, а также практики повседневного поведения работников и работниц, вызванные их взаимодействием с властью, показали, что

изменения экономических, политических социальных, культурных и психологических ориентиров в ходе модернизации страны, были восприняты трудящимися в форме практик адаптации, освоения этого нового пространства через чувственно-практическую сторону социального бытия, тем самым воспроизводя перед нами всю многоплановость и многоаспектность советской трудовой повседневности.

Список литературы

1. Баррет Л.Ф. Как рождаются эмоции: революция в понимании мозга и управлении эмоциями / пер. с англ. Е. Поникарова. М.: Манн, Иванов и Фербер. М., 2018.
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М., 1991.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М., 2000.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М., 1996.
5. Журавлев С.В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.
6. Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сб. переводов. М., 2010.
7. Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года // Казус. 1999. М., 1999.
8. Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. М., 2018.
9. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л.Ю. Пантина. М., 2011.
10. Элиас Н. Понятие повседневного // Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб., 2001.
11. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / Эрик Эрикссон, пер. с англ., общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М., 1996. С. 110–116.
12. Heider Karl G. Landscapes of Emotion: Mapping Three Cultures of Emotion in Indonesia. Cambridge, 1991.
13. Lüdtke A. Alltagsgeschichte: Aneignung und Akteure. Oder – es hat noch kaum begonnen! WerkstattGeschichte 17, Ergebnisse Verlag, Hamburg, 1997.

Г. Абдыкулова, Г.Т. Мусабалина

К вопросу об историографии женской истории в науке Казахстана

Женская история является новым направлением исследований в современной исторической науке Казахстана. Краткий обзор трудов, отражающих женскую историю, показал, что на разных исторических этапах развития республики положение, место и роль женщин в истории казахстанского народа в целом изучались неравномерно. Изучение женской проблематики становится актуальным преимущественно с 1995 г. С этого времени появляется ряд трудов, посвященных исследованию роли женщин в общественно-политической и социально-экономической жизни страны. Популяризируется изучение гендерных проблем, истории женского движения и истории женской повседневности.

Women's history is a new area of research in the modern historical science of Kazakhstan. A brief review of works reflecting women's history showed that at different historical stages of the Republic's development, the position, place and role of women in the history of the Kazakh people as a whole were studied unevenly. The study of women's issues has been relevant mainly since 1995. Since that time, a number of works have been published on the role of women in the socio-political and socio-economic life of the country. The study of gender issues, the history of the women's movement, and the history of women's everyday life is popularized.

Ключевые слова: историография, женская история, гендерные проблемы, женская повседневность.

Key words: historiography, women's history, gender issue, women's everyday life.

Женская история или women's history является новым направлением исследований в современной исторической науке Казахстана. Развитие этого направления исследований в основном зависело от идеологических установок времени. И, как показывает анализ историографии проблемы, на разных исторических этапах развития республики положение, место и роль женщин в истории казахстанского народа изучались крайне неравномерно.

Особо актуальной разработкой женской проблематики становится в начале XX столетия – в период установления Советской власти. В это время политика по освобождению от «патриархального гнета» и раскрепощению казахских женщин актуализировала «женскую» тематику, как в художественной, так и в научно-популярной литературе. Появились первые работы о положении женщин в патриархальном казахском обществе, об изменениях в их жизни после установления Советской власти, а также об участии в общественно-политической жизни республики в дальнейший период [4; 5].

В 50–80-е гг. XX в. женщины также оставались в центре внимания исследователей. В многочисленных трудах описывался героизм женщин в годы Великой Отечественной войны – на фронтах и в тылу, вклад женщин в дело строительства коммунизма, в развитие социалистического общества [8; 10; 12; 18]. Изредка, появлялись труды, лишенные идеологического окраса, в которых представлялся относительно объективный взгляд на «женский» вопрос. К примеру, одной из таковых является монография А.Д. Ажибаевой, в которой автор описывает общественное положение женщин в Казахской советской республике на материалах 20–30-х гг. XX в., акцентируя внимание на существовавших гендерных и социальных проблемах [3]. Данная работа была одной из первых попыток актуализации в конце 1980-х гг. женского вопроса в Казахстане.

Распад СССР и обретение Казахстаном независимости в 1991 г. отразились на ходе развития исторической науки в целом. Кардинально меняется исследовательская проблематика. Важными и актуальными проблемами становятся исследования по истории Казахстана, казахского народа, нацеленные на восполнение «белых пятен». Женская проблематика некоторое время остается вне поля зрения историков, и получает второе дыхание в период с 1995 г. В это время появляется ряд трудов, посвященных роли женщин в об-

щественно-политической и социально-экономической жизни страны. Возможно, это было связано с тем, что немаловажную роль в улучшении экономического положения в стране сыграли женщины, активизировавшие свою деятельность во многих государственных и негосударственных сферах, а, особенно, в экономической жизни казахстанского общества в период кризиса 90-х гг. XX в. В частности, о вовлечении женщин в сферу государственного управления, об их участии в политической и экономической жизни республики и об их положении в обществе провели исследования А.К. Балтабаева [7], Г.А. Дуненкулова [9], Б.Н. Жузтаева [11], Ж.К. Мухангалиева [20]. Весомый вклад в становление истории женского предпринимательства внесли Ж.А. Нурбекова [21], Р.Б. Сарсембаева [23], З.М. Мусина [19], Г. Абдыкулова [1]. Среди этих работ отличаются исследования Президента Ассоциации деловых женщин Казахстана Р.Б. Сарсембаевой, в которых выводы автора сопровождаются результатами социологических опросов, выявляющими существование серьезных гендерных проблем в сфере предпринимательства. К слову, гендерная проблематика в исследованиях особенно популяризировалась после утверждения в 2005 г. Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан. В этот период появилось огромное количество трудов – научных статей, диссертаций, монографий, социологических исследований, предметом изучения в которых стали гендерные проблемы.

С начала 2000-х гг. вопросы о роли женщин в истории начали обсуждаться на уровне научно-практических конференций и круглых столов. Например, в 2013 и 2015 гг. конференции, в которых приняли участие известные казахстанские ученые и посвященные истории женщин, были проведены на базе Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева [15; 16]. Доклады участников научных дискуссий освещали вопросы положения женщин как в традиционном казахском, так и современном казахстанском обществах, были посвящены женским персоналиям.

Во втором десятилетии 2000-х гг. популярными становятся исследования в рамках реализации различных научных проектов. К примеру, в 2014 г. один из подобных проектов был посвящен изучению «образов женщин в традиционной казахской культуре» [14]. Авторами, в ходе исследования были проанализированы образы женщин, существовавшие в казахской мифологии, в произведениях устного народного творчества и созданные в художественных творениях великих казахских поэтов и писателей конца XIX – начала XX в. Наибольший интерес в работе представляет раздел, отражающий изменения в образе современных казахских женщин, на которые, по мнению исследователей, повлияли социально-экономические, политические и культурные преобразования в стране, а также, осуществляемая государственная гендерная политика.

Предметом изучения исследователей часто выступает правовой аспект положения женщин в казахстанском обществе. В частности, огромный вклад в изучение проблем женского равноправия в Казахстане внесла Р.О. Балгозина [6]. По ее мнению, «проблема прав женщин в современном Казахстане тесно

связана с вопросами формирования устойчивой базы демократии. Права женщин необходимо рассматривать в общем контексте прав человека», так как «пренебрежительное отношение к правам и законным интересам женщин отрицательно сказывается на состоянии общества в целом, вызывает недоверие к власти, усиливает социальную напряженность» [6, с. 4].

Многочисленны научные публикации, в которых затрагиваются те или иные вопросы жизни женщин в различные исторические периоды. В частности, оригинальный подход в исследовании роли женщин в истории применяется в работах археолога Ф.Х. Арслановой, которая изучала статус женщины сквозь призму погребальных обрядов представителей кимакской знати [24, с. 68–69]. В работе Г.Т. Мусабалиной дается характеристика положения казахских женщин в XVIII–XIX вв. Автор отмечает, что в традиционном казахском обществе положение женщины резко отличалось у ортодоксально – мусульманских и оседло-земледельческих народов, так как «в условиях кочевого образа жизни не оставалось места для женского затворничества» [16, с. 240].

Определенную нишу в историографии истории женщин формируют работы по изучению женского движения в Казахстане [17], а также по исследованию проблем женской повседневности [2].

Большим вкладом в развитие women's history в исторической науке Казахстана являются историографические исследования С.С. Карпыковой [13], З.Г. Сактагановой и К.К. Абдрахмановой [22], которые относятся к ряду редких обобщающих трудов по изучению историографии истории женщин в Казахстане.

Таким образом, краткий историографический обзор трудов по женской истории показывает, что women's history является формирующимся направлением в исторической науке Казахстана. Как видим, на протяжении XX столетия труды, освещающие жизнь казахстанских женщин в исторической ретроспективе, появлялись, но не часто. В начале XXI в. актуализация гендерной проблематики способствовала появлению большого ряда социофилософских работ, которые дополнили историографию женской истории. А собственно исторические труды все еще немногочисленны. Небольшая часть имеющихся исследований, преимущественно, посвящена определению роли женщин в общественно-политической и социально-экономической жизни государства лишь определенных исторических периодов. Все отмеченное в совокупности свидетельствует о том, что история женщин пока не представляет собой целостную картину, однако обладает большими перспективами для дальнейшего развития.

Список литературы

1. Абдыкулова Г. Развитие женского предпринимательства в современном Казахстане // Южный Урал: история, историография, источники: межвузовский сб. науч. ст. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. № 8. С. 5–21.
2. Абдыкулова Г., Мусабалина Г.Т. Негативные тенденции в повседневной жизни женщин Акмолинской области в конце 1990-х – начале 2000-х гг. // Қазақ тарихы. №7 (174). 2019. С. 71–73.

3. Ажибаева А.Д. Женщина и социальный прогресс. Алма-Ата: Казахстан, 1989. 168 с.
4. Азаттық күнге / Ақмола губерниялық партия комитетінің жанындағы әйелдер бөлімі. Петропавл, 1925. 5 б.
5. Арық қызы Н. Өкіл әйел не істеу керек. Қызылорда: Қаз. мемл. баспасы, 1926. 20 б.
6. Балгозина Р.О. Проблемы женского равноправия в исторической мысли: дис. ... док. ист. наук: 07.00.02. Алматы, 2009. 311 с.
7. Балтабаева А.К. Вовлечение казахских женщин в сферу государственного управления Казахстана (20–30 гг. XX в.): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1995. 20 с.
8. Бейсенова М. Совет өкіметі қазақ әйелдеріне не берді? Алматы: Қазмембас., 1957. 84 б.
9. Дуненкулова Г.А. Женщины в системе социально-экономических и политических процессов независимого Казахстана (1991–2002 гг.): исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Алматы: Алматин. ун-т им. Абая. 2003. 187 с.
10. Жагалтаева Т. Деятельность Компартии Казахстана по вовлечению женщин в колхозное производство (1933–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Алма-Ата: КазГУ им. С.М. Кирова, 1978. 163 с.
11. Жүзтаева Б.Н. Қазақстан әйелдерінің қоғам дамуындағы рөлі: тарихи талдау (1946-1991): 07.00.02: тарих ғыл. канд. ... дис. Астана, 2010. 135 б.
12. Каирбекова К. Участие женщин Казахстана в построении социализма: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Алма-Ата: КазГУ им. С.М. Кирова, 1977. 176 с.
13. Карпыкова С.С. Женщины Казахстана: проблемы историографии (20-е – 80-е годы XX века): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Алматы, 1997. 26 с.
14. Қазақ әйелінің рәміздік бейнелері: ғылыми зерттеу жұмысы / А.Г. Адаева. Астана, 2014. 10 б.
15. Қазақ әйелі: өткені, бүгіні, болашағы: дөңгелек үстел материал. жинағы / ред. Г. Адаева. Астана, 2013. 146 б.
16. Қазақ хандығы тұсындағы ханымдар мен арулар: халық. ғыл.-тәжіриб. конф. матер. / құраст. Д. Қамзабекұлы. Астана: Форма Плюс, 2015. 304 б.
17. Мамраева А.К. Женское движение в Казахстане (исторический аспект) // Вопросы социально-политической истории Казахстана: межвуз. сб. науч. тр. Алматы: АГУ им. Абая, 2000. С. 35–42.
18. Молдабаева М.М. Женщины в промышленном производстве (на примере легкой промышленности г. Алма-Аты, 1966–1975 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Алма-Ата: Инс-т истории археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР, 1989. 198 с.
19. Мусина З.М. Формирование социально-профессиональной группы предпринимателей-женщин в Западно-Казахстанской области Республики Казахстан: автореф. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Самара, 2015. 26 с.
20. Мұханғалиева Ж.К. 1966–1985 жж. Қазақстанның ауыл шаруашылығын дамытудағы әйелдердің рөлі (Батыс Қазақстан аймағы материалдары бойынша): 07.00.02: тарих ғыл. канд. ... дис. Орал: М. Өтемісов ат. Батыс Қазақстан мемл. ун-ті, 2010. 139 б.
21. Нурбекова Ж.А. Социологический анализ женского предпринимательства в Казахстане: автореф. ... канд. социолог. наук: 22.00.04. Алматы, 2000. 31 с.
22. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Советская и современная казахстанская историография проблемы «Женщины Казахстана в годы Великой Отечественной войны» // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». 2018. № 3. С. 87–102.
23. Сарсембаева Р.Б. Гендерные аспекты развития предпринимательства в Казахстане. Социологическое исследование. Алматы: Ассоциация деловых женщин Казахстана, 2004. 108 с.
24. Хасенова Б.М. Статус женщины в кимакском обществе в трудах Ф.Х. Арслановой // Археология Казахстана. 2019. №1. С. 61–72.

Эпидемия толерантности как «вызов» человеку и обществу

Данная статья посвящена рассмотрению проблематики толерантности как «вызова» современному обществу и социуму. В работе рассмотрены основные особенности современной формы толерантности. Проанализировано влияние данного феномена на различные сферы, в том числе сферы морали и ценностей. Выявлены негативные компоненты и симптомы деградации, вызываемые современной формой радикальной толерантности.

This article is devoted to the problem of tolerance as a "challenge" to modern society and society. The paper considers the main specifics and features of the modern form of tolerance. The influence of this phenomenon on various spheres, including the spheres of morality and values, is analyzed. The negative components and symptoms of degradation caused by the modern form of radical tolerance are revealed.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, массовость, радикализм, мораль, ценность.

Key words: tolerance, intolerance, mass character, radicalism, morality, value.

Феномен толерантности пронизывает всю современную культуру и является приматом, на котором строится вся политика взаимодействий современного человека с социумом и его элементами. Как правило, толерантность определяется как «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодостоинной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т. п.)» [3, с. 75–76]. Она предполагает настроенность на понимание и диалог с другими индивидами, а также признание и уважение его права на отличие [3, с. 76]. Толерантность часто рассматривается как признак уверенности в себе и сознание надёжности своих собственных позиций, которые открыты для всех остальных и не боятся критики и конкуренции. Несмотря на то, что истоком толерантности является религиозный вопрос взаимоотношения различных религий, в XIX в. это понятие было перенесено из сферы религиозного в социально-политическую, обретая форму неотъемлемого качества любого гражданина цивилизованного общества. Однако в XXI в. толерантность становится «категорическим императивом», носящим репрессивный и подавляющий индивидуальность характер. То, что должно было стать инструментом плюралистического единства, становится механизмом тотального доминирования и спекулятивного контроля индивидов, чьё мнение отличается от установленного.

Стоит отметить, что в медицине существует термин иммунологическая толерантность, то есть состояние, при котором организм утрачивает способность отвечать специфической иммунной реакцией на тот или иной антиген [5, с. 406], т.е. чужеродные высокомолекулярные вещества органического происхождения, способные индуцировать это самое состояние отсутствия иммунного ответа или состояние повышенной чувствительности к этому антигену [5,

с. 74]. Более того, термин произошёл от латинского «tolerantia» и означал пассивное терпение, добровольное перенесение страданий, ассоциировался с такими понятиями, как «боль», «зло» и т.п., и лишь только в XVI в. к этому добавляются и другие значения: «позволение», «сдержанность» [3, с. 76]. В современном мире толерантность, а точнее соответствие с этим понятием, скорее определяется не «сдержанностью», а пассивностью поведения и отношения индивида и добровольным перенесением любых страданий (лишений, ущемлений и т.д.). Современная форма данного явления – это искусственный феномен, который инициирует такое состояние, при котором индивид не способен отвечать на адресованную ему интолерантность. Подобное справедливо даже в тех случаях, когда толерантность носит аморальный и иррациональный характер, то есть нарушает всевозможные нормы морали и противоречит принципам логики и разума. Подобно иммунологической толерантности, социальная настолько поражает индивида, что тот не способен отстоять свои собственные, иногда даже общечеловеческие, права, которых его лишает это явление. Его собственная мораль и ментальность, подобно слабой иммунной системе, не способны к адекватной реакции. Можно сказать, что данное положение вещей является симптомом не только разложения самооценности человека извне, но и сознательного нарушения моральных принципов, которые также дополнительно осуществляют интенсификацию внутренней деструкции. Дело в том, что бездействие в определённых случаях является нарушением норм нравственности, и это справедливо не только по отношению пассивности к другим, но и по отношению к самому себе.

Достаточно парадоксальными представляются попытки непосредственно и опосредовано определить толерантность как феномен врождённый, в частности в аспекте коллективного бессознательного. Некорректными являются попытки придать толерантности статус архетипа (архетипа сознания, определяющего духовный мир, деятельность и отношение индивида). К.Г. Юнг указывал, что архетипы предстают собой непроизвольные выявления бессознательных процессов у индивида, корни которых уходят в доисторический мир, духовные предпосылки и обычные условия [13, с. 88]. Несомненно, что опосредованная или непосредственная попытка придать социальному искусственному конструкту «толерантность», который хоть и не имеет архаического и фундаментального для индивида происхождения, но по крайней мере таковым «стал» по причине долгой интеграции и доминированию этой идеи в сознании индивидов (т.е. в течение многих поколений), имеет спекулятивный и прагматический характер. Подобные попытки, даже драпированные в гипотетическую форму, носят иррациональный и антинаучный характер. Всё чаще встречается риторика о «человечестве толерантности», о том, что «толерантность в крови» или «впитывается с молоком матери» (особенно подобное характерно для профанного мышления), имплицитно стремясь придать этому явлению некий «прирождённый» характер. Но толерантность, особенно в её современной форме, не присуща, ни сознанию, ни бессознательной сфере, а представляет собой лишь продукт социализации и воспитания.

Желание сделать толерантность в её абсолютной форме неким элементом бессознательного, в том числе врождённым, является неосуществимым в связи с тем, что это невозможно сделать по отношению к разуму и морали. Невозможность последнего исключается не по причине некоего неприятия эмпатического отношения к другому индивиду. Терпимое отношение является обоснованным и необходимым, именно, в рамках социума, консолидации и сотрудничества в пределах объединённой группы. Содержание феномена современной толерантности, которая характеризуется алогичностью, чрезмерностью и отрицанием моральных ценностей – и является причиной, почему существует тенденция транспозиции данного явления в область иррационального (бессознательного). Это последнее является наиболее подходящим для объяснения псевдоизначальности, радикализма и избыточности данного явления, буквально возводя его в некий «новый инстинкт» цивилизованного человека. Однако, это не инстинкты, ущемление которых рассматривается как симптом деградации человека и его деятельности [6, с. 56, 100–102], а наоборот некий аналог ницшеанского «инстинкта посредственности» [6, с. 61], направленный на подавление активности и индивидуальности.

Современная форма толерантности является фактором, направленным против сохранения целостности личности. Можно сказать, что она противопоставлена инстинкту самосохранения. Это справедливо как в аспекте физиологическом (когда толерантность устанавливает такой приоритет, когда одни не имеют права защищать свою физическую целостность от других, так как этот акт может «нарушить ущемлённые права» последних), так и в аспекте моральном. Дело в том, что имплицитно подобная радикальная толерантность пропагандирует девальвацию ценности самого себя и пресекает, отрицает и дискредитирует свободу воли и выбора (эта свобода часто рассматривается как проявление репрессивного отношения). Аномалией считается любая форма рефлексии индивида, а также любая защитная реакция на внешний раздражитель, который стремится умалить значимость личности. Ещё Б. Спиноза отмечал, что «каждая вещь, насколько от нее зависит, стремится сохранить свое существование» [10, с. 130], и что «никто не стремится сохранять свое существование ради другой вещи» [10, с. 235]. И если последнее относительно верно, так как вполне допустимо, что человек будет сохранять свою целостность ради другого, но иррациональным и противоречащим нравственности будет такое положение вещей, где один индивид будет подвергать себя разрушению и обесцениванию. Если у этого акта нет нравственного примата и свободы воли, что современная толерантность стремится исключить, то подобное никоим образом не связано ни с рациональным, ни с моральным, а является результатом насилия и тирании над индивидом.

Стоит указать, что согласно К.Г. Юнгу, ограничение или пресечение выхода бессознательного, в частности архетипического, невозможно без последствий в виде неврозов [13, с. 93]. Однако подобная расплата в отношении игнорирования толерантности имеет лишь социальные санкции. Более того, Ж. Бодрийар отмечал такое явление как модность психоанализа, в результате

которого детерминируется и воспроизводится бессознательное, и психоанализ становится частью наших нравов, обретает общественное могущество [2, с. 175]. Таким образом, попытки интегрирования современной формы толерантности в сферу бессознательного – это спекуляция и мистификация, цель которых утвердить её иррациональные и антиморальные положения. Толерантность – это современный акротип, имеющий модный и спекулятивный примат.

Современная толерантность – это продукт современного массового сознания. Она же, по сути, является инструментом массы для регулирования и контроля мнения, отношения и поведения в социуме, тем самым устанавливая границы дозволенного, исключая индивидуальность и личностность. Современная толерантность это орудие репрессии и подавления инакомыслящих. Она уже не представляет собой некий необходимый диалог между разными элементами. Она крайне радикальна и категорична, не принимает в расчёт объективные факторы и явления, отрицает основы морали, на которых она сама «базируется». Обязательная моральная сущность толерантности лишь позиционируется, но не утверждается.

Х. Ортега-и-Гассет отмечал, что для массы характерны стремление к насилию, прямому воздействию как единственному доводу [8, с. 75–75], отсутствие доказательности своих убеждений, право на произвол и навязывание своей воли [8, с. 73]. Всё это присуще и современной форме толерантности. Она искажает основные положения и ценности морали. Нравственность необходима лишь в качестве спекуляции. А.А. Гусейнов отмечает, что типичная ситуация, когда мораль оказывается востребованной – это ситуация насилия, когда необходимо оправдать действия несущие разрушение, смерть и т.д. [4, с. 693]. Таким образом, нравственность, этические положения, аксиологические аспекты, в частности ценность человека, используются как апологетические догматы деспотии толерантности. Это особенно удобно, когда необходимо оправдать собственное безнравственное поведение и отношение, а также дискредитировать оппонента в борьбе за желаемые блага, даже если собственные способности на порядок ниже. Характер эпидемии «толерантности» подчёркивает её массовый аспект.

Стоит отметить, что ценность объекта толерантности, то есть человека как такового, обесценивается этим же самым феноменом. Дело в том, что она, опираясь на идею человека как наивысшей ценности, выделяет определённую категорию (меньшинство) и придаёт ей доминирующий статус. Однако тем самым толерантность девальвирует то, что является основой её риторики, так как отрицается аксиологическая значимость личности и индивидуальности. А. Рэнд указывала, что самым малым меньшинством на земле является личность, а те, кто отрицает права личности, не могут претендовать на защиту прав меньшинства [9, с. 242–243]. Парадокс современной толерантности – это отрицание ценности и прав личности, ради удовлетворения сомнительного и эфемерного принципа «справедливости» малой группы под эгидой восстанов-

ления общечеловеческих прав. Ещё одной проблемой в данном аспекте является снисхождение тех, кто подвергается репрессивному давлению современной толерантности. Пассивность и снисходительное отношение большинства к меньшинству (уступки и не применение санкций как к равным себе за нарушения норм (моральных, юридических и т.д.)) в корне своём является неосознанной, имплицитной интолерантностью, то есть принижением ценности самого меньшинства. Хотя стоит отметить, что подобная уступчивость, хоть и принижает меньшинство в аспекте аксиологическом, но выделяет его в аспекте приобретения социальных благ. Именно поэтому, современная толерантность – это скорее социальный, чем нравственный феномен: меньшинство использует его для обретения привилегированного статуса, а большинство – для «откупа» от инаковатости, который также является неким снисхождением.

Тотальность толерантности является отличительной чертой современного гуманизма. Она не принимает взгляды, мнения и положения вне себя, особенно, если они связаны с традиционными нормами и идеями. Стоит сказать, что современная радикальная толерантность сформировалась и оформилась именно на критике устоев и традиций того или иного общества. Однако, собственное содержание так и не оформилось, и зачастую оно представляет собой лишь совокупность диаметрально противоположных традиционным положений и идей. Это придаёт ей специфическую аморфность, которая проявляется в инициаторах этой радикальной толерантности. Всё и вся становится массой.

В этой абстракции всё (не важно, связано это с гендерной или расовой проблематикой и т.д.) растворяется в эфемерном содержании понятия толерантности, теряя свою референтность и вектор конкретной направленности. Больше нет ни того, ни другого. Теперь любой конкретный протест, требование или претензия становится пустой формой для заполнения содержания понятия толерантность. Это лишь копия, слепок, орудие воспроизводства. Ф. Ницше отмечал, что «плодовитым бывает только то, что богато контрастами» [6, с. 38], в том числе и в аспекте систем морали и ценностей [7, с. 186]. Однако подобно тому, как Д. Юм считал истоком заблуждения особую плодовитость [12, с. 50], в данном случае многообразие становится истоком обезличивания. Множество истожило плодородие. Толерантность пожирает отдельные идеи с целью пролиферации, дублирования себя, создавая собственное пространство. Но стоит отметить также и прагматический аспект в данном процессе. Дело в том, что исчезновение телеологии и референтности иницирует тенденцию реализации личностных желаний, удовлетворения собственного благосостояния (как материального, так и социального). Борьба за идею как ценность трансформируется в приобретение благ материально-социального характера, что характерно для потребительского и массового сознания.

Иммунологическая толерантность в отличие от иммунодефицитных состояний, сохраняет способность к иммунной реакции на другие агенты, а также способность к иным, не иммунным реакциям на данный агент (чувствительность к токсинам) [11, с. 8]. Для современной радикальной толерантности

характерна некая особая (повышенная) реакция на отдельные явления: острый и радикальный ответ возникает в случае, когда наличествует нарушение (или псевдонарушение) прав меньшинства, однако подобного не наблюдается, когда эта категория сама нарушает права и нормы (моральные, социальные, юридические и т.д.). Аналогично смонвалентной (расщеплённой) толерантности, наблюдается избирательная невосприимчивость каких-то отдельных социальных явлений (поступков, мнений, отношений и т.д., которые могут носить антисоциальный или интолерантный характер), инициированных меньшинством. Одно и то же нарушение прав или ценности трактуется по-разному, в зависимости от его источника (большинство или меньшинство это). Подобно математической сингулярности, в современной толерантности есть аспекты, через которые она преодолевает и выходит за грани различных сфер (морали, разума, права и т.д.), устремляясь в бесконечность. Яркими примерами являются аспект утверждения пассивности большинства и обесценивания прав и ценности личности как таковой.

Например, для современного мира с его радикальной толерантностью характерен реверсивный расизм – это когда «ущемлённая категория» проявляет особую нетерпимость к большинству, однако это рассматривается не как нарушение прав и ценности, а как риторика защиты собственной целостности. Создание групп (например, рабочих, или студенческих) по расовым, гендерным и прочим признакам (доступных только меньшинству), квоты различного характера для меньшинства (имеющие расистский характер и нарушающие нравственные основы собственной борьбы [9, с. 243–245]), право на любое, даже интолерантное высказывание меньшинством без каких-либо последствий – «нормальная» политика современной толерантности. Современная цивилизация и цивилизованность как интегрированные доминирующие основы индивидуальности носят схожий характер с идеей «загробной жизни» в Средневековье (хотя христианству как религии не свойственен подобный эскапизм и пассивность): хочешь быть частью этого мира-идеала, тогда необходимо быть смиренным и послушным, перенося различные удары, избегая значения реальной жизни.

Для современной толерантности свойственна особо яркая, вызывающая, привлекающая, буквально кричащая и перекрикивающая риторика, имеющая нетерпимый и радикальный референт. Последнее не только безосновательно, но и бессодержательно. Голос современной толерантности – диктат, отрицающий любую форму диалога/компромисса и рациональности, а её методы – репрессивные, радикальные и интолерантные. Последнее подкрепляется тавтологическим аспектом данного явления: она агрессивная, антиинтеллектуальная, требует беспрекословного подчинения/дисциплины, имеет алиби невинности и возводит вольность в ранг морального закона, т.е. все те характерные качества, свойственные тавтологии вообще [1, с. 162–163]. Стоит указать, что в современном мире существует отождествление толерантности и терпимости, однако если последнее предполагает диалог и взаимное отношение, то первое – нет.

Подводя итоги, стоит отметить, что современная форма толерантности бросает вызов как обществу, так и отдельному индивиду. Вызов самосохранения и предотвращения аксиологической девальвации. Толерантность является необходимым условием развития, как общества, так и человечества в целом. Феномену толерантности необходимо переосмысление и перекодировка, возможно не связанные с реконструкцией, а базирующиеся на поисках нового содержания. Поэтому, несомненно, что сегодня толерантности необходимы фильтры, по причине её бесконтрольного разрастания, неумолимо приводящего к аномалии, болезни и вырождению. Ими должны стать сферы морали, социума, права, юриспруденции и т.д. с их устоявшимися нормами и традициями. Толерантности необходимо конкретное содержание, категории и нормы. Однако, также стоит учитывать и вводить новые тенденции, возникающие в рамках развития социума и индивида, если они не противоречат целостности социума и индивида.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет. 392 с.
3. Валитова Р.Р. Толерантность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. IV. М.: Мысль, 2010. С. 75–76.
4. Гусейнов А.А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. 840 с.
5. Краткая медицинская энциклопедия: в 2 т. Т. I / под ред. В.И. Покровского. М.: Крон-Пресс, 1994. 608 с.
6. Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: издательство «Э», 2018. 320 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2018 256 с.
9. Рэнд А. Добродетель эгоизма. М.: Альпина Паблишер, 2018. 267 с.
10. Спиноза Б. Этика. М.: АСТ, 2001. 336 с.
11. Фонталии Л.Н. Толерантность Иммунологическая // Малая медицинская энциклопедия: в 6 т. Т. VI. М.: Медицина, 1996. С. 8.
12. Юм Д. Диалоги о Естественной Религии. М.: Профит Стайл, 2007. 192 с.
13. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.: Port-Royal, 1997. 384 с.

В.Ю. Курдюкова

Информационно-психологическое воздействие как актуальный вызов современности

В статье описываются актуальные проблемы деструктивного информационно-психологического воздействия в современном обществе, переживающем процессы глобальной информатизации. Осуществлена систематизация информации об основных проявлениях и средствах информационного воздействия, как явления, тесно вплетенного в социальные процессы повседневности. Произведено уточнение терминологического аппарата по теме исследования, предложены возможные пути дальнейшего исследования проблемы.

The article describes the current problems of destructive information and psychological impact in modern society, experiencing the processes of global informatization. The systematization of information about the main manifestations and means of information influence, as a phenomenon closely intertwined in the social processes of everyday life, is carried out. The author clarifies the terminological apparatus on the topic of the study, and suggests possible ways to further study the problem.

Ключевые слова: информационное воздействие, информационно-психологическое воздействие, гибридные угрозы, инфодемия, информационная эпидемия, информационно-психологическая устойчивость.

Key words: information impact, information and psychological impact, hybrid threats, infodemia, information epidemic, information and psychological stability.

Новейшая биоэнергоинформационная научная картина мира, являющаяся на сегодняшний день результатом наиболее перспективного направления развития научной мысли, сформировала особый подход к описанию объективной действительности в рамках данного направления, в котором она представляется как взаимодействие физического и информационного миров с помощью потоков информации [3].

Особенно актуален этот подход на современном этапе развития в условиях глобализации информационного общества и тотальной цифровизации всех сфер общественной жизни, когда человек является составной частью информационных систем, непрерывно транслируя разнонаправленные информационные потоки.

Включенность и непосредственная вовлеченность каждого члена общества в процессы приема и передачи информации вне зависимости от степени социальной активности, профессионального статуса, авторитета и уровня компетенции, а также сознательного контроля поступающей информации способствует мгновенному характеру её распространения и создаёт глобальное информационное поле, являющееся средой «обитания» современного человека.

Особенностями данного информационного поля являются низкий «порог вхождения» в силу доступности каналов подключения (представленных средствами массовой информации, социальными сетями и мессенджерами) и отсутствие барьеров и фильтров для демаркации степени достоверности принимаемой информации. Перечисленные особенности делают его уязвимым к деструктивным вмешательствам и создают благоприятную среду для различного рода манипуляций в ходе преследования корыстно-утилитарных целей. В таких условиях становится доступным разрушительное психологическое воздействие отдельных субъектов на конкретные группы людей или целые государства в рамках социального и политического противоборства, а также проведение масштабных психологических операций в целях навязывания определенных моделей мышления и поведения.

Вышеописанные особенности нового формата существования общества специфицируют информационно-психологическое воздействие как одну из важнейших актуальных проблем современного цифрового мира и основных «вызовов» текущей эпохи.

Следовательно, психологическое воздействие в информационной среде следует учитывать в контексте рассмотрения любой сферы человеческой деятельности как важнейший фактор, определяющий качественные составляющие социальной жизни и общую продуктивность функционирования отдельных социальных институтов и общества в целом.

Информационный характер в данном случае выступает в качестве определяющего критерия психологического воздействия, по своей сути представляющего собой целенаправленный процесс передачи информации от субъекта к объекту, и конкретизируемого нами как информационно-психологическое воздействие [4].

Обширный диапазон приемов и средств деструктивного информационно-психологического воздействия на общественное сознание с использованием современных технологий, дополненный экономическими, финансовыми, военными и иными психологическими средствами подавления личности и проведения диверсий в отношении общества и государства, фактически представляет собой наивысшую опасность для качества жизни отдельной личности и государственной стабильности в целом, определяемую современными учёными посредством понятия «гибридные угрозы» [5].

Проявление гибридных угроз наглядно раскрывается сквозь призму современной социально-политической обстановки в мире и российской действительности, демонстрирующей нарастание экономического, военно-политического и духовно-идеологического противоборства. Так на примере явлений, характерных для процесса глобальной информатизации, мы можем наблюдать механизм действия и последствия применения информационно-психологического воздействия в качестве орудия гибридных и информационных войн.

Показательным примером является достигшая глобальных масштабов в 2020 г. инфодемия, возникшая на фоне пандемии коронавируса Covid-19, представляющая собой информационную эпидемию, захватившую общество волной недостоверной информации на тему происхождения и характерных особенностей нового коронавируса, степени его опасности, схем лечения и связанной с этим статистики, которая повлекла за собой большое количество негативных явлений в обществе. Стремительно распространяясь с использованием современных высоких технологий (средств электронной коммуникации, платформ социальных сетей, различных электронных ресурсов и средств массовой информации) информационная волна слухов, домыслов и целенаправленной дезинформации, быстро вышла за пределы сферы здравоохранения.

Перенасыщенность информацией общественного сознания, отсутствие критериев демаркации достоверных и ложных сведений сделали массы уязвимыми к умышленным злоупотреблениям доверием со стороны корыстно заинтересованных личностей и значительному повышению уровня киберпреступности. Рост числа мошеннических действий, связанных с продажей поддельных лекарств и лженаучных средств защит от вируса, активные хакерские атаки на электронные базы данных и системы хранения информации в сфере здравоохранения, распространение экстремистских настроений и ксенофобии

посредством Интернет-ресурсов повлияли на работу правоохранительных органов, требуя изменения расстановки приоритетов, перераспределения сил и средств борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. Информацию, связанную с различными трактовками фактов происхождения, способов распространения и последствий коронавирусной инфекции активно взяли на вооружения различные секты, религиозные культы, и деструктивные идеологии, используя возникающие на фоне этого страхи и панические настроения для привлечения новых адептов и достижения собственных целей.

Доступ к обширной аудитории и высокую скорость распространения информации, связанной с пандемией, стали активно использовать многочисленные интернет-блогеры, пропагандисты лженаучных знаний и альтернативных взглядов в целях повышения своей популярности, в том числе заинтересованные в продвижении различных конспирологических теорий заговора, осуществляя целенаправленное негативное воздействие в сфере политики и общественного устройства.

Теории целенаправленного сокращения численности населения земли путём искусственного создания и распространения коронавируса в качестве биологического оружия и последующего вакцинирования, влияния сотовых вышек 5G на активность распространения коронавируса и разрушение здоровья населения установления тотального финансово-цифрового контроля различными политическими силами путём электронного чипирования населения и ограничения свободы перемещения и волеизъявления граждан, создания нового мирового порядка с изменившимися экономическими и политическими условиями поставили под угрозу доверие к официальной власти и усилили протестные настроения.

Гибридная угроза, проявившаяся в виде разрушительных последствий информационного воздействия, вынудила Организацию Объединенных Наций признать существующую опасность и отреагировать на возникновение данного явления официальным предупреждением об активном распространении дезинформации, а также созданием специальной команды «разрушителей мифов», призванной противостоять потоку слухов и дезинформации, подвергающих опасности здоровье общества, тесно взаимодействующей с представителями крупнейших интернет-компаний (Google, Facebook, Twitter, TikTok, Pinterest, Youtube и др.) в выявлении, блокировке и удалении контента, содержащего информацию, не соответствующую действительности (недоверенные медицинские советы, конспирологические теории заговора и т.п.) [1].

В то время как негативными последствиями пандемии стало большое количество человеческих жертв и значительный ущерб для физического здоровья населения в виде осложнений перенесенной инфекции, от информационной эпидемии пострадало и психологическое благополучие людей, выразившееся в увеличении количества психических расстройств и нарастании различных форм саморазрушающего поведения (суициды, аддиктивное поведение), а также психическое здоровье населения. Так в период пандемии число смертей людей с психическими расстройствами в 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года выросло на 447 процентов (статистика Министерства здравоохранения г. Санкт-Петербурга) [2].

В свете вышеизложенного становится очевидной необходимость разработки эффективных путей противодействия разрушительному информационно-психологическому воздействию на социальные процессы повседневности.

В этой связи в качестве наиболее оптимального механизма противодействия информационному влиянию нами выдвигается информационно-психологическая устойчивость личности как способность противостоять целенаправленному и нецеленаправленному негативному информационному воздействию деструктивной среды.

Специфические особенности информационного общества в условиях современной действительности возводят информационно-психологическую устойчивость в ранг фундаментально значимой метакомпетенции современности и ставят первоочередной задачей перед исследователями разработку концепции информационно-психологической устойчивости и исследования механизмов её формирования и развития как основного пути разрешения проблемы деструктивного воздействия информационно-психологического плана, требующей тщательного теоретического и практического изучения в связи с ее недостаточной освещенностью в психологической науке.

Список литературы

1. COVID-19: ответные действия: Киберпреступность и распространение дезинформации во время пандемии COVID-19 / Департамент глобальных коммуникаций. [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/un-tackling-misinformation-and-cybercrime-covid-19> (дата обращения: 21.12.2020).

2. Смертность от психических расстройств выросла на 447% за время пандемии в Санкт-Петербурге. [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.spb.kp.ru/online/news/4037931/> (дата обращения: 24.12.2020).

3. Становление биоэнергоинформационной картины мира // Жульков М.В. Наука в центральной России. 2013. № 4S. С. 182–186.

4. Шаповал В.А., Курдюкова В.Ю. Источники и приемы негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики]: материалы всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 30 октября 2020 г. / под общ. ред. канд. психол. наук, доц. А. С. Душкина, д-ра пед. наук, проф., засл. раб. высш. шк. РФ Н. Ф. Гейжан. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2020. С. 529–536.

5. Шаранов Ю.А., Иваницкий А.Т. Устойчивость правоохранительной системы в условиях гибридных угроз // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. №1 (69). С. 218–224.

Г.В. Бакуменко

Пределы культурной травмы в условиях COVID-19

Рассмотрена практическая целесообразность расширения теории культурной травмы концепцией конструктивной напряженности. Проанализирован риск мифологизации массового сознания как неконтролируемого реактивно-инверсионного социокультурного процесса, ведущего общество в инверсионную ловушку. Противопоставить этому риску можно лишь управление социокультурным процессом символизации успеха как наукоёмкую технологию рациональной социальной евгеники.

The practical expediency of expanding the theory of cultural trauma by the concept of constructive tension is considered. The risk of mythologization of mass consciousness as an uncontrolled reactive-inversion socio-cultural process leading society into an inversion trap is analyzed. This risk can only be countered by managing the socio-cultural process of symbolizing success as a knowledge-intensive technology of rational social eugenics.

Ключевые слова: культурная травма, конструктивная напряженность, самоорганизация общества, инверсия, инверсионная ловушка.

Key words: cultural trauma, constructive tension, self-organization of society, inversion, inversion trap.

В условиях преодоления пандемии COVID-19 человечество переживает культурный и социально-психологический вызов, ответ на который пока носит лишь реактивный характер. Чем грозит обществу неуправляемая реакция без учета закономерностей культурного развития проясняет теория культурной травмы, усиленная концепцией конструктивной напряженности дуальных оппозиций культуры.

Противопоставляя практический смысл, как дологическую прагматику деятельности, символической среде социального дискурса, снабженной «всеми накопленными средствами объективации» [4, с. 8], П. Бурдьё примиряет разночтения Платона и Аристотеля в понимании внешней и внутренней обусловленности практики (греч. πράξις – дело, деятельность, поступок). Он вводит в теорию практики «непосредственное слепое к самому себе понимание, определяющее практическое отношение к миру» [3, с. 41] и ставит его выше логики объективного познания, претендующего на доминирование [3, с. 57]. Практика им понимается как связующий феноменальный и ноуменальный миры механизм, поэтому обуславливает сначала накопление практического опыта, а за тем его познание, включая пути и способы теоретизирования.

Если принять за основу определение культуры В.С. Стёпина [6], то необходимо признать, что в традиционных обществах отбор конструктивных элементов надбиологических программ жизнедеятельности осуществлялся в социальных практиках на протяжении веков. Сакрализация социального опыта, как механизм символизации, обеспечивала межпоколенческую историческую преемственность, веками формируя уникальную целостность традиционной культуры. Ещё Б. Малиновский наблюдал, что традиционная культура, сохраняя и транслируя многовековой опыт, даёт человеку преимущество в преодолении средовой обусловленности деятельности, усиливая способность к выживанию [5]. Культурное разнообразие традиций обуславливается уникальностью системного единства конструктивных элементов культур разных народов. Отсюда его тезис о непредсказуемости негативных последствий вмешательства в традиционные культуры, наиболее существенным из которых может стать разрушение уникального системного единства – потеря традиционным обществом способности выживать.

С позиций теории культурной травмы (Дж. Александер [8]) последствия социально значимых событий кризисного экстремального характера могут

иметь продолжительный характер, влияя на социальную память и реконструкцию культурной системы. Адаптивность общества к культурно-травмирующему воздействию во многом зависит от богатства культурного опыта. П. Штомпка выделяет две стратегии преодоления обществом культурной травмы: активная адаптация и пассивное приспособление. Активную адаптацию он характеризует как конструктивный способ «переживания» травматического воздействия, причисляя к этому типу социальной реакции инновации и бунты. Указывая на непродуктивность стратегии пассивного приспособления, П. Штомпка к ней причисляет такие формы девиантного поведения, как ритуализм и ретриатизм (Р. Мертон), а также предложенные Э. Гидденсом формы переживания культурной травмы: безосновательный социальный оптимизм с верой в светлое будущее, или, напротив, циничный социальный пессимизм [7, с. 15].

В традиционных культурах господствовала сакрализация ценного культурного опыта, которая сопровождалась, в том числе, мифологизацией и героизацией положительного опыта, отрицанием и «затиранием» исторического опыта негативного характера. Интерпретация истории, включая её мифологизацию, с позиций теории культурной травмы, – терапевтическая реакция общества, нацеленная на регенерацию культуры. Сакрализация мифа обусловлена необходимостью сохранения положительного опыта в условиях необъяснимости сложных факторов влияния непреодолимого характера, как внешних (в том числе природных), так и внутренних (социокультурных). С течением времени имплицитно сформировался механизм культурной адаптации к меняющимся условиям – социокультурный процесс символизации успеха [2, с. 9].

Если теория культурной травмы, почерпнув категориальный аппарат из медицины, психологии и психиатрии, объясняет аффективную реакцию культуры на внешние факторы, то теория конструктивной напряженности дуальных оппозиций культуры А.С. Ахиезера рассматривает онтогенетические её механизмы [1]. Конструктивная напряженность между традицией и новацией, между управляющим центром и управляемой периферией социума, по его мнению, носит перманентный характер. Значение имеет способ преодоления конструктивной напряженности: инверсия ценностей и смыслов или их медиация. Поскольку инверсия более простой и распространенный способ мышления, она может носить реакционный взрывной и затяжной характер, перерастая в косу инверсии. Общество способно само себя травмировать, попадая в инверсионную ловушку, ведущую к архаизации социальности, к упрощению форм социальных связей. Прогресс же требует более сложной процедуры переосмысления опыта – медиации традиции и новации, ведущей к усложнению социальных связей. Медиация, как более сложная процедура, в современных условиях требует целенаправленного управления социокультурным процессом символизации успеха, совершенствования системы социального управления и самоуправления на основе передовых наукоёмких технологий.

Типология П. Штомпки активной адаптации и пассивного приспособления к травматическому воздействию с учетом теории конструктивной напряженности требует существенного дополнения. Не всегда активная адаптация (особенно если речь идет о бунте) ведет к продуктивному преодолению травматического воздействия. Попадая в инверсионную ловушку, общество бесконечно изобретает велосипед, по-разному его переименовывая, а навыки езды на нём теряет, – теряет способность культурной регенерации и становится зависимо от инокультурного, внешнего управления, становится сателлитом, провинцией более интенсивно развивающейся медиационной культуры.

Сегодня островки традиционных культур не выдерживают конкуренции с интенсивно развивающимися обществами модерна и постмодерна, приспособляющимся к новым культурным реалиям. Не столько природное внешнее окружение, сколько поликультурная внутренняя атмосфера становится травмирующим фактором. Особенно очевидными внутренние факторы становятся в условиях социальных ограничений, продиктованных борьбой с пандемией COVID-19.

Американский философ и культуролог Дж.Р. Кэмпбелл проанализировал с позиции теории культурной травмы последствия теракта 11 сентября, наблюдая интенсивную мифологизацию травмирующего события со стороны СМИ и правительства [10]. Эта далекая от реального расследования причин и последствий трагедии риторика не только не снизила травмирующее воздействие, но, напротив, его многократно усилила, нанеся непоправимый ущерб американской культуре, снизив степень доверия общества к реальности. Приоритетная ценность свободы, заложенная в основополагающие конституционные принципы США, была поправа и заменена ценностью мнимой общественной безопасности. Навязанный миф о возможности усилить безопасность, ограничив доступ общества к реальной информации и её альтернативным источникам, подменил критерии рационального выбора идеологическими догмами и безосновательными стигмами.

Британский агнотолог М.М. Ли анализирует факты введения в заблуждение общественности относительно ситуации вокруг пандемии COVID-19 правящего блока тори в консорциуме со своими спонсорами с целью примитивной наживы в ущерб здоровью подданных британской короны и экономики страны [13]. Подобного рода политические практики подрывают доверие не только к правительству, но и к источникам официальной информации. При этом политическая элита выставляет виновными в кризисной ситуации ученых, мнение которых ею же игнорируется при принятии ключевых решений.

Рискам негативных культурных последствий пандемии COVID-19 и наблюдению уже происходящих изменений сегодня посвящается много публикаций: обостряются проблемы межкультурной стигматизации [15], человеческих ресурсов [9; 12], социальной коммуникации и медиатизации социальных отношений [11; 14]. Большинство проблем требуют срочного управленческого вмешательства, выработки оптимального пути их преодоления, рационального использования имеющегося опыта и совершенствования практики принятия ключевых решений.

Вполне объяснима описанная Дж. Кэмпбеллом реакционная инверсия ценности свободы и безопасности. Это самая простая реакция консолидации общества в ущерб ценности жизни конкретного индивида. Но она основывается не на рациональном выборе, а на мифологеме массового сознания. Затяжная тенденция развития культуры в этом направлении ведет в тупик инверсионной ловушки, в которой общество может бесконечно себя травмировать вплоть до потери культурной целостности, общей идентичности.

Человечество в XX в. шагнуло на путь целенаправленного проектирования культуры. Первые опыты социокультурной евгеники сопровождаются множественными культурными травмами. Но для многовекового исторического процесса созидания устойчивого комплекса программ жизнедеятельности (традиционных культур) времени нет. Интенсивность техногенного развития цивилизации значительно опережает скорость адаптивных механизмов традиционных культур. Сегодня человечество преимущественно живет в быстро обновляющейся инновационной культуре, в которой востребуется, прежде всего, управляющая функция символизации успеха, которая способна обеспечить целенаправленную управляемую медиацию традиции и новации. Однако при этом, новейшие механизмы управления путём осознанного и целенаправленного культурного травмирования общества следует признать неприемлемыми, поскольку последствия подобного управления, – подрыв доверия общества к реальности, мифологизация общественного сознания, – ведут к потере доверия общества к самому себе и обесцениванию человеческой жизни.

Подводя итог, следует отметить, что ускорение течения социального времени в инновационной культуре усиливает риски скатывания в инверсионную ловушку, в которой общество не преодолевает культурную травму, а продолжает усиливать её последствия. Откат социальности до архаичных форм самоорганизации в условиях инверсионной ловушки объясняется нарушением функционирования культуры как системы надбиологических программ жизнедеятельности. Дно падения определяется стабилизацией течения социального времени, т. е. такой конфигурацией культуры, заложенной в социальной памяти, при которой скорость течения социального времени не будет превышать способность общества преодолевать травмирующее воздействие. Этот аспект символизации успеха, конечно же, требует дополнительных исследований. Но уже сейчас можно утверждать, что социокультурный процесс символизации успеха в кризисных ситуациях не прекращается, а усиливается, интенсивно реанимируя багаж социальной памяти и предлагая инновационные модели достижения индивидуального и социального успеха. Но и этот ресурс стабилизации ограничен пределом множественных значений, максимумом информации. Ведь при всем богатстве выбора выйти можно лишь в одну дверь.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России. Новосибирск, 1997. 804 с.
2. Бакуменко Г. В. Символизация успеха в современном кинематографе: автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2019. 24 с.

3. Бурдые П. Практический смысл / ред. Н.А. Шматко. СПб., 2001. 562 с.
4. Квасова И.И. Социальные практики и человеческий опыт: дискурс П. Бурдые // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2009. № 2. С. 5–12.
5. Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. И.В. Утехин. М., 2005. 184 с.
6. Степин В.С., Смирнова Н.М., Синеокая Ю.В. Существуют ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 150–165.
7. Штомпка П. Социальное изменение как травма: статья первая // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
8. Alexander J. C. Trauma: A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012. 232 p.
9. Arora P., Suri D. Redefining, relooking, redesigning, and reincorporating HRD in the post Covid 19 context and thereafter // Human Resource Development International. 2020. Vol. 23. Is. 4. P. 438–451. DOI: 10.1080/13678868.2020.1780077
10. Campbell J. R. Mythicist Foundations of State Terror: Complicity and Truth-telling in the Shadow of Betrayal // International Journal of Applied Philosophy. 2019. Vol. 33. No. 1. P. 11–33. DOI: 10.5840/ijap201988120
11. Claeys A.-S., Coombs W T. Organizational Crisis Communication: Suboptimal Crisis Response Selection Decisions and Behavioral Economics // Communication Theory. 2020. Vol. 30. Is. 3. P. 290–309. DOI: 10.1093/ct/qtz002
12. Hite L.M., McDonald K.S. Careers after COVID-19: challenges and changes // Human Resource Development International. 2020. Vol. 23. Is. 4. P. 1–11. DOI: 10.1080/13678868.2020.1779576
13. Lee M.M. Covid-19: agnotology, inequality, and leadership // Human Resource Development International. 2020. Vol. 23. Is. 4. P. 333–346. DOI: 10.1080/13678868.2020.1779544
14. Reunanen E., Kunelius R. The Transformation of Communicative Power Into Political Power // Communication Theory. 2020. Vol. 30. Is. 1. P. 1–20. DOI: 10.1093/ct/qtz011
15. Roberto K.J., Johnson A. F. Rauhaus B. M. Stigmatization and prejudice during the COVID-19 pandemic // Administrative Theory & Praxis. 2020. Vol. 42. Is. 3. P. 364–378. DOI: 10.1080/10841806.2020.1782128

Л.П. Дидуренко

COVID-19: вызов и философия ответа

В статье рассматривается феномен COVID-19. Методологической основой решения проблемы пандемии автор считает ноосферный подход. Существенную роль в нормализации ситуации должна выполнить концепция коэволюционного развития природы и общества. Конкретизацию общих теоретических установок способна выполнить философия и практика природного оздоровления П.К. Иванова.

The article deals with the phenomenon of COVID-19. The author considers the noosphere approach to be the methodological basis for solving the pandemic problem. The concept of co-evolutionary development of nature and society should play a significant role in normalizing the situation. The clarification of the General theoretical assumptions are able to perform the philosophy and practice of natural improvement of P. K. Ivanov.

Ключевые слова: биосфера; ноосфера; коэволюция; пандемия; человек; здоровье.

Key words: biosphere; noosphere; coevolution; pandemic; human; health.

Финал фантазмагорического романа Герберта Уэллса «Война миров» неожиданный: люди, безнадежно проигрывающие марсианам свой мир и свои жизни, оказываются спасёнными земными микроорганизмами, погубившими пришельцев.

В уэллсовском романе ответ инопланетному вызову даёт один из отрядов биосферы Земли – её микроорганизмы. На этом фоне современная короновирусная пандемия выглядит как внутрибиосферный конфликт. Но известное свойство конфликта состоит в том, что он, как правило, открывает проблему, заставляет думать над ней и решать её.

Является ли решением возникшей короновирусной проблемы война человеческой цивилизации до победного конца? Едва ли. Микроорганизмы были, есть и будут. Они вокруг нас, они в нас, они – часть нашей собственной природы. В этом контексте война с ними – это война с собой.

Обнадёживает то, что сами вирусы, как показывает история, свои «войны» с нами не ведут до полной победы. Они скорее преследуют свои цели: расширение ниши обитания, адаптация к меняющемуся миру, в том числе к меняющейся человеческой цивилизации, достижениям её науки, техники, культуры и т.п.

Нам придётся, хотим мы этого или не хотим, искать более глубокое и продуманное решение возникшей проблемы. Такое решение предполагает понимание того: кто же он такой этот COVID-19? В общественных дискуссиях сопоставляют COVID-19 с иными коронавирусами, спорят о его происхождении (естественном или искусственном), анализируют его строение, перспективы существования.

В меньшей степени затрагиваются концептуальные философские вопросы, размышления над которыми позволили бы получить панорамное видение проблемы, опознать в COVID-19 некоего вестника природы, призванного оповестить нас о чём-то, скорректировать наше поведение и сложившуюся в нашем сознании картину мира. Что же мы? Мы, по уже сложившейся традиции, обращаемся к науке, прежде всего к комплексу биологических наук. И это естественно. Но это нередко приводит к узкопрофессиональному, фрагментарному рассмотрению процессов, протекающих в сложном системно организованном конфигураторе биосферы.

Биосфера же целостна. Следовательно, требуется целостное и комплексное осознание биосферы и её эволюции.

Вне такого осознания и соответствующей ему практики можно, успешно решая одну или даже несколько биосферных проблем, получать взамен проблемы новые и более серьёзные.

Так, упорная борьба с гриппом и его вытеснение из человеческого организма имели неожиданное следствие: в освободившееся пространство клеток пришёл более динамичный и разнообразный по своим модификациям COVID-19.

Да, уже созданы действенные антиковидные вакцины, и это только первые ответы на пандемический вызов.

Человечество устоит и продолжит свой путь в грядущие времена. Но как избежать издержек на этом пути?

Размышляя о взаимоотношениях общества с природой, о постижении природы наукой, академик В.И. Вернадский писал: «Научная мысль человечества работает только в биосфере и в ходе своего проявления в конце концов превращает её в Ноосферу, геологически охватывает её разумом» [1, с. 121].

В контексте социоестественной ноосферной концепции В.И. Вернадского ноосфера предстает перед нами как система смыслов биосферы, схваченных и объединённых человеческим разумом, усилиями многих научных направлений. За каждым биосферным элементом, явлением, отношением стоит смысл. Сама же биосфера – собор смыслов. Обладает своей смысловой наполненностью и COVID-19. Читая эту главу книги природы важно понять, что ноосферная эволюция – не улица с односторонним движением, где задаёт цель и получает результат общество. У общества есть партнёр. И этот партнёр – природа.

Человек – мыслящая часть биосферы. Поэтому он обязан мыслить биосферно, планетарно. Довольно деклараций о ноосферной роли человечества. Пора поступать ноосферно, то есть природосообразно, согласовывать своё развитие с развитием природы, т.е. развиваться коэволюционно с ней. Сложившаяся во второй половине двадцатого века коэволюционная концепция наметила сотруднический характер взаимоотношений общества и природы. Однако такие взаимоотношения, по мнению академика Н.М. Моисеева, «потребуют от человечества известной регламентации в своих действиях, определённых ограничений» [5, с. 24–25].

К таким ограничениям доковидное человечество было не готово. Хотя необходимость регламентов и ограничений была очевидна: хозяйственная ёмкость биосферы, выражаемая через уровень потребления её продукции, составляет всего 1% от общего объёма биосферы. Этот уровень человечество переступило уже в начале XX в. [6, с. 65].

Сохранение этой тенденции означает деградацию биосферы. Живое вещество природы сокращается вследствие потребительского отношения к нему. Как следствие меняются и внутрибиосферные отношения. В частности, вирусы вынуждены искать новые ниши своего существования, в том числе осваивая и пространство человеческой популяции. Констатируя эволюцию биосферы, человеку пора и как виду и как индивиду перестать уповать только на развитие техносферы, биотехнологий, генную инженерию, цифровизацию и т.п. Пора, насколько это возможно, активизировать использование ресурсов собственного эволюционного, творческого развития.

Важно включить в этот процесс весь потенциал человеческой телесно-душевно-духовной тотальности. Раскрывая свой творческий потенциал, коэволюционно взаимодействуя с биосферой, мы способны избавиться от груза глобальных экологических проблем и таким образом освободиться от глобального конфликта с природой, войти с нею хотя бы в состояние относительной гармонии, соответственно приводя в гармонию своё тело, душу, дух.

Гармония биосферы и гармоничные отношения человека с биосферой являются важнейшими основаниями благополучия общества, человека, человеческого здоровья.

В контексте природных оснований человеческой жизни, здоровье – это не просто отсутствие болезней и физических дефектов, но это и такое состояние человека, когда его телесная структура, душа, сознание открыты живым энергиям природных сил, потоку адекватной природной информации, способны пропускать их через себя, воспринимать их значения, «читать» их и в соответствии с этим поступать этически, экологически правильно и валеологически правильно.

Здоровье может предстать и как индикатор степени включенности человека в смысловую картину мира, правильности его поведения в биосфере и в обществе.

Искажённое упрощённое представление о природе, дисгармоничная деятельность в ней и самого человека приводят в состояние дисгармонии, частным проявлением которой выступает болезнь.

И болезни, и здоровье – способы, с помощью которых природа так или иначе корректирует человека, предупреждает его, заставляет гармонизировать себя и свои отношения с окружающим миром. Нам не нужно побеждать природу, нам нужно войти с ней в такую степень гармонии, которая позволит нам стать в природе непобедимыми.

Пандемия не могла не усилить активность различных общественных сил, ей противостоящих (политических, научных, медицинских, добровольческих и др.). Важным ресурсом этих усилий ответа пандемии являются те люди, которые пытаются встать или уже встали на путь самостоятельного здоровьесотворчества в союзе с силами природы.

В XX в. в нашем отечестве возникла одна из таких здоровьесотворческих практик, охватившая миллионы сограждан. Начало ей положил народный исследователь – практик и философ природы Порфирий Корнеевич Иванов. Этот человек поставил на себе 50-летний эксперимент пребывания в суровых условиях природы без средств самозащиты и самосохранения. Он научился длительное время обходиться без пищи, воды, жилища, в любую стужу ходил босой в одних только шортах. В ходе своего эксперимента П.К. Иванов добился впечатляющих результатов преобразования своего организма, повышения возможностей его адаптационных свойств, иммунитета, развития биоэнергетического потенциала. Ленинградский учёный, доктор технических наук Г. Сергеев при помощи им же изобретённого прибора – биоплазмометра установил, что «биоэнергетика П.К. Иванова в 500 раз превышала средний уровень, наблюдаемый у обычных людей» [4, с. 67]. Человек избавился от болезней, более того его оздоровительная практика и философия привели к освобождению от болезней его многочисленных последователей.

Только физическая закалка, пожалуй, не дала бы таких результатов, но у неё было мощное волевое, эмоциональное и интеллектуальное сопровождение. П.К. Иванов сумел сраствориться с природой, открыть ей своё тело, сознание, сердце, войти в информационное поле природы, что позволило ему

«читать» природу как открытую книгу, стать философом природы. Им владела идея согласного с природой существования человека, идея независимости от излишеств цивилизации, добытых за счёт уничтожения природы.

Говорить о П.К. Иванове трудно: многое из того, чего он добился кажется невероятным, недостижимым для человека. Но это было. Этому есть множество свидетелей и свидетельств. Сам же он считал, что его практика в природе доступна другим людям поскольку качества, воспитанные им в себе, в потенциале есть у каждого человека, следует только раскрыть их.

На определённом этапе своей автоэволюции П.К. Иванов обрел дар целительства и начал помогать людям в избавлении от различных заболеваний с помощью сил природы. Соответственно распространялась народная молва о необычном человеке. В 1982 г. в журнале «Огонёк» появилась статья С. Власова о П.К. Иванове «Эксперимент длиною в полвека». Шквал писем после статьи побудил Иванова к созданию «Детки» – системы эмпирически выверенных 12 советов здоровой жизни и гармонических отношений с природой. Сегодня принципам «Детки» следуют миллионы людей.

Своё собственное слияние с природой П.К. Иванов выразил кратко и ёмко: «Я как есть Природа сама» [3, т. 2, с. 324]. В таком состоянии П. К. Иванову стали вняты сложное противоречивое развитие самой природы и тот груз проблем, который накопился в отношениях человека и природы.

В своём дневнике он писал: «Я...изучал всё то, что в человеке и Природе ослабляет и разрушает, и всё то, что укрепляет и развивает». Согласно П.К. Иванову, нас губит одностороннее нарушение естественных балансов противоположных сил. «Мы стараемся взять у Природы и использовать только хорошие стороны и избегаем всего плохого, но в этом имеется и обратная сторона медали: хорошее воздействие ослабляет организм, а плохое укрепляет его, заставляет более интенсивно работать и увеличивает защитные свойства» [2, с. 203].

Вывод очевиден: необходимо избегать нарушения естественных балансов противоположных сил природы, воздействующих на человека. «Естественный образ жизни – по П.К. Иванову – это принятие в природе не только хорошей, но и плохой стороны. Только тогда организм будет воспринимать любые качества, имеющиеся в Природе, и при этом оставаться в равновесии внутренних сил, то есть быть здоровым в отличие от людей, живущих в тепличных условиях неестественным образом жизни» [7, с. 221].

Согласно П.К. Иванову для человека должны быть естественны совесть, разум, любовь к природе и людям, сотрудничество с силами природы, разумная минимизация материальных потребностей, закалка, движение, творчество. Люди, обладающие такими качествами, и создадут своей практикой условия, когда «человек Природе не будет вреден, а Природа человеку. Между ними исчезнет борьба за существование: кто кого? А будет в любви дружба, сохранение друг друга» [3, т. 1, с. 298]. По сути П.К. Иванов говорит о таком состоянии человека, которое можно назвать ноосферным.

Становление человека ноосферного П.К. Иванов реализовал в самом себе. Мощный, ощущающий себя частью природы, любящий природу и сохраняемый ею, умеющий побеждать болезни в себе и других людях, он заложил перспективную традицию разумных отношений человека и природы, позволяющих жить в здоровом состоянии и в гармонии с миром.

Это словно бы о нём В.И. Вернадский в своей книге «Научная мысль как планетное явление» писал о том, что в эпоху становления ноосферы возможно «сталкиваться с такими проявлениями живых веществ в биосфере, в которых отдельная личность человеческой совокупности может оказывать огромное влияние на процессы, идущие в биосфере...» [1, с. 166].

Для России феномен природной практики и философии П.К. Иванова выступает не только как здоровьесберегающий и здоровьесохраняющий императив. По своему значению он шире.

В своё время император Александр III, имея в виду международное положение России, сказал: «Во всём мире у нас только два верных союзника: наша армия и наш флот».

Есть и ещё один союзник, но с ним, правда, надо уметь дружить. Этот союзник – природа России. Сколько вызовов уже бросали России, но она выстояла. И на помощь ей часто приходила русская природа. В мощи русской природы, в достижениях подвижников России и сегодня мы черпаем энергию ответа на вызовы, которые история бросала и бросает нашему Отечеству, в том числе и пандемическому вызову.

Список литературы

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
2. Дидуренко Л.П. Философия природы Порфирия Иванова // Биоэкологическое краеведение: мировые, российские и региональные проблемы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГСПУ, 2018. С. 202–205.
3. История Паршека: в 2 т. Самара: «Кредо», 1994. 324 с.
4. Малахов Г.П. Целительные силы. Т. 2. СПб.: АО «Комплект», 1993.
5. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: «Молодая гвардия», 1990. 352 с.
6. Писарев В.Д. Стратегия устойчивого выживания человечества: экологический императив и международное сотрудничество // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 10. С. 64–73.
7. Учитель Иванов. Надо изменить поток сознания людей. М.: «Российское право», 1992. 287 с.

А.М. Харитонов

О некоторых причинах возникновения современных эпидемиологических вызовов

Пандемия нового коронавируса продолжается уже более года. Пожалуй, любую другую подобную заразу уже бы обуздали, случись она несколько десятилетий назад. Что же пошло не так? Попробуем дать ответы на этот непростой вопрос, исходя из опыта борьбы с иными инфекциями прежде.

Covid-19 pandemic has been going on for more than a year. Perhaps any other infection would have been curbed by now if it had happened a few decades ago. What went wrong? Let's try to give answers to this difficult question, based on the experience of fighting other infections before.

Ключевые слова: COVID – 19, медицинское образование, пенициллин, антибиотики, карантин

Key words: COVID – 19, medical education, penicillin, antibiotics, quarantine.

Сегодняшний COVID-19 задал современным медикам много загадок, разгадать которые они до сих пор оказались не в состоянии. Но ведь человечество довольно успешно справлялось с инфекционными заболеваниями и большего масштаба с практически 100% смертностью как от СПИДа. Что пошло не так и почему возникла такая паника при сравнительно с другими болезнями не столь уж и опасного, казалось бы, заболевания?

Сводки по распространению коронавируса в мире напоминают фронтовые. Каждый день им заражаются уже сотни тысяч человек. На начало июня 2020 г. число зараженных в мире превысило 6,8 млн., а число погибших от него порядка 400 тыс. чел.

Однако, это еще далеко не повод для паники. Ведь по другим, альтернативным подсчетам, по уровню смертности болезнь находится примерно на ... 15 месте в мире. От малярии, туберкулеза и ВИЧ-инфекции, не считая менее распространенные заразы, в мире погибает значительно большее число населения, хотя новые цифры по смертности от коронавируса уже подогнали под таковую от других смертельно опасных болезней. Впрочем, и от обыкновенного гриппа ежегодно гибнет порядка 300 тыс. чел.

Конечно, даже специалисту весьма трудно ориентироваться в заболевании, природа которого остается загадкой для медиков, а приводимые о нем в печати сведения (особенно в СМИ) рискуют оказаться самым обыкновенным фейком. Недаром «медийный способ заражения коронавирусом» объявили самым опасным сотрудники этих самых СМИ.

Действительно, уровень смертности от коронавируса в среднем составляет 2–5% от числа заболевших, хотя, похоже, постепенно увеличивается в связи с последующими волнами. Однако многие более опасные заболевания при наличии достаточно эффективных лекарств для их излечения при этом имеют смертность в 10–20% и такой паники не вызывают.

Естественно, когда число заболевших какой-нибудь дальневосточной геморрагической лихорадкой не так велико, как коронавирусом, то это и вовсе не повод ее опасаться. Однако и для заболевания, которое (все еще предположительно!) распространяется воздушно-капельным путем, число заболевших за год примерно в 1% от мирового населения (порядка 70 млн. человек на начало декабря) все еще не выглядит таким уж большим. А если к этому добавить фактическое отсутствие эффективного лечения, то число умерших и во-все, как это не кощунственно, не выглядит чрезмерным.

Прежде всего следует учесть, что даже смертоносный ВИЧ сначала не вызывал особых опасений, хотя и был намного опаснее коронавируса. Причина банальна – какое нам дело, что туберкулез и малярия косит жителей Африки и Индии, ведь лично нас это не касается. В Европе и Северной Америке нет подобной проблемы, а единичные случаи туберкулеза даже не считаются особо опасными. Тот же ВИЧ считался болезнью наркоманов и геев и всерьез по поводу этого заболевания забеспокоились, когда от нее умерли несколько представителей западных управленческих элит.

Впрочем, опасаясь, что многие описываемые сегодня в прессе осложнения от COVID-19 на самом деле вызваны именно неверным лечением, а не самим вирусом. Просто медики не хотят этого видеть. Ведь гораздо проще списать собственные ошибки на новый вирус и его мутации, чем искать истинные причины сложившейся ситуации.

Впрочем, а вирус ли это вообще? Подобный вопрос у автора статьи возникает, увы, не случайно [4]. Ведь кто только не привлекается к борьбе с новым заболеванием. Среди них пульманологи, вирусологи (в подавляющем большинстве и вовсе не медики, а биологи), урологи, вакцину получают ... ветеринары, а где же инфекционисты? Не этим ли обстоятельством вызвано невиданное прежде число жертв новой заразы среди врачей-практиков? Да и новые вакцины оказываются далеко не так безопасны, как их расписывают.

Но неужели есть и другие похожие по своим проявлениям на коронавирусы заболевания и не вирусной природы? Автору известно, по крайней мере, одно. Это дальневосточная скарлатиноподобная лихорадка (известна также как псевдотуберкулез и иерсиниоз).

У этого заболевания кишечной природы весьма необычные с точки зрения обычного врача и разносторонние проявления. Известно высыпание сыпи, которое сегодня даже пытаются выдать за одно из основных проявлений COVID-19. Болезнь встречается в тяжелой форме с высокой температурой и часто путается с менингитом (весьма распространенная зараза в мире по данным Всемирной организации здравоохранения). Бывает даже в форме аппендицита, не говоря о банальных проявлениях в форме кишечной инфекции неизвестной природы. У детей также проявляется иначе, чем у взрослых [2; 3 и др.].

Самое интересное – на эту бактериальную заразу не действует самый распространенный антибиотик пенициллин! Так что если пытаться лечить ее как обычную банальную инфекцию, то поневоле напрашивается сравнение с супербактерией, которой нипочем антибиотики. Вот только другие антибиотики на псевдотуберкулезный микроб действуют! Эффективны левомецетин, гентамицин и ряд других антибиотиков широкого спектра действия.

Любопытно, что некоторые препараты, которые потом не подтвердили свою эффективность в борьбе с новой заразой, в иных случаях применялись для лечения иных заболеваний вкупе с антибиотиками. Уж не применением ли именно последних и была вызвана их противовирусная активность в борьбе с

COVID-19? Вот только проверить это некому – ведь антибиотики по всеобщему мнению медицинских бюрократов от вирусов не помогают, а значит наш основной курс – долой антибиотики из медицины вообще.

Возникает вопрос, а не напутали ли бюрократы от медицины, составляя инструкции для медиков, еще чего-нибудь подобного? Ведь зачастую люди ориентируются на то, что им преподавали и написали в учебниках, устаревшие сведения из которых переписывают их новые издания. Ведь вот ведь написано, что на некую опухоль излучение не действует. А то что за прошедшее время появились новые виды того же излучения, которые на данную опухоль воздействуют, уже мало кого волнует. Ведь в инструкции сказано, что не действует. Значит, не действует. А где вдруг подействовало, то и вовсе можно не отмечать в своих отчетах.

В этом медицина зачастую похожа на историю, где мнение классиков от истории всегда ставилось выше научных фактов, особенно если они пришли из других научных дисциплин.

На наш взгляд одной из причин сложившегося положения – снижения общего уровня подготовки специалистов, в т.ч. медицинских работников. Снижение требований к ученикам в школе и вузах, замена знаний умением найти их в интернете и ЕГЭ, передача действий врача по осмотру больного бездушным механизмам, наконец, не самая удачная работа в научном коллективе из разного спектра специалистов, которые зачастую очень далеки друг от друга по уровню знаний и умений.

Сигналы о том, что выпускники школ не знают даже таблицы умножения поступали уже лет 30 назад со времен всеобщего среднего. Но никого это не волновало, от волнующихся по этому поводу избавлялись, чтобы не мучили воду. – Но ведь медики должны ... Студенты-медики нынче ничем от прочих не отличаются. Когда один преподаватель напомнил это лодырям, хотя и по другой специальности, это привело некоторых из них в чувство. Жаль, что ненадолго.

Так что удивляться результатам сегодняшней медицины в борьбе с новыми заболеваниями не приходится. Они и старые-то не все знают. Куда уж им, руководимым всезнающими бюрократами от медицины, выдумывать порох. Так что пандемии теперь будут всегда и везде. Особенно, если это кому-то выгодно материально. Впрочем, проблем у современного медицинского образования и без того хватает [см. 1 и др.].

Вот и наша отечественная бюрократия очень успешно начала внедрять на российской почве зарубежную медицинскую оптимизацию с тем же результатом, что и за рубежом. Так чему мы теперь удивляемся? Что русскому хорошо...

Довольны могут быть разве что чиновники ВОЗ. На фоне кризиса их контору вряд ли кто теперь рискнет назвать ненужной. Действительно, после объявления пандемии и применения на практике карантина и других мер борьбы с ней, приведших к падению производства в ряде стран на 10–32,9% во втором квартале 2020 г., это уже точно никому не удастся.

И хотя мировая экономика кое-где продемонстрировала быстрое восстановление в третьем квартале, результатом примененных мер становится глобальный экономический кризис. Впрочем, кризис этот назревает уже давно, по этой причине пандемия скорее стала его новым пусковым крючком, а не собственно причиной проявления.

С другой стороны страны, где не стали строго придерживаться рекомендаций ВОЗ в отношении карантина, мало чем отличаются от тех, где эти меры практиковались в полном объеме. Получается, что призывы носить маски и вещать на весь мир, чтобы, образно выражаясь, «больше трех не собираться» и есть настоящая причина для получения больших денег за занятое в верхах медицинской бюрократии место в глазах обывателя. Только вот заразившимся от этого легче почему-то не становится.

А ведь сегодня Россия – отсталая по представлениям западного бюрократа и обывателя страна-изгой, где нет науки вообще и медицины в частности. Это в пятидесятые годы на долю советской науки приходилось до трети мировых научных публикаций. А теперь даже научные монографии, изданные в престижных прежде научных издательствах, бюрократами от науки поставлены ниже обычных статей в рядовых журналах. Не нужны им корректные обобщения, ибо они в своей жизни видимо не прочли ни одной книжки тяжелее комикса.

Так что кто за рубежом сегодня будет изучать наши прежние достижения и проверять свои собственные по советским или российским источникам? Проще самим попытаться пройти тот же путь методом проб и ошибок, так присущим медицине. А если сюда вмешиваются еще политические мотивы ...

Остановимся на некоторых интересных последствиях проявления коронавируса на местах. В Приморском крае, вслед за взлетом цен на «панацею от коронавируса» в виде лимонов и имбиря, резко взлетели также цены на свежую плодоовощную продукцию. Сказалось закрытие границы с Китаем, откуда в обычное время поступало большинство подобной продукции.

Впрочем, убытки торговли от подобной разовой акции новые цены вряд ли компенсировали – уж слишком велики оказались потери от залежавшейся на прилавках продукции [5]. Ведь объявленный карантин не способствовал поднятию заработков у российского населения.

В результате к началу зимы 2020 г. кое-где цены на овощи и вовсе стали падать по сравнению с тенденцией удорожания подобной продукции как раз в это время. Потребителей это может и порадует, но сама тенденция явно тревожная – очень уж это начинает напоминать глобальный кризис перепроизводства на фоне глобальной нехватки наличности у населения.

Не помогают загородиться от коронавируса и горы бумажных инструкций, поступающих от бюрократов от медицины, прорехи в медицинской подготовке которых теперь стараются прикрыть своими трупами отдельные медицинские работники, еще помнящие о клятве Гиппократова.

В дни авторской молодости в научных кругах о брэнности человечества ходила шутка: мол, стоит привить кишечной палочке ген ботулизма, и человечеству придет конец. Вот и сегодня выдвигаются версии об искусственном происхождении коронавируса. Насколько они серьезны?

Достаточно грамотные специалисты уверяют нас в интернете, что создать с нуля подобный штамп наука еще не способна. Верю, что пока действительно биологическая наука этого не может. Но ведь геномодифицированные продукты та же наука получает. И встроить некий ген в уже готовую систему она вполне в состоянии. Да и распространение по миру специализированных лабораторий по биологии кем-то да финансируется.

Впрочем, если бы об этом думали в Китае, то вряд ли бы действовали столь топорно. Чтобы охватить подобную картину целиком со всеми возможными последствиями требуется универсал, которых в современном мире практически не осталось в научных и управленческих кругах. Так что претензии к Китаю со стороны США в распространении коронавируса вряд ли обоснованы.

Да и обычному врачу, а тем более бюрократу от медицины, требуется много времени, чтобы понять, что он столкнулся с нетипичной заразой. А уж кричать об этом на всех перекрестках себе дороже, особенно в странах, где подобное не поощряется. Так что и с этой стороны оповещение было довольно оперативно, а американский президент уже забыл, что сам первоначально не обратил особого внимания на появление новой опасности.

И все-таки, что нужно России в первую очередь в борьбе с новыми заболеваниями? Прежде всего, необходимо развитие отечественной фармацевтической промышленности не только на словах, но и в денежном выражении тоже. Давление на нее в условиях рынка уже привело к вытеснению с прилавков аптек дешевых препаратов еще советского производства.

Впрочем, пытаться удержать низкие цены на продовольствие и фармацевтические товары сегодня в условиях карантина при действии законов рынка административными мерами – утопия, которая либо приведет к заполнению рынка низкокачественными эрзац – товарами или снова опустошит прилавки, подобно тенденции, наблюдавшейся в конце 80 – начале 90-х гг.

Список литературы

1. Балахонов А.В., Бубнова Н.А., Варзин С.А. и др. Современные проблемы медицинского образования как угроза национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. №1 (29). С. 40–46.
2. Борисова М.А. Клиника иерсиниозов. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1991. 180 с.
3. Сомов Г.П., Беседнова Н.Н. Опасность, таящаяся в природе Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1985. 69 с.
4. Харитонов А.М. Станислав Лем и пандемия COVID-2019 // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Междунар. науч. конф. памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 429–434.
5. Харитонов А.М. Коронавирус в Приморском крае (проблемы и решения) // Коронавирус (Pandemic COVID-19): его экономические и социальные последствия, возможные сценарии преодоления. Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У.Д. Алиева. С. 157–161.

Отражение массового сознания периода пандемии в Интернет-коммуникации

В статье рассматривается массовое сознание как часть общественного сознания, отражающая состояние определенных групп людей в кризисный период развития общества. Анализируются отличительные черты Интернет-коммуникации, на широком языковом материале рассматриваются особенности общения в Сети в период пандемии.

The article considers mass consciousness as a part of public consciousness, reflecting the state of certain groups of people in the crisis period of society development. The distinctive features of Internet communication are analyzed, and the features of communication on the Internet during the pandemic are considered on a wide language material.

Ключевые слова: массовое сознание, Интернет-коммуникация, пандемия, кризисный период

Key words: mass consciousness, Internet communication, pandemic, crisis period.

Массовое сознание как социально-психологическое явление стало исследоваться приблизительно с конца XIX в. Значительный вклад в его изучение внесли Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд, Х. Ортега-и-Гассет. Последний назвал XX век веком толпы, подчеркивая этим роль масс в социальных и политических процессах современности. В российской науке интерес к этому явлению особенно ярко проявляется с 60-х гг. XX в. Однако интерес этот скорее утилитарный и заключается в изучении мнения, представления, оценки различных сообществ по тому или иному вопросу. При этом в качестве синонима термина «массовое сознание» используется более мягкое понятие «общественное мнение» [6, с. 30]. Теоретические вопросы о сущности изучаемого феномена некоторое решение получили уже в 1970-е гг. (Б.А. Грушин, Г.Г. Дилигенский, А.К. Уледов, Д.В. Ольшанский, С.В. Туманов, Л.Г. Судас, Н.П. Кириллов и др.), но тем не менее до сих пор строго не определены, хотя выражения «массовое сознание», «массовое производство», «массовое потребление», «массовая культура», «массовая коммуникация», «средства массовой информации» стали привычны и общеупотребительны.

На сегодняшний день принято считать, что массовое сознание – один из видов общественного сознания, наиболее реальная форма его практического существования и воплощения. Это особый вид общественного сознания, свойственный значительным неструктурированным множествам людей («массам»). Этим понятием характеризуются, если не господствующие, то весьма влиятельные в обществе воззрения и настроения, учет которых существенно важен для политики. В отличие от других форм общественного сознания оно характеризуется тем, что его носителем является особая совокупность людей, социальные интересы которых во многом различны, а причины объединения

этих граждан связаны не столько с общим или сходным социально-экономическим или историко-этническим положением, сколько со сплочением участников вокруг определенной идеи, лозунга, цели, выражающих совпадение их устремлений лишь по данному вопросу или аспекту интересов [5; 7].

В структуре массового сознания выделяют четыре подструктуры: общественное мнение как ориентация в явлениях (ситуациях) современности; мировоззрение как ориентация в закономерностях жизни; мирозерцание как ориентация в человеческих личностях и их отношениях; историческое сознание как ориентация в процессах действительности [6]. Обратим внимание, что все уровни так или иначе определены и задачами Интернет-коммуникации.

Если говорить об общественной роли массового сознания, его влиянии на общественную жизнь, то большинство исследователей признает, что массовое сознание – один из наиболее значимых каналов воздействия на социум [2; 5; 6; 7], а в периоды серьезных общественных переломов и кризисов (к которым можно отнести период пандемии) так или иначе участвует в этом процессе и играет свою, только ему присущую роль.

Пандемия коронавируса внесла серьезные коррективы в жизнь каждого человека: изменились правила поведения (карантин, социальное дистанцирование), привычки (ношение масок, например), особенности коммуникации (онлайн-общение стало как никогда ранее популярно). Все виды общения в Сети: электронная почта, социальные сети, скайп и видеочаты, чаты, онлайн-игры, комментарии под видео или статьями, форумы и т.п. – стали реалиями жизни даже для тех категорий людей, которые не использовали их активно в силу разных причин. Но дело не только в объеме использования такого общения, дело в другом: качественно изменилась сама коммуникация.

Интернет «способствует формированию новой реальности» [3, с. 87], которая ее участниками (и отправителем, и получателем информации) воспринимается такой же реальностью, как и общение «вживую». Еще одной специфической особенностью Интернета является уникальная возможность самопрезентации индивида, конструирование собственной идентичности [3, с. 93], возможность быть самим собой или наоборот – в какой-то другой роли, другом образе. Циркуляция информации в Сети представляет собой стихийную коммуникативную цепочку с множеством посредников. Специалисты называют такое распространение сообщений вирусным, схожим с распространением слухов в живом общении (или при формировании массового сознания). При этом принципиально важными становятся два критерия «выживаемости» информации: «фактор личного статуса и фактор эмоционального баланса» [3, с. 96]. То есть источник информации должен быть интересен с точки зрения подачи информации (ее достоверности и аргументированности, увлекательности для аудитории, простоты подачи), близости к предмету всеобщего интереса.

Можно выделить следующие характерные черты Интернет-коммуникации: информативность, возможность оперативно реагировать на проблемы, актуальные для большинства; убедительность и конструктивная простота; толерантность (диалогичность; способность успешно пересекать границы между

разными слоями общества [7]); личностная направленность (т.е. возможность высказывания раскрывать систему ценностей автора, быть оригинальным и нестандартным, чего можно достичь, используя такое языковое явление как интертекст [1]). Данные свойства как нельзя лучше воздействуют на все подструктуры массового сознания. Эмоциональная окрашенность сообщения не только оптимизирует общий психологический настрой, но и способна быть «психотерапевтическим инструментом при решении проблем кризисной коммуникации» [4, с. 10]. Данный факт делает актуальным анализ форм и способов отражения массового сознания периода пандемии в Интернет-коммуникации.

По данным агентства INTERFAX.RU, «Средняя упоминаемость коронавируса в российских СМИ за текущую неделю превышала 114 тысяч раз в сутки – это означает, что каждая третья публикация посвящена новому заболеванию» (15.14, 20.03.20). Активно развивающаяся тема вируса породила облако связанных слов, ассоциирующихся с развитием заболевания. Так, среди лидеров роста по сравнению с аналогичным периодом в прошлом году (2019 г) можно выделить: *пандемию* – в 108, слова *карантин*, *удаленка* и *эпидемия* – в 10, *туалетная бумага* и *маски* – в 4 раза, *вакцина* – в 3 раза. Это данные СКАН, системы управления репутацией, предназначенной для менеджеров по коммуникациям и PR, специалистам по безопасности и оценке рисков, созданной агентством INTERFAX.RU. Понимание термина «коронавирус» противоречиво: для кого-то это «неизвестная инфекция» или «новая форма пневмонии» (новостные агентства INTERFAX.RU и РИА Новости).

Уже сейчас в разных языках появляются разнообразные производные и сленговые понятия, связанные с вирусом. В немецком языке, например, возникли такие термины, как *Koronakomitee* (комитет по коронавирусу), *Ausgangssperre* (запрет на выход), *Kontaktsperre* (запрет на контакт). В русском языке слово «*коронапокалипсис*» появилось путем сложения «*коронавирус*» и «*апокалипсис*». Похожей этимологии и его синоним – «*коронагеддон*» (Известия. 28.06.2020. – <https://iz.ru/1027932/>). Среди многочисленных примеров «корона-слэнга» можно найти весьма нетривиальные образования, вроде «*ковидиот*» (англ. *covidiot*, т. е. тот, кто игнорирует советы общественного здравоохранения) или «*каторзен*» (фр. *quatorzaine* т. е. 14-дневный карантин) (Российская газета, 01.05.20 – <https://rg.ru/2020/05/01/reg-ufo/koronavirus>).

Кроме совершенно конкретных публикаций о количестве заболевших, средствах лечения, рассказов о выздоровевших или сообщений об умерших, в ряде сообщений (на форумах, в блогах) прослеживается мысль: «*Мы жили в мире, в котором было не так много принципиальных трансформаций. И коронавирус на многое если не открыл, то приоткрыл глаза... И люди ощутили себя чуть ли не впервые... людьми, у которых есть высший смысл в жизни – сама жизнь*» (<https://knews.kg/> – 02.04.2020). Примерно та же мысль прослеживается как авторский комментарий к интервью Джульетто Кьеза о пандемии (Русское агентство новостей. – 28.04.2020. – <http://xn--80aesfpafpkv.ru-an.info/>). Попытка понять в стрессовой ситуации: кто я?, зачем я живу?, в чем

смысл жизни вообще? – породил в Интернет-коммуникации огромное количество афоризмов. Часть их – общефилософского звучания: «*Вирус равнодушия распространяется с каждым чихом на ближнего*», «*Мы настолько привыкли носить маски, что жизнь предоставила нам шанс носить их без утайки*», «*Жизнь некоторых людей похожа на коронавирус. Все подпортить и усложнить*». Многие из них построены на омонимии, их юмор парадоксален: «*Заражать лучше энтузиазмом*», «*Этим летом я махну на море. Рукой*». Часть построена на сатирическом переосмыслении известных событий или высказываний: «*Как-то обмелчали мы, господа! Раньше коней троянских посылали, теперь достаточно одного китайца*», «*В связи с опасностью нового коронавируса фразу "Да я чихать на тебя хотел!" следует признать экстремистской*» (Все цитаты: <http://mydinasty.com/info/aforizm>; <http://inpearls.ru>»пандемия; <http://antrio.ru>»citaty-o-pandemiyah).

Какие основные признаки массового сознания можно отметить в проанализированных нами языковых примерах?

Мышлению толпы свойственна подмена реальности стереотипными образами и клише. Отсюда такое количество разговорных неологизмов (*ковидник, зумер, корона* и т.п.). Массовое сознание впитывает самые противоречивые взгляды и воззрения, а значит преувеличения, утрируемые аргументы, броские обращения, повторы «превращают идею-понятие в идею-образ» [8, с. 28], и поэтому в Интернете множатся варианты интертекстуальных фраз, демотиваторов, шуток (*не имей сто рублей, а имей антисептик* и т.п.). В процессе формирования массового сознания «эффективно действует принцип соборности, что подавляет любое проявление индивидуальности» [8, с. 29], в связи с чем частыми становятся отсылки к традиционным образам (*Ах, какая была раньше насыщенная жизнь! Дом – работа – дом – работа... А теперь: дом, дом, дом*).

Значительную роль в формировании массового сознания играют СМИ, в частности, выбором тематики публикаций, их эмоциональной направленностью и насыщенностью. Так, по разным данным, от 70 до 95% всех материалов, которые производят СМИ по всему миру с января 2020 года, так или иначе посвящены пандемии. Если официальные источники информацию о пандемии дают достаточно сухо, максимально информативно, то ряд изданий в той или иной мере муссируют эмоциональную составляющую (ср.: ТАСС.27.12.2020. – заголовок «*В ВОЗ считают преждевременным говорить о полной победе над коронавирусом*», т.е. победа есть, но пока не полная, и статья РСМД. 20.04.2020. – «*Коронавирус в умах: как пандемия превратилась в информационную эпидемию и как с ней бороться*»). Во втором примере очевидно умножение угрозы). Однако, необходимо подчеркнуть, что за год, прошедший с начала пандемии большинство СМИ стали публиковать материалы, в которых прослеживается мысль об объединении перед общей бедой, о проявлении лучших черт характера, милосердия и терпения. Авторы используют, например, реминисценции с Библейскими образами: в Рождественском выступлении королевы Елизаветы II звучат слова о том, что символом объединения будут

нарисованные детьми радуги. В Ветхом Завете радуга, появившаяся перед Ноем на исходе Всемирного потопа, является символом заключения мира между Богом и человечеством. (см.: <https://rg.ru/2020/12/26/elizaveta-ii>). В выступлении Патриарха Кирилла прозвучала мысль, что пандемия заставила «жить не по закону похоти» даже тех, у кого в обычной жизни на это не хватало сил. По словам Патриарха, Бог предоставляет возможность о многом подумать и многое переосмыслить (источник: <https://ria.ru/20201008/pandemiya>).

Таким образом, Интернет-коммуникация – это особое место реализации языка. Общение в Интернете полифонично, скорость распространения информации, ее смысловая и эмоциональная насыщенность дают возможность разными путями формировать массовое сознание и, что гораздо более важно, манипулировать им.

Список литературы

1. Архипова Е. В. Лингводидактический потенциал феномена интертекстуальности // VIII Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир»: сб. науч. докладов / отв. ред. А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев: КРИППО. Симферополь, 2017. С. 10–12.
2. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
3. Зверев А.Л., Башков А.В. Роль Интернет-коммуникаций в выработке политических представлений российских граждан // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23). С.87–99.
4. Компанцева Л. Ф. Успешная Интернет-коммуникация как модель самоидентификации и самопрезентации личности в постсоветском социуме (дискурсивно-методологический опыт) // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2008. № 4. С. 10–17.
5. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001. 363 с.
6. Прохоров Е.П. Массовое сознание как предмет социологического исследования // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 1. С. 30–46.
7. Софронова Н.В. Толерантность как одно из условий развития современного общества: философский аспект // Формирование правовой, межэтнической, религиозной и профессиональной культуры современного специалиста: материалы II Междунар. науч.-прак. конф. / отв. ред. Е.В. Прысь. 2013. С. 180–184.
8. Хохловкина Н.П. К вопросу о манипулировании массовым сознанием в условиях переходного общества // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 6. С. 26–33.

Р.Б. Дякиева, О.В. Северцев, А.Н. Когданов

COVID-19. Вызовы и решения: опыт региональных СМИ (на примере Республики Калмыкия)

В статье анализируется деятельность региональных СМИ: как традиционных, так и новых медиа в условиях масштабной проблемы, связанной с пандемией новой коронавирусной инфекции (КВИ). Авторы рассматривают формы работы СМИ как вызовы новому времени, анализируют методы информирования населения, принятие оперативных мер по предупреждению распространения инфекции. В результате исследования изучены новые

методы деятельности региональных СМИ, уровни технического взаимодействия с аудиторией и формы использования новых медиа, как инструмента информирования населения и формирования общественного мнения. Новизна работы определяется изучением опыта функционирования калмыцких медиа в социальных сетях.

In the article, the author analyzes the activities of regional media: both traditional and new media in the context of a large-scale problem associated with the pandemic of new coronavirus infection (CVI). The author considers the forms of media work as challenges to the new time, analyzes methods of informing the population, taking operational measures to prevent the spread of infection. As a result of the research, new methods of regional media activity, levels of technical interaction with the audience, and forms of using new media as a tool for informing the population and forming public opinion were studied. The novelty of the work is determined by studying the experience of functioning of Kalmyk media in social networks.

Ключевые слова: Калмыкия, региональные СМИ, новые медиа, коронавирус, пандемия, оперштаб.

Key words: Kalmykia, regional mass media, new media, coronavirus, pandemic, oberstab.

Пандемия новой коронавирусной инфекции в 2020 г. стала одним из серьезных испытаний не только для властей всех уровней, граждан, но она кардинально повлияла и поменяла работу всех СМИ в стране и мире. О ситуации, в которой оказались СМИ, свидетельствовали заголовки материалов разных изданий, в которых единодушным было мнение, что пандемия стала «...серьезной встряской для СМИ, тестом на устойчивость и профессионализм» (<https://www.kp.ru/daily/217195/4303943/>), «СМИ в новой реальности: как медиа справляются с последствиями пандемии» (<https://newizv.ru/news/economy/24-07-2020/smi-v-novoy-realnosti-kak-media-spravlyayutsya-s-posledstviyami-pandemii>).

«По разным данным, от 70 до 95% всех материалов, которые производят СМИ по всему миру с января 2020 года, так или иначе посвящены коронавирусу. ...Это изменило отрасль. Мир захлестнула инфодемия: люди в режиме реального времени следят за ростом количества заболевших, выздоровевших, умерших. Ищут информацию о том, как выявить симптомы, как лечиться, когда будет создана вакцина, кто и когда закрыл и откроет границы» [6].

В новых условиях, связанных с COVID-19, оказались и региональные СМИ. Республика Калмыкия, входящая в Южный Федеральный округ, как все регионы включилась в общую информационную кампанию. Сегодня медиапространство Калмыкии включает в себя ВГТРК ГТРК «Калмыкия» (<http://vesti-kalmykia.ru/>), Автономное учреждение Республики Калмыкия «Республиканское информационное агентство «Калмыкия» – медиа-холдинг, основанный 10 декабря 2014 г. В него, кроме детских изданий – журнала «Байр» и газеты «Байрта», литературно-художественного журнала «Теегин герл», входят: республиканская общественно-политическая газета «Хальмгунн» (<http://halmgynn.ru/>), Национальное телевидение Калмыкии (НТК) (<https://www.youtube.com/channel/UC33fja3rg2wo0WtP7HiuMkg>), редакция сайта «РИА «Калмыкия» (<https://riakalm.ru/>) и 13 муниципальных газет (по од-

ной газете в каждом из 13 муниципальных районов Калмыкии). Кроме них издается городская газета «Элистинская панорама» (<http://элиста-панорама.рф/>), учредителем которой является Администрация г. Элисты, и республиканская интернет-газета «Степные вести» («Теегин зянг») – сетевое издание «TEGRK.RU» (<http://tegrk.ru/>). Практически все указанные СМИ представлены в региональном сегменте социальных сетей.

Освещение вопросов, связанных с пандемией, изменило, прежде всего, содержание местных изданий. Ведущими во всех региональных СМИ без исключения стали рубрики «Актуально», «Стоп Коронавирус», «Оперштаб Калмыкии сообщает», «Здравоохранение», «Коронавирусная инфекция», COVID-19 и др.

Главным в повестке дня стал вопрос «Где можно получить оперативную и достоверную информацию о ситуации с коронавирусом?». Кроме федеральных сайтов stopkoronavirus.rf, спецчата Яндекса, специальных сайтов Министерства здравоохранения РФ и Роспотребнадзора ([www.rosпотребнадzor.ru](http://www.rosпотребнадзор.ru)) были приняты дополнительные меры по работе с населением в условиях пандемии. Уже 19 марта начал свою работу Региональный оперативный штаб Калмыкии (<http://glava.region08.ru/ru/dokumenty/ukazy/13149-u.html>).

Оперштабом было создано сообщество «Коронавирус. Калмыкия» в мессенжере Viber (<https://vb.me/kalmykia>), в котором также можно было оперативно получать последние данные о заболевших, актуальную статистику и новости о решениях калмыцких властей.

Оперштаб создал также официальный паблик в яндекс-чате (<https://yandex.ru/chat/#/join/9928b4cf-00b5-4dfb-b2d3...>)

Первые публикации традиционных СМИ и социальных медиа носили разъяснительно-просветительский и предупредительный характер: о необходимости соблюдения мер профилактики, ограничения посещения мест массового скопления людей. Предоставлялась также информация о ситуации в ЮФО, в стране и мире в целом и о гражданах, прибывших из эндемичных стран.

Начиная с 19 марта, постоянным стал выпуск оперативной информации на каждый день, а 20 марта был осуществлен первый выход министра в онлайн-режиме для личного информирования граждан и ответов на вопросы. До настоящего времени в ежедневном режиме, единственный в стране, министр здравоохранения республики Юрий Кикенов выходил и выходит в эфир посредством сети «Инстаграм». В прямом эфире глава профильного ведомства не только информирует граждан о ситуации с Covid в регионе, но и отвечает на наиболее злободневные и волнующих жителей республики вопросы. В прямых эфирах принимает участие и главный санитарный врач республики Джангар Санджиев.

Информация о ситуации с COVID-19 и мерах по противодействию ее распространению ежедневно публикуются на официальных ресурсах Главы Республики Калмыкия (glava.region08.ru/en.html), Минздрава Республики Калмыкия (<http://minzdrav.kalmregion.ru>). Наряду с официальным сайтом

Главы Республики Калмыкия все органы исполнительной власти, включая Правительство Республики Калмыкия, все администрации муниципальных районов и Администрацию г. Элисты на своих официальных сайтах и официальных страницах в социальных сетях (Инстаграм, Вконтакте, Фейсбук, Одноклассники, частично, Твиттер) и мессенджерах («Telegram», «Viber») ежедневно размещают оперативную информацию о ситуации с КВИ, методические рекомендации федерального Минздрава и Роспотребнадзора, и иную необходимую информацию. Были созданы группы «Коронавирус. Оперштаб Калмыкии» на площадках «Яндекс», «Вконтакте», «Telegram», «Viber». Были размещены личные обращения Главы региона о необходимости соблюдать все меры предосторожности, особенно для граждан пожилого возраста.

К примеру, Оперштабом Калмыкии только за один день – 23 марта было размещено 36 сообщений, наиболее важные публиковались в ежеминутном режиме.

В марте на базе ЕДДС также была организована информационная помощь населению. На телефонной линии «112» помощь оказывали студенты медицинского колледжа: они сообщали населению о первых признаках НКИ, срочных действиях в случае проявления симптомов, работе обсерваторов, больниц и инфекционных госпиталей.

Важно отметить, что местные сегменты российской медиасферы стали набирать популярность именно в сети. В 2010-е гг. в российской медиаструктуре возникает особый тип СМИ: это интернет-газеты и журналы, интернет-СМИ и страницы в социальных сетях, которые сосредоточили внимание на обсуждении частных городских и региональных проблем. «Применительно к этому типу издания, исследователи стали употреблять термин «новые городские медиа» [1, с. 6]. И региональным СМИ нельзя было не использовать их в эту серьезную кампанию в условиях борьбы с КВИ. Так, было налажено взаимодействие с неофициальными СМИ региона – пабликами «Доска позора», «Elista.org», «Калмыкия ньюс», «Калмычка» и другими, которые публикуют необходимую министерству информацию, связанную с профилактикой ковид.

Безусловным лидером в региональном медиaprостранстве, представляющем медиа «ВКонтакте» является группа, не связанная с традиционными СМИ, – это «Подслушано Калмыкия» (ПК). Это неудивительно, поскольку еще в 2018 г. ВКонтакте стала «...наиболее популярной социальной сетью в России...Каждый город, независимо от численности его населения, имеет как минимум одну, а чаще несколько групп в этой социальной сети» [4, с. 179].

Сегодня ПК – крупнейшая группа Калмыкии, гигант по местным меркам. По состоянию на 1 ноября 2020 г. она имеет: подписчиков – 155 365 чел., записей – 117 498. «ПК» работает по принципу форума, их основная цель – общение подписчиков, совместный поиск решения различных проблем. При этом «ПК» ориентирована на социальную коммуникацию. На самом деле, если главная задача официальных СМИ – информировать подписчиков, то сетевых сообществ – общение.

Паблики и сообщества регионального сегмента (калмыцкие площадки) Вконтакте как тип новых медиа показали высокую эффективность, участвуя в процессах информирования общества по вопросам коронавируса. Новые социально-ориентированные медиа становятся популярными благодаря своей нацеленности на максимальную близость к читателю, простоте общения, доступности информации не только в текстовом оформлении, но и эмоциональном наполнении.

Исследователи медиа видят в развитии социальных сетей значительные преимущества, например, Е.И. Морозова считает, что «...эти инструменты предоставляют гораздо большие возможности влияния на жизнь общества, нежели традиционные СМИ, так как обладают целым рядом отличительных особенностей, дающих им такое преимущество» [3, с. 91].

На самом деле новые медиа в условиях вызова были наиболее востребованы, чем официальные или традиционные СМИ. Через простые и доступные публикации по текущим вопросам, связанным с КВИ, граждане получали психологическую разгрузку. Кроме того, мгновенное реагирование социальных медиа позволяет органам власти быстрее собрать факты и мнения в сложившейся ситуации. Что еще важно, обращаясь к актуальным практикам повседневной общественной жизни, они работают инструментом объединения разнообразных проблем в единый нарратив, а в случае с КВИ в единый тематический блок, где собраны не только мнения и рассуждения граждан, а также критические высказывания и рекомендации. Они стали своего рода «трибунами гражданской журналистики» и информационными агентами.

Вместе с тем, и традиционные, и новые медиа подтвердили, что оперативность и доступность остаются ключевыми принципами в освещении любой темы, но в кризисных условиях еще необходим территориальный аспект в деятельности местных массмедиа. Важным качеством СМИ, по мнению М. Зеленцова стала то, что они «...формируют повестку дня, акцентируют внимание на локальных проблемах, медиатизируют политическую и социальную сферу города, создают единое информационное пространство города (с втягиванием аудитории в общий медийный процесс), создают ценностные установки аудитории и формируют локальные городские сообщества» [2, с. 270].

Подводя итоги, можно констатировать: региональные СМИ справились с вызовом в условиях КВИ. Иван Засурский, зав. кафедрой новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики МГУ, считает, что «Пандемия была медиа-событием...СМИ выиграли с точки зрения того, что больше внимания у людей было. Телевидение и Интернет выступили бенефициариями, в отличие, например, от кинотеатров» [5]. Региональный опыт деятельности СМИ разного уровня подтверждают данный вывод.

Список литературы

1. Абашев В.В., Печищев И.М. Истории, строящие города: городские интернет-газеты в медиаландшафте России // Журналистика и массовая коммуникация в XXI веке: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пермь: Титул, 2017. С. 6–20.

2. Зеленцов М.В. Городские медиа: условия функционирования // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск, 2015. Т. 4. № 3. С. 262–272. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-mediausloviya-funktsionirovaniya> (дата обращения: 17.09.2018).

3. Морозова Е.И. Путь Web2.0: от унификации с дифференциации и обратно // Информационные технологии в жизни современного человека: материалы международной научно-практической конференции (17 апреля 2013 г.). Саратов: Издательство ЦПМ «Академия Бизнеса», 2013. С. 91–94.

4. Пустовалов А.В., Бугрова А.Р. Социальная сеть «ВКонтакте» как площадка дистрибуции городских новостей (на примере городских медиа Соликамска). Город и медиа: материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России», г. Пермь, 1–2 июня 2018 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. С. 178–188.

5. СМИ в новой реальности: как медиа справляются с последствиями пандемии: <https://newizv.ru/news/economy/24-07-2020/smi-v-novoy-realnosti-kak-media-spravlyayutsya-s-posledstviyami-pandemii>

6. URL: <https://kursiv.kz/news/kursiv-guide/2020-05/kak-pandemiya-covid-19-izmenila-smi-i-chto-budet-dalshe>

Т.О. Чукаев

Государство как неотъемлемый элемент современной политической системы общества

Статья посвящена вопросам роли и места государства в современной политической системе общества. Анализируя проблему взаимодействия государства и общественных организаций, автор выделяет особенности данного процесса, свидетельствующие о том, что государство является неотъемлемым элементом политической системы общества и лишь при его непосредственном участии возможно решение основных проблем в обществе.

The article is devoted to the role and place of the state in the modern political system of society. Analyzing the problem of interaction between the state and public organizations, the author highlights the features of this process, indicating that the state is an integral element of the political system of society and only with its direct participation is it possible to solve the main problems in society.

Ключевые слова: государство, общество, право, общественные организации, политическая система общества, политика, власть, политические партии, взаимоотношение.

Key words: state, society, law, public organizations, political system of society, politics, power, political parties, relationship.

Государство является организацией политической власти общества, нацеленной на реализацию конкретных интересов: классовых, общечеловеческих, религиозных, национальных, в пределах определенной территории [3, с. 63].

Понятия государство и политическая система можно рассматривать как целое и часть. Государство – часть, элемент политической системы, содержащий в себе многообразие политических интересов. Оно занимает лидирующее

место в политической системе общества. Особое место государства в политической системе определено в силу следующих причин: является единственным легитимным представителем своего народа, имеет самую широкую социальную основу, выражая интересы основной части населения; является единственным носителем суверенитета; обладает публичной властью, обладающей специальным аппаратом управления и принуждения, распространяющим свою власть на всех членов общества; располагает широким набором средств воздействия на своих граждан; обладает монополией на правотворчество; принимает законы, определяющие порядок создания и деятельности других политических организаций; располагает огромными материальными ресурсами, позволяющими обеспечить реализацию своей политики, являясь основным собственником средств производства, земли, ее недр и т. д.; выполняет объединяющую роль в рамках политической системы, являясь «стержнем» политической жизни общества, поскольку именно вокруг государственной власти разворачивается политическая борьба.

Современное государство обеспечивает общественные интересы, включающие в себя интересы различных классов и слоев, наибольшей части населения страны, используя в основном метод компромисса.

Прежде всего, нужно отметить довольно значительную причинно-обусловленную роль экономики в жизнедеятельности государства. Идею об обусловленности государственной власти социальным и имущественным положением граждан выдвинул еще древнегреческий философ Аристотель. Шотландский экономист Адам Смит настаивал на соответствии политических отношений экономическому строю. Немецкий социолог Карл Маркс в своих трудах четко отмечал, что способ производства материальной жизни определяет политический, социальный и духовный процессы жизни.

Исторический опыт доказывает, что для своего существования государству, как организации необходимо право. Право формирует структуру государства и регулирует внутренние взаимоотношения в государственном механизме, взаимоотношения между его основными элементами. С помощью права закрепляются форма государства, устройство государственного аппарата, компетенция должностных лиц и государственных органов.

Государство нуждается в праве не меньше, чем право в государстве. Зависимость государства от права проявляется во внутренней организации государства и в его деятельности [1, с. 2].

При помощи права определяются роль, место, функции частей государственного механизма, взаимодействие их с населением и другими органами [8, с. 84].

Известны два метода, с помощью которых государство может навязывать свою волю обществу: метод насилия, характерный для тоталитарных государств, и цивилизованное управление социальными процессами при помощи правового инструментария. Такой метод характерен для государств с развитым демократическим политическим режимом [2, с. 110].

Из этого следует, что современное демократическое государство не может без наличия права осуществлять свою деятельность. Право составляет необходимый аспект осуществления государственных функций.

Аппарат государственной власти в свою очередь сталкивается с нелегкой проблемой совмещения рациональности различных решений, пользы их для общества в целом, с необходимостью периодически применять силу при наличии нравственных норм, которые не согласуются с этими действиями. Выдержать необходимый баланс между нравственными и политическими критериями довольно непросто. Государство вступает во взаимодействие с другими элементами политической системы:

- 1) с политическими партиями;
- 2) с национальными движениями и организациями;
- 3) органами местного самоуправления;
- 4) с профсоюзами, молодежными организациями;
- 5) с церковью и др. [5, с. 283].

Общественные организации, политические партии, и объединения – институты общественного воздействия и воспитания [4, с. 34]. Они участвуют в выборах, оказывают содействие выражению и выявлению политической воли граждан.

Политическая партия – добровольное объединение людей, выражающее волю данной социальной группы в стремлении «завоевать» или удержать государственную власть, осуществлять влияние на политику в соответствии со своей программой [7, с. 197].

Партии в политической системе общества образуют партийную систему – совокупная связь партий, которые действуют в рамках своих уставов и программ, и борющихся за государственную власть [6, с. 82].

Характерной чертой развития и формирования демократии в государстве является возрастание роли политических партий, при этом оно обусловлено такими факторами как:

- 1) процессом демократизации властных структур государства;
- 2) возрастанием политической активности граждан;
- 3) идеологическим и политическим плюрализмом, что обусловлено, разнообразием форм собственности [10, с. 155].

Нормальное и эффективное функционирование партийной системы и ликвидация почвы для узурпации власти или присвоения себе властных полномочий какой-либо партией обеспечивается правовым регулированием деятельности партий. Оно сводится к следующему:

- никто не может быть принужден к вступлению в какую-либо партию или пребывание в ней;
- партии свободно создаются и действуют в обществе на основе их уставных документов и после регистрации в установленном законом порядке;
- деятельность партий не должна ущемлять основные права и свободы человека и гражданина;
- решения политических партий не имеют обязывающей силы для органов государства;

- партии призваны содействовать выражению политической воли гражданского общества;
- создание организационных структур партий в государственных органах, воинских частях не допускается;
- недопустимость деятельности партий, призывающих к свержению конституционного строя или проповедующих национальную, религиозную рознь и нетерпимость.

Во взаимоотношениях общественных организаций и государства отражается единство принципов функционирования и построения гражданского общества, возникновение государственных и негосударственных объединений по воле и желанию народа, стабильная опора на их поддержку и творческую инициативу [9, с. 5].

Отношения между государством и общественными организациями строятся всегда по-разному, это зависит от места и роли общественных формирований, характера и рода их деятельности, стоящих перед ними задачами и целью. Также сохраняется внутренняя самостоятельность общественных организаций, их независимость, хоть и относительная, в решении вопросов на основе принципов самодеятельности.

Нужно отметить, что данные общественные организации осуществляют свою деятельность в рамках правового режима, который устанавливает государство, с целью обеспечения нормального функционирования всех негосударственных организаций в рамках их уставных задач, а также для их совершенствования и развития. Прежде всего, это выражается в предоставлении гражданам конституционного права на объединение в общественные организации, использование ими свободы слова, печати, собраний, митингов, демонстраций, различных уличных шествий. Ведь законные интересы и права общественных организаций находятся под охраной различных государственных органов.

Взаимоотношения государства с молодежными организациями, профсоюзами и творческими союзами строятся при полном отсутствии государственного руководства. Но это не означает любого включения общественных организаций в систему государственного аппарата. Общественные организации – это не «филиалы» государства, а самостоятельные звенья политической системы, имеющие свои функции и свое социальное предназначение. Все задачи должны решаться путем сочетания мероприятий по линии государства и по линии различных общественных организаций, при этом действуют они не изолированно, а в плотном контакте и при постоянной взаимной поддержке.

Укрепление и развитие общности и единства государственных и общественных институтов свидетельствует об уровне развития правового государства, обеспечивающего активное участие всех членов общества в управлении как государственными, так и общественными делами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государство является незаменимым элементом политической системы общества, которое способно влиять абсолютно на все сферы жизни общества в положительном или отрицательном ключе.

Список литературы

1. Абдулазизов Т.Г. Влияние политического фактора на право гражданского общества // История государства и права. 2011. № 9. С. 2–5.
2. Гермаш Т.А. Государственная власть и бизнес в России: новая модель взаимодействия // Философия права. 2011. № 1. С. 108–112.
3. Голубцов В.Г. Государство как частнопредметный субъект: правовая природа и особенности // Журнал российского права. 2010. № 10. С. 61–77.
4. Гриб В.В. Историческая роль и значение общественных формирований в России в развитии гражданского общества // История государства и права. 2013. № 10. С. 33–35.
5. Жданов Д.В. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «ЛексКнига», 2018. 386 с.
6. Лысенко Г.В. Общественные организации как субъекты гражданского общества // Философия права. 2014. № 4. С. 82–86.
7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М. Юристъ, 2018. 552 с.
8. Остапенко А.С. Право граждан на объединение как форма политико-правового участия в публичной власти // Философия права. 2019. № 4. С. 83–89.
9. Саркисова Н.А. Государство в политической системе обществ переходного периода // История государства и права. 2017. № 4. С. 4–7.
10. Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИД Юрайт, 2018. 516 с.

К.С. Арутюнян

Модернизация управления в условиях глобального кризиса: социально-философский подход

Цель данной статьи проанализировать информационные факторы, направленные на модернизацию управления в условиях глобального кризиса. В результате проведенного анализа акцентированы проблемы взаимодействия управления и информационного общества, представлены возможные пути их решения для модернизации системы управления в целом. Рассмотрено понятие «электронное правительство», его принципы и перспективы внедрения в структуру органов государственной власти как главного фактора эффективности государственного управления.

The purpose of this article is analyzed information factors aimed at modernizing governance in the global crisis. The analysis highlighted the problems of the interaction between management and the information society, presented possible ways to solve them for modernization of the management system as a whole. The concept of "electronic government," was considered and its principles and prospects for introduction into the structure of the public authorities as the main factor in the effectiveness of public administration.

Ключевые слова: управление, модернизация, глобальный кризис, информационное общество, электронное правительство.

Key words: governance, modernization, global crisis, information society, e-government.

Успешное развитие социума оказывается тесно связанным с культурой, т.к. именно культура в виде социальных ценностей, традиций, норм, идеалов выступает основной детерминантой действий в общественной жизни. Важную

роль в принятии управленческих решений играет субъект управления. Культурные факторы в управлении определяют наличие субъективных притязаний в определении социокультурной обстановки, которая непосредственно зависит от духовного склада, ценностной иерархии, эстетического восприятия, идеалов и установок менеджеров. Опыт, способности, глубинный потенциал, базовые паттерны, менталитет, входящее в понятие личностного начала создает возможности для полноценного анализа социальной ситуации и принятия эффективных управленческих решений.

Исходя из определения Э.С. Маркаряна культура представляет собой «универсальный механизм самоорганизации общественной жизни» [2, с. 143–150]. Здесь очевидна технологическая природа феномена культуры, которая позволяет утверждать, что культура является составляющей современного управления и менеджмента.

Одним из важных направлений современного общества и государства является повышение роли информационно-коммуникационных технологий, которые влияют на все сферы общественной жизни. Современные предприятия и организации, для которых важным критерием конкурентоспособности является ориентированность на удовлетворение потребностей клиентов, не только применяют информационные технологии в своей практико-ориентированной деятельности, но и осознают значимость технологий в условиях глобальной конкуренции.

«Информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века. Реформационный характер информационно-коммуникационных технологий приводит к изменениям в образе жизни населения (например, в образовании, здравоохранении, экономической, духовной сфере), а также к изменениям на государственном уровне, между правительством и гражданским обществом» [3, с. 193].

Стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий привели к тому, что в 1990-е гг. правительства многих европейских стран разработали национальные программы по развитию информационного общества. Предметом научных исследований в области информационных технологий являются разработанные теории, которые исследуют проблему формирования информационного общества, этимологию данного понятия, а также роль государственных структур в этом процессе. В трудах М. Кастельса, Ф. Уэбстера, Э. Тоффлера раскрыты основы теории информационного общества, подробно изучены условия его появления и новое значение политических институтов в таком информационном обществе [1; 4; 5].

В качестве примера следует рассмотреть роль информационных технологий в работе органов государственной власти, которая представляет собой один из путей крупного усовершенствования системы социальной политики. Внедрение информационных технологий в сферу государственного управления в первую очередь связано с концепцией «электронного правительства» или «электронного государства».

Основная задача электронного правительства связана с предоставлением услуг с применением информационных технологий, включая не только создание сайта государственных органов, но и активное взаимодействие государственных органов с населением для определения потребностей в государственных услугах.

Электронное правительство – это одна из форм и способов предоставления информации с использованием информационных технологий, предоставляемой как органам государственной власти, так и всем гражданам. Модернизация управления с использованием информационных технологий показывает, что задача «электронного правительства» в практике публичного менеджмента направлена на установление «прозрачных отношений» между населением и органами государственной власти. При этом «электронное правительство» формирует новые направления развития политической связи между государством и обществом, содействуя росту уровня доверия общества к власти.

Исходя из приведенного примера, следует отметить, что информационное общество как новая постиндустриальная форма организации социума характеризуется интенсивным уровнем использования информационных технологий гражданами, бизнесом и государственной властью.

М. Кастельс утверждал, что в современном мире происходит разрушение традиционных систем социальной иерархии [6]. Современное общество представляет собой сложную, многослойную конфигурацию сетевых структур. И развитие информационного общества на основе непрерывного совершенствования информационных технологий формирует вызовы всем институтам государства и социума, от отдельного индивида до любых форм ассоциаций экономической, социальной, культурной жизни. Свободное участие граждан в управлении благодаря развитию информационных технологий коренным образом меняют концепцию государственного управления. Открытость и подотчетность государственного управления в условиях развитых технологий является целью современного информационного общества.

Сетевая структура государственного управления, используя информационные технологии, способствует наиболее эффективному обрабатыванию информации и принятию результативных решений. С другой стороны, чрезмерный поток информационных технологий направлен на изменение сознания менеджеров в сфере управления, поведения в принятии управленческих решений. С позиции синергетического подхода, прямолинейные связи и отношения могут заменяться на хаотичные, сложно прогнозируемые.

Иными словами, в управлении управляющая подсистема перестает непосредственно регулировать поведение объекта управления. В сложившихся условиях коммуникацию следует воспринимать как социальную технологию управления процессами самоорганизации и саморегуляции взаимодействия власти и информационного общества.

Государственное устройство, властные структуры должны формировать информационную модель, основанную на информационных технологиях. Глобализационные условия являются одним из факторов, которые приводят к модификации государства, в результате чего государство теряет свои важные

функции – прежде всего регулирующую. В этой ситуации возникают деструктивные признаки управления. Безусловно происходящие процессы являются отличительной чертой современности, и те угрозы, с которыми сталкивается государственное управление, необходимо решать в кратчайшие сроки, поскольку информационная революция происходит быстрыми темпами. Снизить угрозы информационной реальности как государственной политики можно несколькими способами:

- совершенствование правового регулирования защиты информации;
- модернизация системы контроля общества за властными институтами;
- защита геополитической идентификации государства;
- создание сбалансированной системы государственной вертикали власти и самоуправленческих сетевых структур гражданского общества.

Анализ информационного общества и управления позволяет определить, что специфика взаимодействия оказывает воздействие как на внутреннее устройство, так и на внешнее взаимодействие.

Происходящие процессы в условиях информационного воздействия основываются на коммуникациях: с одной стороны, инициированные информационным обществом, с другой стороны – проектированные властью.

В настоящее время публичная власть и общество существуют в информационном пространстве с помощью информационно-коммуникационных технологий. Современные информационные технологии направлены на изменение общества и государства. В этих условиях, государство и общество проходят процесс адаптации, снижая негативное влияние внешней среды (информационная реальность), модернизируя всю управленческую систему. В то же время информационная реальность создает условия, направленные на модернизацию, всей структуры власти – например разработка интернет-приложений, которые повышают уровень доверия населения к власти и включают молодое поколение в процесс государственного самоуправления для формирования гражданского общества.

Формирование новых информационных технологий приводит к тому, что модернизация в сфере управления способствует эффективному принятию политических решений, вовлеченностью граждан в политическую жизнь и соответственно к самоорганизации и самоуправлению, а также к формированию идеалов гражданского общества.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 248 с.
2. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М.: Наука, 1983. 284 с.
3. Павлютенкова М.Ю., Сваруп А.А. Социально-политические аспекты концепции «Электронное правительство» // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды VII Всерос. объединенной конф. (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2004 г.). СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2004. С. 193–195.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. 560 с.
5. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 380 с.
6. Castells M. The Rise of the Network Society // New postindustrial wave in the West. Antology. P. 494. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781444319514>

И.Г. Подгорбунская

Жест в пространстве повседневности (на примере идиом английского языка)

Статья посвящена рассмотрению соотношения вербальной и невербальной коммуникативной человеческой деятельности. Проводится анализ жестов в речи коммуникантов на примере идиом английского языка с компонентом hand. Наличие большого количества номинированных жестов в языке как средств невербальной коммуникации подчеркивает огромную значимость языка тела в акте коммуникации. Анализ семантики идиоматических средств языка показывает синхронизацию работы физического и ментального миров в повседневной деятельности человека.

The article is devoted to the consideration of the ratio of verbal and non-verbal communicative human activity. The analysis of gestures in the speech of communicants is carried out using the example of English idioms with the hand component. The presence of a large number of nominated gestures in language as a means of non-verbal communication underlines the great importance of body language in the act of communication. The analysis of the semantics of idioms shows the synchronization of the work of the physical and mental worlds of human in everyday activity.

Ключевые слова: повседневность, познание, деятельностный подход, идиома, жест.

Key words: everyday life, cognition, activity approach, idiom, gesture.

Коммуникация является неотъемлемой частью повседневной человеческой жизни и его социокультурного мира. Исследование пространства повседневности строится на подходе, который анализирует мир человека, состоящий из разных видов деятельности. Понятие пространства всегда рассматривалось как фундаментальное понятие мышления человека, которое отображает «множественный характер существование мира, его неоднородность» [4, с. 92]. При этом необходимым и важным условием ориентации любой деятельности человека является пространственный и сложный образ мира, который формируется благодаря разнообразию объектов и предметов, данных одновременно в восприятии человека. Среда человеческого существования не содержит только научную картину мира, которая использует специализированные языки. Она может быть описана с помощью средств естественного быденного языка, который отражает повседневный опыт. «Понятия жизни и смерти, добра и зла, благостного и греховного, священного и мирского, объединялись с понятиями верха и низа, с определенными странами света и частями мирового пространства, обладали топографическими координатами» [4, с. 94]. Движение, непрерывные изменения и состояние покоя человеческого существования описываются в векторах и координатах на уровне быденного

сознания, которое эксплицируется в нестрогих параметрах, таких как «удаленность» и «близость», «верх» и «низ», «центр» и «окраина», «опережение» и «отставание», «поверхность» и «глубина».

Фразеологические единицы, как неотъемлемая часть любого повседневного языка содержат в себе совокупный общественный опыт, а также являются средством отражения структур житейского и обыденного сознания человека и национально-культурной специфики любого языка.

В конце 1980-х – начале 90-х гг возникает новый подход к процессу познания, так называемый «телесный подход» от английского словосочетания «*embodied cognition approach*», который базировался на следующих тезисах:

1) Познание телесно и зависит от строения и функциональных особенностей тела;

2) Познание ситуационно и зависит от влияния социокультурного окружения;

3) Познание осуществляется в действии, посредством которого формируется среда, соответствующая телесным потребностям познающего существа;

4) Любая познавательная система – это динамическая и самоорганизующаяся система.

Таким образом, осуществление познания когнитивного агента имеет деятельностный характер и происходит через двигательную активность. В связи с этим целесообразно отметить, что языковые средства языка основываются на этом деятельностном подходе познающего субъекта.

Повседневная коммуникация включает в себя как вербальную, так и невербальную коммуникацию. В своей работе «О перекодировании и трансформации коммуникативных систем» А.А. Реформатский пытался выявить в одном коммуникативном акте способы существования разных знаковых систем и особенности функционирования в речи знаков разного происхождения [3]. Участвующий в процессе коммуникации субъект, использует разные ее виды. Одним из ярких представителей средств невербальной коммуникации является жест. Значимость языка тела в коммуникативном акте говорит наличие многочисленных номинированных жестов в языке. Семантика реализации мысли коммуникантов отражается в однотипности составных частей в жестах и средствах языка. Жест как топологически организованное воздействие имеет пространственную конфигурацию и симметричную «архитектуру» [2, с. 12].

Объединившись в процессе эволюции в конкретно заданной ситуации, речь и жест представляют собой единое семантическое пространство, в котором, по мнению Л.П. Киященко, телесное пространство преобразуется в умопостижимое и наоборот [1, с. 45].

Одним из основных постулатов гуманистической психологии является утверждение, что человек интенционален: в его жизни есть цель, ценности и смысл. При этом индивидуум достигает своей цели, используя жест как вспомогательное средство.

Отражение повседневных жестов в идиоматических средствах языка можно показать на следующих примерах.

Luckily for the guy, his good arm was his right one. He lamely slung it over the table to shake hands with this hustler [5, p. 68].

К счастью для парня, его правая рука осталась целой. Он без особого энтузиазма протянул ее через стол, чтобы пожать руку этому дельцу.

В приведенном примере можно отметить следующее: жест рукопожатия преимущественно правой рукой расценивается как жест приветствия.

They left without shaking hands or the usual good-byes [5, p. 210].

Они ушли без рукопожатия и обычных прощаний.

В данном примере коммуниканты не прибегли к обычному жесту прощания – пожать друг другу руки.

Действие в процессе коммуникации разворачивается в определенной ситуации, в которой интенция коммуниканта формируют установку и цель, для достижения которой носитель языка пользуется данной формой жеста, превращая его в стереотип.

Рассмотрим другой пример:

I smile around the table. 'Now, who would like coffee? Hands up...' I start counting the hands [6, p. 132].

Я улыбаюсь из-за стола. «А теперь, кто хочет кофе? Поднимите руки...» И я начинаю считать.

Жест поднятия руки означает «как бы продолжение» своего тела, чтобы выделиться на общем фоне и проявить свое желание в определенном действии.

Следующий пример ярко показывает эмоциональную составляющую:

'He looks at the camera with glittering eyes, and I suddenly remember him when I was much younger, picking me up from school in a sports car. I was pointing him out to everyone: That man there is my daddy! All the kids were gasping at the car and all the mothers were shooting surreptitious glances at him, with his smart linen jacket and Spanish tan. 'I know I haven't been the best family man,' Dad's saying. 'But hand on heart, I did my best. Cheers m'dears' [6, p. 220].

Он посмотрел прямо в камеру. В его глазах сверкнули искорки, и я вдруг вспомнила, как в начальной школе он приезжал на спортивном автомобиле забирать меня после уроков. Я всем показывала на него и говорила: Это мой папа! И дети, открыв рты, смотрели на спортивную машину, а их матери исподтишка любовались видным молодым мужчиной с испанским загаром и в красивом льняном пиджаке. – Я знаю, что не был лучшим на свете мужем и отцом... Но, положив руку на сердце, заявляю: я старался, как мог. Ваше здоровье, дорогие.

Идиома *hand on heart* означает чистосердечное признание, искренность, так как компонент идиомы *heart* всегда соответствовал соматической лексеме «душа», поэтому и исследуемая идиома сформирована на эмоциональных связях и ассоциациях.

Следующие примеры с идиомами, которые означают жесты, напрямую связаны с физиологией и психикой человека:

1) *We should do something to help rather than just wringing our hands about it [7, p. 202].*

Мы должны делать что-то, чтобы помочь, а не просто заламывать руки.

2) *Ferry companies must be rubbing your hands with glee at the news that the tunnel will be closed for at least a week* [8, p. 278].

Паромные компании должно быть с ликованием потирают руки от новости, что тоннель будет закрыт, по крайней мере, неделю.

Повседневные жесты потирания и заламывания рук рассматриваются как психофизиологические и общечеловеческие процессы, которые были вызваны определенными эмоциями.

Таким образом, проведя анализ идиом с компонентом hand, можно отметить, что вербальная коммуникация тесно связана с невербальной коммуникацией. Жесты как повседневные знаки или символы человека синхронизируются с языковыми средствами языка, усиливая воздействие на коммуниканта. Основным из свойств идиомы с компонентом hand является ее «вплетенность» в ткань события или действия. Событийность и присутствие в пространственном измерении исследуемых идиом наглядно показывают значимость соединения языка тела и речи в повседневной жизни человека.

Список литературы

1. Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка). М.: ИФРАН, 2000. 116 с.
2. Князева Е. Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. СПб.: Алетейя, 2002. 238 с.
3. Реформацкий А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 208–215.
4. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
5. Grisham J. The Brethren. L.: Arrow Books, 2000. 458 p.
6. Kinsella S. Remember me? L.: Bentam Press, 2008. 444 p.
7. LID – Longman Idioms Dictionary. Harlow and London: Addison Wesley Longman Limited, 1998. 398 p.
8. OID – Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. Oxford University Press, 2002. 465 p.

М.В. Сухова

Вещь в контексте повседневности: особенности предмета материальной культуры как источника в антропологическом исследовании

Статья посвящена выяснению некоторых особенностей вещи как источника в антропологических исследованиях. Вещь анализируется, прежде всего, в рамках повседневности, рассматривается в системе коммуникации с человеком. Работа написана на основе полевых материалов автора и также включает сюжеты, связанные с ситуацией культурного вызова – изменением привычных повседневных вещных практик, связанных с телесностью, коммуникативными привычками, бытом.

The attention of the article is devoted to elucidating some of the features of a thing as a source in anthropological research. A thing is analyzed primarily within the framework of everyday life, considered in the system of communication with a person. The work is written on

the basis of the author's field materials and also includes plots related to the situation of a cultural challenge – a change in the usual everyday material practices related to corporeality, communication habits, and everyday life.

Ключевые слова: антропология вещи, повседневность, источник исследования.

Key words: anthropology of things, everyday life, source of research.

Существование людей и вещей в одном повседневном пространстве, в одном культурном контексте, их событие – одновременно и факт социальной реальности, и предмет всё возрастающего исследовательского интереса. Повседневность обладает удивительным (странным, но по размышлению понятным) свойством: она рутинна и при этом почти неуловимо изменчива: «Весной [2020 г. – *Авт.*] я ещё не видела столько людей в масках. Мой сосед кричал с балкона, что ни за что её не наденет. А сейчас я более или менее привыкла. Но некоторых не узнаю. И сосед с балкона не кричит!» (Полевые материалы автора, далее – ПМА, 2020. Из разговора в аэропорту Шереметьево, сентябрь 2020 г.). Это свойство повседневности само по себе способно актуализировать предложенную тему. Однако в данном случае мы сталкиваемся с ситуацией *вызова*, брошенного глобальной культурой самой себе. Резкое – то есть чётко уловимое – изменение привычных повседневных вещных практик, связанных с телесностью, коммуникативными привычками, бытом, не просто вызывает дискомфорт, но способно затронуть базовые установки: «Когда я вышла на улицу после недельной самоизоляции, я прямо чувствовала, что мне страшно. Я шла по улице и старалась идти там, где пусто, а люди в масках у меня вызвали чуть не панику» (ПМА, 2020. Сообщение С.В. Барышниковой, 1980 г.р., май 2020 г.). Проблема тем более интересна, что текущий момент в антропологической науке принципиально важен с точки зрения пребывания последней в состоянии «онтологического поворота», выражаясь несколько упрощённо, методологического обновления исследований предмета материальной культуры, вещи как таковой.

Поворот «к самим вещам» (С.В. Соколовский) как проблема не является предметом интереса данной статьи, тем более что его начала можно обнаружить не обязательно у Б. Латура или в дискуссиях российских антропологов середины – второй половины 2010-х гг. [см., напр., 5; 10; 14]. М.П. Эпштейн, как будто характеризуя этапы осмысления вещи как категории и объекта социального мира, а по сути – разные методы «вещеведения», пишет: «Созерцать вещи в этом «первом» плане невыносимо тягостно и скучно – нужно *просто пользоваться ими*. <...> Осмысляя вещь, создавая её концептуальное описание, мы переводим её во второй, более глубокий план, <...> где её *прямая бытовая функция получает переносный и обобщённый смысл* <...> Лишь после того как вещь выведена из функциональной тесноты на концептуальный простор, начинает раскрываться в ней третий план – экзистенциальная глубина. Вещь уже не используется как предмет и не истолковывается как знак, но *исполняется как бытие*» [15, с. 329; курсив мой. – *Авт.*]. «Вещь не может

желать, говорить и действовать – она просто есть. Однако эта её видимая неодушевлённость оказывается одновременно ключом, открывающим для нас давно забытые двери. Ведь именно благодаря молчанию и бездействию вещи бытие проявляется в ней в самом чистом виде» [3]. Как представляется, блогерам (см. цитату выше) и не только им необходимо вполне точно представлять себе, что полная автономность вещи как предмета или явления материальной культуры – состояние и категория скорее философская, чем антропологическая, однако «и у Латура есть чему поучиться и этнографам. Онтологический поворот, в том числе и в антропологии, возвращает нас к вопросу, чем является реальность. Разумеется, всегда остается возможность отклонить его как не имеющий прямого отношения к антропологам. Но что же тогда описывается в этнографических исследованиях материальной культуры?» [12, с. 21].

Специфика восприятия и использования вещи как источника в исследованиях по антропологии вообще и по антропологии повседневности в частности предполагает изучение информационного потенциала вещи. Однако для антрополога важна не только прямая функциональность вещи, но функциональность как более широкое поле: соотносимость вещи и человека, коммуникация «вещь – человек», когда «человек и вещи начинают взаимообуславливать друг друга, где вещи приобретают качества человека, а человек свойства вещи [7]. Превращаясь в субъект, вещь вступает в разговор с человеком. Методологически это стоит воспринимать именно как субъектность вещи, при этом для этнографа или антрополога никогда не было удивительным, что вещи общаются с человеком «человеческим голосом», но в пространстве мифа, который, как известно, одушевляет, то есть оживляет. В исполнении носителей культуры – респондентов, это происходит в прямом смысле этого слова: «Я всегда разговариваю со циркуляркой. Она тоже ласку любит» (ПМА, 2018. Сообщение К.К. Иванова, 1999 г.р.). В рыночной реальности вещи могут и ответить. В одном из многочисленных описаний возможностей «новых прекрасных вещей» находим описание ситуации, когда вещи (механизму) делегируется действие, которое прежде осуществлялось людьми: «Теперь коммуникация с машиной будет выглядеть так: – Привет, Candy! Я посадил пятно от кофе на хлопковой футболке. Что делать? – Возьмите 5 граммов стирального порошка, смешайте его со стаканом тёплой воды, нанесите на пятно и оставьте на 30 минут. Затем положите футболку в барабан машины и запустите режим «Хлопок» при температуре 50°C» [9; см., напр., 11, с. 109]. Здесь кроме коммуникативно-эмоциональной составляющей, видимо, следует обратить внимание на то, что в наукоёмком мире нашей повседневности вещь стала настолько сложной, что это усложнение может и скрыть её «истинный смысл» от человека: «Я в принципе не знаю, что там внутри у моей кофеварки. И не хочу. Я хочу, чтобы она варила кофе. Но ведь что-то внутри у неё есть! Интересно думать, что это не только проводочки» (ПМА, 2017. Сообщение О.В. Родионовой, 1973 г.р.). Человек, вступая в разговор с миром вещей, по словам А.М. Положенцева и Н.А. Грякалова, создаёт художественный, философский, в единстве феноменологии и метафизики сценарий. В случае же с миром науки и техники, «речь

идёт о машинном производстве вещей, его метафизику следует построить, как и его мифологию» [8].

Процесс решения исследовательских задач в рамках антропологии вещей, по сути дела, можно рассматривать как создание списка таковых. Понятно, что чуть ли не первым здесь был Умберто Эко. Бытие вещи в человеческом мире в платяном шкафу, в женской сумке, в кармане второклассника, на полке в кладовой, в музейной раме или витрине магазина, – суть коллекция, которая может быть охарактеризована как список. С точки зрения функциональности, это может быть повседневный список, в который в первую очередь попадают вещи, использующиеся по прямому назначению. Это их «первичная» идентичность, связанная с утилитарностью. Вещь – особенно в ритуальном дискурсе – можно рассматривать как «нечто большее, в конечном счёте обнаруживая в каждой вещи символический образ макрокосма» [1, с. 35]. К тому же вещь в каждом конкретном культурном опыте непрерывно интерпретируется. В зависимости от своего состояния на текущий момент и от состояния владельца она может сменить статус, приобретая признаки символа, семиофора. «Если я съем конфету и выкину фантик в мусорку, это будет одно. А если я положу его в старый чемодан и на антресоль, то совсем другое» (ПМА, 2020. Сообщение Н.А. Ившиной, 1953 г.р.).

Как известно, не каждая вещь настолько «окультуривается», чтобы попасть в мусорное ведро. Многие вещи повседневности, изменяя статус, попадают в разного рода запасники. В первую очередь это старые вещи, уже не оказывающие на человека «прямого» влияния, которые могут откладываться про запас, на всякий случай и потому «вещь ещё хорошая жалко выкинуть». Такое латентное существование вещи может продолжаться довольно долго, о вещи могут забыть, она выпадает из системы реальных коммуникаций с хозяином. Однако вторичное использование старых вещей в домашнем хозяйстве – по соображениям экономии и бережливости, ностальгии или домашнего коллекционирования – также может стать ответом на вызов: «Ты думаешь, все выкидывают одноразовые маски после 2–3 часов носки? Люди их стирают!» или «После смерти отца я не стала раздавать всю его одежду, хотя деть мне её некуда. Я оставила его зелёный галстук, он висит в шкафу, когда я открываю дверцу» (ПМА, 2020. Сообщение С.В. Барышниковой; ПМА, 2017. Сообщение анонимного информатора, 1982 г.р.).

Разговор человека с вещью может продолжаться и в том случае, когда вещь становится воспоминанием, бережно хранимым на старом комодe как «уникальный предмет утвари, одежды или мебели сама по себе, во всей её перцептивном своеобразии и эмоциональной наполненности, как субъективная или индивидуальная ценность, как ценность-в-себе и для-себя» [13, с. 21].

Одновременно с этим старая вещь может быть продана – через сеть комиссионных магазинов или блошиный рынок, «где значения и функции вещи претерпевают стремительные изменения, а их «биографии» становятся основанием для определения цены и ценности. Это место, где мусор становится

товаром, а товар мусором» [4]. Блошинные рынки – методологическая вселенная вещей, поскольку там продаётся вещь с историей, что принципиально для антропологического исследования. Практики использования старых вещей, видимо, помогают человеку структурировать взаимодействие, узнавая «себя в другом, выступают определенной гарантией постоянства собственного “Я”» [6, с. 114].

Своеобразными легитимными альтернативами блошинных рынков являются музеи и частные коллекции. «Попадание вещи в музей <...> можно рассматривать не как что-то исключительное и противоестественное, а как пусть альтернативный, но вполне естественный жизненный путь вещи» [2, с. 50]. Продолжается ли бытие вещи в фондах музеев? Как возмущённо выразился один из информаторов, «они [музейные предметы] лежат там во тьме, их никто не видит, кроме работников. Бедные вещи! Но я хочу их посмотреть все!» (ПМА, 2014. Сообщение анонимного информатора, 1976 г.р.). Вполне понятно, что эти фонды также находятся в работе, публикуются в каталогах и пр., однако широкой публике не так известны. «Бедные вещи» продолжают свою биографию в человеческой реальности – и в качестве источников исследования тоже.

Список литературы

1. Баранов Д.А. О чём молчат вещи // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 25–39.
2. Баранов Д.А. Об этнографическом измерении материальности // Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 2 (24). С. 36–56.
3. Блог Виталия Колесникова. URL: <https://kolesnik.ru/2012/power-of-things/> (дата обращения 11.12.2020).
4. Бредникова О., Кутафьева З. Старая вещь как персонаж блошиного рынка // Неприкосновенный запас. 2004. № 32 (34). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/staraya-veshh-kak-personazh-bloshinogo-rynka.html> (дата обращения: 10.12.2020).
5. Вахштайн В. Три «поворота к материальному» // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 22–37.
6. Елютина М.Э., Иванова А.Д. Повседневные практики использования и утилизации вещей // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 107–115.
7. Ионесов В.И. Вещь как культурная реальность: проекции и взаимосвязи // Вещи и коммуникация: экономические и культурные взаимодействия в меняющемся обществе: материалы Междунар. науч. конф. 28–29 мая 2012 г. / НОУ ВПО «СИ ВШПП»; под ред. А.В. Бирюкова, В.И. Ионесова. Самара: ООО «Изд-во ВЕК #21», 2012. – С. 242–271.
8. Положенцев А.М., Грякалов Н.А. Антропология вещей. – URL: <http://russculture.ru/2017/10/16/%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9-%D0%B3%D1%80%D1%8F%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2-%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2-%D0%B0/> (дата обращения: 10.12.2020).
9. Популярная механика. – URL: <https://www.popmech.ru/editorial/news-389222-candy-hoover-group-predstavlyayet-pokolenie-govoryashchih-stiralnyh-mashin/>
10. Соколовский С.В. О новой материальности и тихих революциях // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 61–72.
11. Соколовский С.В. Материальная семиотика и этнография материальной культуры // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 105–115.

12. Соколовский С.В. К самим вещам? (об онтологическом повороте в социальных и гуманитарных дисциплинах) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 21. М., 2016. С. 9–35.

13. Соколовский С.В. Теории вещей и этнографии материальности // Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 9–30.

14. Шипулина Н.Б. и др. Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода: монография / Н.Б. Шипулина, Л.В. Щеглова, А.И. Шипицин, Н.Н. Плужникова, Е.А. Елистратова. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХИГС, 2016. 166 с.

15. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.

А.В. Загуменнов

Идеология периода раннего старообрядчества как культурно-психологический вызов (на материале «Послания в Москву из Пустозерска» Федора Иванова)

В статье анализируется текст идеолога периода раннего старообрядчества – Федора Иванова – с позиций его несогласия с реформами патриарха Никона. Обосновывается, что содержание «Послания в Москву из Пустозерска» можно интерпретировать как культурно-психологический вызов и современникам, и последующим поколениям. При этом подобная характеристика возможна в период, когда само имя понятия «вызов» ещё не фиксируется в документах эпохи. В финале статьи делается вывод о наличии ментальной основы раскола, которая только частично «означена» в пределах персонального творчества Федора Иванова.

The article analyzes the text of the ideologist of the early Old Believers period – Fedor Ivanov - from the standpoint of his disagreement with the reforms of Patriarch Nikon. It is substantiated that the content of the “Message to Moscow from Pustozersk” can be interpreted as a cultural and psychological challenge to both contemporaries and subsequent generations. Moreover, such a characteristic is possible at a time when the very name of the concept of "challenge" is not yet recorded in the documents of the era. At the end of the article, it is concluded that there is a mental basis for the split, which is only partially "meaning" within the personal creativity of Fedor Ivanov.

Ключевые слова: религиозная повседневность, старообрядчество, раскол, текст, семиотика.

Key words: religious everyday life, old believers, schism, text, semiotics.

I. Если пролистать страницы журнала «История повседневности», то за последние 5 лет, которые проиндексированы в РИНЦ, найдется всего одна статья под разделом «религиозная повседневность» [3]. Трудов в указанном русле на материале текстов XVII в. мы обнаружить не смогли, что, во-первых, характеризует актуальность предложенной темы. Во-вторых, любой вызов можно рассматривать как разрыв в повседневности [16], «смену правил игры» какого-либо социального слоя. В-третьих, церковный раскол XVII в., поделив-

ший православных верующих на «никониан» и «старообрядцев», пусть и затронул сакрально-ритуальную, «религиозную» повседневность общества, однако влияние указанного события на жизнь и социальную организацию «проигравшего» лагеря обнаруживается и в XIX [17], и в XX, и в XXI веках [4; 8]. Подобная длительность, сложность «уврачевания раскола», требующая дополнительных нормативных актов со стороны синода [13], – всё это позволяет говорить о сильном «изначальном импульсе» тогда, в XVII столетии, когда было задано «движение», «жизнь» всему старообрядчеству.

В Постановлениях Московского Собора 1666–1667 гг. [6], в прочих сохранившихся документах, с ним связанных [9; 10] поведение защитников церковной старины вполне допустимо идентифицировать как «вызов» молчаливому принятию никонских нововведений. При этом столь решительная деятельность апологетов старообрядчества не была оторвана от персонального творчества. Их челобитные, письма, сказания, жития – это текстовые координаты их культурно-психологического вызова. Правда, говоря об этом в этой части статьи, мы должны внести несколько замечаний филологического плана.

II. Первое из них связано с самим именем понятия. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема «вызов» отсутствует. Есть однокоренные: *вызвати* [14, с. 204] – ‘Зовя, заставить или помочь выйти, вызвать’, и несовершенный вид *вызывати* [14, с. 205]. В документах эпохи мы обнаруживаем слова с разными приставками: «и велель **призвати** къ себе князя Александра» [1, с. 38], «**призвали** изъ волныхъ, изъ гулящихъ людей тридцать человекъ» [2, с. 19]; «учнетъ де его **звать** къ Астарахани» [2, с. 99]; «мужики виноваты, **зазавь** въ гости да силно потчивать» [2, с. 340]; «Король на соймъ **позвати** велель» [2, с. 351]; «розныхъ чиновъ люди къ нимъ **незваны** не ездять» [2, с. 363] и т.д. Все эти примеры объединяет одно (даже если это прилагательное, как в последнем из приведенных фрагментов): в них сохраняется связь с действием. Процесс субстантивации (переход какой-либо части речи в имя существительное) ещё не завершился, а потому современного имени (существительного) для понятия «вызов» в XVII столетии ещё нет. И это, в определенной степени, парадоксально, ведь весь этот век историки легко окрестили «бунташным».

Объяснение может быть и психологическим: свидетели всего того, что происходило в XVII столетии, не могли осмыслить процесс и действие как предмет, как вещь, как понятие. Сама динамика века, производимых текстов, наконец, изменения языка были слишком сложны для рефлексии обывателя, «среднего» человека. Поэтому изначальный импульс надо искать не в массах с их повседневностью, а в элитарном слое, который мог влиять на повседневность и быт прихожан [15].

III. Из всего многообразия творчества апологетов периода раннего старообрядчества в качестве материала исследования мы остановимся на «Послании в Москву из Пустозерска» Федора Иванова – одного из идеологов церковной старины; «раскольника», казненного вместе с Аввакумом в один день.

В избранном тексте автор бросает «вызов» устанавливаемымся никоновским порядкам: *«Стойте, возлюбленнии, и мужайтесь и утверждайтесь, и не поступни бывайте во отеческихъ преданіяхъ»* [11, с. 60]. Риторически продолжение приведенного высказывания строится так же, как и заповедь блаженства в Нагорной проповеди [5]: *«да съ ними (с апостолами и православными подвижниками семи вселенских соборов – прим. З.А.) наслѣдите вѣчное царство въ горнемъ іерусалимѣ»* [11, с. 60]. Таким образом, после «требования» следует обещание награды за соблюдение установленного предписания. Разве это не вызов, основанный на религиозном мировоззрении, что, следовательно, говорит в пользу его культурно-психологической направленности? И, будь это единичное высказывание, его можно было бы опровергнуть, но Федор Иванов – первоклассный оратор, с хорошей вычиткой и едва ли не самым глубоким пониманием богословских текстов среди всех [11] «пустозерских узников».

Как проповедник он разъясняет, что *«поставляеми отъ нихъ (от священников, назначенных Никоном – прим. З.А.) попы и діаконы не священи суть, по правиломъ, вси они отступницы сами и еретицы глупи и поставленіи отъ нихъ кононному суду подлежатъ и анаѳемъ»* [11, с. 64]. И, если эти священники не соответствуют всем (на взгляд Федора Иванова) требованиям к их сану, то *«и православнымъ христіаномъ нынѣ не подобаесть ихъ благословенія приимати, ни крещенія, ни молитвы, и въ церкви съ ними не молитися, ниже въ домѣхъ»* [11, с. 64]. И снова мы задаём вопрос: разве это не вызов? Отказ от церковной жизни, если она управляется еретиками, является христианским подвигом. Это настолько тяжелое обвинение и призыв, что на Московском Соборе 1666–1667 гг. Федору Иванову именно за эти строчки будут «инкриминировать» раскол.

Пожалуй, самый жесткий выпад идеолог старообрядчества позволяет себя в адрес царя, но не без дипломатии. *«Во время се ни царя ни святителя. Единъ бысть православный царь на земли остался. да и того, не внимающаго себѣ, западни еретицы. яко облацы темни, угасили христіанское солнце. и свели во тму многія прелести и погрузили»* [11, с. 72]. Противопоставление «ни царя ни святителя» могло бы показаться абсурдным: есть и царь, и патриарх, и собор, только Федор Иванов отказывается считать их всех православными, поэтому акцент в приведенном высказывании именно на формальном соответствии их веры – старой.

IV. Кратко суть расхождения старообрядцев с никонианами также приведена. Федор Иванов пишет, что *«нынѣшнии отступницы самого Сына Божія гонять и хулятъ, и святыхъ его преданія отмищутъ многая, и Пресвятую Матерь Христову <...> безчестятъ во многихъ мѣстѣхъ новыхъ книгъ, а не единого Златоуста»* [11, с. 76]. Конечно, звучит это категорично, и категорично идеолог старообрядчества заявляет: *«И како намъ съ таковыми врагами Божіими сообщатися нынѣ? Не буди то»* [11, с. 76]. Все высказанное Федором Ивановым не просто обвинения или обличения, теперь это полномасштабное объявление войны до безоговорочной капитуляции одной из сторон. И в

этой точке мы контурно и «схватываем» изначальный импульс раскола, собственное содержание его культурно-психологического вызова.

V. В изысканиях Тартуско-Московской семиотической школы принято разделять естественный язык как первичную, а произведения на нём – как вторичные моделирующие системы. Проведенный в предыдущих частях статьи анализ демонстрирует, что конституирование раскола как события в знаковом пространстве культуры, длительность и «живучесть» деления на никониан и старообрядцев постоянно подкрепляются речемыслительной деятельностью определенных социальных слоёв. Речь идет не только о XVII столетии, но и о нашем времени. Достаточно вспомнить полемику, развернувшуюся между Даниилом Сысоевым и Иоанном Миролюбовым [12]. Язык оформляет раскол, моделирует средства для понимания раскола и «фундирует» всё перечисленное. Вызов, брошенный старообрядцами не столько современникам, сколько последующим поколениям, именно культурно-психологического плана, а потому чисто исторически его не объяснить. Показательно, что В.О. Ключевский в числе первых, кто обозначил ментальную основу произошедшего [7]. Вероятно, более углубленное изучение раскола без «идеологизированных» примесей остается в перспективах наших изысканий.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 2. СПб.: В Типографии II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. – I-IV, 1-8, 1-29, 438 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 4. СПб.: В Типографии II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. I-III, 1-8, 1-16, 565 с.
3. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Православие как историко-культурная составляющая Северо-Запада России (на примере Плюсского района Псковской области) // История повседневности. 2019. № 3 (11). С. 130–140.
4. Безвербная Н.А. Репатриация старообрядческой общины в Российскую Федерацию: актуальные проблемы и перспективы // Секуляризация в контексте религиозных изменений современного общества. М.: ООО Издательство «Экон-Информ», 2018. С. 298–301.
5. Давыденков О.В. Катихизис. Введение в догматическое богословие: курс лекций. 2-е изд., испр. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 230 с.
6. Дополнения к Актам историческим. Т. 5. СПб., 1853. 528 с.
7. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. Т. 2. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002. 592 с.
8. Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М.: Молодая гвардия, 2017. 560 с.
9. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. 1. Ч. 1.: Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 1. о лицах, судившихся на соборе 1666–1667 года. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1875. 491, VI с.
10. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. 2.: Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 2. акты, относящиеся к собору 1666–1667 года. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1876. [2], 430 с.
11. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. 6. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1881. 335 с.

12. Миролубов И. Не настало ли "...время собирать камни" [Электронный ресурс] / Русский дом – 2007 – № 7. URL: <http://www.russdom.ru/oldsayte/2007/200707i/20070733.shtml>
13. Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс] / Русская Православная Церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4948013.html> (дата обращения: 2.11.2020).
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975-. Вып. 3: (Володьнье – Вящшина) / сост. О. В. Малкова, Г. Я. Романова. 1976. 288 с.
15. Смирнов С.И. Русские духовники и раскол старообрядчества // Богословский вестник. 1913. № 11. С. 506–532.
16. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 2004. 406 с.
17. Хрушкая Л.Н. Документы по церковному учету населения как источник изучения вопроса о распространении старообрядческой идеологии на архангельском севере // Генеалогия на Русском Севере: мемориальная культура и родовое древо Севера: материалы международного науч. конф., посвящ. 20-летию Архангельской региональной общественной организации «Северное историко-родословное общество» (Архангельск, 20 сентября 2018). Архангельск: САФУ, 2019. С. 282–295.

Н.Д. Чекулаев, М.-П.Б. Абдусаламов

Документы фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан как источники по истории медицинского обслуживания военных чинов Низового корпуса (1722–1735 гг.)

В статье на основе документов Центрального государственного архива Республики Дагестан, рассматривается функционирование военной медицины российской императорской армии на примере гарнизонов крепости Святого Креста и города Дербента. Перечисляются чины, составлявшие медицинский персонал госпиталей и лазаретов гарнизонов Низового корпуса. Архивные материалы позволяют ознакомиться с обязанностями медиков, дают статистические данные о количестве больных, выздоровевших и умерших военных чинов, а также сведения о мерах осуществления лечения в гарнизонах Святого Креста и Дербента. В статье авторами уделяется внимание и проблемам снабжения лазаретов и госпиталей Святого Креста и Дербента всем необходимыми медикаментами. Освещаются источники финансирования госпиталей.

Based on the documents of the Central state archive of the Republic of Dagestan, the article examines the functioning of military medicine of the Russian Imperial army on the example of the garrisons of the fortress of the Holy cross and the city of Derbent. The ranks that made up the medical staff of the hospitals and infirmaries of the garrisons of the Lower corps are listed. Archival materials allow you to get acquainted with the duties of doctors, provide statistics on the number of sick, recovered and deceased military officials, as well as information about the measures of treatment in the garrisons of the Holy cross and Derbent. In the article, the authors pay attention to the problems of supplying the infirmaries and hospitals of the Holy cross and Derbent with all necessary medicines. Sources of funding for hospitals are highlighted.

Ключевые слова: Дербент, Святой Крест, Низовой корпус, комендант, гарнизон, медицинский персонал, госпиталь, лазарет, офицеры, солдаты.

Key words: Derbent, Holy Cross, Grassroots corps, commandant, garrison, medical staff, hospital, infirmary, officers, soldiers.

В результате Каспийского похода Петра I (1722–1723 гг.) Приморский Дагестан был присоединен к Российской империи. Для упрочения приобретенных земель в Прикаспие был сформирован Низовой корпус, включавший в себе систему русских крепостей в регионе [1, с. 5]. В данной статье мы рассмотрим систему медицинского обслуживания гарнизонных войск Низового корпуса.

Основным источником по изучению проблемы медицинского обслуживания в гарнизонах Низового корпуса являются хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД) фонды комендантов крепостей Святого Креста и Дербента. Жаркий и влажный климат Прикаспийских провинций был непривычен для солдат, офицеров и казаков российской армии и крайне трудно ими переносился. Ситуацию усугубляли периодически вспыхивавшие эпидемии малярии, лихорадки, чумы и др. болезней; непривычные продукты питания значительно осложняли жизнь военных. Будучи дальновидным, Петр I в 1722 г. издал указ Низовому корпусу по поводу того, чего следовало «остерегаться в этом жарком крае», а также своим военачальникам предписывал всячески оберегать военных и охранять их здоровье [2, с. 235].

Управление полковыми, гарнизонными лазаретами и госпиталями и их персоналом в Российской империи осуществляла Медицинская коллегия [25, л. 12]. Медицинский персонал в гарнизонах состоял из следующих чинов: госпитального комиссара, штаб-лекаря, доктора, полкового, гарнизонного и ротного лекарей, подлекарей, подлекарских учеников, фельдшеров, а в каждой роте по цирюльнику [19, л. 11].

Штаб-лекаря стояли во главе медиков. По указу Военной коллегии от 29 марта 1727 г. штаб-лекаря находившиеся на действительной военной службе должны были состоять в ранге капитан-лейтенантов, а полковые лекаря – в ранге поручиков [26, л. 12].

Как свидетельствуют документы Кизлярского комендантского архива, Анна Иоанновна велела комендантам принимать на службу лекарей по заключенным с ними капитуляциям (контрактам – *Н. Чекулаев, М.-П. Абдусаламов*) на 6 лет и давать денежное жалованье по 15 рублей [9, л. 1]. В числе лекарей были и иностранцы – Яган Христофор Шнейзе, Яган Филипп Гарман и Вильгельм Рытнер, с которыми были заключены капитуляции на 5 лет и определено им денежное довольствие по 600 руб. в год [7, л. 2].

Основной объем работы по лечению раненых и больных военных чинов ложился на плечи фельдшеров и полковых лекарей. В их персонал помимо медицинских чинов входили также и женщины (они следили за чистотой, обстирывали и т.п. – *Н. Чекулаев, М.-П. Абдусаламов*), маркитант, повар, хлебник, которые должны были ухаживать за больными. Для нужд больных, для варения на больных в госпиталях пива отправлялись из полков солдаты. В лес для доставки дров в лазарет больным отправляли воинские команды во главе с обер-офицером. Для подвозки дров выделялись казачьи лошади [19, л. 11].

Основная масса военных чинов лечилась в гарнизонном и полковом госпиталях. Кроме того, в госпиталь присылали больных военных чинов из других крепостей Низового корпуса. Естественно, при большом числе больных

ощущался дефицит лекарств. По приказу командующего Низовым корпусом генерал-фельдмаршала В.В. Долгорукого по недостатку лекарств больным из средств местных доходов покупали коровье масло, уксус, вино, пиво, за счет медицинской канцелярии [5, с. 34]. Так, для нужд больных в лазарете гарнизона крепости Святого Креста в марте-июле 1728 г. было получено 58 р. 52 к., а провиант покупался на местном рынке. В марте-июле 1728 г. для нужд больных на их довольство лазарет крепости Святого Креста получил: мяса 17 пудов 18 фунтов ползолотника, масла коровьего 2 пуда 16 фунтов 20 золотников, масла конопляного 1 пуд 20 фунтов 18 золотников, калачей 11 пудов 13 фунтов, вина 17 ведер, пива 221 ведро. Для света в лазарете в январе 1732 г. было отпущено сальных свеч 5 пудов и приобретено пищей бумаги 50 пудов [8, л. 36, 304].

Хранящиеся в ЦГА РД документы позволяют узнать о получаемом медицинскими чинами денежном жалованье, раскрыть права, полномочия и обязанности военных медиков. Они регламентировались имперскими воинскими уставами. Так, в военном уставе Петра I (30 марта 1716 г.) предусматривалось следующее:

О докторе: «Надлежит при войске, а особливо при вышних Генералах, полевого Доктора иметь, которой бы не только в медицине (докторстве) доброе основание и практику имел, но дабы трезвым, умеренным и доброхотным себя содержал, и в нужном случае чин свой как нощью, так и днем, надлежащим образом написанием рецептов и учреждением лекарства отправлять мог. Под его команду обретаются все лекари в войске, которые имеют в опасных и сомнительных случаях, в лечении и в обвязывании больных и раненых, с ним советоваться, и по его изучению прилежно поступать. Такожде имеет оный надзирание над полевою аптекою, дабы оная довольными и добрыми лекарствами и искусными особами снабдена была».

О штаб-лекаре: «Зело потребно при войске искусному штаб-лекарю, ибо, когда жестокая акция, баталии и осады случаются, много раненых солдат бывает, и надлежит ему вышних офицерам, ежели у кого рука или нога отстрелится, всегда первый раз завязать, понеже от того наивящее зависит; и прочие лекари в завязании ран потому поступают. Он такожде имеет своих товарищей, которые ему в том помогают».

О полковых лекарях: «Полковые лекари повинны ротных фельдшеров не только для одного бритья, солдатского употреблять, но и учить их лекарскому делу, и чтоб с тщанием ходили за больными и ранеными. Також не надлежит полковому лекарю, ежели прилучится тяжкая болезнь или отсечение руки, или ноги, или какой тяжелой болезни (операции), без Доктора или штаб-лекаря самому собою лечить или отсекасть: но должен он с их совету как болящего лучшие лечить; ежели случиться то не в присутствии Доктора и штаб-лекаря, то надлежит ему советоваться о том со своею братьею полковыми лекарями. Но разве где и полковых лекарей не случиться, то по нужде лечить и отсекасть одному. Також которые из фельдшеров, объявлять Доктору и Штаб-лекарю, дабы они их могли производить в лекари» [3, с. 244–246].

Госпитальный комиссар систематически докладывал в Гражданскую канцелярию о количестве больных военнослужащих. «Полковые лекаря требовали от Комендантской канцелярии в лазарет для довольства и на перегонку в спирт к припаркам больным вина горячего ведро» [23, л. 36].

Госпитальный инспектор должен был следить, чтобы в госпитале была чистота, больные по предписанию врача получали своевременно свою пищу. Из полков выделяли в госпиталь унтер-офицеров, исходя из числа больных. Штаб-лекарь или доктор обязан был в неделю 4 раза больных осматривать в госпитале, и назначать лекарства. Полковой лекарь вместе с одним учеником от каждого полка обязан был быть в госпитале и давать назначенные доктором или штаб-лекарем больным лекарства. Полковые лекари доносили штаб-лекарю обо всех выздоровевших или вновь поступивших в госпиталь больных военных, а штаб-лекарь в свою очередь сообщал вышестоящему командиру [3, с. 246–248].

В 1732 г. ощущалась нехватка медперсонала в дербентском гарнизонном госпитале. В 1732 г. по требованию гарнизонного лекаря К. Эшина генерал-майор А.Б. Бутурлин перевел в состав дербентских лазаретов медперсонал выходящих из Персии в Россию, как пехотных, так и драгунских полков [21, л. 10].

Подлекари по окладу получали из гарнизонной казны жалованья в месяц по 3 рубля [10, л. 119].

Снабжение гарнизонных и полковых лазаретов осуществлялось из нескольких источников: 1) присылалось из Астрахани; 2) сам гарнизон обеспечивал их всем необходимым. Снабжение из Астрахани происходило следующим образом – от каждого полка фельдшеры ездили в Астрахань для принятия на свои полки медикаментов и провиант на лазареты. Так, Дербентского полка фельдшер Спиридонов в Астрахани получил чихиря 1 бочку, пшеницы 2 чувала, пшеница 3 пуда [20, л. 75].

Помимо этого, как свидетельствуют архивные материалы, из Астрахани присылалось все необходимое для лазаретов. Полевая астраханская аптека для лечения больных в Дербент регулярно присылала на бинты, пластыри и на окорпий холстины по 200 аршин [11, л. 39; 12, л. 13]. Шафран для госпиталя присылали из Астрахани, когда же присылки не было, лекарь К. Эшин просил коменданта о выдаче шафрана из дербентских припасов. Вскоре лекарю К. Эшину было выдано по 1 фунту шафрана [12, л. 26]. В Дербент из Астрахани для нужд больных привозили провиант: муку, масло коровье, солод, вино. По приказу императора Петра I в Дербент для нужд больных в лазарете было отправлено 6 000 ведер вина. В ноябре 1732 г. из Астрахани привезли сальных свеч 14 пуд, 500 ведер вина, 105 пудов хмеля, 260 четвертей солода, коровьего масла 40 пуд, железный пивоварный 1 котел, 2 пивных чана. В июне 1733 г. из Ярков в Дербент для больных доставлено 483 четверти 6 четвериков солода [15, л. 39–40; 22, л. 62].

В Дербенте маркитанты занимались поставками для лазаретов провианта: калачей, мяса и уксуса [24, л. 5]. В лазарет систематически поставляли нефть, используемую для варения пива больным [16, л. 114].

Непосредственно снабжение лазаретов осуществлялось из провиантских магазинов гарнизона. Так, 16 мая 1732 г. в дербентские лазареты было выдано: коровьего масла 9 пуд 9 фунтов, 30 ведер уксуса, 22 четвертей 5 четвериков муки [12, л. 96–97].

Документы ЦГА РД позволяют нам проиллюстрировать систему финансирования гарнизонных лазаретов, которая осуществлялась из нескольких источников:

1) из Медицинской коллегии; 2) в полковой денежной казне каждого регулярного полка содержалась статья – «на содержание полкового госпиталя»; 3) у всех военных чинов – от полковника до извозчика при выплате денежного жалованья высчитывали «в госпиталь» – по 1 копейке с каждого рубля и отдавать лазаретному комиссару; 4) за пребывание в госпитале у военного вычитывалось в пользу госпиталя половина его денежного жалованья; 5) собираемые обер-офицерами подушные деньги с населения или на содержание госпиталя; 6) вычитывали из жалованья на покупку медикаментов [8, л. 41; 26, л. 7].

Указу от 23 марта 1727 г. предусматривал так же выделение прибавочных из Камер коллегии денег на покупку вина и уксуса для больных Низового корпуса [4, с. 770].

Средства гарнизонной казны Дербента использовались для нужд дербентских лазаретов. Так, в августе 1722 г. для нужд больных драгун и солдат было принято денег на сумму 500 руб. на покупку пищи. В марте 1728 г. из средств пошлинных доходов были куплены в опасные лазареты холста на пластыри 10 аршин. 18 ноября 1733 г. на средства таможни было куплено бязи 70 аршин в лазарет [22, л. 41–42].

В обязанность лекаря К. Эшина входило докладывать дежурному офицеру о состоянии и нуждах дербентских лазаретов, о нехватке в лазаретах продовольствия и дров [11, л. 63]. Так, на основании рапорта лекаря К. Эшина генерал-майор А.Б. Бутурлин сообщал коменданту, что из-за увеличения числа больных, в лазаретах испытывается острая нехватка постелей. Комендант получил приказание от генерал-майора А.Б. Бутурлина их прислать из Милюкента, а временно вместо них брать из полков «ветхие кули» и отдавать их больным вместо постелей [17, л. 54].

Из имеющихся лесов в Дербенте по требованию лекаря К. Эшина были выданы сосновые доски для делания на больных ванны для их лечения [20, л. 42]. А 10 марта 1732 г. так же по требованию лекаря Эшина, из-за отсутствия в аптеке холста для намазывания пластырей, бинты на корпии были сделаны из негодных палаток [11, л. 57–58].

В обязанность дербентского лекаря К. Эшина также входило представлять командующему Низовым корпусом «обстоятельные ведомости» о состоянии дербентских лазаретов [18, л. 58].

В полках гарнизона полковые медики регулярно проводили медицинское освидетельствование военных чинов для выявления больных и лиц, непригодных к военной службе, которых затем отправляли в отставку. Указ Сената от

26 апреля 1732 г. требовал присылать в Герольдмейстерскую контору описания болезней отставных военных чинов. Военные медики особенно строго следили за тем, чтобы военные чины не притворялись больными. Так, 23 августа 1731 г. из Низового корпуса Дагестанского полка был отпущен фискал Кирилл Аристов от Военной коллегии за дряхлостью и «худостию». Он по свидетельству докторов от воинской службы был отставлен и для определения к гражданским делам отослан в Герольдмейстерскую контору. Провиантмейстер Бакинского пехотного полка Ларион Пахаев по указу Военной коллегии был отстранен от полевой службы и определен в Сибирской гарнизон в прапорщики. 27 августа 1731 г. был отпущен из Низового корпуса для подлинной отставки поручик Рязанского драгунского полка Петр Новиков, который Военной коллегией отставлен и для определения к гражданским делам отослан в Герольдмейстерскую контору [14, л. 243–244; 22, л. 28–29].

Из-за того, что в дербентском лазарете было много больных, часть больных отправляли на лечение в астраханские лазареты. Из Астрахани в Дербент присылали сведения о больных, в том числе списки умерших в лазаретах Астрахани военных чинов Дербентского гарнизона [12, л. 2, 33, 79].

Штаб и обер-офицеры нередко отпускались из гарнизона в отпуск со службы «для лечения болезни» [17, л. 3].

В дербентском гарнизонном лазарете в марте 1732 г. лечились 3 драгуна из гарнизона крепости Низовой. 22 декабря 1732 г. там также лечились рядовые из крепости Святого Креста [13, л. 2].

Командующий Низовым корпусом В.В. Долгорукий предпринял ряд мер по облегчению положения больных военных чинов: не дожидаясь распоряжений из Петербурга, он распорядился выдать солдатам жалованье из местных сборов персидскою монетою по настоящей цене, по недостатку лекарств закупал необходимые медицинские материалы [27, с. 347–348].

В архивных документах содержатся и некоторые сведения, касательно обслуживания больных и раненых военных чинов, осуществляемых по приказу главнокомандующего Низовым корпусом князя генерал-фельдмаршала В.В. Долгорукого. Так, в Дербентском гарнизоне для нужд лазарета стали выращивать чеснок как эффективное средство от многих болезней [15, л. 1]. Больные дербентского лазарета получали мясо, вино, пиво. «И когда в чем-либо была нужда велено по указу Анны Иоанновны незамедлительно сообщать об оном в Астраханскую генеральную комиссию» [12, л. 28].

Посуда госпиталя состояла из следующих предметов: котлов – 11 поваренных железных и медных, ковшей – 13 малых и 5 больших, 9 ведер водоносных, 10 дубовых полубочек для варения кваса и печения хлебов, 4 малых бочоночка для разлива больным, 7 ушатов; поваренной посуды – 2 котла железных больших, 4 чана сосновых, 2 корыта для спуска пива, 41 дубовая бочка, 1 деревянная воронка, 1 водоносная наливка, 1 деревянное ведро мерное [12, л. 68].

Военным чинам по выходу из лазарета выдавали аттестат с указанием срока нахождения в нем [14, л. 57].

Таким образом, факты, извлеченные нами из архивных документов, достаточно красноречиво свидетельствуют о напряженной ситуации, складывавшейся в гарнизонных лазаретах и госпиталях в связи с нехваткой медикаментов, перевязочных материалов, продуктов питания, а также в связи с большой заболеваемостью воинского контингента, особенно солдат, из-за тяжелой экологической и климатической обстановки, нередких эпидемий, случавшихся в регионе.

Российские военные власти на Кавказе в этом плане придавали важное значение мерам по осуществлению лечения больных и раненных в гарнизонах Святого Креста и Дербента, снабжению лазаретов и госпиталей необходимыми медикаментами, их финансированию и т.д.

Список литературы

1. Абдусаламов М.-П.Б., Чекулаев Н.Д. Система снабжения крепости Святого Креста (1722–1735 гг.): по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2018. № 4 (76). С. 5–11.

2. Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала: ДГУ, 2011. 620 с.

3. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ). Т. V. 1713–1719 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 782 с.

4. ПСЗ. Т. VII. 1723–1727 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 933 с.

5. Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801 гг.) Т. 2. Владикавказ: Электротипография Типографии Терского Областного Правления, 1912. 256 с.

6. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 18. Оп. 1. Д. 38.

7. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 32.

8. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 35.

9. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 65.

10. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 79.

11. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 83.

12. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 84.

13. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 89.

14. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 97.

15. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 153.

16. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154.

17. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 155.

18. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157.

19. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 164.

20. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 166.

21. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 167.

22. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 169.

23. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 4.

24. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 9.

25. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 649.

26. ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1. Д. 14.

27. Чекулаев Н.Д., Абдусаламов М.-П.Б. Василий Владимирович Долгорукий – главнокомандующий Низовым корпусом на Кавказе (1726–1731) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Верременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. Т. 2. С. 343–350.

Искусство как источник по истории детской повседневности и материнства*

Статья посвящена визуальным источникам изучения детской повседневности в дворянской России XVIII – середины XIX в. Основное внимание уделено гендерным аспектам интерпретации иконографии детской и женской повседневности. Рассматривается вопрос о «некатегоризуемости» в одежде пола ребенка вплоть до двухлетнего возраста. Делается вывод о влиянии стереотипа завоевываемой «мужественности» в противовес плавно достигаемой «женственности» на более позднем возрастном этапе гендерной дифференциации.

The article is devoted to visual sources of the study of children's everyday life in noble Russia of the 18th – the middle of the 19th centuries. The main attention is paid to the gender aspects of the interpretation of the iconography of children's and women's everyday life. The author examines the issue of the “non-categorizability” in clothes of the sex of a child up to the age of two. The author comes to a conclusion about the influence of the stereotype of conquered “masculinity” as opposed to the smoothly achieved “femininity” at a later age stage of gender differentiation.

Ключевые слова: гендер, история повседневной жизни, женская повседневность, детская повседневность, детский портрет.

Key words: gender, history of everyday life, women's everyday life, children's everyday life, children's portrait.

История детства дворянских девочек в России XVIII – середины XIX в. репрезентируется в источниках различных типов и видов неравномерно. Заметна общая в источниковедении тенденция к количественному росту и усложнению структуры корпуса исторических источников на протяжении указанного периода. Начало этих изменений маркирует переход от средних веков к новому времени. Следствием эмансипации индивидуальности становится почти одновременное появление в России таких личностных источников, как мемуары, и портретной живописи [3, с. 131]. Тема детской повседневности может изучаться по иконографии, начиная с первой четверти и середины XVIII в. В этот ранний период уже существовали изображения детей. Можно наблюдать позитивную динамику в количественном росте таких изображений. К середине XVIII в. появились именно индивидуальные детские портреты. Однако открытая портретным жанром уникальность детской личности признавалась на ранних этапах преимущественно за детьми из императорской семьи. Тем не менее это положило начало последующему складыванию представления о самоценности конкретной детской личности. В эпоху императора Петра I признание права на художественное воспроизведение ясно выраженной индивидуальности ребенка, будучи прерогативой потомков царя, связывалось

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №19-09-00191.*

прежде всего с их особым социальным статусом, а не собственно с пребыванием в детском возрасте. Не случайно почти на всех портретах представлены устойчивые атрибуты царской власти, например горностаевая мантия. Среди сохранившихся изображений преобладают портреты девочек-царевен, поскольку, как писал в донесении 1719 г. английский резидент в России Д. Джефферис, из «одинадцати человек детей» Петра I и Екатерины I «в живых остались только три царевны» [3, с. 132].

Из ранних портретов детей, не принадлежавших к императорской семье, известно изображение дочерей вместе с матерью – «Портрет Анастасии Яковлевны Нарышкиной с детьми Александрой и Татьяной» 1710-х гг. [6, № 11] Этот портрет репрезентирует в большей степени не детство как таковое, а нормативный образ женщины, неотъемлемой частью которого являлось материнство. Это парадный портрет жены высокого столичного деятеля – первого коменданта Петербурга и с 1719 г. московского губернатора. Ее изображение должно было «иллюстрировать» социальный статус мужа. Характерная «рецепция элементов западноевропейской повседневности, как то: модные стили в архитектуре и интерьере жилищ, предметах обихода, рационе питания, одежде, образе жизни», призванная «в известной мере компенсировать отсутствие адекватной сословной идентификации», соотносилась прежде всего с «реалиями столичной повседневности» [4, с. 80]. Анализируя модный, европейского покроя костюм А.Я. Нарышкиной на данном портрете, можно подчеркнуть, что ей полагалось строго следовать моде именно как жене первого Санкт-Петербургского коменданта. Этот портрет имеет явную преемственность со стилем парсуны, отголоски которого можно обнаружить в искусстве конца XVII – первых лет XVIII в. у многих неизвестных живописцев, что особенно заметно в изображении лиц дочерей. Это свидетельствует об отсутствии в то время навыков художественного «видения» и воспроизведения собственно детского лица. Традиционный канон «детского» изображения сложился в иконописи применительно к образу младенца Иисуса Христа. В светской же живописи художественные приемы написания портретов детей только формировались, отсюда и уклон в сторону парсуны, представлявшей собой сочетание новых задач показа личности и старых иконных традиций письма. При этом стилистически изображения «обычных» детей должны были отличаться от изображений Божественного младенца, за которыми традиционно был закреплен статус «детскости». Следствием стало намеренное огрубление и овзросление детских лиц на ранних светских портретах. Нарышкина-мать является главным персонажем – ее фигура занимает практически все пространство, причем центральную его часть. В этом также могло проявляться влияние парсуны, для которой характерна статичность композиции, когда фигура заполняет почти все пространство холста. Дочери выглядят своего рода «живым обрамлением» изображения матери. Они стоят, вплотную прижавшись к ее широкой юбке, но эта слитность с матерью лишь подчеркивает, что их не воспринимали отдельно от нее. Характерные жесты рук девочек, привлекая внимание зрителей к матери, как бы призваны «сказать»: «Посмотрите,

вот она, наша мама. Это *она* изображена на этом портрете». И хотя анализируя портрет Нарышкиной с дочерьми, мы имеем дело с репрезентацией в живописи первой четверти XVIII в. стереотипного представления о предназначении женщины, не следует совершенно не принимать во внимание момент эмоциональной привязанности матери к детям. Возможно, явственно показывать эти эмоции не входило в задачу конкретно данного (и вообще, репрезентативного) портрета, а, может быть, и вовсе не было принято. По крайней мере, это наводит на очень важные с точки зрения истории детской повседневности вопросы о возможности публичной демонстрации взрослыми привязанности к детям, о динамике этого явления на протяжении XVIII – середины XIX в.

Уже в первой половине XIX в. взрослые открыто проявляли свои эмоциональные привязанности к детям, например навещая дочерей в институтах, отъезд в которые для них «становился настоящей трагедией» [1, с. 30]. Применительно к первой четверти XVIII в. речь может идти лишь о достаточно сдержанном выражении матерью своих чувств к дочерям в публичном пространстве. Что касается собственно изображений двух девочек, дочерей Нарышкиных, то они представляют собой как бы «уменьшенные копии» взрослой женщины – их матери. Их лица совсем не выглядят детскими. На портрете не наблюдается специальной детской одежды для девочек, подчеркивающей специфику именно детского образа жизни, детских занятий и времяпровождения. Вопрос еще и в том, а были ли таковые? Или, как утверждала Симона де Бовуар, с рождения из девочки формируют будущую «женщину»?

В середине XVIII в. сохранялась та же традиция изображения девочек, одетых как взрослые дамы. Но если девочкам явно атрибутируется «женскость» внешнего облика, то есть принадлежность к женскому полу портретируемого ребенка не вызывает ни малейших сомнений, то в случае изображения мальчиков пол ребенка не выявлен столь же однозначно. Мальчиков в середине XVIII в. изображали в длинных платьицах [7, № 17; 8, № 16], или, как сказали бы сегодня, одетыми «как девочек». Возможно, для «зрителя» середины XVIII в. вопрос «угадывания» пола изображенного на портрете ребенка вообще не стоял, ввиду как раз отмеченной выше специфики изображений: если это не была «стоцентная» маленькая «дама», значит, – это был мальчик. Искусствоведы находят ряд косвенных признаков, по которым, с их точки зрения, дети, изображенные на портретах, могут быть идентифицированы как мальчики, – это, например «скрипка в руках одного из них, шапочка с пером, галуны и отвороты рукавов, напоминающие рукава кафтана» [3, с. 137]. Наиболее удивительным кажется первый из названных признаков. Но при сопоставлении с другими картинами, на которых изображены музыкальные инструменты, можно проследить, что скрипка, хотя она и изображается реже, атрибутируется мальчишкам/юношам с тем же постоянством, что и фортепиано девочкам/девушкам. Гендерный аспект владения музыкальными инструментами очень интересен и свидетельствует об очередном стереотипе из числа тех, что пронизывали дворянское сознание. Автодокументальная традиция (письма, мемуары) [2, с. 65], а вслед за ней и русская классическая литература,

зафиксировали это стереотипное атрибутивное барышням игры на фортепиано, в то время как о скрипке, вероятно, именно из-за того, что на ней предписывалось играть представителям мужского пола, известно меньше.

Вместе с тем, как показывают дворянки-авторы мемуаров, проблема «нераспознаваемости» мужского пола по детской одежде все-таки имела место для их современников. Так, С.В. Капнист-Скалон, вспоминая о своем детстве уже начала XIX в., писала: «Так как мы с братом были очень схожи и как нас одевали всегда в одинаковые женские платья, то нас и принимали часто сторонние люди за двух девочек». Однако факт живучести в дворянской среде традиции одевать маленьких мальчиков в платья, надежно наблюдаемой с середины XVIII в., включая первую половину XIX в., вплоть до конца XIX в. не объясняет этого явления и не снимает вопроса о его природе.

Применительно к концу XVIII в. «некатегоризуемость» в одежде пола ребенка вплоть до двухлетнего возраста трактовалась дворянками как ангелоподобность (В.Н. Головина) и своего рода «бесполость». Мемуарные свидетельства, относящиеся к первой половине 80-х гг. XIX в., указывают на некую «изначальность», «аутентичность» женского пола и, вместе с тем, его предварительность, «незавершенность». Это означало парадоксальную установку, причем разделяемую женщинами (М.А. Бекетова), на некатегоризуемость пола в раннем возрасте при одновременном условном маркировании его как «женского», что отражало представление о «женском» как некоем «естественно данном», а о «мужском» – как «социально приобретаемом» по мере взросления и фиксируемом самим отличием от «женского».

Возможно, в этом состояла одна из априорных мотиваций последующего стереотипа о завоевываемой «мужественности» в противовес плавно достигаемой «женственности» на более позднем возрастном этапе гендерной дифференциации. Вспоминается вывод Д. Гилмора, сделанный на основе сопоставления разнообразных культурантропологических данных, о бытующем у многих народов представлении, согласно которому «женственность – это то, что развивается естественно и не нуждается в культурном вмешательстве, чье предопределенное наступление в виде месячных скорее празднуется ритуалом, чем вызывается им» [5, с. 887]. Таким образом, отсутствие на протяжении всего исследуемого периода детской одежды для маленьких мальчиков и традиция одевать их в ассоциируемые с девочками «платья» позволяет конкретизировать принятое в то время понимание и «пола», и «детскости». Условное соотнесение с женским полом воспринималось как своего рода «заготовка» потенциального пола, «шаблон», трансформируемый в собственно «пол» по мере взросления. В этом смысле асимметричность имплицитной трактовки «мужского» как «пола», а «женского» как соответственно некоего «недопола», представляется одним из проявлений принципа «экономии одного» (термин культуролога А. Усмановой), заключенного, так или иначе, в любой бинарной оппозиции. Тем самым «детскость», отождествлявшаяся с «недостатком пола», признавалась скорее за мальчиками, чем за девочками.

Детские портреты середины XVIII в. отличают те же условность и «нестественность», что и взрослые. То, что изображалось в качестве окружения портретируемых, и взрослых, и детей, – это всегда обстановка, в которую их специально «поместили», а не то пространство, в котором протекала их подлинная повседневность. Помимо отсутствия особой детской одежды наличие собственно детского пространства не угадывается и ни в чем остальном: нет ни изображений интерьеров детских комнат, ни детских игрушек, ни, тем более детей, играющих в игрушки (в то время как в западноевропейской живописи такие изображения существуют), ни вообще чего-либо, что идентифицировалось бы с детством как особым периодом жизни. Портреты того времени как бы намеренно «делали» детей более серьезными и как раз за этим стремлением «осерьезнить» детство кроется главное доказательство того, что осознания самоценности, самозначимости и самодостаточности детства как уникального этапа жизненного цикла все еще не существовало. Детство воспринималось как нечто недостаточное, «неполноценное», что на портретах пытались компенсировать такими атрибутами взрослого состояния как цветы, собака (рождающая аллегория преданности и верности), скрипка, яблоко (эти символические образы вызывали определенные устойчивые культурные ассоциации). Детство – неизбежность, которую нужно «быстрее» пережить, отсюда следует проблема «ненадежности» детства как состояния. Источники свидетельствуют о сохранении на протяжении всего периода XVIII – середины XIX в. высокого уровня детской смертности в дворянских семьях. Дети, как и в более раннее время, продолжали составлять «группу риска» (особенно это касалось девочек первого года жизни, не случайно дворянками в мемуарах особо подчеркивалось преодоление их детьми этой возрастной категории), а, потому, детство в глазах взрослых иногда оказывалось призрачным, эфемерным этапом жизни, о котором не следовало задумываться всерьез.

Список литературы

1. Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.
2. Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX вв. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 64–70.
3. Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2009. 616 с.
4. Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе. 2004. № 1–2. С. 72–82.
5. Гилмор Д. Загадка мужественности // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 880–904.
6. Неизвестный художник первой четверти XVIII века. Портрет Анастасии Яковлевны Нарышкиной, рожденной княжны Мышицкой, жены К.А. Нарышкина, первого коменданта Петербурга, с детьми Александрой Кирилловной и Татьяной Кирилловной (1704–

1757), в замужестве княгини Голицыной. 1710-е. Масло, холст. 180,2×130,8. ГТГ (из Государственного музейного фонда (собрание князей Голицыных в имении Дубровицы Московской губернии)) // Из истории реализма в русской живописи: Альбом / сост. К.В. Михайлова, Г.В. Смирнов, З.П. Челюбеева; вступ. ст. М.В. Алпатова, введ. и аннот. К.В. Михайловой, Г.В. Смирнова. М.: Изобразительное искусство, 1982. 212 с. № 11.

7. Неизвестный художник середины XVIII века. Портрет ребенка со скрипкой. Парный предыдущему // Из истории реализма в русской живописи... № 17.

8. Неизвестный художник середины XVIII века. Портрет ребенка с собачкой. Парный последующему // Из истории реализма в русской живописи... № 16.

С.С. Михайлов

Исторический ассирийский некрополь Москвы как источник по изучению диаспоры

В статье рассказывается об историческом некрополе небольшой диаспоры ассирийцев, поселившихся в Москве в первой трети XX в. Некрополь этой группы расположен на нескольких старинных московских кладбищах. Он весьма важен в деле изучения истории этой диаспоры, поскольку надгробия несут немало интересной информации. Статья основана на полевых материалах автора.

The article describes the historical of a small Diaspora of Assyrians who settled in Moscow in the first third of the 20th century. The necropolis of this group is located in several Moscow ancient cemeteries. It is very important for studying the history of this Diaspora, as many tombstones contain interesting information. The article is based on ethnographic materials collected by the author.

Ключевые слова: ассирийцы, Москва, диаспора, некрополь, кладбище.

Key words: Assyrians, Moscow, Diaspora, necropolis, cemetery.

При изучении истории любой городской диаспоры достаточно важным источником являются места компактного погребения ее представителей, т.е. ее некрополь. В первой трети XX в. в Москве сформировалась небольшая (несколько тысяч чел.) диаспора ассирийцев, которая, также создала свой некрополь. С 1920–1930-х гг. в Москве компактные места погребения представителей ассирийской диаспоры возникли на ряде старинных московских кладбищ. Самые крупные некрополи ассирийцев, безусловно, сформировались на Пятницком и Ваганьковском кладбищах, другие, менее масштабные, – на Калитниковском, Даниловском, Преображенском и Введенском (Немецком). Все это – исторические места погребения жителей Москвы, возникшие в 1770-х гг. В настоящее время захоронения ассирийцев можно встретить и на других кладбищах: Николо-Хованском, Востряковском, Домодедовском, Перепечинском и др., однако, это уже некрополь более позднего происхождения и в данной работе мы его не будем рассматривать, остановившись только на тех кладбищах, где погребения рассматриваемой группы производятся с раннего периода истории диаспоры.

Ассирийский некрополь Москвы прежде никем не был описан. В 1985 г., в одной из своих публикаций, о нем вкратце упомянул К.П. Матвеев [1, с. 54]. В 1990–2000-х гг. ассирийские уголки московских кладбищ осматривал архимандрит Стефан (Садо) – крупнейший ныне российский специалист по истории ассирийцев, – однако свои материалы по этой теме он пока еще не опубликовал.

Самым интересным столичным кладбищем в плане исследования ассирийского этнического некрополя безусловно можно назвать Ваганьковское. Здесь большая часть интересующих нас погребений находится компактно на двух соседствующих участках – 3 и 6. Фактически здесь мы видим единый массив, находящийся по обеим сторонам дорожки, разделяющей указанные участки. Семейные места ассирийцев, особенно на 6 участке, расположены вперемежку с русскими могилами. На 3 участке погребены преимущественно представители собэтнуса (племени) джилъвая, большей частью представители группы аласная (выходцы из с. Алсан). Здесь нам также известны погребения уроженцев из некоторых других селений Джилу – Нара. Нерек, Телана. На 6 участке аласнайских могил мало, зато есть компактное место погребения выходцев из с. Зирини, а также некоторых других селений Джилу: Телана, Серпиль. Бубава, Муспиран, Бибукре. Здесь же погребены представители племени куная, населявшего до 1915 г. селение Кон, бывшего изначально одной из четырех крупнейших московских ассирийских групп. На обоих участках немало памятников 1930–1950-х гг., многие из которых несут интереснейшую информацию.

Также «куст» ассирийских могил находится сразу же позади современного здания колумбария, на 24-м участке. В основном здесь погребены ассирийцы групп, проживавших ранее в центре Москвы, в районе Тверского бульвара. Здесь, к сожалению, уже не осталось старых надгробий – они в недавнее время были заменены на новые семейные памятники.

Также два семейных захоронения нам известны на 44 и 39 участках. В первом случае речь идет о месте погребения родственников архимандрита Стефана (Садо), который, собственно, и сообщил автору о его местонахождении. Изначально это место принадлежало семьям Хаушабо и Битмарович, выходцев из области Тьяри, с которыми московские Садо породнились. К сожалению, здесь также стоит большой новый семейный памятник, сменивший более старые надгробия, с которых только были перенесены имена прежде погребенных. В другом случае нам удалось наткнуться на семейное место обрусевшей семьи Сархош, скорее всего урмийского происхождения. Подобных мест, не привязанных к компактным «кустам» ассирийских погребений, на старых московских кладбищах может быть выявлено достаточно много и зачастую они выявляются случайно или благодаря указанию родственников или иных знающих о них лиц.

На Пятницком кладбище большая часть ассирийских захоронений находится на 9 участке, меньшее число могил находится на 3, 5, 11 и 13 участках. Здесь традиционно хоронят своих усопших представители ассирийских семей,

которые до расселения москвичей по «спальным» районам города проживали в районах: Самотёка, переулки Сретенки, находившихся не так далеко от указанного кладбища. Здесь погребены прежде всего ассирийцы-дизная (выходцы из независимой области-маликства Диз), а также барварная (район Барвар) и из некоторых групп, происходящих из равнинного района Гявар (гяварная). Пятницкий некрополь по числу захоронений сопоставим с Ваганьковским и является одним из двух крупнейших в Москве.

Нам известно, что самотечные ассирийцы изначально стали хоронить своих усопших на Лазаревском кладбище, располагавшемся до 1930-х гг. на Сушевском валу, вблизи Марьиной рощи. Однако, место погребения горожан, считавшееся старейшим из подобных в Москве, было приговорено к уничтожению и на его месте впоследствии разбит парк (сначала – Детский, а ныне он носит название «Фестивальный»).

На Калитниковском кладбище ассирийский некрополь компактно расположен на 22-м и отчасти 18-м участках. Здесь традиционно погребают своих усопших представители племен гяварная и нудызная, которые в старой Москве проживали в районе Таганки. Здесь достаточно много могил. В том числе и людей, родившихся еще на территории традиционных мест проживания.

На Даниловском кладбище погребали своих усопших ассирийцы, которые проживали в Замоскворечье и районе Мытной улицы. По племенному составу, здесь присутствуют представители племен гяварная и шапатная. Здесь национальный некрополь мы видим на 29 участке, рядом с небольшой Никольской часовней (главный Духовской кладбищенский храм, функционировавший и в советское время, также находится поблизости). Могилы ассирийцев расположены вперемежку с русскими погребениями, в том числе и достаточно многочисленными могилами представителей духовенства советского периода, инокин. Рядом ранее была могила чтимого старца Аристоклия, от которой ныне сохраняется кенотаф, к которому также до сих пор приходят верующие. Поблизости находится и семейное место известного священнического рода Нечаевых, где лежит и замечательный церковный деятель позднего советского периода – митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. В 1990-х гг. ассирийских памятников было гораздо больше, однако, видимо после эмиграции или угасания семей, места были проданы иным лицам.

Учитывая тот момент, что ассирийские беженцы, обосновавшиеся в интересующем нас городе, достаточно быстро стали ориентироваться на русские православные храмы, нам кажется несколько странным появление небольших ассирийских некрополей на Преображенском и Введенском кладбищах. Первое до начала XX в., т.е. до превращения в советский период в одно из обычных городских мест погребения, существовало как старообрядческий беспоповский некрополь, второе, что видно и по его второму названию («Немецкое»), было некрополем для московских диаспор европейского происхождения, в конфессиональном плане – протестантов и католиков. Мы здесь можем высказать только одно предположение. Между двумя указанными местами до 1930-х гг. располагалось православное Семеновское кладбище. Когда

его ликвидировали, родственникам разрешали перенос праха на другие городские погосты, прежде всего на Преображенское кладбище.

На Преображенском ассирийский некрополь расположен на нескольких участках. Больше всего могил находится на 25 участке, где они создают три компактных «куста». Здесь преимущественно погребены представители группы курисная (локальная группа ассирийцев-дизная, населявшая до 1915 г. с. Курсы, в области-маликстве Диз). Одна семейная могила (Нисан) находится на 4-м участке. Еще несколько погребений компактно расположены на 2 и 3 участках (Нисан и Мирзаевы).

На Введенском (Немецком) кладбище нами обнаружено два места компактного погребения ассирийцев, которые находятся вблизи главной аллеи, на 8 участке. В основном, здесь мы видим могилы членом большой семьи Семеновых, потомков и родственников Евнана Семенова, выходца из с. Хинну (Хенно, локальная группа ханнуная), из Ванской области (ассирийцы-ваная), живших в Москве в М. Ватином пер., на Таганке. Рядом с одной из групп захоронений Семеновых, в один ряд с ними, находится памятник на погребении нескольких человек, явно родственников, носителей фамилий: Хачатуровых, Хошабаевых, Гиво, Гивоода. По мнению о. Стефана (Садо), два последние фамилии принадлежат выходцам из Диза, предположительно из с. Курсы. Поскольку они погребены фактически на некрополе Семеновых, то можно предположить, что семьи породнились еще до того момента, когда возник этот некрополь и курисная нашли свое упокоение не среди односельчан на соседнем Преображенском кладбище, а именно в этом месте.

В черте Москвы в границах на 1960 год оказалось и Перловское кладбище. Оно было устроено в начале 1930-х гг. как узкоконфессиональное для еврейского населения поселка Перловка (впоследствии – часть г. Мытищи) и некоторых районов города Лосиноостровск (с 1939 г. – Бабушкин), созданного в 1925 г. в результате объединения четырех дачных поселков. С конца 1940-х гг., когда было ликвидировано старое православное перловское кладбище, находившееся почти в самом поселке, здесь появились и участки для «русского» населения. Когда произошло расширение Москвы до линии МКАД, это место погребения оказалось отрезанным от самой Перловки и вошло в состав столицы. С конца 1920-х гг. в Перловке проживала небольшая диаспора ассирийцев, насчитывавшая не менее десятка семейств. В плане племенной принадлежности здесь в основном жили выходцы из области Джилу и их потомки. Перловские джильвая происходили из селений Нара, Серпиль, Бубава, Самсики, Муспиран [2, с. 57]. Свои первые погребения диаспора устраивала на местном православном кладбище, а после его уничтожения на вышеупомянутом Перловском, утратившим свою чисто этноконфессиональную специфику. Явно представители диаспоры стали хоронить на этом погосте позже других христиан, поскольку куст ассирийских могил расположен фактически на его задворках, на 4-м участке. Однако, среди могил мы видели погребение Мерзаевых, где есть две даты смерти, которые однозначно старше появления первых нееврейских погребений на Перловском – Ширин Рыгане Мерзаева

(1880–1941) и Мерзаева Нина (1925–1936). К сожалению, нам пока не удалось пообщаться с представителями данного семейства, чтобы выяснить все подробности, но, возможно, погребение было перенесено с прежнего кладбища – оба имени с датами отображены на табличке на общем металлическом кресте. Также на семейном памятнике Михайловых нами замечены даты смерти сына и дочери – Мирзы (1943) и Ландан (1936) – годы рождения не указаны. Другие захоронения ассирийцев, по крайней мере там, где даты смерти присутствуют на памятниках, были сделаны начиная с 1960-х гг.

Даже на старых перловских ассирийских надгробиях из специфически национального мы видим только имена, отчества и фамилии похороненных, указаний на локальное происхождение этих лиц нет. Из чисто ассирийской символики мы обнаружили только один момент на тыльной части современного памятника Н.З. Мерзаева, где помещено изображение национального ассирийского флага.

Как мы уже сказали выше, каждый их перечисленных московских ассирийских некрополей требует отдельного рассмотрения, мало того, Ваганьковское и Пятницкое кладбища являются темами, которые, в свою очередь, распадаются на некоторое число подтем, связанных с локальными ассирийскими группами. Огромный интерес представляют ваганьковские надгробия джилывая и куная, на которых отражена принадлежность погребенного к такой группе, иногда вплоть до рода-отжах. Прежде, по словам старожилов, таких памятников было намного больше, однако, на тех, что затем семьи устанавливали на родовых могилах, чаще всего воспроизводились только имена и крайние даты жизни с прежних мемориалов. На Пятницком кладбище таких памятников с упоминанием исходных сел мы видим сейчас только несколько, на Калитниковском и Даниловском к 2019 г. мы увидели только по одному прецеденту, причем название села и рода (в первом случае) и рода-отжах (во втором) были перенесены потомками на новые надгробия, установленные в последние десятилетия. На Преображенском и Введенском кладбищах таких памятников сейчас нет вообще. На некоторых памятниках Ваганьковского кладбища до сих пор можно увидеть надписи на ассирийском языке, выполненные традиционным арамейским письмом. На ряде кладбищ можно увидеть памятники с ассирийскими надписями, выполненными кириллицей. Как правило, все это делалось на диалекте, на котором говорил усопший и его родственники, причем в большинстве случаев надписи выполнены на той его форме, которая сохранялась на момент установки монумента. Некрополь на старых московских кладбищах, то, что мы находим на его надгробиях, оказывает важную помощь в исследовании ассирийских групп, обосновавшихся в столице и в России в целом.

Конечно же за столетнюю историю московская ассирийская диаспора дала стране немалое число примечательных людей, оставивших свой вклад в науке, культуре, общественной жизни и т.п. На Пятницком кладбище можно назвать могилы Героя Советского Союза – Ладю Ширинаевича Давыдова (1924–1987), известного ученого-арабиста Даниила Ивановича Юсупова. На

Ваганьковском конечно же прежде всего следует упомянуть захоронение целительницы Джуны Давиташвили (1949–2015). Такие известные при жизни представители ассирийского народа, вернее, их некрополь – тема отдельного исследования. Конечно же, есть и лица, которые были значимы для самой диаспоры. Здесь можно вспомнить похороненного на Калитниковском народного ассирийского поэта Геварзиза Хошаба (1907–1964). На упомянутых кладбищах до сих пор сохранились могилы известных в диаспоре в прошлом зурначей, диаконов (шамаша), иных уважаемых людей. Темой некрополя таких ярких представителей диаспоры никто не занимался, но за последнее время часть важных погребений утрачена.

Изучение московского ассирийского некрополя в настоящее время фактически только начинается и в дальнейшем, по мере сбора и обработки полевого материала, мы будем вводить в научный оборот новые интересные сведения.

Список литературы

1. Матвеев К.П. (Бар-Маттай). Ассирийцы в городах Европейской части СССР // Малые и дисперстные этнические группы в городах Европейской части СССР. М., 1985. С. 46–55.
2. Михайлов С.С. Ассирийцы Подмосковья. 1920–1930-е годы. М.: Квадрига, 2020. 182 с.

Т.П. Урожаяева

Иерусалимская гора в Иркутске: от некрополя к историко-мемориальному комплексу

В статье проведен анализ истории Иерусалимского некрополя (г. Иркутск), который в советский период был приспособлен под Центральный парк культуры и отдыха. В постсоветский период вопрос о сохранении историко-мемориального парка ставился неоднократно. Окончательное решение этой задачи было осуществлено в 2016–2020 гг. Таким образом, из заброшенного парка Иерусалимская гора превратилась в историко-мемориальный комплекс.

The article analyzes the history of the Jerusalem necropolis (Irkutsk), which in the Soviet period was adapted for the Central Park of culture and recreation. In the post-Soviet period, the question of preserving the historical and memorial Park was raised repeatedly. The final solution to this problem was implemented in 2016–2020. Thus, the Jerusalem mountain turned from an abandoned Park into a historical and memorial complex.

Ключевые слова: Иерусалимское кладбище, мемориальный комплекс, памятная стела, захоронения.

Key word: Jerusalem cemetery, memorial complex, memorial stele, burials.

Старинное иркутское кладбище с библейским названием «Иерусалимское» расположено в самом центре города. Мраморные надгробия с позолоченными крестами, массивные чугунные ограды, таинственные подземные

склепы. Здесь находило последний приют немало граждан, внесших при жизни свою лепту в развитие родного города, в строительство его социальных учреждений. Однако здесь же хоронили и небогатых ремесленников, и скромные деревянные кресты мирно соседствовали с каменными памятниками.

Почему на месте Иерусалимского кладбища в советский период построили Центральный парк культуры и отдыха? Ведь еще в 1929 г. там хоронили людей. В 1932 г. Иркутский горсовет решил превратить Иерусалимское кладбище в парк культуры и отдыха. В 1930-х гг. была разорена древнейшая часть кладбища, примыкающая к улице Парковой. Здесь была построена парашютная вышка. На карте города 1940 г. Иерусалимского кладбища уже не было. Оно обозначалось как парк. Попытки местных краеведов защитить его от разрушения не привели ни к чему. Между тем именно здесь находились семейные захоронения известных в Иркутске деятелей. Не спасли кладбище могилы двух прогрессивных публицистов – В. Вагина и М. Загоскина.

На Иерусалимском кладбище сначала разорили его самую древнюю часть и поставили там парашютную вышку. Потом был небольшой перерыв, во время которого и созрела идея сделать подарок к 40-летию Октябрьской революции. В феврале 1957 г. на совместном заседании бюро ГК КПСС и исполкома депутатов трудящихся был утвержден план мероприятий по переоборудованию кладбища под парк культуры, который открыли в июле [17, с. 2].

На Иерусалимском кладбище была расположена могила известного общественного деятеля М.В. Загоскина. Памятник со временем обветшал, барельеф был разбит. Рядом стояла полуразрушенная церковь, невдалеке гремела музыка, скрипело колесо обозрения. Повсюду были киоски, торгующие пивом и нехитрой снедью [4, с. 7]. Место вечного упокоения было превращено в танцплощадку...

Во второй половине 1980-х гг. началась новая эпоха: в печати стали появляться статьи о том, что кладбище надо как-то приспособить к новым временам. Танцплощадка и эстрада к началу 1990-х гг. были закрыты, кладбище превратилось в парк для спокойного отдыха. С 1990-х гг. бывший ЦПКиО пребывал в запустении. Атракционы износились, их разобрали. Прекратила работу танцплощадка. На меньшей части парка размещался детский городок. Остальная часть площади была заброшена [14, с. 7]. Оскверненные могилы были найдены на православном, еврейском и татарском кладбищах [10, с. 3].

В начале 1990-х гг. историк А.В. Дулов выразил убежденность в том, что память об иркутянах, покоящихся на Иерусалимском кладбище, надо сохранить. – Где-то здесь лежат от 100 до 120 тыс. иркутян. Территория кладбища обширна, она практически совпадает с территорией парка. Начало кладбищу было положено в 1772 г. Древнейшая часть Иерусалимского кладбища находилась со стороны ул. Парковой и Коммунаров, именно там сначала был отведен небольшой участок. В 1795 г. был добавлен ещё один участок земли – кладбище постепенно двигалось с запада на восток. Площадь, которую оно занимало до ул. Байкальской, достигло к 1868 г. [16, с. 3].

Время от времени появлялись исторические исследования, очерки, проекты мемориального обустройства. Для этого требовалось восстановить, хотя бы частично, имена покоящихся на нём. А их было огромное количество – до 100 тыс. захороненных, да ещё в несколько слоёв, поскольку территория кладбища была относительно невелика. Собственно, этот благородный труд был начат ещё в начале XX в. Н.С. Романовым, В.С. Манассеиным, А. Геллером и другими исследователями и патриотами Иркутска. Они предпринимали попытки установить фамилии по сохранившимся надгробиям [8, с. 104].

В последующие годы, уже после официальной ликвидации кладбища, эту работу продолжили учёные-историки А.В. Дулов, Б.С. Шостакович, Ю.П. Колмаков, А.Н. Гаращенко [6, с. 37]. По различным архивным и ранее опубликованным источникам они составили списки имён выдающихся жителей Иркутска, захороненных на Иерусалимском кладбище. Среди них были – декабристы, писатели, поэты, общественные деятели, врачи. Здесь были фамильные склепы купцов Трапезниковых, Басниных, Сибиряковых, Зубовых и многие другие. Кроме того, были похоронены польские повстанцы, военные, православные и католические священнослужители [18, с. 927]. И бессчётное количество иркутских обывателей, большинство имён которых оставалось неизвестными.

В 2001 г. доктор исторических наук, профессор А.В. Дулов выдвинул проект обустройства бывшего Иерусалимского кладбища – и эта идея, наконец, была поддержана городскими властями [9, с. 12].

В мае 2006 г. состоялся конкурс по выбору проектных организаций на выполнение работ по обустройству ЦПКиО. Поскольку территория парка являлась территорией бывшего кладбища, в процессе рассмотрения проекта на административном комитете города и его согласования с Центром культурного наследия (ЦСН) появился ряд вопросов и замечаний. Со стороны ЦСН было выдвинуто требование установить памятные знаки на кладбищенских участках: католическом, мусульманском, еврейском. На входе (еврейский участок кладбища) планировалось разместить мемориальный знак [2, с. 5].

Летом 2006 г. был представлен план предстоящих работ, а весной 2007 г. началось обещанное ландшафтное проектирование, с обрезкой старых деревьев, прокладкой новых аллей [11, с. 10]. Осенью 2006 г. библиотекари «Молчановки» Л.А. Казанцева и А.З. Скаллер неподалёку от памятника М.В. Загоскину нашли могильную плиту купчихи Д.А. Медведниковой [7, с. 3].

В 2007 г. реконструкция Центрального парка культуры и отдыха Иркутска шла полным ходом. Одно из самых шумных мест города должно было превратиться в мемориальную зону. Закончить реконструкцию планировалось в 2008 г. Всего на эти цели было предусмотрено около 150 млн р. Предполагалось построить две часовни на месте первого Иерусалимского храма, а также в католической и лютеранской части бывшего кладбища, мемориальный знак должен был появиться в еврейской части [26, с. 3].

В июне 2007 г. два дерева, прикрывавшие могильную плиту, были срезаны как больные и старые, и при этом было повреждено надгробие. Фото этой

плиты, вдавленной в землю, долго не получалось, и иркутский экскурсовод Г.В.Майорова, склонившись, бережно расчистила надпись: «Дарья Алексеевна Медведникова, купеческая жена» [24, с. 3].

С осени 2010 г. иркутское общество «Родословие» приступило к осуществлению собственного независимого проекта «Памяти иркутян, захороненных на Иерусалимском кладбище». Его цель заключалась в восстановлении исторической справедливости по отношению к иркутянам. Практически это стало выявлением доступных данных о людях, похороненных в 1778–1930 гг. на Иерусалимском кладбище [19, с. 2].

Учитывая огромное количество захоронений на Иерусалимском кладбище, этот некоммерческий проект стал начальным этапом предстоящей большой исследовательской работы. Его руководителем стал председатель иркутского общества «Родословие» Н.С. Пономарёва [5, с. 2].

В мае 2013 г. с докладом выступил начальник управления по охране окружающей среды и экологической безопасности комитета по ЖКХ Иркутска В. Чубук. Он заявил, что хотя земельный участок парка – историко-культурное наследие федерального значения, сегодня содержать такую большую территорию как кладбище – слишком большая нагрузка на бюджет [13, с. 2].

Намерение восстановить на месте нынешнего парка полноценное кладбище городской депутат С. Ивушкин оценивал скептически. «Кладбище в центре города!» – восклицал он и высказал предположение, что, в случае если намерение будет реализовано, это станет прецедентом. «Московский зоопарк, например, тоже находится на кладбище, таких парков, которые стоят на месте кладбища, в России много» [12, с. 4].

В связи с растущей тревогой горожан за судьбу Иерусалимского некрополя настоятель Спасского храма иерей А. Беломестных сказал, что в городе уже был опыт перезахоронения и достойного обращения с останками: «Когда в Спасском храме шла реставрация, останки первопроходцев осторожно изъяли и сделали специальную крипту, где их захоронили» [25, с. 2].

Новые обсуждения вокруг будущего ЦПКиО возникли, когда на обсуждение был вынесен проект Торговой Оси, предложенной группой архитекторов во главе с Е. Григорьевой. Согласно её предложению, бывшее Иерусалимское кладбище должно превратиться в мемориальный парк, где предлагалось отказаться от капитального строительства. Изменения должны были произойти только с центральной аллеей парка. Там предлагалось соорудить лёгкий павильон. Остальная территория, учитывая историческую особенность, должна остаться нетронутой [29, с. 4].

Председатель комиссии по городской топонимике А.В. Дулов напомнил, что погост никто из горожан и туристов посещать не будет. С точки зрения учёного, лучшее имя для бывшего кладбища – Иерусалимский мемориальный парк. Вице-мэр А. Логашов пояснил, что ближайшие планы администрации города были довольно скромные и конкретные – перенести мини-зоогалерею и детский городок на другие площадки и заняться благоустройством территории: почистить тропинки, провести освещение, поставить лавочки [27, с. 3].

В мае 2016 г. в Музее истории города Иркутска состоялась презентация книги «Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище» историка А. Гаращенко. С предложением написать книгу как составную часть проекта реконструкции кладбища обратился организатор и руководитель Иркутского регионального общественного объединения «Иркутский исторический некрополь» А. Дорошенко. Перед исследователями стояла задача установить историко-культурную ценность этой территории: через выявление захороненных лиц и закрепление в сознании живущих значимости этого памятного места в структуре городской среды [1, с. 3].

Весной 2016 г. на Иерусалимской горе был реализован ещё один проект тем же «Иркутским историческим некрополем» на средства областного гранта. В преддверии смены статуса ЦПКиО был подготовлен проект «Возрождение исторической памяти». В рамках этого проекта была выполнена работа по поиску и выявлению сохранившихся надмогильных конструкций. В итоге было обнаружено 66 конструкций. Интересно, что 20 надмогильных плит и 11 оснований под памятники сохранили своё первоначальное положение.

Обследовать следующую зону планировалось в 2017 г. В неё должны были войти южная и юго-западная части кладбища, со стороны ул. Советской и Парковой. Это была наиболее древняя часть кладбища, и она больше других была «освоена». Именно здесь когда-то находились парашютная вышка, колесо обозрения, кафе. Здесь же долгое время базировался детский городок «Чиполлино». Исторический ландшафт этой части был почти утрачен [28, с. 2].

Планировалось, что благоустройство Иерусалимской горы будет завершено в 2020 г. Вместе с Иерусалимской лестницей, которая была приведена в порядок в 2017 г., областной центр получил завершённый архитектурный ансамбль. На спуске с горы полностью была обновлена сама лестница, уложена гранитная плитка, обустроены фонтан и смотровая площадка. Кроме того, там были разбиты клумбы, высажены саженцы кустов, установлены лавочки, наружное освещение и подсветка лестницы [15, с. 4].

Многие иркутяне выступили за создание аллеи памяти. «Создать стены или стелы с именами, сохранившимися в архивных книгах. Мемориальный комплекс огромен, стену можно поместить в любом месте, разграничить зоны отдыха и памяти», – такую идею озвучил иркутянин В. Шумков. Не раз обсуждалось строительство музея истории на территории парка [23, с. 4].

В сентябре 2018 г. мэр Иркутска Д. Бердников обсудил с представителями религиозных конфессий второй этап благоустройства историко-мемориального комплекса «Иерусалимская гора». – Уверен, что по завершении реконструкции Иерусалимский парк станет знаковым местом для иркутян. В ходе встречи было принято решение о том, что в рамках второго этапа реконструкции на местах захоронений будут установлены памятные знаки конфессий [21, с. 3].

В октябре 2019 г. был завершён второй этап реконструкции «Иерусалимской горы». Все земляные работы велись под наблюдением археологов, поскольку в любом месте могли находиться могилы. Как рассказала директор

НПО «Экспертиза» Л. Кондратьева, строители могли углубляться в грунт не больше чем на 20 см. Примерно столько же сантиметров составила насыпь под объектами [22, с. 3].

Третий, заключительный, этап предполагал полную реконструкцию ограждения комплекса. – На наших глазах из заброшенного места Иерусалимская гора превращается в историко-мемориальный комплекс. Символ единения и примирения народов, слияния прошлого, настоящего и будущего. В место почитания тех, кто строил и создавал наш Иркутск. Здесь, на Иерусалимской горе, вся история нашего города, – подчеркнул мэр Д. Бердников [20, с. 2]. Иркутск всегда был городом многонациональным, как и сама Сибирь. Начиная с XVII в. здесь в мире и согласии жили представители разных национальностей и вероисповеданий. Память о них хранило Иерусалимское кладбище, а теперь сохранит историко-мемориальный комплекс «Иерусалимская гора».

Список литературы

1. Александров А. Иркутский некрополь // Конкурент. 2016. 31 мая. С. 3.
2. Антоненко А. Пора и парку отдохнуть: ЦПКиО в ожидании масштабных перемен // АиФ в Восточной Сибири. 2006. 20–27 июля. С. 5–6.
3. Васильева А. Пикантный отдых // АиФ в Вост. Сибири. 2002. 12–19 дек. С. 6.
4. Ганенко Г. Спасти из небытия // СМ-номер один. 2011. 22 февр. С. 2.
5. Гаращенко А. Н. Мир праху твоему // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 30.
6. Давыдов А. Иерусалимское кладбище // Копейка. 2006. № 21. 1 окт. С. 3.
7. Дулов А.В. Городские некрополи // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. С. 102–107.
8. Дулов А. В. Парк или пантеон? // Земля Иркутская, 2001. № 15. С. 11–15.
9. Климова Э. На колесе обозрения // СМ-номер один. 2004. 29 окт. С. 3.
10. Корк Б. Иркутск стоит на 12 кладбищах // Губерния. 2006. 23 марта. С. 10–11.
11. Коркина Е. Кладбище культуры и отдыха // Конкурент. 2015. 12 мая. С. 4.
12. Коркина Е. Колумбарий для парка // Иркутский репортер. 2013. 1 июля. С. 2.
13. Кузьмин Н. На старом погосте // Иркутская неделя. 2003. 20 сент. С. 7–8.
14. Лисовская Е. Среда со знаком качества // Конкурент. 2018. 3 авг. С. 4.
15. Махнева А. Забытая история парка // Сибирский энергетик. 2012. 31 авг. С. 3.
16. Мичурина Н. Чужие могилы // Вечерний Иркутск. 2005. 19 июля. С. 2.
17. Мокеев Н. Иркутское Иерусалимское кладбище // Журнал археологии, истории и этнографии Сибири. Иркутск. 1912. № 12, дек. С. 927–939.
18. Оккерт Д. Что ждет территорию бывшего Иерусалимского кладбища? // СМ-номер один. 2012. № 39. 4 окт.
19. Память о предках: Городские власти обустроили место захоронения первых иркутян // Губерния. 2019. 22 окт. С. 2.
20. Петрова И. Иерусалимский комплекс: реконструкция продолжается // Вечерний Иркутск. 2018. 11 сентября. С. 3.
21. Писаренко Н. Мэрия Иркутска начнет второй этап благоустройства Иерусалимской горы // МК Байкал. 2019. 10 апр.
22. Постнова Е. Тихие аллеи ЦПКиО // Иркутский репортер. 2018. 25 мая. С. 3.
23. Рекунова В. Приют последний // Конкурент. 2007. 30 июня. С. 3–4.
24. Саломатова А. «Шанхай» разрушен // Губерния. 2014. 15 апр. С. 2.
25. Татаринцев М. Зелёный мемориал: Центральный парк изменит свой облик // Пятница. 2007. 8 авг. С. 2–3.

26. Толоконникова Г. Депутаты озаботились судьбой бывшего Иерусалимского кладбища // Иркутский репортер. 2015. 5 мая. С. 2–3.
27. Трифонова Е. Парк советского периода: Археологи доказали наличие старых захоронений на Иерусалимской горе // Губерния. 2016. 1 нояб. С. 2.
28. Тюрнева О. Конкретных решений нет // Сиб. энергетик. 2015. 28 авг. С. 4.
29. ЦПКиО в Иркутске переименуют в «Иерусалимскую гору» // ИА Телеинформ. 2016. 2 окт.

С.С. Крюкова

Крестьянская повседневность и ее «вызовы» в судебно-следственных документах второй половины XIX – начала XX в.*

Судебно-следственные документы представляют собой чрезвычайно ценный источник для изучения самого широкого круга проблем – как типичных, так и нетипичных – крестьянской повседневности. В настоящей статье представлены лишь некоторые возможности, которые дают нам в этом отношении приговоры волостных судов. Сословный характер данного правового института обеспечивает нарративную целостность материалов. В них нашли свое отражение наиболее острые моменты, своего рода «вызовы» крестьянской жизни и пути их преодоления. Они имеют особую (правовую) окраску, обусловленную погружением в мир преступления и наказания, девиантности и ссоры, имущественных и личных конфликтов. Вместе с тем это мир необыкновенно многослойный, вмещающий в себя самую разнообразную информацию о крестьянской повседневности.

Forensic documents are an extremely valuable source for studying the widest range of problems – both typical and atypical – of peasant everyday life. This article presents only some of the possibilities that the sentences of the volost courts give us in this regard. The estate character of this legal institution ensures the narrative integrity of the materials. They reflected the most acute moments, “challenges” of peasant life and ways to overcome them. They have a special (legal) coloration due to immersion in the world of crime and punishment, deviance and quarrels, property and personal conflicts. At the same time, this world is unusually multi-layered, containing the most diverse information about peasant everyday life.

Ключевые слова: русская деревня, повседневность, микроистория, волостной суд, судебно-следственные документы, конфликт

Key words: Russian village, everyday life, microhistory, volost court, forensic documents, conflict.

Согласно одному из определений, данных толковым словарем Ушакова, вызов – это призыв к борьбе, состязанию. В этом контексте особый смысл и значение обретают исторические источники, родившиеся в поисках справедливости в официальных судебных инстанциях, в частности записи приговоров и судебных разбирательств. Уже само по себе обращение истца в суд можно трактовать как ответную реакцию на конкретные сложные обстоятельства, нарушающие привычный ход жизни, и как попытку таким путем преодолеть

* Работа выполнена в рамках НИР ИЭА РАН.

те или иные «вызовы». В то же время судебная тяжба – это вызов-соствязание, в ходе которого вырабатывают стратегии и способы защиты своих интересов, противодействия чему-либо в надежде разрешить некую спорную, острую ситуацию. Наконец, еще один смысл понятия «вызов» – в прямом смысле вызов истца, ответчика и свидетелей в суд.

К концу XIX в. судебная система в России представляла собой многоступенчатую правовую пирамиду, сложившуюся в ходе преобразований, получивших в историографии лаконичную, но емкую формулу – эпоха Великих реформ. После реформы 1864 г. структура общих судебных учреждений стала единой для всех сословий, включая крестьян – вне зависимости от того, к какой категории они принадлежали до отмены крепостного права (к государственным, частновладельческим или удельным). В России были введены две системы судебных учреждений: с избираемыми судьями (мировые суды и съезды мировых судей) и с назначаемыми (окружные суды и судебные палаты). В компетенции мирового суда находились мелкие уголовные и гражданские дела с исками первоначально до 500 р., впоследствии – до 1500 р. Все уголовные и гражданские дела, превышавшие подсудность мировых судов, рассматривал окружной суд. Тяжкие преступления, за которые полагались наказания, предусматривавшие лишение прав состояния, разбирались окружным судом с участием присяжных заседателей, решением большинства определявших виновность или невиновность подсудимого. Судебная палата была апелляционной инстанцией для рассмотренных в окружных судах дел без участия присяжных заседателей. Пересмотреть приговор суда присяжных можно было только в кассационном порядке в Сенате. Дела политические и религиозные решались «особым присутствием судебной палаты с участием сословных представителей» [7, с. 757].

Вместе с тем в пореформенный период не была преодолена сословность судебного процесса, поскольку наряду с общими судебными учреждениями существовали специальные суды для военных, духовенства и крестьян. В 1861 г. для решения уголовных и гражданских дел крестьян был учрежден институт волостного суда. Волостной суд представлял собой коллегия из 4–12 судей, которых – в отличие от судей мирового и окружного судов – волостной сход ежегодно выбирал из самих крестьян. Волостной суд и составлял низшую ступень судебной пирамиды для крестьян. Поскольку волостные суды разбирали мелкие дела (сумма иска не должна была превышать 100 р., а с 1889 г. – 300 р.), их приговоры отразили характерные повседневные чаяния крестьян о справедливости.

В фокусе нашего внимания – приговоры волостных судов второй половины XIX в. Сюжетообразующим ядром каждого из них являлся конкретный правовой конфликт. В этом ракурсе материалы судопроизводства (преимущественно волостного) уже давно вошли в источниковую базу в исследованиях, посвященных обычному праву крестьян [1; 5; 6; 8]. Однако, как правило, коллеги подвергали анализу их сугубо правовые аспекты, связанные с функционированием новых судебных учреждений и утверждением официальной

юстиции в деревне, соотношением писаного и устного права в крестьянской среде, и пр. Вместе с тем, судебные материалы все более востребованы в изучении крестьянской повседневности и эмоционального мира крестьян [2].

Описания рассмотренных волостным судом дел писари заносили в специальные книги. Их вели в хронологическом порядке. В начале каждого пронумерованного дела помещали информацию о дне и месте заседания суда, список судей, затем следовало описание сути самой тяжбы. Сначала «слово предоставляли» истцу (обязательно с указанием его статуса, т.е. принадлежности к государственным, временнообязанным или др. категории) и последовательно описывали историю конфликта. Потом формулировали позицию ответчика, а также фиксировали свидетельские показания. Каждое дело венчал приговор, заверенный печатью волостного суда. Несмотря на универсальное единообразие в оформлении судебных дел волостных судов, содержание книг по волостям различалось – во многом оно зависело от добросовестности писаря, а также его писательского «таланта» и стиля. Если одни дела отличает лаконичность и скупой пересказ фактов, то другие, напротив, представлены в мельчайших деталях, скрупулезно.

Чтобы проиллюстрировать это, приведу материалы из одного дела, рассмотренного Бутыльским волостным судом Рязанской губернии 2 февраля 1866 г. Крестьянин д. Голваревой Перовской волости Агап Климов обратился с жалобой на крестьянина д. Бобровой Бутыльской волости Левонтия Никитина в том, что первым сосватал у Никитина дочь, «а свадьбу они договорили играть на Казанскую, т.е. 22 октября 1865 г., но так как мы еще договаривали шубу шить мне невесте (Климову), но Левонтий Никитин когда стал собирать свадьбу, то и стал требовать ко свадьбе шубу невесте и без ептаго не выдавал свою дочь за Климова. Поэтому отложили свадьбу до мясоеда, потом в мясоед я скоро с Крещения свадьбу не собрался, хотел делать свадьбу, но мне пришли вести что невесту мою Левонтий Никитин просватал за другога жениха, а присватывание невесты наделало сполне харчу на 3 руб. серебром и еще деньгами дано в задаток Никитину тож 3 руб. серебром». На это Левонтий Никитин ответил: «я просватал за Климова было у него сватание за две недели до Казанской и договорились мы свадьбу делать на Казанскую Агап Климов обещал сшить шубу моей дочери а своей невесте ко свадьбе и я Никитин сварил брашки и зарезал корову к свадьбе на мясо. Наконец приходит Казанская свадьбу Агап Климов не совершил и шубу ко свадьбе не приготовил и отложил свадьбу. Потом пришел мясоед, прошло Крещение. Агап Климов вестей мне никаких не присылает и наконец после Крещения я послал свою жену в д. Голвари для узнания будет ли Агап Климов делать свадьбу али откажется. Жена пришла в дом Климова и в то пору Климова не было, а в доме была одна только девушка, которая сказала, что Климов у соседа сидит, но жена моя отправилась к соседу, у соседа Климова нет... Климов сметил жену мою и скрылся от ней. Жена моя объявила Климовым сродникам, что скажите ему нареченному зятю чтобы он совершал как можно скорей свадьбу, а то мы просватаем за Другова. После таво мы еще неделю ждали, вестей не было, потому

мы с женой усумлевались что у нас он время-то проведет, а взять та нашу дочь не возьмет, потом пришел к нам другой сват мы и просватали за другога жениха. А харчу нам Климов не делал очень много, потому что сами люди бедные делали обед» [3, л. 3–4].

Расстройство оговоренного брака нередко порождало конфликты в крестьянской среде. В основе приведенного выше иска лежит как материальная составляющая (возмещение убытков), так и морально-нравственная (компенсация за «обиду»). Однако живой интерес вызывает сегодня также само описание конфликта, в котором мы находим сведения и о крестьянском календаре – чередовании христианских праздников и постов («Казанская» и «мясоед»); и о традиции запрета на заключение брака в периоды постов; и об обычае сватовства как важного этапа свадебного обряда (в сопровождении застолья, имевшего символическое название – «делали обед»); и об условиях предбрачного договора (в данном случае речь шла о пошиве шубы для невесты); и о том, что должно было быть на свадебном столе (заранее варили брагу и заготавливали мясо); и о статусе участников тяжбы («мы люди бедные»). Однако кроме своего рода «этнографического эскиза» свадьбы и ее нормативного оформления описание этого разбирательства позволяет нам также составить представление о крестьянской «дипломатии» в поведенческих стратегиях. Из показаний ответчика явствует, что в роли «посла» к жениху отправилась мать просватанной девушки, именно она должна была прояснить конфликтную ситуацию. Наконец, сам эмоциональный фон показаний передает нам опасения ответчика, связанные с потенциальным отказом от брачного договора, – сложившаяся ситуация таила угрозу для его дочери в деле создания семьи.

Крестьянская повседневность содержала в себе разные «вызовы». Рассмотрим, приговоры волостного суда Троице-Лесуновской волости Ряжского уезда Рязанской губернии с 4 апреля 1869 г. по 5 декабря 1872 г. [4] За этот период волостной суд принял решения по 74 тяжбам (1869 г. – 14; 1870 г. – 16; 1871 г. – 15; 1872 г. – 29). Состав их участников предопределяла поселенческая структура деревни: субъектами возникавших конфликтов были либо члены одной семьи/двора, либо жители одной деревни/села. Как показывают изученные нами материалы, наиболее распространенными, следовательно, наиболее важными в повседневной жизни крестьянина были разбирательства, связанные с миром материальным / заботами о «хлебе насущном». В данном случае речь идет о 76% от общего числа дел. Как показывает анализ судебных разбирательств, вызваны они были либо семейными и соседскими земельными/имущественными спорами, либо исками о взыскании долга и выполнении договорных обязательств. Около четверти тяжб были вызваны драками, побоями или оскорблениями.

Судебные тяжбы волостных судов могут поведать нам также о разных видах договорных отношений, сложившихся в деревне того периода, и порядке их урегулирования, о правилах наследования и распределения семейного имущества (земли, усадебных построек, скота и птицы, хозяйственной утвари и орудий труда, одежды и пр.) и др. Изучая материалы дел, иногда можно

наткнуться на чрезвычайно любопытные сюжеты, помогающие реконструировать морально-этические представления крестьян того времени и механизмы их защиты. Мы столкнемся здесь и с упоминанием обрядовых практик, закрепленных традицией. В качестве примера приведу материал из описания конфликта, возникшего между одной молодой крестьянкой и группой ее односельчан.

24 сентября 1872 г. Троице-Лесуновский волостной суд слушал жалобу крестьянки с. Незнаново Татьяны Федоровой на Никанора Данилова, Абрама Матвеева и Ивана Павлова. 29 июля того же года она купалась в реке. «Односельцы»-крестьяне, подойдя к тому месту, где лежало ее платье, забрали его. В результате она осталась нагой в реке «без всякой надобности, потому что нагой быть на берегу не приходится». Спустя какое-то время ей подала рубашку крестьянка с. Незнаново Ульяна Павлова, отобравшая ее у похитителей. Когда «по выходе из речки она убралась то подойдя к ней Никанор Данилов схватил за левый рукав разодрал его и вдарил два раза кулаком один раз в грудь и в другой по шее». Ответчики Никанор Данилов, Абрам Матвеев и Иван Павлов сознались, что действительно были у реки и взяли рубашку Татьяны Федоровой вместе с рубашками других женщин, купавшимися вместе с нею; и сделали они это по той причине, что «были довольно выпивши вина и пришли купаться а место это было занято». Никанор Данилов ударил ее за то, что назвала его перед товарищами «чужбинником» и плюнула ему в глаза. Свидетельницы крестьянка Ульяна Павлова и Марья Максимова подтвердили показания Татьяны Федоровой. Волостной суд предложил истице и ответчикам прекратить дело миром, на что они согласились. В качестве «доказательства мира» ответчики поклонились в ноги просительнице по одному разу, а она их поцеловала. Кроме сего обещались вознаградить Федорову деньгами каждый по два рубля Федорова тож согласилась получить и тем самым дело это прекратить» [4, л. 73–74]. Детали этой процедуры примирения с поклонами и поцелуями буквально «визуализируют» установившийся ритуал, а само дело раскрывает антинормы поведения в крестьянской среде и пределы допустимого в нарушении личного пространства крестьян. Чрезвычайно любопытным здесь также является негативный подтекст обращения «чужбинник», воспринятого как оскорбление.

Несмотря на специфическую (правовую) окрашенность этого вида источников, обусловленную погружением в мир преступления и наказания, девиантности и ссоры, имущественных и личных претензий, судебные материалы волостной юстиции стали своего рода архивом деревни,местилищем многослойной и разнообразной информации, в т.ч. о локальной крестьянской повседневности, ее «вызовах» и сценариях их преодоления. Сословность волостных судов придала особую ценность этому виду источников в общем массиве информации, которая необходима в репрезентации крестьянской повседневности. Нередко в довольно подробном описании того или иного конфликта можно обнаружить ценные сведения о материальном, вещественном

мире, окружавшем крестьян. В особенности, когда речь шла об имущественных или наследственных спорах. Вместе с тем благодаря сохранным в судебных делах рассказам о мотивах и обстоятельствах конкретных дел, порой весьма интимных закулисных личных историях, мы можем реконструировать многогранный крестьянский миропорядок языком самих его носителей. Эти персонифицированные микроистории в совокупности образуют метанарратив крестьянской повседневности в самых разнообразных ее проявлениях.

Список литературы

1. Безгин В.Б. Правовая культура русского села (вторая половина XIX – начало XX веков): учеб. пособие. Тамбов. Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2012. 80 с.
2. Бородина Е.В. Судебно-следственная документация как источник по изучению чувств и эмоций (по материалам Урала и Западной Сибири 1720-х годов) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. 2012. С. 57–61.
3. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 345. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАРО. Ф. 446. Оп. 1. Д. 1.
5. Земцов Л.И. Крестьянский самосуд. Правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007. 264 с.
6. Кулачков В.В. Правовая повседневность крестьянства Западного региона России в первой трети XX века. Брянск, 2012. 166 с.
7. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. 846 с.
8. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX вв.: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра ист. наук: 12.00.01. Ростов н/Д., 2009. 596 с.

Л.И. Новикова

Малоизвестный источник изучения повседневности: журнал «Городское Дело»

Анализируется журнал «Городское Дело», издававшийся в Санкт-Петербурге в 1909–1918 гг. с целью помощи в становлении муниципального самоуправления и городского хозяйства. Отмечается значение материалов журнала как источника по истории повседневности. Дается оценка деятельности редакции в лице членов конституционно-демократической партии Л.А. Велихова и Д.Д. Протопопова, и их видение задач журнала как инструмента внедрения в сознание обывателя методов и принципов демократического самоуправления. Отмечается значение материалов журнала как источника по истории повседневности.

The article analyzes the magazine «Gorodskoe Delo», published in St. Petersburg in 1909–1918. The magazine was published to help in the formation of municipal self-government and city economy. The importance of the materials of the journal as a source on the history of everyday life is noted. An assessment of the activities of editors - members of the Constitutional Democratic Party L.A. Velikhov and D.D. Protopopov. The journal was viewed as a tool for introducing methods and principles of democratic self-government into the consciousness of citizens. The importance of the materials of the journal as a source on the history of everyday life is noted.

Ключевые слова: городское хозяйство; самоуправление; «Городское Дело».

Key words: municipal economy, self-government, "Gorodskoe Delo".

История развития городского хозяйства и коммунальной инфраструктуры Санкт-Петербурга/Петрограда/Ленинграда – достаточно разработанная в отечественной историографии тема. Особый всплеск интереса можно наблюдать в 90-х гг. XX в., когда, на волне смены общественной формации, в обществе возникла потребность соединить «разорванные» в советский период фрагменты отечественной истории, появился запрос на изучение истории быта, без проставления идеологических «оценок», подразумевающих деление на «проклятое прошлое» и идеализации борцов за «светлое будущее».

Ряд исследователей сосредоточил внимание на изучении истории городского хозяйства столичного «лица» Российской Империи – Санкт-Петербурга. В работах В.А. Нардовой [4; 5] и А.С. Сухоруковой [12], рассматривалась деятельность Городской Думы. В исследовании Е.Д. Юхневой [13] раскрывался широкий круг вопросов истории становления петербургского городского хозяйства. Серьезная работа по воссозданию истории отрасли столичного водоснабжения и водоотведения были проведены в ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга». Наиболее полно результаты этих исследований отражены в прекрасно иллюстрированном издании «Петербургский Водоканал. С водой исключительно на "Вы"», к сожалению, в силу малотиражности сразу ставшей библиографической редкостью [3]. Подробное рассмотрение вопроса истории петербургской канализации приведено в работе Т. Соренсен [14; 15], а первым экологическим проблемам столицы посвящены работы Г.А. Афанасьева [1].

Однако, вопрос участия самих петербургских обывателей в деятельности по обустройству и развитию своего города, становления местного самоуправления, хронологически пришедшаяся на конец XIX – начало XX в., рассмотрена, как нам кажется, не достаточно полно. Местная печать, уже хорошо развитая в эту эпоху, служит объективным и подробным источником для изучения различных аспектов городской повседневности.

Острые темы городского хозяйства постоянно обсуждались в прессе, однако специализированного печатного издания, печатавшего на своих страницах новости, законодательные документы и полемику по вопросам его состояния еще не существовало. В 1896 г. была предпринята первая попытка создания такого журнала – в Главное управление по делам печати поступило прошение от кандидата прав, дворянина, уроженца города Риги, Оттокара Эдуардовича Радецкого, где он испрашивал разрешения министра внутренних дел на печатание в Санкт-Петербурге повременного «чисто городохозяйственного» издания без предварительной цензуры и внесения залога» [10, л. 1–1 об.].

Радецкий получил разрешение на издание журнала, однако дела у издателя не заладились. Через год после получения разрешения, он просил отложить выпуск журнала еще на 6 месяцев [10, л. 17], но и в январе 1898 г. журнал так и не был напечатан.

Второе и уже окончательное рождение «Городского дела» состоялось одиннадцатью годами позже, в 1909 г. К этому времени в жизни петербургского самоуправления произошел ряд перемен, всколыхнувших общество и

вдохнувших новую жизнь в дело городского хозяйства. Эта активная деятельность требовала создания специального издания, координирующего деятельность по модернизации городского хозяйства и вопросам местного самоуправления. 1909 г. в Санкт-Петербурге вышел первый номер журнала «Городское Дело». Издателями на этот раз выступил Лев Александрович Велихов – публицист, общественный деятель и владелец книжного склада. Вопрос развития городского хозяйства был для Велихова основным в его научной работе, в последствии, уже в Советской России он подготовил учебник «Основы городского хозяйства», переведенный на несколько языков и переиздаваемый спустя долгие годы [2].

Вторым издателем журнала стал Дмитрий Дмитриевич Протопопов, литератор, член Первой Государственной думы. Протопопов упоминал, что имел опыт издательской и редакторской работы с 1897 г.: «Через мою редакцию прошли сотни печатных листов» [11, л. 12 об.]. Оба издателя состояли членами конституционно-демократической партии.

Журнал имел следующую программу: 1) Руководящие статьи по всем отраслям общественного управления; 2) Теоретическая и практическая разработка общих и специальных вопросов муниципальной жизни в России и за границей; 3) Хроника городской жизни в России и за границей; 4) Официальный отдел: законы и правительственные распоряжения; 5) Справочный отдел: ответы на вопросы читателей по общим и текущим вопросам городского хозяйственного управления; 6) Разные известия из областей муниципальной жизни; 7) Рисунки, планы и чертежи; 8) Объявления [12, л. 1]. Одновременно тот же редакторский коллектив выпускал еще один журнал – «Земское Дело». Издание выходило в аналогичном формате, по схожей программе, с тем же коллективом авторов и предназначалось «для развития земских вопросов». Т.е. очевидно, что издательский тандем Велихов – Протопопов имел комплексную программу информационной поддержки становления демократических институтов.

Первый номер «Городского Дела» вышел в свет в январе 1909 г. В год печаталось 24 номера, некоторые – сдвоенные. Журнал издавался в книжном формате, с черно-белыми иллюстрациями и фотографическими вклейками. Статейный материал часто сопровождался схемами и диаграммами. Нумерация страниц – сквозная. В номерах 1909–1910 гг. оглавление отсутствует, а перечень рубрик, статей и авторов приведен на титуле. Со сдвоенного номера №13/14 за 1911 г. для оглавления отводится отдельная страница.

Поскольку, по словам самих издателей, помимо задач «специальных», направленных на поддержку городского самоуправления и решения юридических, хозяйственных и технических вопросов, они «задавались целью патриотической – способствовать подъему местной культуры», в некоторых номерах присутствует структурно выделенный «Художественно-Архитектурный Отдел», под редакцией Общества Архитекторов-художников. Обособленность материала подчеркивалась отдельной пагинацией. В разделе присутствовало большое количество иллюстративного материала, преимущественно эскизы и

чертежи зданий, однако, они не составляют основную часть контента, как например, в собственном «Ежегоднике», выпускаемом Обществом с 1906 г. Например, в № 6 за 1909 г., мы видим выдержки из «Записных листков художника» Н. Рериха, посвященные бережному сохранению материальных памятников культуры.

Разумеется, журнал, созданный для решения проблем городского хозяйства должен содержать массу сведений, представляющих интерес для историка и краеведа, причем информация не ограничивается Петербургом. Поскольку программа журнала подразумевала не только обзор столичного городского дела, но и освещение ситуации на территории всей Российской Империи, а также демонстрацию зарубежного опыта, редакторы, с первых же номеров, обращались с просьбой к подписчикам «живущим в глухих углах провинции, присылать, не стесняясь изложением, материалы». Также издатели подчеркивали, что избегают перепечатывать газетные сведения, «весьма часто неточные, мелко-партийные и дающие преимущественно «занимательный», легкий материал, для профессиональных специалистов неинтересный» [7].

Опубликованный в нескольких номерах 1909 г. очерк Протопопова «По русским городам» дает широкую картину хозяйственной жизни крупных городских центров страны. Особое внимание в обзоре уделено санитарному состоянию городов, и, как главному условию соответствия нормам – ситуации с водоснабжением и водоотведением. Начинается очерк, как и следует ожидать, со сравнительного анализа старой и новой столиц. Сравнение не в пользу Петербурга. «Первый, в центральных частях своих, поражает провинциалов внешностью, отдающей Европой; гладкие мостовые, одержимые в чистоте, широкие тротуары, полисмены с жезлами, зачатки уличной жизни. Москва, в общем, облуплена и всклокочена – преддверие провинции. Но, при ближнем ознакомлении, становится ясным, насколько Москва опередила злополучный город «рагвену», где без особого труда создается личная карьера, но где, зато чахнут общественные начинания» [8].

Далее, автор описывает то, какими предстали перед ним губернские города: «Провинция встречает меня в столь, сравнительно, прогрессивном городе, как Нижний Новгород, острой булыжной мостовой, пересекаемой водомоинами, по которым во время дождей и в ростепель свободно несутся потоки мутной воды, сбитыми кирпичными тротуарами, плохо ремонтируемыми домами средней руки горожан и тяжелыми дворцами богачей, обилием во всех устройствах некрашеного дерева, в разной степени истления» [9, с. 1043].

Пересекая страну с севера на юг, автор сравнивает состояние городского хозяйства, подкрепляя свои собственные (под час очень эмоционально окрашенные впечатления) сухими цифрами статистических отчетов: «Грязный, пыльный, нелепый Харьков (около 220.000 жит.; бюджет почти 3 миллиона) производит на меня впечатление чуть не европейского города Но именно,

как в Петербурге – некоторый внешний лоск, оживление, а под ним ужасающие муниципальные язвы. В обоих городах на первом месте невозможно поставленное снабжение водой. Но, конечно, побить рекорд Петербурга (мировой рекорд – для столичных городов), Харьков не зля». О Киеве: «Красавец-город – с населением в 450.000 чел., бюджетом в 3½ миллиона и долгом в 8 миллион» [8, с. 1300].

Путешествие приводит автора к любопытным выводам: «И только путешествуя по столь различествующим между собой областям России, вполне познаешь элементарную истину о вреде централизации именно для такой страны, как Россия. Что общего между Ярославским районом, Самарскими степями и Украиной ...? Не глушите из центра местную жизнь, дайте простор работе местных людей, дайте им широкое самоуправление, и вы сотворите государственное чудо – сколько сил тогда найдется – оживление коснется тогда всех сторон жизни» [8, с. 1301].

Также очень наглядный и информативный материал представляет «Таблица благоустройства городов Российской империи» вклеенная в № 13 и «Таблица дороговизны жизни» (№ 16) за 1909 г. Таблицы подготовлены на основе данных Министерства внутренних дел за 1904 г. Картина благоустройства выражается во множестве различных параметров, от цены наемной прислуги до протяженности трамвайных путей. Разброс цен очень широк: дешевле всего шестикомнатную квартиру можно было арендовать в Вологде (540 р. в год), а в Нижнем Новгороде такая же квартира обходилась жильцам уже 1800 р. Мясо 1-го сорта, стоящее в Вологде 12 к., доходит до 25 к. в Архангельске. Цена соли колеблется между 1 к. и 8 к. Так же разнятся цены на дрова, керосин и т.д. Только Рига и Рязань могли похвастаться полностью замощенными улицами, зато в последней полностью отсутствовал водопровод.

Под таблицей вынесены неутешительные выводы: освещение – неудовлетворительное, санитарное состояние – неудовлетворительное, такая же ситуация с народным здравоохранением и образованием... Но: «нельзя не упомянуть о блестящем развитии сети казенных винных лавок».

Велихов и Протопопов не только освещали язвы городского хозяйства; они знали рецепт от этой болезни, и отчетливо, из номера в номер в журнале звучала мысль: «Должно городское самоуправление быть вырвано из рук людей, единственным предназначением которых все еще является накопление капитала ... Такие люди не могут быть гражданами; их стремления, по самому существу своему, глубоко противообщественны. И их устранение – вопрос ближайшей очереди и общественной важности. Иначе постигнут наши города египетские казни» [9, с. 1050].

«Городское дело» издавалось вплоть до 1918 г. После Октябрьской Революции Л. Велихов и Д. Протопопов не покинули Россию, предложив свои знания и опыт на пользу молодой республике. К сожалению, их деятельность не была успешной. В стране активно развивалась индустриализация, налаживалось городское хозяйство, но политическое руководство все дальше и дальше

уходило от идей демократии и парламентаризма, столь близких обоим деятелям. Жизнь обоих после 1919 г. – бесконечная череда обвинений и арестов, закончилась – для Д.Д. Протопопова – в тюрьме в 1932 г., Л.А. Велихова – в исправительно-трудовом лагере в 1942 г.

Список литературы

1. Афанасьев Г.Ю. Невская вода и загрязнения большого города: к вопросу об экологических аспектах истории Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX веков // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 4 (232). С. 40–47.
2. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства: Общее учение о городе, его упр., финансах и методах хоз-ва. М.: Наука, 1996. 466, [2] с.
3. Краснов И., Келлер Е. Петербургский Водоканал. С водой исключительно на «Вы». СПб.: Невский ракурс, 2013. 175 с.
4. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: Правительство и политика. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. 260 с.
5. Нардова В.А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX в.: власть и общество. СПб.: Лики России, 2014. 564, [11] с.
6. [От редакции] // Городское Дело. 1909. [вклейка].
7. Подписчикам небольших городов // Городское Дело. 1909. № 13. С. [634].
8. Протопопов Д.Д. По русским городам // Городское Дело. 1909. № 23. С. 1240–1301.
9. Протопопов Д.Д. По русским городам // Городское Дело. 1909. № 20. С. 1042–1050.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 9. Д. 2097.
11. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 971.
12. Сухорукова А.С. Петербургская городская Дума начала XX // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994. С. 113–115.
13. Юхнёва Е.Д. Петербургские доходные дома: очерки из истории быта: неизвестные факты и новые подробности. М: Центрполиграф; СПб., 2019. 490, [1] с.: ил., портр.,
14. Якушева-Соренсен Т. История водоотведения Санкт-Петербурга. Ч. 1 // Полимерные трубы. 2006. № 5. С. 52–57.
15. Якушева-Соренсен Т. История водоотведения Санкт-Петербурга. Ч. 2 // Полимерные трубы. 2007. № 1. С. 62–66.

А.В. Долгова, Ю.В. Казарина

Стиль изложения в документах личного происхождения в годы Гражданской войны в Пермской губернии

В пермских архивах хранятся документальные источники, характеризующие особенности установления Советской власти в Пермской губернии. Это, в первую очередь, делопроизводственные документы – приказы, отчеты, информационные сводки, материалы внутриведомственной и межведомственной переписки, которые были сформированы в процессе деятельности местных партийных и советских органов власти. Есть среди них и документы личного происхождения – письма родным и близким с фронтов Гражданской войны, любовная переписка. Наряду с фактическим материалом, в письмах сохранился уникальный стиль изложения, характерный для русского языка ушедшей эпохи.

The Perm archives contain documentary sources characterizing the peculiarities of the establishment of Soviet power in Perm region. These are orders, reports, information summaries,

materials of intradepartmental and interdepartmental correspondence, which had been formed in the course of the activities of local party and Soviet authorities. They also contain documents of personal origin, such as letters to relatives and friends from the fronts of the Civil War, love letters. Along with the factual material, the letters retained a unique narrative style of the Russian language of a bygone era.

Ключевые слова: Архивы, письма, гражданская война, красная армия, офицеры.

Key words: Archives, letters, The Civil war, red army, officers.

Слова, которые возникли во времена советского периода, напрямую отображают историю человеческих взаимоотношений после революции и показывают построение новейшего общества.

Революция 1917 г. сильно повлияла на дальнейшее развитие русского языка. В своей работе «Язык, война и революция» С.И. Карцевский отмечал, что «социально-политический сдвиг, коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны по-новому дифференцированного общества – все это оставило глубокий след на русском языке, точнее на нашем словаре. Языковых новшеств накопилось так много, что некоторые наблюдатели уже говорят о «революции в языке» [3, с. 3].

В фонде Пермского Ревтрибунала нами было обнаружено «Дело по обвинению Ленского Е.М., командира дивизиона 28-й стрелковой дивизии в преступлении по должности». Поскольку нашей задачей является показать стиль изложения, мы не станем в данной статье вдаваться в подробности хода расследования этого дела, а обратим внимание лишь на письма, которые хранятся в нем. Орфография и пунктуация сохранены.

Автором их является молодая девушка Ольга Трофимова, писавшая своему возлюбленному Евгению Ленскому. В деле нет ни одного письма Ленского. Но, судя по содержанию писем Ольги, он ей писал, хоть и редко. Это говорит о том, что ответных чувств со стороны молодого человека не было. Не нужно забывать и о том, что Ленский находился под следствием, и письма его могли быть перехвачены чекистами.

Письмо от 15 сентября 1919 г.: «Милый, любимый, тоска... тоска по тебе невыносимая... Женья! Помнишь те дни, проведенные вместе, а теперь... только одно воспоминание. О, жизни сон! Когда ж еще сердце отрадно забьется? Грудь задышит покойной волной. О, когда же, когда мы будем опять вместе... Тоска невыразимая! Что со мной – не знаю. Голова горит как в огне. Пиши же мне. Буду ждать. Милый Женья! Утешь меня, хотя бы письменно. Извини, что так плохо написала. Пиши. До свидания, милый. Целую тебя мысленно в твой милый лоб. Твоя Леля» [1, л. 121, 121 об.].

Письмо отображает настроение автора, романтику и любовные переживания. Это свидетельствует об искренности чувств. Вряд ли в наше время можно представить, чтобы кто-то так писал.

Одновременно письмо свидетельствует о наивности автора. Скорее всего, она видела в нем будущего мужа и отца своих детей. Но в 1919 г. Гражданская война была в самом разгаре, и об ответном чувстве, столь же искреннем, говорить не приходится. Мало вероятно, что молодого человека интересовала семейная жизнь или серьезные отношения, когда шла война. Тем не менее, перед нами очевидный случай: в непростое для всей страны время существовала любовь.

Читаем письмо от 19 сентября: «Здравствуй, милый! Что же ты мне ничего не пишешь? Не муч, пиши. О! Как хотелось бы мне увидеть тебя! Женья! Есть ли у тебя фотографическая твоя карточка? Если есть, то, пожалуйста, пошли мне...» [1, л. 123].

Следующее письмо было написано в ночь с 29 на 30 сентября: «Вечер. Полчаса одиннадцатого. Я одна. Братья спать легли. Мама в кинематографе, а сестра куда-то ушла. Одна, совсем одна. Женья! Я веду разговор с тобой письменно. Не знаю. Что такое? Так, что-то мне грустно... Я сегодня получила твое письмо. Хотела писать тот же час, но не было времени. Твоих писем у меня уже три... Одиннадцать часов пробило. Полчаса как я пишу. Женья, и ты меня еще спрашиваешь, люблю ли я тебя. Ай-ай, ты ведь и сам прекрасно знаешь...» [1, л. 137, 137 об.].

Дальше идут стихи собственного сочинения: «Целый мир тебя отверг, и грешна душа твоя. Целый мир тебя отверг, но не я, не я, не я!» [1, л. 137, 137 об.].

Последние строчки – свидетельство искренности и всепрощения, готовности принять человека со всеми его недостатками. Это пример бескорыстной любви – светлого и тонкого чувства. Автор буквально готова пойти за своим возлюбленным на край света, даже если весь мир будет против него.

Далее Ольга пишет стихотворение «Жизнь» поэта Феодосия Савинова.

«Евгений! Хотишь я напишу тебе стишок "Жизнь"? Мне очень нравится. Жизнь – это шумное море. Жизнь – это праздник любви. Жизнь – это вечное горе. Жизнь – это пламя в крови!...». Напиши, понравился или нет этот стих. Прости, что так написала, так как бумаги хватило бы здесь дописать, но на другой листок не хочется переписывать. Ах! Время-то без пяти минут час. До свидания. Целую тебя в колючий подбородок. Ах! Евгений! Если бы ты знал, как я люблю тебя! Спокойной ночи! Твоя Леля. Пойду спать» [1, л. 138, 138 об.].

Междометия передают переживания автора письма. В то же время стиль написания говорит о легкости характера, задорном нраве.

Мы не знаем, как сложилась на самом деле судьба героев, но вряд ли они могли рассчитывать на совместное будущее. Можно лишь предположить, что если они и пережили это нелегкое время, то все члены семьи Ольги рано или поздно были бы репрессированы, так как были мещанами и не бедствовали. Ленский же мог погибнуть на фронтах Гражданской войны, поскольку ни в одной базе данных никакой информации о нем не сохранилось. Но история не знает сослагательного наклонения...

Следующее письмо бывшего военнослужащего царской армии Петра Грехова своей возлюбленной, написанное 22 октября 1919 г. из Барнаула. На

тот момент он уже служил в Красной армии. У чекистов возникло подозрение, что он готовил восстание против Советской власти. За ним устроили слежку, в результате чего было обнаружено письмо, строки которого сейчас перед нами.

«Уважаемая Евгения Ивановна! Несколько сообщу Вам про свою жизнь. После того как я уехал из Кунгура, я в полку был начальником конной разведки. 20 ноября заболел первоначально возвратным тифом и болел до 1 января. 10 января заболел сыпным тифом в г. Тайге. 18 февраля немного оправился после болезни, и меня, раба божия, отправили в г. Томск и посадили в хорошее большое здание с железными решетками (в тюрьму). В тюрьме я просидел месяц, потом меня выпустили, и я поступил на общеобразовательные курсы командного состава в качестве военного преподавателя. Пробыл на курсах около 6 месяцев, а потом я перевелся в Барнаул на 4-е пехотные курсы красных офицеров и тоже занимаю должность военного преподавателя, то есть иначе говоря, выпекаю красных офицеров. Живу пока ничего, только очень скучно. Я, как куст, затерянный в лесу. Пытался перевестись в Семипалатинск, но не перевели. Получаю паек и кроме этого зарабатываю жалованье тысяч около восьми в месяц. Оклад жалования шесть тысяч и за преподавание уставов выгоняю в месяц тысячи по две и по три. Впрочем, живется не дурно. День, да ночь, сутки прочь, напился, да наелся и на боковую помечтать. Об чем мечтаю – пока Вам не сообщу, боюсь оскорбить вас, мой добрый друг. Занятий в сутки всего 3, иногда 4 часа. Обратных точных сведений не имею. Слышал, что папа все деньги потерял и ему живется очень плохо. У Нюры потеряны все хорошие платья, и я очень жалею свою сестру, она совершенно теперь сирота. Вряд ли когда-нибудь увижу ее. Уважаемая Евгения Ивановна! Прошу у Вас извинения, что слишком развил свою философию, но мне почему-то хочется поделиться с Вами. Вы для меня дороже мамы. Ну! Женя, прости, что я так грубо выражаюсь, но я надеюсь на Ваше доброе сердце, и думаю, что Вы мне все простите. Остаюсь уважающий Вас Петя» [2, л. 29, 29 об.].

Автор письма рассказывает про свою жизнь, делится переживаниями. Чувствуется тоска, и в то же время он полон оптимизма, что все будет хорошо. Рассказывает об условиях службы: «выпекаю красных офицеров», «выгоняю в месяц тысячи по две и по три», то есть «обучаю и готовлю красных офицеров» и «зарабатываю сверх оклада еще по две или три тысячи в месяц».

И опять же мы видим, что человек, даже, находясь на службе, вдалеке от родного дома, продолжает мечтать о простом человеческом счастье. Признается Евгении Ивановне, что она для него дороже мамы. И через строчку называет ее Женей. Все это говорит о глубоких чувствах. Автору письма очень хотелось, чтобы о его переживаниях узнала именно она. Для него это крайне важно. Он этим живет. И осознание того, что возлюбленная будет держать в руках конверт с его письмом, придает ему сил, терпения, укрепляет в нем веру, что все будет действительно хорошо, война когда-нибудь закончится, и они встретятся, чтобы уже больше не расставаться.

Список литературы

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 500.
2. ГАПК. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 434.
3. Карцевский С.И. Язык, война и революция. Русское универсальное издательство «Берлин», 1923. 72 с.

Ю.В. Костяшов

Источники по истории повседневности послевоенной колхозной деревни (на примере Калининградской области)

Рассматриваются источники по истории сельской повседневности в последние годы сталинизма. Отсутствие достаточного количества личных документов может быть восполнено материалами устной истории. Автор также предлагает обратить внимание на такой массовый источник, как протоколы общих собраний членов колхоза, заседаний правления и местной партийной организации. На основе сопоставления всех названных источников может быть реконструированы жизненные стратегии послевоенного колхозного крестьянства.

The article considers sources on the history of rural everyday life in the last years of Stalinism. The lack of a sufficient number of personal documents can be compensated for by oral history materials. The author also suggests paying attention to such a mass source as transcripts of meetings of collective farm members, meetings of the board and the local party organization. On the basis of a comparison of all the named sources, the life strategies of the postwar collective farm peasantry can be reconstructed.

Ключевые слова: история повседневности, колхозы, источники, Калининградская область, 1946–1953 гг.

Key words: history of everyday life, collective farms, historical sources, Kaliningrad region, 1946–1953.

В последние годы в изучении советской аграрной истории внимание исследователей всё более смещается от социально-экономической и политической проблематики к повседневной жизни крестьянства. При этом важное значение имеет определение круга используемых источников. Особенно если иметь в виду, что так называемые *традиционные* документальные комплексы архивных фондов (приказы, планы, бухгалтерские отчеты, описи, акты ревизий, доклады, справки, ведомственная переписка, данные статистического учета и прочие документы делопроизводства сельхозартелей, сельсоветов, различных районных организаций и партийных комитетов) содержат мало информации, которая бы позволила детально реконструировать повседневную жизнь колхозов, описать повседневные жизненные практики сельских жителей, выявить модели поведения и социальные типы, наконец, определить их жизненные стратегии.

Как известно, для истории повседневности наибольшее значение имеют источники *личного происхождения*: дневники, воспоминания, письма. Однако

применительно к рассматриваемой тематике документы такого рода либо полностью отсутствуют, либо их число настолько мало, что они не могут стать основанием для серьезного исследования: дневников и воспоминаний колхозники не писали, а их корреспонденция в семейных архивах не сохранилась. В этих условиях исследователь вынужден искать пути восполнения этих очевидных пробелов.

К таким «компенсирующим» источникам можно отнести заявления и жалобы колхозников, которые можно встретить в фондах советских органов власти и партийных комитетах разных ступеней, судах, прокуратуре, периодических печатных изданиях. Будучи, как правило, написанными чрезвычайно эмоционально, они в полной мере передают атмосферу тех трудностей и испытаний, которые выпали на долю колхозникам-переселенцам на земле бывшей Восточной Пруссии. В Москву, ЦК ВКП(б), «лично товарищу Сталину», в газеты «Правда» и «Известия» шел поток жалоб на голод, общую неустроенность переселенцев и отсутствие жилья, невыдачу обещанных вербовщиками продуктов и товаров, разгул бандитизма и произвол со стороны начальства.

Однако в отсутствии «эго-документов» еще большее значение приобретают материалы *устной истории*. Правда, сегодня, когда с момента окончания войны прошло уже 75 лет, историк практически может записать воспоминания только тех людей, которые во второй половине 1940-х гг. были детьми. Однако благодаря тому что еще в годы Перестройки историки Калининградского государственного университета провели массовый опрос первых переселенцев, сегодня исследователи могут использовать первоклассный фонд интервью, которые охватывают самые разные стороны повседневности по истории заселения области: вербовка и переезд переселенцев, обустройство на новом месте, адаптация в новой, во многом чуждой, среде обитания и непривычном культурном ландшафте, условия труда, повседневный быт и человеческие взаимоотношения [4].

Всего было записано свыше 320 интервью, интервьюирование проводилось в 1988–1991 гг. в 51 населенном пункте во всех районах области. На основе этих воспоминаний была написана книга в жанре устной истории «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев», которая выдержала 6 изданий на русском, немецком и польском языках [1; 5; 6]. Машинописная расшифровка подписанных респондентами интервью составляет 20 томов, она хранится в Государственном архиве Калининградской области (ГАКО) и доступна для исследователей [2].

Записанные на магнитоленту воспоминания переселенцев-колхозников являются ценным источником по истории быта и самым разным сторонам сельской повседневности, но особенно интересны для исследователя выяснение мотивов и моделей социального поведения, механизмов приспособления к трудным условиям послевоенного времени в чуждой историко-культурной среде, изучение отношений с оставшимися в области немцами, включая неофициальную практику создания смешанных семей, способы удовлетворения

религиозных потребностей при тотальном запрете деятельности религиозных конфессий [3].

При этом надо понимать, что воспоминания колхозников следует проверять и сравнивать с другими видами источников. Например, во время опроса большинство респондентов высказывалось о своей работе в колхозе как весьма добросовестной, даже самоотверженной, но плохо оплачиваемой («работали за палочки»). Неудовлетворенность оплатой труда можно признать более чем оправданной, если судить о величине выдачи продуктов на трудодень, однако свои трудовые затраты на работу в колхозе респондентами были чрезмерно преувеличены, что следует их производственных табелей о выходе крестьян на работу и количестве заработанных ими трудодней. Колхозники действительно интенсивно трудились, только не в коллективном хозяйстве, а на собственном приусадебном участке, который и обеспечивал крестьянскую семью средствами выживания в послевоенные годы.

В изучении обыденной жизни колхозов можно использовать *визуальные источники*: семейную фотохронику, «производственную» фотографию, рисунки, плакаты, карикатуру и т.п. При этом надлежит разграничивать изобразительные материалы, изготовленные корреспондентами официальных органов печати и любительские снимки. Первые, с постановочными сюжетами, в основном являются источниками по истории советской пропаганды, тогда как фотографии из семейных альбомов могут служить ценнейшим источником для изучения личного крестьянского хозяйства, состояния и убранства жилища, досуга, занятий спортом, праздников и т.п.

Перечисленные выше источники, без сомнения, важны для изучения жизни послевоенной деревни. Однако к ним следует добавить еще одну группу документов, до сих пор изученных недостаточно, но открывающих хорошие перспективы в исследовании именно сельской повседневности. Речь идет о *протоколах общих собраний колхозников* 1940-х – начала 1950-х гг. Они велись на вырванных из школьных тетрадей листочках, на чистых оборотных сторонах различных немецких документов, а иногда на оберточной бумаге или обрывках обоев. Написанные трудно разбираемым почерком чернилами или карандашом, с частыми зачеркиваниями, они замечательны тем, что представляют собой пусть неумелую, избыточную пробелами, но оригинальную и неотредактированную запись обсуждения повестки дня собрания. Секретари часто даже воспроизводили прямую речь колхозных ораторов, отражая их мировоззренческие установки, собственные мысли и личные эмоции. Протоколы собраний – один из самых массовых источников советского времени. Так, в Государственном архиве Калининградской области хранится около 12 тыс. протоколов собраний 280 сельхозартелей из примерно 500 за 1946–1953 гг. Следует также отметить, что со второй половины 1950-х гг. протоколы колхозных собраний становились всё более формальными, они стали печататься на машинках и повсеместно редактироваться, так что живая «прямая речь» сменилась сухими и стандартными протокольными записями.

К описанному выше источнику примыкают *протоколы заседаний правлений колхозов*. Хотя на них главным образом обсуждались текущие внутриколхозные дела, они интересны с точки зрения той информации, которая касается организации и оплаты труда в колхозе, распорядка работы, вопросов дисциплины, конфликтов внутри сельхозартели, проблеме отходничества и т.п.

По-своему интересны и *протоколы партийных собраний*, до недавнего времени секретные и сохранившиеся в образцовом состоянии в фондах бывших партийных архивов. В ГАКО, куда перешли фонды областного партархива, хранится свыше сорока тысяч таких протоколов всего за 8 лет (1946–1953 гг.). Дискуссии на партийных собраниях велись прежде всего вокруг производственных вопросов, но характер обсуждения часто затрагивал мотивы действий в разных обстоятельствах как начальства, так и поведения рядовых колхозников. Кроме того, в повестку дня входили различные идеологические мероприятия и агитационные кампании. Особый интерес для исследователя представляет ситуация, когда внутри партийной организации возникал конфликт (часто между председателем колхоза и секретарем партячейки), тогда в процессе выяснения отношений на поверхность выходили некоторые теневые стороны в жизни колхоза. Протоколы, в которых запечатлелось рассмотрение персональных дел коммунистов, как правило, редко касаются политических или идеологических проблем, зато дают интересную информацию о разнообразных пороках, сложностях в семейных отношениях, положении женщин, сексуальном поведении, межнациональных противоречиях, бытовом антисемитизме и т.п.

Все перечисленные документы в процессе исследования подлежат систематизации с целью выделения повторяющихся событий, типичных явлений в сфере труда, быта, общественной и частной жизни крестьян, а также нуждаются в обязательной верификации разными видами источников. Далее посредством метода исторического реконструирования можно выделить главные проблемы повседневной жизни колхоза, воссоздать модели поведения и нарисовать типажи членов сельхозартели от председателя до простых работников. Конечной целью такой реконструкции может быть выявление жизненных стратегий колхозников в последние годы сталинизма.

Список литературы

1. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / ред. Ю.В. Костяшов. 3-е изд., испр. и доп. Калининград: Калининградская книга, 2018. 364 с.
2. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-1191. Интервью первых переселенцев.
3. Костяшов Ю.В. О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945–1950) // Национальные отношения в новое и новейшее время. Калининград, 2000. С. 66–79.
4. Костяшов Ю.В. Опыт создания устной истории заселения Калининградской области // Проблемы устной истории в СССР. Киров, 1990. С. 22–25.
5. Als Russe in Ostpreuen: Sowjetische Umsiedler ber ihrem Neubegium in Knigsberg/Kaliningrad nach 1945. Ostfildern: Edition Tertium, 1998. 501 s.
6. Przesiedleńcy opowiadają: Pierwsze lata Obwodu Kaliningradzkiego we wspomnieniach i dokumentach. Olsztyn, 2000. 360 s.

Источники по изучению сельской повседневности в 1960–1980-е гг. (на примере Нижнего Дона)

В статье раскрываются особенности выявления и формирования источниковой базы при реконструкции сельской повседневности в позднесоветский период на примере локальной местности. Показана специфика и ценность каждой группы источников для выполнения исследовательских задач.

The article reveals the features of identifying and forming a source base for the reconstruction of rural daily life in the late Soviet period on the example of the local area. The specificity and value of each group of sources for performing research tasks is shown.

Ключевые слова: сельская повседневность, источниковая база, Нижний Дон, официальная документация, историческое интервью.

Key words: rural daily life, source base, Lower Don, official documentation, historical interview.

Повседневная жизнь в рамках исторических исследований весьма многогранна, по сути, она призвана показать особенности жизни отдельного человека и целой группы. Так, по мнению Л.Н. Пушкаревой категории повседневности включают в себя «событийную область публичной повседневной жизни; обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей» [8, с. 7]. В свою очередь, специалист по советской повседневности И.Б. Орлов определяет повседневность в различных аспектах жизнедеятельности: «пространство обитания в быту, хронометраж будничного и выходного дней, ролевые функции в разных контактных группах, порядок социализации разных общественных групп, формы питания, ежедневные и праздничные ритуалы» [7, с. 8].

В изучении сельской повседневности, в частности в позднесоветский период с некоторой условностью можно выделить ряд особенностей. Во-первых, в ходе исследования требуется переход «от макроистории к микроистории», то есть сначала определить общую социально-экономическую и политическую ситуацию в государстве, а затем детально смотреть на протекание этих процессов в локальной местности. С целью выявления специфики сельских жителей, и даже выделения среди них более узких групп по профессиональному, этнокультурному, экономическому признакам, необходимо вести исследование в узких географических рамках в масштабах отдельных районов, а не всего региона. Во-вторых, для полной реконструкции повседневной жизни сельского человека необходимо исследовать как «колхозный мир», так и «домашний мир», которые изрядно могли отличаться друг от друга и даже вступать в проти-

воречие. В-третьих, в числе особенностей сельской повседневности даже во второй половине XX столетия, является сохранение черт традиционного образа жизни и мировоззрения, ограниченность досуговой, бытовой инфраструктуры, а также уровня образования на селе, низкое участие и отстраненность основной массы сельского населения от политической жизни, наряду с этим культурно-бытовые практики были сопряжены с этническими и религиозными нормами. Все эти факторы оказывают влияние на выявление и формирование источниковой базы исследования.

Данные особенности предлагается рассмотреть на примере исследования повседневной жизни сельских жителей Нижнего Дона в 1960–1980-е гг. Данная локальная местность является историческим местом проживания донского казачества, коренные жители хуторов и станиц продолжали сохранять некоторые черты образа жизни, сложившегося в дореволюционный период и в советские годы, наряду с этим шло активное социалистическое строительство в различных сферах, основу производственной и культурной жизни сосредотачивали на себе рыболовецкие колхозы (далее – рыбколхозы). Такие условия способствовали складыванию новой повседневности, что делает проблематику исследования весьма актуальной. Для выполнения исследовательских задач была сформирована источниковая база, в которой следует выделить несколько групп источников.

Во-первых, это документы органов государственной власти, среди которых законодательная и делопроизводственная документация, в период 1960–1980-х гг. известно большое количество постановлений ЦК КПСС и Правительства в сфере жилищного строительства, здравоохранения, образования, продуктового и торгового обеспечения, развития транспортной инфраструктуры, культурчереждений и спорта. Важным в данных документах, помимо самих законодательных нововведений, представляется так называемое вступление, которое обрисовывает текущую ситуацию и указывает на недостатки в данной сфере, в том числе в отдельных регионах. К примеру, в Постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР 1973 г. «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы» сообщаются некоторые детали о том, что «многие сельские общеобразовательные школы, размещаются в плохо приспособленных к занятиям помещениях, не имеют необходимых учебных кабинетов, мастерских, работают в две смены, недостаточно обеспечиваются учебниками, методической литературой и техническими средствами обучения» [6]. Обращение к общесоюзному законодательству позволяет увидеть социально-экономический и политический фон в стране, отталкиваясь от этого, можно проанализировать насколько и в каком формате реализовывались данные постановления на местах, тем самым обозначить региональную специфику, если таковая имеется.

Более конкретную и детальную информацию можно подчерпнуть из делопроизводственной документации, как партийных, так и государственных органов, которые определяли и выстраивали производственную, публичную и, временами, частную жизнь советских граждан. Данные источники отложились в фондах Центра документации новейшей истории Ростовской области

(далее – ЦДНИРО), в частности фонд № 198 Азовского районного комитета КПСС, а также в фонде № Р-3737 (Совет народных депутатов Ростовской области и его исполнительный комитет) Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО). В рамках сельской местности основополагающую роль играли колхозы и совхозы, а также первичные партийные организации, которые, по сути, выступали главным управленческим органом. Отсюда, важность использования документации первичных парторганизаций колхозов, которая, как правило, имеет стенографический характер. Несмотря на официальный и сухой формат содержания протоколов с обилием цифр, клишированных фраз, формальным обсуждением принятых и спущенных «свыше» постановлений, здесь можно обнаружить немало интересных фактов. Например, проступки отдельных коммунистов и разбор их персональных дел в связи с кражей колхозного имущества, будь то сено, пшеница и иные продукты [10, л. 36–37], или по случаю пьянства и появления на рабочем месте в нетрезвом виде, а также драк и семейных ссор [11, л. 24–25]. Еще одной важной чертой протоколов являются критические замечания по различным направлениям работы, так, в ходе партийных заседаний рыбколхозов частым замечанием являлась плохо организованная идеологическая работа, отсутствие должного взаимодействия с населением, недостаточная борьба с браконьерским ловом и хищением рыбы и многое другое, что позволило на основе анализа большой выборки протокольной документации сделать вывод о декларативном характере работы парторганизации и неисполнении возложенной на нее функции.

Не менее важная информация о жизни сельской местности содержится в различных отчетах, аналитических записках, статических сводках, поступавших и исходивших от районных комитетов КПСС, а также райисполкомов совета депутатов трудящихся. В рамках изучения повседневной жизни наиболее интересным является документация отделов идеологической работы, в которой отражены атеистическая работа и уровень религиозности среди населения. Далее, вопросы пропаганды и агитации, в которых важную роль играли средства массовой информации, отсюда в отчетных формах часто фиксировалось количество телевизоров, радиоприемников в сельских семьях, в также выписки газет и количества читателей в сельских библиотеках, что позволяет выявлять уровень образования и материального обеспечения сельского населения [1, л. 52–56]. Немало внимания уделялось работе сельских домов культуры и клубов, которые должны были обеспечить досуг для сельских жителей и стать центром общественной жизни, в отчеты попадали интересные сюжеты о различных праздниках. Так, новогодние дни 1968 г. в Азовском районе были отмечены широкими народными гуляниями, о которых оставлены показательные строки «дед Мороз, агроном-плодород Борис Сергеевич К., раздавал детям конфеты, а снегурочки организовали с ребятами игры. Затем санный поезд повез по заснеженным улицам школьников, а в колхозной столовой их уже ждали горячие блины с медом и кофе» [12, л. 105], кстати, кофе был весьма дефицитным товаром в этот период. Подобные сюжеты и общие отчеты о культурной жизни, с одной стороны, помогают воссоздать формы и

содержание советских праздников, с другой, определить насколько они были востребованы и приняты в традиционной сельской среде, с учетом сохранявшихся тех же религиозных норм и практик.

Второй группой источников являются статистические материалы, в которых широко отражено социально-экономическое положение и его динамика в масштабах государства. В период 1960–1980-х гг., в СССР выходили ежегодные и юбилейные сборники, посвященные народному хозяйству, в рамках которого представала статистика самых разных сфер развития экономики, демографии, социального и бытового обеспечения [5]. Такого же рода сборники публиковались в масштабах Ростовской области [4]. Обращение к таким обширным статистическим данным позволяет сравнить развитие той или иной сферы на общегосударственном и на местном уровне в рамках области или даже района, что позволяет выявить специфику или подтвердить тенденцию.

Третьей большой группой источников выступает периодическая печать. Помимо крупных союзных и региональных периодических изданий, существовала практика создания местных газет в отдельных сельских районах, так в 1960–1980-е гг. в Азовском районе печаталась газета «Красное Приазовье», а освещением рыболовного промысла в области, в частности деятельности рыбколхозов занималась газета «Заря рыбака». В целом, информация, содержащаяся в местной периодике, имеет схожий характер с партийной документацией, в ней присутствует обилие цифр, показателей трудовых успехов колхозов и совхозов, отчеты об успехах и неудачах на производстве, постановления и решения органов государственной власти. Отличительной чертой выступает менее протокольный и официальный стиль повествования, больше сводных ежедневных событий, деталей производственной и сельской жизни, в частности из газет можно представить работу рыболовецких бригад, особенности быта на рыболовецких тонях, взаимоотношения в коллективе, профессиональный уровень колхозников, реконструировать трудовые будни [9]. Помимо этого, в газетах немало информации о развитии сельской инфраструктуры: обеспечение и представленность товаров на прилавках магазинов, деятельность домов культуры, организация и проведение праздников, строительство и работа фельдшерских пунктов и больниц, школ и детских садов [2, с. 3–4]. Недостатком периодической печати, как и в случае со всеми официальными источниками, является представление публичной сферы жизнедеятельности граждан и ограниченность повествования из-за идеологических рамок, в то время как домашний мир, культурно-бытовые особенности, гендерные аспекты и семейно-родственные отношения тех же сельских жителей выявляются с трудом или вообще не прослеживаются из официальной документации, статистики или периодики.

Учитывая этот факт, для действительно полной реконструкции повседневной жизни необходимо привлекать источники личного происхождения, однако практика показывает, что в отличие от городских жителей, в числе которых немало общественных или деятелей науки и культуры, оставивших ценные воспоминания, очерки о своей жизни и жизни в городе соответственно,

среди сельских жителей данный источник встречается крайне редко или вообще отсутствует. При изучении повседневной жизни в хуторах Нижнего Дона не обнаружено ничего подобного. В таком случае большую ценность представляют устные исторические источники, а именно исторические интервью с коренными жителями изучаемого региона. В ходе глубинных интервью, проводившимися автором в 2018–2019 гг., удалось выявить многие сведения, отсутствовавшие в официальных источниках или представляющие совершенно иной взгляд на социокультурную реальность 1960–1980-х годов в хуторах Нижнего Дона [3]. В частности, несмотря на декларацию равноправной, социально активной, вовлеченной в социалистическое строительство женщины в советском обществе в этот период, в хуторском обществе женщина в большинстве случаев сохраняла традиционное положение домохозяйки, матери, семья имела прежний патриархальный тип. Большой пласт информации из устных источников касался религиозных, культурных, бытовых норм, так, несмотря на активную политику и пропаганду атеизма среди населения, в частной повседневной жизни продолжали справляться религиозные праздники, обряды жизненного цикла проводились в соответствии с православными канонами, это дало возможность их детального описания. Особенности взаимоотношения власти и общества также хорошо прослеживаются из устных свидетельств, именно благодаря объяснениям местных жителей становится понятным, почему существовал высокий уровень браконьерства и хищения рыбы, а с ним и сравнительно высокий материальный достаток, все благодаря договорным отношениям между правоохранительными и партийными органами и хуторской элитой.

Таким образом, реконструируя и изучая сельскую повседневность в 1960–1980-е гг., необходимо задействовать самый широкий круг исторических источников, как официального характера – документы органов государственной власти, статистика, периодическая печать, так и личного происхождения, в частности историческое интервью. При этом именно последние из них дают наиболее ценные и полные сведения о реальной картине прошлого, ввиду отсутствия цензуры и получаемые от носителей культуры.

Список литературы

1. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 9. Д. 238.
2. Демьяненко И. Благоустроить хутора и села// Красное Приазовье. 19.09. 1965 г. № 150 (7650). С. 2.; Сельские вести// Красное Приазовье. 3.11. 1965 г. № 176 (7677).
3. Личный архив. Материалы исторического интервью № 1. Инф. Назаренко Н.Т. 1941 г.р. Дата интервью 27.04.2018; № 3. Инф. Топилина В.Н. 1938 г.р. Дата интервью 19.01.2019; № 10. Инф. Поливанов А.В. 1933 г.р. Дата интервью 6.10.2019.
4. Народное хозяйство Ростовской области: Стат. сборник / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Рост. обл. Ростов н/Д.: Статистика. Рост. отд-ние, 1964.
5. Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1987.
6. О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 02.07.1973 № 471 // Свод законов СССР. Т. 3, 1990. С. 273.
7. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.

8. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 1.
9. Смотр рыболовецких станов // Заря рыбака // 1975.19.07. № 6.
10. ЦДНИРО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 255.
11. ЦДНИРО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 261.
12. ЦДНИРО. Ф. 198. Оп. 7. Д. 16.

С.В. Григорьева

Мемуары советских военных в Анголе как исторический источник по изучению советской повседневности 1970–1980-х гг.

В докладе анализируются источниковедческие возможности документов личного происхождения – дневников и мемуаров бывших «воинов-интернационалистов» для изучения фронтовой повседневности советских военных 1970–1980-х гг. в Анголе в период гражданской войны. Объясняются причины активизации литературного творчества участников событий в начале третьего тысячелетия, обосновывается особая значимость их мемуарного наследия для исследования данной проблематики, дается его классификация и характеристика.

The report analyzes the source study possibilities of documents of personal origin-diaries and memoirs of former "internationalist soldiers" for studying the front-line everyday life of the Soviet military in the 1970s and 1980s in Angola during the civil war. The reasons for the activation of literary creativity of participants in the events at the beginning of the third Millennium are explained, the special significance of their memoir heritage for the study of this issue is justified, and its classification and characteristics are given.

Ключевые слова: повседневность, Ангола, 1970–1980-е годы, гражданская война, военные мемуары.

Key words: everyday life, Angola, 1970-1980s, civil war, military memoirs.

Фронтовая повседневность как специальная область исторических исследований в нашей стране стала набирать популярность с 1990-х гг., хотя некоторые ее аспекты изучались давно и традиционно [21, с. 8]. Это отчасти было связано с переносом центра тяжести в исследованиях с макроуровня истории на ее микроуровень, в переходе от построения умозрительных схем и конструкций, выявляющих общие закономерности развития, к конкретике, деталям и подробностям каждодневной жизни.

При изучении фронтовой повседневности большое значение имеет масштаб военного конфликта, его специфические параметры, степень вовлеченности в него общества, специфика военных профессий, мировоззрение, ценности участвующих в войне социальных групп, природно-климатические, этно-конфессиональные особенности регионов, где проходят военные действия. При этом, несмотря на использование типологизации и неких «матриц» как инструмента изучения повседневности, важное значение имеет анализ

уникального индивидуального опыта каждого участника событий, оказывающегося порой в неповторимых обстоятельствах. В связи с этим особую роль для изучения повседневности приобретают документы личного происхождения – письма, дневники и воспоминания. При этом ранее казавшаяся недостатком мемуарной литературы субъективность мемуарного творчества превращается в его большое достоинство, позволяющее увидеть личность с ее особенным отношением к пережившим событиям. По этой причине «военная проза» фронтовиков может рассматриваться как наиболее доброкачественный исторический источник для изучения психологического измерения войн и вооруженных конфликтов [22, с. 103].

Значение мемуарного наследия еще больше возрастает при изучении проблематики, по которой значительная часть официальных документов до сих пор закрыта для исследователей. К числу таких тем можно отнести локальные войны и конфликты на Африканском континенте, в которых Советский Союз принимал непосредственное участие. В частности, таковым можно считать участие СССР в гражданской войне в Анголе (1975–2002). Этот вооруженный конфликт между тремя соперничавшими группировками МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы), ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы) и УНИТА (Национальный союз за полную независимость Анголы) в условиях «холодной войны» приобрел международный характер. В период активных боевых действий в Анголу было командировано свыше 10 тыс. советских военных советников и специалистов, из которых погибло по официальным данным более 50-ти чел. [16, с. 377].

Война – это всегда «вызов» обществу. Советские военные, выполняя свой «интернациональный долг» в Анголе, были вынуждены отстаивать «интересы социализма» далеко за пределами своей родины, испытывая многочисленные трудности и лишения, «бытуя перед лицом смерти». Война стала образом их жизни, частью их профессии и судьбы.

В отличие от архивных документов, находящихся под грифом «секретно», дневники и воспоминания участников событий доступны для ученых, часть их опубликована, другая часть находится в открытом доступе на официальном сайте ветеранов Анголы [19].

Появление воспоминаний было обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, истечением срока секретности. Большинство участников военных действий, отправляясь в страны Черного континента, давали подписку о неразглашении. Советские военные в Анголе маскировались под кубинцев или ангольцев, не имели знаков отличия и документов. Официально Советский Союз не вводил свои войска на территорию Анголы, осуществляя только поставки военной техники и вооружений. По прошествии двадцати пяти лет с момента вывода наших военных из Анголы стало возможным рассказать об этом широкой российской общественности. Во-вторых, изменилась международная обстановка: было заявлено об окончании «холодной войны» и крахе биполярной системы мира. В 1990-е гг. наши «политические и идеологические враги» превратились в партнеров, социалистический лагерь распался, поменялись приоритеты российской внешней политики на Африканском континенте. Для

бывших советских военных стало важным переосмыслить свое участие в локальных войнах за пределами распавшегося СССР. Это стало еще более значимым в условиях, когда участие Советского Союза в них стали считать «бесполезным», «безрезультатным» с экономической, политической и военно-стратегической точки зрения, а самих «воинов-интернационалистов» стали называть «оккупантами». В-третьих, Родина, а точнее бюрократическое государство, не оценили их жертвы и лишения. Российские власти отказывались признавать их участниками вооруженных конфликтов и не включали в число льготников, имеющих право на дополнительные выплаты и дотации [10]. Поэтому написание мемуаров для этих людей стало своего рода психологической реабилитацией, возможностью «вернуться в свою молодость», окунуться в атмосферу тех далеких лет, вновь пережить драматические ситуации личной судьбы, отдать дань памяти павшим, обессмертив их в своих произведениях. В частности, один из участников событий С. Кононов замечает по этому поводу: «Я никогда не думал, что мой дневник когда-нибудь будет интересен кому-то. Стояли у меня на полке две потрепанных тетради уже двадцать лет... По-настоящему рассказать о тех событиях было некому... И вдруг сайт Союза Ветеранов Анголы. Приехал на конференцию, и как проснулся. Ребята, нам есть что рассказать. И решил писать, пока кого-то это интересует... Расшифровка дневника меня просто увлекла. Это было прекрасно... Когда сел писать, как в кино в мозгу прояснилось: как разговаривали, как вещи собирали. Или про ПДСС (противодиверсионные силы и средства – С.Г.) в порту. Но зато очень подробно все поездки, пейзаж, быт, разговоры, потому что все беседы официальные сохранил в официальных записках шефу группы. Сумел привезти много выписок из документов. Вот откуда такая детализация. Я честно, ничего не привирал, нужды нет. И так богатая событиями жизнь. Эх, сейчас бы снова помоложе, да в тоже время!» [14]. Многие из участников событий тех лет вышли на пенсию, появилось время для занятий литературным творчеством. Немаловажным фактором, побуждающим к написанию мемуаров, стали расширившиеся возможности их опубликования и размещения на сайте ветеранов Анголы в соответствующем разделе, а также растущий интерес к данной проблематике со стороны ученых и общественности.

Благодаря появлению мемуарной литературы в третьем тысячелетии стали появляться работы, затрагивающие проблемы повседневности советских людей на Африканском континенте [см. например: 4, 15], но их еще достаточно мало.

Что касается качества мемуарного наследия ветеранов Анголы, то следует отметить, что среди воспоминаний встречаются как довольно основательные работы, авторы которых привлекали к написанию широкий круг источников (собственные дневники, материалы интервью с сослуживцами, официальные документы и статистику, фотографии и пр.), так и небольшие очерки, основанные исключительно на личных впечатлениях.

Классифицировать эти воспоминания можно по-разному. С точки зрения изучения повседневности советских военных мемуарное наследие можно

классифицировать по родам войск или военным профессиям (военные советники, летчики, переводчики, врачи, танкисты и пр.) Все они видели Ангольскую войну по-разному: кто-то из танка, кто-то из-за облаков, кто-то через операционный стол. Разными были задачи советских специалистов в Анголе, разными были и условия их жизни и быта.

Среди мемуаристов было немало высших чинов – главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны СССР (1989–1991) В.И. Варенников [2], Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Народной республике Ангола в 1987–1990 гг. В.Н. Казимиров [8], военные советники В. Голуб [3], Д. Гуков [5], Н.Г. Ковтун [9] и др., вращавшиеся среди ангольской военной и государственной элиты, разрабатывающие военные операции, консультировавшие ангольских товарищей по вопросам укрепления обороноспособности страны и повышению боеспособности ангольской армии. К этой же группе источников личного происхождения следует отнести работы советских переводчиков в Анголе С. Коломина [11, 12], С. Некрасова [18], А.А. Токарева [23], врача Ю.И. Жукова [7], обслуживающих высший командный состав СССР в Анголе. Большинство из них проживало в столице, где были более или менее удовлетворительные условия жизни. Правда, им часто приходилось выезжать в те местности, где проходили военные действия для руководства и координации ими.

В отличие от военных советников военные специалисты – летчики [17], борт-переводчики [1; 6], инженеры [13; 14], специалисты-радиотехники [20] и др., занимавшиеся в основном обслуживанием военной техники и обучением ангольских и кубинских солдат ее эксплуатировать, как правило, дислоцировались в непосредственной близости от театра военных действий. Их повседневность была более тяжелой и экстремальной. Несмотря на существенные различия в условиях пребывания этих двух групп в Анголе, у них было много общего: тяжелые природно-климатические условия, невыносимая жара; множество рептилий и насекомых, укусы которых могли быть смертельными; опасность заражения малярией, желтой лихорадкой, холерой и пр. заболеваниями; непривычное для советских граждан питание, дефицит пресной воды; наконец, страх в любой момент быть убитыми или ранеными. Экстремальные условия, в которых оказались советские люди, до предела обостряли человеческие чувства, заставляли действовать четко и слаженно, быстро находить оптимальные решения для выживания и выполнения боевых задач.

В мемуаристике нашли детальное отражение различные аспекты фронтового быта в Анголе: выполнение служебных обязанностей, вопросы боевого, технического и бытового снабжения; распорядок дня; санитарно-гигиеническое и медицинское обслуживание; жилье, отдых и досуг, связь с родиной. Поэтому несмотря на недостаточность официальных источников, мемуары, рисующие живые картины повседневности, позволяют воссоздать образы, типичные для жизни советских «воинов-интернационалистов» на африканском континенте. Они составляют ценный пласт исторических источников, дающих возможность более глубоко и объективно изучить вопросы советской повседневности 1970–1980-х гг.

Список литературы

1. Белов Ю. Вылет на Калулу. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/kalulu> (дата обращения: 12.11.2020).
2. Варенников В.И. Незабываемое. Кн. 4. Глава «Ангола» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/varenikov> (дата обращения: 12.11.2020).
3. Голуб В. 450 боевых дней. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/golub> (дата обращения: 12.11.2020).
4. Григорьева С.В. Советская повседневность в Африканских представительствах 1960–1980-х гг. (по мемуарной литературе) // Вестник Нижегородского государственного университета. 2017. № 6. С. 17–23.
5. Гуков Д. Дневник советника Комбата. [Электронный ресурс]. URL: https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/dan_gukov (дата обращения: 12.11.2020).
6. Жуклин С. Полеты – воспоминания борт-переводчика. [Электронный ресурс]. URL: https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/zhuklin_flights (дата обращения: 12.11.2020).
7. Жуков Ю.И. Записки военного врача о работе в Анголе 1975–1976 гг. // Нижегородцы в локальных войнах и конфликтах с 1945 по 1996 г. Нижний Новгород, 2004. С. 239–278.
8. Казимиров В.Н. Поворот воюющей Анголы к миру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/kazimirov> (дата обращения: 12.11.2020).
9. Ковтун Н.Г. Ангола в сердце моем. (Путевые заметки – воспоминания военного советника в Анголе). Киев, 2010. 224 с.
10. Коломнин С. Вас там быть не могло... URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/kolomnin> (дата обращения: 12.11.2020).
11. Коломнин С. Русский след под Кифангондо. Неизвестные страницы Черной Африки. М.: Этника, 2014. 128 с.
12. Коломнин С. Русский спецназ в Африке. Авторские фрагменты. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/kolovnin2> (дата обращения: 12.11.2020).
13. Кононов С. Из ангольского дневника. Тетрадь № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/kononovtetrad1> (дата обращения: 12.11.2020).
14. Кононов С. Из ангольского дневника. Тетрадь № 2. (Продолжение 2,3. Окончание) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/kononovtetrad2>
15. Кузнецова-Тимонова А. Особенности участия военных переводчиков в вооруженных конфликтах второй половины XX столетия: на примере представителей Беларуси – ветеранов войны в Анголе (1975–1992). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2016/04/25/718> (дата обращения: 20.10.2017).
16. Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ: Астрель, 2003. 778 с.
17. Масленников В. Не наша война. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/maslenikov> (дата обращения: 12.11.2020).
18. Некрасов С. «Спокойная жизнь» в Кааме (1983–1984) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/Nekrassov> (дата обращения: 12.11.2020).
19. Официальный сайт ветеранов Анголы. Раздел «Наши мемуары». <https://www.veteranangola.ru/>
20. Павлов Д.В. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/pavlov> (дата обращения: 12.11.2020).
21. Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX в.: очерки по военной антропологии. М.: Институт Российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.
22. Сенявская Е.С. Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. № 1 С. 101–109.
23. Токарев А. Командировка в Анголу. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/tokarev> (дата обращения: 12.11.2020).

Экономическая журналистика в ситуации кризисной коммуникации (на примере прессы Мордовии)

Целью данной статьи является анализ освещения в мордовской прессе экономических процессов, происходящих в Республике Мордовия в период распространения эпидемии COVID-19. Дается определение «экономической журналистики», характеризуются ее функции. Прорабатываются теоретические и практические аспекты исследований в экономической журналистике. На конкретных примерах авторы статьи раскрывают жанровые и содержательные формы экономической публицистики.

The purpose of this article is to analyze the coverage in the Mordovian press of the economic processes taking place in the Republic of Mordovia during the spread of the COVID-19 epidemic. The definition of "economic journalism" is given; its functions are characterized. Theoretical and practical issues of research in the economic journalism are being worked out. On specific examples, the authors of the article reveal the genre and content forms of economic journalism.

Ключевые слова: бизнес, кризисная коммуникация, пандемия, финансы, экономическая журналистика.

Key words: business, journalism, media economics, pandemic, finance.

Рост медиапотребления, а вместе с тем и увеличение потребностей аудитории в получении качественной и уникальной информации повлияли на трансформацию коммуникации в целом. Взаимодействие журналистики с другими научными дисциплинами привело к возникновению отраслевых СМИ.

В условиях кризисной коммуникации популярность обрела экономическая журналистика, целью которой является освещение актуальных экономических процессов через средства массовой информации.

Утверждая ценности и идеологию рыночной экономики, а также обсуждая ее нравственные и этические императивы, журналисты дают оценку степени развития экономической системы общества, таким образом, оказывая влияние на мнение и поведение людей.

Первым российским экономическим изданием принято считать «Коммерческую газету», основанную в 1825 г. в Санкт-Петербурге. В дальнейшем она слилась с «Журналом для аукционеров» и образовала газету «Биржевые ведомости», просуществовавшую вплоть до 1917 г. Экономическим подходом в журналистике прославился Николай Чернышевский, главный редактор литературного журнала «Отечественные записки». Именно он ввел в обиход понятие «аналитического обзора». Опираясь на идеи западных философов и публицистов Ш. Фурье и Г. В. Ф. Гегеля, он, например, предсказал отмену крепостного права за три года до того, как произошло событие, описывал коллективное производство и потребление, ликвидацию наемного труда.

В Республике Мордовия предпосылки возникновения экономической журналистики начали формироваться с появлением первых газет «Мужик» и «Саранские вести» под чутким руководством В.В. Бажанова в начале XX в., однако текстам не хватало аналитической подоплеки. Лишь в конце этого века экономическая журналистика начала развиваться в универсальной периодической печати.

Исследователь И.Н. Демина понимает под экономической журналистикой «пограничную научную дисциплину, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о практике журналистской деятельности, одну из форм общественного сознания, касающегося анализа и прогнозирования экономического развития» [2, с. 103]. В то же время исследователь выделяет практическую деятельность экономической журналистики, заключающейся в коммуникационном процессе.

Исследователь Валерий Иваницкий считает, что в экономическую журналистику входят «несколько взаимосвязанных, взаимодополняющих областей, составляющих единое целое, включающих в себя и общенаучную, и специально-научную, и практическую составляющие» [3].

Журналист Надежда Добрецова характеризует экономическую журналистику с практической точки зрения, полагая, что «изложение информации об экономике позволяет любому человеку принять верное решение для защиты своих материальных интересов» [4, с. 6].

Итак, с практической точки зрения экономическая журналистика представляет производственную и общественную деятельность по сбору, обработке и распространению экономически направленной информации. При этом ее потребителем является аудитория: физические или юридические лица. Разновидностью экономической журналистики считаются «деловые СМИ», однако, стоит оговориться, экономическая информация может носить универсальный характер. С теоретической точки зрения, экономическая журналистика является научной дисциплиной, совмещающей в себе знания по нескольким областям, частью медиасистемы, образующей инфраструктурные связи в экономической, социальной, культурной и другими сферами общества, а также методологической базой для определения методических подходов и принципов экономических коммуникаций.

В ситуации кризисной коммуникации экономическая журналистика способна психологически воздействовать на мышление людей. Правильная подача информации понижает чувство тревоги и беспокойства общества, а вместе с тем уменьшает риск асоциального поведения. В случае использования ложной информации возникает панический страх, при этом, когда обман раскроется, это может сказаться на имидже и репутации редакции.

Необходимо тщательно относиться к выбору СМИ для будущей публикации. Универсальные издания рассчитаны на массовую аудиторию с разными интеллектуальными способностями. Язык и стиль изложения должен быть понятным и простым. Яркими примерами универсальных СМИ являются еженедельник «Вечерний Саранск», республиканская газета «Известия Мордовии», региональное информационное агентство «Столица С», газета «Про Город 13», издательский дом «АИФ-Мордовия» и другие.

Освещая экономические процессы как территориального, так и международного уровня в универсальной периодической печати, большинство журналистов стараются не просто констатировать их, но и в той или иной степени провести анализ: выявить причины и последствия событий, узнать оценку экспертов.

В медиатексте «Средний класс обеднел из-за пандемии», написанном в форме корреспонденции, журналист приводит статистику, ссылаясь на данные

Росстата. «Расчеты исследователей на основе данных Росстата показали, что 8,7% представителей среднего класса потеряли работу, а 3,9% оказались в вынужденном простое с сохранением дохода не выше МРОТ. В итоге 6,1% среднего класса перешли в категорию бедных... В среднем, подсчитали эксперты, пандемия снизила доходы россиян на 9,7% – 11,5%» [5, с. 15]. Также был использован прием «сценария», заключающегося в прогнозировании исхода события. «В России высок уровень доходного неравенства, так что большинство семей почувствуют улучшения в своей жизни только тогда, когда показатель реальных предполагаемых доходов будет уверенно расти несколько лет со скоростью хотя бы 2,5% – 3% в год, считают эксперты» [5, с. 15].

В настоящее время многие печатные издания имеют онлайн-формат. Это помогает не только привлечь «молодую» аудиторию, но и анонсировать будущий номер. Проведенный опрос показал, чем меньше электронный медиатекст на экономическую тематику, тем лучше он запоминается и воспринимается читателями. При этом 78% опрошенных предпочитают использование графики в тексте приведению статистических данных. 92% считают, в медиатексте необходимы иллюстрации, выполняющие роль визуальной информации. При этом иллюстрации должны быть с места события, а не просто скачанными с Интернета. Всего в опросе участвовало 400 респондентов.

«Деловые СМИ» нацелены на определенный целевой читательский сегмент. Информация в «деловых СМИ» носит специализированный характер и предназначается, прежде всего, для агентов рынка: домашних хозяйств и коммерческих фирм. Зачастую деловые масс-медиа аналитически подходят к освещению фактов действительности, предусматривают сценарии развития кризисных событий, разрабатывают стратегию сдерживания и опережения негативного явления.

В Республике Мордовия развитие специализированных экономических изданий началось в конце XX в. в журнале «Бизнес». Целью издания было формирование информационного поля для предпринимательской деятельности, рост уровня профессиональных знаний в экономической сфере. Популярность обрела газета «Малый бизнес Мордовии», журнал «Бизнес Арена». На сегодняшний день данные издания закрыты. Экономическая журналистика продвигается в рамках универсальной прессы.

Особую значимость имеет деятельность медиарилейшенз. Налаживание связей с пресс-службой конкретной организации поможет наиболее полно, точно и объективно осветить событие, а также повысит эффективность работы редакции. Зачастую, журналисты берут комментарии у пресс-службы Главы Республики Мордовия, пресс-секретаря Отделения Национального банка Республики Мордовия, пресс-центра Республики Мордовия, центра маркетинговых коммуникаций «Корпорации развития Республики Мордовия» по вопросам финансового планирования, управления государственным долгом, накопления и сохранения денежных средств, защиты имущества от незапланированных обстоятельств, разработки стратегии бизнеса, обеспечения экономически защищенного будущего.

Так, например, размещенный на главном сайте Центрального банка Российской Федерации пресс-релиз «Годовая инфляция в Мордовии в сентябре осталась самой низкой в ПФО» вскоре был обнародован в газете «Известия

Мордовии». «Годовая инфляция в Мордовии в сентябре 2020 года составила 3,0%, как и месяцем ранее. Это самый низкий показатель в Приволжском федеральном округе (3,9%) и один из самых низких в России (3,7%). Подобную динамику определяло действие разнонаправленных факторов. Сдержанный потребительский спрос на отдельные непродовольственные товары и расширение предложения на ряде продовольственных рынков способствовали замедлению темпов роста цен. С другой стороны, проинфляционное влияние оказывало ослабление курса рубля с начала года» [7].

Вопросы, по которым экономическая журналистика помогает принимать решения, условно можно разделить в зависимости от выбранной тематики медиатекста.

Макроэкономические вопросы нацелены на изучение экономики в целом. Они характеризуют общенациональные и международные экономические явления, например, темпы экономического роста, валовой внутренний продукт, изменение благосостояния населения, уровень безработицы, инфляции и другие.

В статье «С экспортом продуктов мы начали завоевывать китайский рынок» журналист анализирует производство и реализацию продукции, инфраструктурное строительство, освоение новых рынков на территории других стран. «По оперативным данным, за 8 месяцев 2020 года мордовскими предприятиями на экспорт отправлено около 40 тысяч тонн продукции. Это говорит о том, что предприятия агропромышленного комплекса республики работают стабильно – рост объемов сельскохозяйственного производства за 6 месяцев составил 106% Рост производства молока составил 105% Не отстала в период пандемии и строительная отрасль, которая за 6 месяцев показала 115% роста. При этом строительство переместилось большей частью в районы республики. Объекты этого года – детских садов, 2 школы, дома культуры» [6, с. 6–7].

Журналист освещает не только положительные экономические процессы, но и отрицательные. «Закрылись внешние рынки, возникли сложности с продажами, например, у вагоностроителей: был закрыт Иран, непростая ситуация сложилась по поставкам вагонов на Кубу» [6, с. 6–7].

Микроэкономические вопросы исследуют влияние на принятие экономических решений юридических и физических лиц таких факторов, как состояния отдельных рынков, выбор потребителем продукции, бизнес-план фирмы, планирование семейного бюджета и другие.

В репортаже «В саранских супермаркетах нет дефицита продуктов» журналист опровергает информацию о недостатке товаров на полках магазинов, описывая свой визит в «Магнит», «Спар» и «Перекресток» в реальном времени. Отличительными особенностями медиатекста являются последовательность событий, наглядность, предельная документальность. «Эффект присутствия» сопровождается упоминанием настроения окружающих. Характерной чертой также является взаимодействие нейтральной лексики и разговорной, использование описательных предикатов. «Прилавки забиты до отказа. Макароны, гречка, туалетная бумага аккуратно разложены по стеллажам. Покупателей можно пересчитать по пальцам одной руки. Одинокая бабушка с двумя батонами хлеба, девушка с простой корзиной и мужчина с минералкой. Ценники те же, что и несколько дней назад» [1, с. 2].

Таким образом, экономическая журналистика в условиях кризисной коммуникации выполняет миссию общественного контроля за действиями власти, следит за возникающими в секторе рынка тенденциями. Для работы СМИ в ситуации кризисной коммуникации предлагается занять четкую недвусмысленную позицию, не замалчивать информацию, организовывать присутствие на месте событий, выстраивать внешние и внутренние коммуникации, избегать лишнего нагнетания тревоги, осуществлять постоянный мониторинг и оценку протекания экономических процессов. При освещении экономики журналист должен владеть не только общепрофессиональными, технологическими, но и узкоспециализированными знаниями, касающимися экономического аспекта: знать основные макроэкономические показатели, инструменты внешней экономической торговли, основы банковского и страхового дела, состояние финансовых рынков и сектора государственных финансов. Необходимо проводить централизованную коммуникацию, т.е. назначить человека, отвечающего за распространение информации, и сформировать команду для обеспечения его работы. Освещение колебаний в принятии экономических решений может породить у общественности впечатление о некомпетентности руководства и усилить ощущение отсутствия опыта решения проблемы.

Список литературы

1. В саранских супермаркетах нет дефицита продуктов // Известия Мордовии. 2020. № 26. С. 2.
2. Демина И.Н. Экономическая журналистика в массовой коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 4. С. 101–110.
3. Иваницкий В. Основные направления в проблематике российской прессы: экономика // [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text19/062.htm> (дата обращения: 21.10. 2020, 16:31).
4. Освещение экономических тем в средствах массовой информации (экономическая журналистика): учеб. пособие для вузов / под ред. Н.Н. Добрецовоной. Б.: Принтхаус, 2008. 132 с.
5. Средний класс обеднел из-за пандемии // Вечерний Саранск. 2020. № 37. С. 15.
6. С экспортом продуктов мы начали завоевывать китайский рынок // Вечерний Саранск. 2020. № 29. С. 6–7.
7. Центральный банк Российской Федерации. Годовая инфляция в Мордовии в сентябре осталась самой низкой в ПФО // [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/press/regevent/?id=7899> (дата обращения: 21.10. 2020, 18:39).

В.В. Волков, Н.В. Волкова

Судьба книги и чтения в литературной антиутопии: от вербализации к визуализации

В статье рассматриваются прозрения литературной антиутопии относительно будущего книги. Авторы, основываясь на методах филологической герменевтики, характеризуют тенденцию доминирования визуальных информационных потоков над вербальными как опасную для человеческой культуры и для самого человеческого существа. Естественный язык обеспечивает возможность абстрактного мышления, развитие метапотребностей личности, поэтому исчезновение книги как носителя культурной памяти оказывается в тесной связи с деградацией человека.

The article discusses the foresights of literary dystopias for the future of books. Based on the methods of philological hermeneutics, the authors characterize the tendency of visual information flows to dominate over verbal ones as dangerous for human culture and for the human being itself. Natural language ensures the possibility of abstract intelligence, the development of meta-needs of the individual, so the extinction of books as a media of cultural memory is closely related to the degradation of human beings.

Ключевые слова: антиутопия, социальная прогностика, филологическая герменевтика, литературная футурология, книга, читатель.

Key words: dystopia, social prognostics, philological hermeneutics, literary futurology, book, reader.

Слова *биофилия* и *библиофилия*, разумеется, не паронимы в собственном смысле, однако некая семантическая аттракция между ними, на наш взгляд, явно просматривается. *Биофилия* – буквально, по Э. Фромму в его книге с показательным названием «Душа человека» (1964), – «любовь к жизни и живому» [9, с. 14]. Это довольно редкое, однако узуальное слово, часто в оппозиции с *некрофилией* – «любовью к мертвому», что в расширительном смысле – склонность к разрушению, к отождествлению (живого) человека с бездушным механизмом, к погружению в состояние оторванности от «живой жизни» и т.п. *Библиофилия* – скорее потенциализм, чем общеупотребительное именование «любви к книге вообще». Узуальные – *библиофил*, *библиофильство*, которые ассоциируются не столько с любовью к книге и чтению «вообще», сколько к необычным, редким, уникальным изданиям, к книге в ее специфически ярко проявленной «бумажной» телесности.

В данной работе квазипаронимическим сближением *биофилии* и *библиофилии* мы пользуемся в целях проблематизации – и одновременно вводной характеристики – характерного для литературной антиутопии мотива угасания роли «книги вообще» и бумажной книги в особенности. Потенциальное дистопическое будущее обходится без книг, – напротив, яростно борется с ними, как, например, в хрестоматийно-культовом романе Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (1953) или ранее, в романе О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932), в романе Дж. Оруэлла «1984» (1949) и др. В параллель чахнет и «живая жизнь» людей, которые превращаются в «*симплифицированных и унифицированных потребителей*» [4, с. 33]. Помимо витальных, какие-либо высшие, «бытийные ценности» (А. Маслоу), «метапотребности» людям – как винтикам дистопического мира – противопоказаны «сверху» (государственной политикой) и категорически вне надобности «снизу» (самим *homo consumericus*, чей потребностный горизонт ограничен известным с древности требованием: «хлеба и зрелищ»).

Данная работа выполняется в логике филологической герменевтики, нацеленной на такое «участное мышление» (М.М. Бахтин), которое инициируется углубленным вниманием к лексической семантике ключевых слов – вплоть до феноменологического «соприсутствия» с их глубинными смыслами. Предмет наших герменевтических наблюдений – оппозитивная пара лексико-

семантических микрополей: 1) («словесная») *книга – вербальный* (словесный) способ представления информации; 2) (перцептивный) *образ – визуальный* (зрительный) способ представления информации, а также смежные с ним другие перцептивно-образные модальности (слух, обоняние и др.).

Установка типизированной «дистопической личности» на ***потребление и развлечения*** (современный вариант прочтения формулы «хлеба и зрелищ») органично соединяется с избеганием вербализованной информации – в пользу визуализованной.

Очевидная причина: семиозис – восприятие, понимание, личностно окрашенная интерпретация – вербальных знаков или тем более целых текстов «из букв и слов» требует серьезных (лингво)когнитивных усилий. Отсюда – избегание книг, особенно в их «бумажной» телесности, тяга к образно-визуальным носителям таких данных, которые хорошо соотносятся, с одной стороны, с базовыми витальными потребностями тела, с другой стороны, с такими социальными потребностями души, как развлечения, игра с повседневностью.

Считается, что в современном глобализованном информационном мире – именно потому, что этот мир глобализован, – оптимальный способ кросскультурного информационного обмена – не текстовой (ибо языки разные), а визуальный (поскольку слабо зависит от вербализаций тех ключевых концептов, которые носят характер семантических универсалий). Оспаривать это положение невозможно, однако из него никак не следует, что в любых ситуациях информационного обмена / взаимодействия именно визуальные способы кодирования информации должны рассматриваться как оптимальные. Только один аргумент: конкретно-практическое мышление (например, плотника) необходимо основывается на визуализациях, абстрактное мышление (например, теоретическое осмысление плотницкого ремесла) необходимо предполагает вербальные средства кодирования понятий.

Оппозиция вербального и визуального может быть соотнесена с оппозицией Эроса – древнегреческого бога любви и созидания с его антиподами – богом смерти Танатосом и его братом-близнецом Гипносом, божеством сна и забвения. Погружение сознания в визуальные практики – при депривации вербальных – порождает «сон разума», а вместе с ним (и прежде него, и как следствие его) такое «чудовище», как реализовавшаяся / воплощающаяся антиутопия.

Литературная антиутопия – предвосхищение и предостережение опасного развития тенденций настоящего в будущее. В упомянутом романе Брэдбери Милдред, жена главного героя, сутками не покидает комнату с «телевизорными стенами», общаясь с виртуальными «родственниками» в рамках телевизионного, как бы сказали сейчас, интерактивного ток-шоу, а когда виртуальных «родственников» нет, уходит в другие программы. Ее мозг бодрствует, но ее нет. «Каждую ночь сюда врывается океан звуков и, подхватив Милдред на свои широкие крылья, баюкая и качая, уносит её, лежащую с открытыми глазами, навстречу утру. Не было ночи <...> когда Милдред не уплывала бы на этих волнах, не погружалась бы в них с готовностью ещё и ещё раз»

[2, с. 15]. Телевидение для Милдред – информационно-коммуникационный наркотик. Ярко и точно о свойстве телевидения (сейчас бы сказали: свойстве Интернета) вводит человека в состояние забвения реальности, и/или смешения реального и виртуального, и/или подмены реального виртуальным – писал Е.А. Евтушенко в «антиутопической» поэме «Мама и нейтронная бомба» (1982): «А телевизорные наркоманы! / Для них телебашни – / гигантские шприцы, / вкалывающие под кожу забвенью» [5]. Мотив забвения – центральный в этой поэме, средства забвения – самые разнообразные развлечения и материальные вещи, к которым прилепляется человек, как наркоман к наркотикам, в том числе «мебель, сервизы, машины <...> наркотики в твердом виде», – всё, что оказывается для людей средством бежать от жизни; в поэме все эти «наркотики», от «пол-литры» горячительного до «футбола» – символ «жизни, которая ищет забвения от самой себя и тем самым движется к гибели» [3, с. 83]. Информационная антиутопия как реальность, в которой де-факто во многом мы живем уже сейчас, – основывается на визуализациях, на погружении в разные перцептивные впечатления – прежде всего от обилия разнообразных вещей и развлечений, которые, как наркотик, вводят в «сон», в «оцепенение от жизни», по исходному этимологическому смыслу слова *наркотик* – из др.гр. *narkē* ‘оцепенение, онемение, ооченелость’, ведут к забвению реальности.

В романе Хаксли «дивность» жизни для обитателей «дивного нового мира», помимо обилия телесных удовольствий и развлечений, обеспечивается регулярным употреблением официально выдаваемого властями наркотика с «говорящим» названием *сома* (< др.-гр. *sōma* ‘тело’), смысл которого можно прочесть как «телу хорошо, сознание от реальности отключено – значит, всё прекрасно». Но не только сома, – есть и прямые средства воздействия на органы чувств. «Главноуправитель» разъясняет: «Пришлось выбирать между счастьем и тем, что называли когда-то высоким искусством. Мы пожертвовали высоким искусством. Взамен него у нас ощущалка и запаховый орган» [10, с. 298]. К примеру – из «ощущалки», пришедшей на смену обычным кинотеатрам: «Там любовная сцена есть на медвежьей шкуре, говорят, изумительная. Воспроизведен каждый медвежий волосок. Потрясающие осязательные эффекты», – и результат: «...люди работают, совокупляются, беспрестанно развлекаются; сидеть и думать им некогда и недосуг...» [10, с. 49, 80–81].

Главное, конечно, в цели управления сознанием и поведением: сома – надежное средство обеспечить гражданам «отдых от реальности», а следовательно, «общность, одинаковость» и социальную стабильность как основу «дивного нового мира». В неотступном вербальном фоне – постоянно повторяющиеся разнообразные, но все об одном «гипнопедические пословицы», типа «Сомы грамм – и нету драм»; в развернутом обосновании: «...всегда есть сома, сладчайшая сома: принял полграмма – и получай небольшой сомотдых; принял грамм – нырнул в сомотдых вдвое глубже; два грамма унесут тебя в грезу роскошного Востока, а три умчат к луне на блаженную темную вечность...» [10, с. 81]. «Сома», с одной стороны, сокращает видимую телесную

жизнь (для правителей неплохо, ибо любой организм изнашивается), – с другой стороны, и по убеждению и уверениям правителей, и по ощущениям самих зависимых, – кратно увеличивает ее субъективную продолжительность: в состоянии забвения человек ощущает себя принадлежащим вечности, где времени нет вообще. А вместо книг и чтения – «гипнопедия», обучение во сне и наяву, многократными повторами формирующая вместо знаний – рефлекс, «непроизвольные, как мигание».

Исследователи творчества О. Хаксли справедливо отмечают, что само по себе изобилие материальных благ не делает дистопический мир «дивным», – необходимые сопутствующие условия – «регрессорство, низведение человека на уровень животных инстинктов», посеять страх, «избавить от сомнений ум» [6, с. 75]. При этом остается на периферии внимания следующее: важно не только то, что в мире антиутопии есть, но и то, чего нет, а именно: в дистопическом мире нет книг, из информационного поля исключена «сфера серьезного». Цивилизация в дистопической проекции «от (реального) сегодня – к (возможному) завтра» – это цивилизация не унижительного рабского труда, но рабского сознания, свободного лишь для потребления и развлечений. И в этом обстоятельстве – драматическое (трагическое?) сходство с современной реальной ситуацией. Антиутопия демонстрирует лишь заключительный этап деградации – разрушения, вырождения человечества: нация / народ → население / «электорат» → биомасса развлекающихся бездумных «потребителей». Этап, близкий к началу воплощения антиутопии в реальность, – нынешний вариант гедонистически-«игровой» цивилизации, когда люди все меньше и меньше, многие до «вообще» не читают ничего «серьезного», когда типичная фигура в молодежной среде – *homo gamer* в самом широком и разнообразном смысле этого выражения. Не творец, а «креакл». Носитель идеологии *библионигилизма*, которую специалисты по библиотечному делу характеризуют как «совокупность технократических стереотипов», ставящих под угрозу «будущее книжной культуры в России» [8].

Роман Дж. Оруэлла «1984», думается, известен прежде всего благодаря неологизму *новояз*, в котором реальность XX в. оказалась превосходно интерпретированной – в одном-единственном слове. Картина мира в «новоязе» искусственно редуцирована до повседневности, необходимой научно-технической терминологии, деловой коммуникации и, разумеется, идеологического обеспечения. Лингвокогнитивная антиутопия или художественная гиперболизация реальных процессов? Скорее второе. Обратим внимание на аргументацию уверенности, с которой Сайм, «специалист по новоязу», один из тех, кто его разрабатывает и совершенствует, утверждает, что «вся литература прошлого будет уничтожена»: «Чосер, Шекспир, Мильтон, Байрон останутся только в новоязовском варианте, превращенные не просто в нечто иное, а в собственную противоположность. Даже партийная литература станет иной. Даже лозунги изменятся. Откуда взяться лозунгу “Свобода – это рабство”, если упразднено само понятие свободы? Атмосфера мышления станет иной. Мышления в нашем современном значении вообще не будет. Правверный не

мыслит – не нуждается в мышлении. Правоверность – состояние бессознательное» [7, с. 55]. Нет слов – нет и соотносительных с ними мыслей. По В.А. Жуковскому: «Невыразимое подвластно ль выраженью?..» – только с показательным уточнением: в дистопическом будущем нет в сознании его обитателей такого «невыразимого», которое могло бы стремиться найти «выраженье». Речевые автоматизмы полностью покрывают – вместе с тем и полностью закрывают – содержание сознания. Книг – как носителей по настоящему «серьезной» информации – нет, а значит, и содержание сознания обречено на пребывание в рабстве по формуле «хлеба и зрелищ», в мотивационном рабстве у «потреблять и развлекаться».

В заключение напомним: «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли открывается эпиграфом из книги Н.А. Бердяева «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы», увидевшей свет в 1924 г. Воспроизведем чуть иначе, чем у Хаксли, с тем чтобы оттенить мотив «осуществимости» утопий: «Утопии плохо знали или забыли и слишком воздыхали о невозможности их осуществления. Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос – как избежать окончательного их осуществления» [1, с. 292]. Прошло почти сто лет после того, как эти слова великого русского философа увидели свет. Можно ли «развернуть» процесс стремительного вrastания нашего мира в антиутопию вспять?

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Брэдбери Р. О скитаньях вечных и о Земле. М.: Правда, 1987. 656 с.
3. Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматистика текста: курс лекций / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2013. 147 с.
4. Волков В.В., Волкова Н.В. Литературная утопия и антиутопия: жанровое своеобразие, аспекты герменевтического исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 3(66). С. 26–40.
5. Евтушенко Е. Мама и нейтронная бомба [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/evgenij-evtushenko-mama-i-nejtronnaya-bomba/> (дата обращения: 25.10.2020).
6. Жучкова А.В., Четырина Т.И. Иллюзия свободы: О. Хаксли «О дивный новый мир», Д. Оруэлл «1984», С. Коллинз «Голодные игры» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (41). Ч. 1. С. 74–77.
7. Оруэлл Дж. 1984: роман. М.: АСТ, 2019. 318 с.
8. Соколов А.В. Библионигилизм и библиософия // Культура: теория и практика. Электронный научный журнал. 2019. № 1. URL: <http://theoryofculture.ru/issues/102/1190/> (дата обращения: 25.10.2020).
9. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
10. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2019. 350 с.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

С.В. Павлова

«Слово о Законе и Благодати» как культурный код России

В статье рассмотрено главное произведение древнерусской политико-правовой мысли – проповедь митрополита Илариона под названием «Слово о Законе и Благодати». Автор анализирует его содержание с учетом религиозной составляющей, присущей эпохе, акцентируя внимание на сформулированной Иларионом национальной идее русского народа.

The article examines the main work of the old Russian political and legal thought – the sermon of Metropolitan Hilarion called "The Word of Law and Grace." The author analyzes its contents taking into account the religious component inherent in the epoch, focusing on the national idea of the Russian people formulated by Hilarion.

Ключевые слова: «Слово о Законе и Благодати», национальная идея, Древняя Русь, политическая идеология.

Key words: "The Word of Law and Grace," a national idea, Ancient Russia, political ideology.

«Слово о Законе и Благодати» [3] митрополита Илариона занимает особое место среди выдающихся произведений как древнерусской, так и мировой литературы. Среди памятников всемирного наследия «Слово...» характеризуется как непревзойденный шедевр совершенного словесного искусства, занявший в истории литературы свое достойное место. Как величайшее достижение русской литературы явило откровение отечественной политической мысли, выраженной новым христианским народом, неведомой еще западноевропейской юриспруденции.

Принятие новой государственной религии – важнейшее событие для любого государства, поскольку определяет направление его дальнейшего развития. Этот выбор, сделанный русским народом в 988 г., разделил отечественную историю на «до» и «после» [1]. А в культурологическом аспекте на языческую Русь и Святую Русь с новым христианским осмыслением жизни отдельного человека и государственного бытия в целом. Это, несомненно «вызов» культурному творчеству, национальной самобытности, которую позднее так блестяще выразил гениальный А.С. Пушкин.

В действительности, «Слово...», прозвучавшее в 1049 г., можно назвать литературным произведением лишь условно, т.к. оно представляет собой особый жанр устного словесного искусства пастырей церкви, значительно распространенный в средневековье. Во времена Древней Руси он стал основным богословским источником, сохранившимся и в наши дни. Однако, пастырское поучение, прозвучавшее из уст главы церкви в главный православный празд-

ник Пасхи почти 1000 лет назад, могло войти в сокровищницу русской литературы и быть востребованным современной политико-правовой наукой только в силу особого качества его содержания.

Известная Повесть временных лет на рассматриваемый момент отмечает княжение Ярослава Мудрого, одобдившего избрание митрополита Илариона главой Русской церкви минуя Константинопольский патриархат. Это единственный случай на последующие более чем 500 лет. Этот факт свидетельствует действительно о мудрости Ярослава, о зрелом уровне понимания статуса новой церкви и новопросвещенного народа, осознавшего свое равное место среди других западноевропейских народов.

Такое могло произойти исключительно на основе общего религиозного и политического подъема Руси к середине XI в. За несколько десятилетий после крещения страна преобразилась в культурном плане: расширилась ее территория, появились новые города. Составлена Русская Правда – законодательный акт эпохального значения, применявшийся несколько столетий вплоть до середины XVII в. Появилось школьное образование, интенсивно развивалось книжное дело. До наших дней дошли книги самые разнообразные, не только богослужебные, но и исторические, энциклопедии, сборники притч, житийная литература. При ручном тиражировании эта работа требовала огромного количества грамотных специалистов – переводчиков, писцов, художников для украшения миниатюрами и орнаментами. Нужно было обеспечивать книгами провинции. Для храмового строительства нужны были зодчие, строители, иконописцы.

При Ярославе начинается систематическое ведение летописи. Основан первый монастырь, Киево-Печерская лавра, не только как религиозный, но и образовательный и летописный центр страны.

Эти основные культурные достижения первой половины XI в. венчает нерукотворный памятник – «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Оно, с одной стороны, обращено к верующим христианам того времени, с другой, стало выразителем национального самосознания народа, населявшего Киевскую Русь.

Не ставя задачу проанализировать все затронутые Иларионом темы, остановимся на главном, с нашей точки зрения, мировоззренческом аспекте содержания «Слова...». Прежде всего, необходимо отметить основное своеобразие его содержания – «Слово...» имеет религиозный контекст, присущий духу времени, опирающийся на теоцентризм христианской эпохи. Теоцентристское мировоззрение эпохи, базировавшееся на идеях Нового завета, формировало правосознание нации, ее идеологию и правовую культуру, содержание и язык законодательства. Этим объясняется использование Иларионом библейских цитат и сюжетов, что характеризует специфику исследовательского подхода к заявленной теме, необходимости учета духовной составляющей рассматриваемого исторического периода.

Красной нитью сквозь все произведение проходит идея о нравственном и культурном преображении русского народа, которое Иларион связывает с крещением – принятием новой Истины – заповедями Христа. История видится ему уже как восхождение к главной христианской добродетели – Любви, которая и есть Бог. Эта духовная работа становится главным делом христианина по призыву Христа – «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный». Этот призыв к святости человека и целого народа станет главным содержанием Святой Руси.

Дарование народу русскому истинной веры воспринимается религиозным сознанием того времени как милость Божия к вновь просвещенному народу: «все народы помиловал Бог, и нас не презрел». Неведение Истины Иларион сравнивает с тьмой, адом, в котором пребывал некрещеный народ русский. Радость познания истинного Бога уподобляется им свету и свободе.

И стужа ночная побеждена,
Солнечная теплота землю согрела.
И уже не теснится человечество в Законе,
А в Благодати свободно ходит. (Стих 140).

Главный смысл христианской религии – спасение души, дарованное всем христианам, которые обретают «право быть чадами Божьими». Христианскую веру Иларион сравнивает с росой на земле, через которое достигается воскресение души.

Со всей искренностью нового христианского сознания Иларион провозглашает новое звание русских людей – христиане (стих 380), главным обращением которых к Богу становится просьба направить их на путь Его заповедей (стих 455) для будущего воскресения.

Прозрение во Христе определило новый смысл бытия, цель человеческой жизни. Отсюда в «Слове...» звучит и похвала великому князю Владимиру, принявшему крещение для себя и избравшему веру своему народу. Еще до канонизации Владимира Иларион сравнивает его с равноапостольным императором Константином, утвердившим христианство как государственную религию Римской империи. Просвещение светом Истины своего народа – главное достоинство правителя, утверждает Иларион.

Языческая культура смыслом жизни поставляет «земное» - самоутверждение, христианство – служение, по слову самого Христа: «Я пришел, чтоб не Мне служили, а Самому послужить». В самом названии этой проповеди «Слово о *Законе и Благодати*» присутствует сравнение Ветхозаветного Закона и Новозаветной Истины, Благодати, тождественной Христу и Его Правде, а далее рабской сущности подзаконного существования человека и христианского статуса свободной личности. Отсюда и название первого христианского правового источника – Русская Правда, и отсутствие в древнерусской юридической терминологии слова «закон», как неправославного. Теоцентризм средневекового мировоззрения с очевидностью определял и государственно-правовую надстройку.

В этом переходе от духовного рабства к свободе заключается преображение души, стремящейся к соблюдению нравственного закона по своей свободной воле, а не из страха наказания. Этим религиозным восторгом понимания свободы духа проникнуты слова Илариона, обращенные к современникам и потомкам. В этой возможности восхождения к совершенству и богоуподоблению утверждается главная радость человеческого бытия (стих 475).

Через служение Богу и ближнему человек средневековья видел возможность исполнения заповеди любви и спасения души.

Итогом рассуждений Илариона становится провозглашение высшим назначением государственного единения – сохранение веры и нравственности в гражданах, содействие условиям спасения людей. Это следует из приоритета духовного начала в человеке: «ищите *прежде* Царствия Божия, а остальное все приложится вам».

Спасение души через *служение Правде* и подчинение этой идее всего общественного и государственного устройства определило культурный код, религиозно-культурную ориентацию русского народа: «Все люди, племена и народы Ему послужат». Христианская мораль выводила идею особого, нравственно-религиозного служения и носителя власти, а главные события истории объяснялись через призму Библейского откровения, на соответствие Новозаветной Истине, через чувство совести.

Много веков понадобится русскому народу, чтобы к концу XVI в. создать православное царство, еще раз подтвердив преданность христианской Истине идеей «Москва – третий Рим», сконцентрировавшей все выводы Илариона в одной фразе монаха Филофея: «Третий Рим – Москва, а четвертому не быть» [2].

Обращает внимание, что национальная идея была выражена духовным лидером своего времени – митрополитом Иларионом – главой Русской церкви, монахом, проповедником, историком, законодателем, литератором в одном лице. Сегодня в поисках государственно-правового идеала мы отказываемся признать какую-либо идею справедливости основой государственно-правового бытия (ст. 13 действующей Конституции РФ). Мы забываем, что светскость государства не тождественна безнравственности ее граждан, и только духовная наполненность сознания как признак достоинства человека отличает его от остальной живой природы.

Список литературы

1. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России // Ретроспективная и сравнительная политология. М.: Наука, 1991.
2. Послания старца Филофея / БЛДР. СПб, 2000. Т. 1.
3. Слово о Законе и Благодати. М.: Столица, Скрипторий, 1994. 146 с.

Период правления князя Александра Невского и история денежного обращения Восточной Европы

Статья анализирует повседневности Руси на примере нумизматики. На территории Восточной Европы в XIII столетии официально был безмонетный период. Однако в отдельных районах продолжалось обращение монет. Начиналась чеканка монет Золотой Орды.

The article analyzes the everyday life of Russia on the example of numismatics. There was officially a coin-free period on the territory of Eastern Europe in the XIII century. However the circulation of coins continued in some areas. The minting of coins of the Golden Horde began.

Ключевые слова: гривна, монета, клад, Новгород, нумизматика, Русь, торговля.

Key words: hryvnia, coin, treasure, Novgorod, numismatics, Russ, trade.

Жизнь князя Александра Ярославича Невского (от 1220 или 1221 до 1263 гг.) пришлась на сложное и противоречивое время. Началась она во время расцвета Древней Руси, а закончилась под игом монголо-татарских ханов.

Этот период в истории Восточной Европы и сама личность князя стали предметом многочисленных исследований [8; 11; 17]. Однако некоторые аспекты повседневной жизни населения в XIII столетии остаются весьма спорными. В частности это относится к вопросу о денежных знаках и их использовании на территории Восточной Европы в XIII столетии.

Период XII – начала XIV в. нумизматы часто называют «безмонетным». Основанием для этого служит то, что в 1120-е гг. прекратилось массовое поступление западноевропейских денариев на Русь. Однако Н.Ф. Котляр высказал определенные сомнения в использовании этого термина [9, с. 108].

Признавая заметный упадок притока монет на земли Древней Руси, необходимо отметить, что, во-первых, на части территории Восточной Европы продолжалось обращение монет, во-вторых в отсутствие монет на рынке появились иные формы денежных знаков. В данном сообщении не будет рассматриваться вопрос о товаро-деньгах, так как собственно денежными знаками в средние века считали и считают преимущественно металлические предметы.

Прежде всего, обращает на себя внимание появление в Древней Руси серебряных денежных слитков – «гривен» нескольких типов и весовых категорий. Они служили аналогами западноевропейским слиткам – маркам. Наиболее ранними русскими слитками считаются «киевские» гривны весом 160 г, которые имели форму неправильных шестиугольников. Они появились примерно в XI в. Позднее началось производство гривен «черниговского» и «новгородского» типа, имевших массу около 200 г. По мнению В.Л. Янина эти весовые гривны весили 204,756 грамма. Интересно, что «новгородские» слитки имели особую палочкообразную форму, а «черниговские» частично продолжили традиции «киевских», но имели расплюснутые оконечности [15, с. 54–56; 19, с. 182].

Размер всех этих слитков серебра позволял использовать их только при крупных сделках и для накопления сокровищ, но стандартизация формы и веса говорит об использовании гривен в обмене.

Особо необходимо отметить, что обращение разнообразных типов гривен охватывала всю территорию Древней Руси, однако это не исключало локальные отличия.

В.Л. Янин на основе анализа географии находок и весовых норм денежных знаков разработал теорию о существовании двух регионов денежно-весовых единиц в Древней Руси: северном и южном [19, с. 169].

Интересная ситуация сложилась на окраинах Восточной Европы.

На северо-запад Восточной Европы (в Прибалтику) в XII и XIII вв. продолжали поступать серебряные денарии государств Западной Европы [2, с. 81–83]. Какая-то часть европейских монет XIII столетия доходила и до средневековой Руси вплоть до Брянска, где найден гроут английского короля Эдуарда I (1272–1307) [5, с. 107–108]. В связи с этим особый интерес представляет находка во время раскопок в крепости Копорье на территории Ленинградской области английского пенни короля Эдуарда I, отчеканенного в 1289–1291 гг. [3, с. 302].

Можно предположить, что серебряная монета из Западной Европы продолжала поступать на северо-запад Новгородской Руси в правление князя Александра Ярославича Невского. В данном случае крестовые походы и военные столкновения не могли препятствовать экономическим и культурным контактам.

В дополнение к этому необходимо отметить статью В.М. Потина (1981 г. издания), в которой на материалах нумизматики и дендрохронологии обосновано длительное использование серебряных монет в Великом Новгороде, в том числе в слоях XII в. [14, с. 85].

Совершенно особая обстановка сложилась на юге Восточной Европы.

На крайнем юго-западе Руси в Галицком княжестве в XIII столетии началось проникновение западных серебряных денариев. Особую известность получил Хотинский клад, который дополняется рядом индивидуальных находок с территории современной Черновицкой области [13, с. 109–127; 12, с. 58, 70–71].

Возможно вплоть до XII в. продолжался выпуск местных медных монет в византийском Херсоне [1, с. 124].

Систематическое поступление византийских чеканок в степи Северного Причерноморья, на Дунай и Днестр продолжалось до начала XIII в. Младшие монеты в тазаврациях и индивидуальных находках относятся к чеканкам императора Алексея III (1195–1203) [16, с. 101; 20, с. 163–166; 21, с. 111–117].

В курганах кочевников на Днестре известны совместные находки византийских монет XII столетия и золотоордынских дирхемов XIII в. [4, с. 104–111].

В лесостепной зоне современной Украины (на Волыни) в последние десятилетия выявлен ряд находок имитаций византийских монет XIII и XIV вв.,

выполненных «латинскими» правителями на Балканах и во Втором Болгарском царстве [6, с. 281–290].

На Среднем Днепре, в том числе в древнерусском Киеве приток византийских монет продолжался до XII – начала XIII в., то есть фактически до Батыева нашествия на Русь [7, с. 57–78].

Поступление византийских монет на земли к северу от Дуная продолжали традиции античного времени, когда на землях Скифии получили распространение денежные знаки древнегреческих полисов и Римской империи [10, с. 24–52].

На основании монетных находок можно сделать вывод о том, что в некоторых регионах южной части Древней Руси (Поднестровье, Среднем Поднепровье) использование термина «безмонетный период» по отношению к XII – началу XIII вв. представляется вообще весьма сомнительным.

В дополнение к этому необходимо добавить, что вторая (и большая) часть жизни князя Александра Ярославича Невского прошла в период господства над Русью Золотой Орды. Длительное время он носил титул Великого князя Киевского. Земли южной части Руси находились под прямым контролем администрации Улуса Джучи.

В связи с этим необходимо отметить, что в Монгольской империи уже в XIII столетии существовала весьма активная и сложная по своей структуре система монетной чеканки. В каждом Улусе действовали свои собственные монетные дворы. Не был исключением и Улус Джучи. В правление ханов Бату (1227–1256) и Берке (1257–1266) сразу в нескольких пунктах выпускали серебряные дирхемы и медные пулы [18, с. 1–2].

Возникновение и развитие чеканки монет стало последствием массового строительства золотоордынских торговых городов в степях Восточной Европы. Судя по количеству и разнообразию находок джучидских монет, по уровню развития товарно-денежных отношений города Золотой Орды XIII столетия превосходили средневековую Русь этого времени и возможно не уступали Западной Европе. Подобная ситуация, вероятно была связана с успешным функционированием «Великого шелкового пути» из Китая в Европу. Правители из династии Чингизидов целенаправленно и систематически покровительствовали крупной международной торговле на подвластных им землях. К сожалению основной поток грузов шел к югу от русских земель в порты Северного Причерноморья, что негативно сказывалось на экономическом развитии Руси, в том числе и ее товарно-денежном обращении. Однако сам князь Александр Ярославич Невский вместе со своим младшим братом Андреем Ярославичем и дружинниками неоднократно бывал в Орде, а один раз совершил поездку в центр империи. В связи с этим правящая элита Владимиро-Суздальской и Новгородской земли была поневоле знакома с денежной системой Монгольского каганата, и прежде всего Улуса Джучи.

На основании рассмотренных нумизматических материалов можно сделать вывод о том, что время жизни князя Александра Ярославича Невского не было пробелом в истории монетного обращения на территории Восточной Европы. Скорее можно говорить о том, что наступил новый этап в использовании

и притоке денежных знаков. Правящая элита Древней Руси отличалась высокой степенью мобильности и постоянно перемещалась из одного региона Евразии в другой. Можно предположить, что сам князь Александр Ярославич Невский и его ближайшее окружение были знакомы с особенностями использования разнообразных денежных знаков своего времени, вопреки локальному использованию отдельных типов денежных знаков на территории Восточной Европы.

Список литературы

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова Думка, 1977. 176 с.
2. Берга Т. Клад монет XIII в., найденный в Риге на улице Пелду // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва 11–15 апреля 2005 г. М.: «Альфа – Принт», 2005. С. 81–83.
3. Горлов К.В., Липатов А.А. Нумизматические находки из крепости Копорье из раскопок ИИМК РАН в 2018 г. // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. 2: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (16–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург). СПб.: АО «Гознак», 2019. С. 302–308.
4. Гошкевич В.И. Погребения, датированные джучидскими монетами // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії Наук. Вып. 5. Одесса: Видання Одеської комісії краєзнавства при УАН, 1930. С. 104–111.
5. Грачёв С.Ю. Находка английской средневековой монеты в районе г. Брянска // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конф. Москва, Коломна 20–25 апреля 2015 г. М.: ГИМ, 2015. С. 107–108.
6. Гурулева В., Мусин А., Остапюк А. Находки «латинских» и болгарских имитаций византийских монет на Волини и проблемы денежного обращения XIII – начала XIV вв. в Восточной Европе // Минувле і сучасне Волині та Полісся. Любомль та Любомщина в українській та європейській історії. Вип. 63. Луцьк, 2017. С. 281–292.
7. Зоценко В.М. Византийская монета в Среднем Поднепровье // Южная Русь и Византия. Киев: Наукова Думка, 1991. С. 57–79.
8. Карпов А.Ю. Великий князь Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 2010. 336 с.
9. Котляр Н.Ф. «Безмонетный» период и монетные гривны // Хранитель Жрмитажа. Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского (1904–1990). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2004. С. 108–118.
10. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Наука, 1967. 135 с.
11. Пашуто В.Т. Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 1974. 160 с.
12. Пивоваров С.В. Нумизматичні пам'ятки Буковини. Чернівці: Зелена Буковина, 2002. 248 с.
13. Потин В.М. Клад брактеатов из Поднепровья // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 1. Киев: Наукова Думка, 1963. С. 109–127.
14. Потин В.М. Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам Новгородских раскопок) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 22. Нумизматика – 5. Л.: Искусство, 1981. С. 78–89.
15. Спасский И.Г. Русская монетная система. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 222 с.
16. Столярик Е.С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и византийское время, конец III – начало XIII в. Киев: Наукова Думка, 1992. 128 с.
17. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
18. Френ Х.М. Монеты хановъ Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб.: Императорский Санкт-Петербургский Университет, 1832. 80 с.

19. Янин В.Л. Денежно -весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с.
20. Ciocanu M., Nicolae E. Un tezaur de monede Bizantine descoperit la Alcedar, jud. Orhei // Simpozion de Numismatica: dedicat implinirii a 125 de Ani de la Proclamarea independentei României. Chisinau, 24–26 septembrie 2002. Chisinau, 2003. С. 163–166.
21. Piiescu O, L'Hyperpere Byzantin au Das - Danube du XI au XV siecle // Revue des etudes Sud – Est Europeens. Tom VII.1969. № 1. 109–119.

С.Д. Верещагин

Повседневная жизнь и лагерный быт Русской и Шведской армий в период Невской битвы

Статья посвящена повседневной жизни и лагерному быту Русской и Шведской армии в период Невской битвы. Через призму археологически и письменных источников, рассматриваются повседневная жизнь солдат русского и шведского войска в период Второго Шведского крестового похода на Русь. Подобный комплекс источников позволяет по-новому взглянуть на организацию военного дела в XIII в. на северо-востоке балтийского залива. В статье сделана попытка анализа и сравнения повседневной жизни во время похода русского и шведского воина.

The article is devoted to everyday life and camp life of the Russian and Swedish armies during the Battle of Neskoy. The article viewed through the prism of archaeological and written sources about the daily life of Russian and Swedish troops during the Second Swedish Crusade against Russia. Such a complexity of sources allows us to take a fresh look at the organization of military affairs in the 13th century in the northeast of the Baltic Gulf. The article attempts to analyze and compare everyday life during the campaign of the Russian and Swedish soldiers.

Ключевые слова: Новгородская республика, Королевство Швеция, Второй Шведский крестовый поход Александр Невский, Ярл Биргер, средневековая повседневность, феодальная армия, дружина, рыцарь, Военная организация.

Key words: Novgorod Republic, Kingdom of Sweden, Second Swedish Crusade Alexander Nevsky, Jarl Birger, medieval everyday life, feudal army, squad, knight, Military organization.

В XIII в. Новгородская земля находилась в длительной конфронтации с королевством Швеция. Самым известным событием этого противостояния стал шведский крестовый поход Ярла Биргера. Его итогом была Невская битва и разгром шведов. Отечественная и зарубежная историография достаточно подробно рассмотрела собственно военные действия в 1240 г. В предлагаемой работе делается попытка изучить некоторые малоизученные стороны этого события: повседневную жизнь и быт противоборствующих армий.

Важную роль на любой войне играет материальный фактор [12, с. 447–458]. Характерной чертой средневековых войн были длительные предшествующие маневры армий и организация походного быта. Само сражение было лишь итогом более или менее успешной организации похода и быта армии.

Талант полководца того времени заключался не только в военном гении, но и в умении организовать армию во время переходов и стоянок, максимально сохранить её боеспособность на всем периоде предшествующем бою.

Рассмотрим данную ситуацию в битве на Неве.

В XIII в. войска Швеции представляли собой типичную феодальную армию, но имели ряд своих особенностей. Их характерной чертой являлось то, что в армии шведов преобладал пеший контингент. Всадников было значительно меньше. По своему вооружению и снаряжению шведские войны не уступали европейским [6, с. 234]. Однако имелась и местная специфика.

Из-за географического положения основным средством передвижения шведов были корабли [15, с. 187] О значении морского транспорта для шведской армии свидетельствуют различные исторические источники. В частности, об этом нам говорят русские летописи. Они регулярно делали акцент на том, что шведские силы прибыли на судах, подробно описывая их количество и их типы.

Об этом же сообщают и шведские письменные источники.

«За Троицей сразу, на следующий год,
Торгильс Кнутссон марскалк шел в поход
именем конунга. В ледунг вошли
лучшие лодки и корабли» [14, с. 89]

В дальнейшем "Хроника Эрика" говорит о том, что солдаты в походе проводили большое количество времени на своих судах. Лошадей транспортировали так же с помощью кораблей [14, с. 46].

Известен ряд находок относительно больших по размеру грузовых кораблей этого времени. Суда были не только средством передвижения, но и своеобразными опорными пунктами. Из летописей известно, что когда войско Александра Невского начало одерживать победу, шведы, прежде чем окончательно бежать с поля боя, отступили на корабли [8, с. 295].

На суше шведское войско ярла Биргера как и любая средневековая армия того периода организовывала лагерь. Место для лагеря было найдено не случайно. Судя по тексту «Хроники Эрика», для лагеря шведы выбрали некую карельскую деревеньку предварительно ее разграбив [14]. В этой деревне скорее всего было расквартировано определенное количество солдат. Говоря о средневековых походах, часто можно слышать о том, что любая европейская армия разоряла деревни. Но не стоит под этим понимать то, что средневековые армии занимались геноцидом вражеского населения. Грабеж деревень был быстрым способом получить провиант.

«Люди, натешившись, к дому спешили.
Пищи запасы у них оскудели.
Воины давно уже вдоволь не ели.
На Пекинсааре они возвратились,
лагерь разбили. Одни насладились
отдыхом, сразу же в сон окунулись.
Прочие к главному войску вернулись» [14. с. 91]

Жизнь в средневековом лагере была суровой и достаточно безрадостной. Это известно на примере европейских походов: палатка или шатер были весьма дорогой вещью и являлась статусным предметом. Большая часть солдат ночевала в самодельных шалашах или на временных лежанках. Вилвольт Шаумбург вспоминал, как после штурма лотарингского замка Шарм его гарнизон в составе 37 чел. был повешен на ветвях дерева, прямо над павильоном, где проживали немецкие наемники. К тому же шатёр является громоздкой вещью и достаточно проблемной в транспортировке.

В «Новгородской первой летописи» есть отрывок, в котором говорится о том, как русский воин срубил несущие стойки шатра шведского короля, что стало одной из причин бегства шведов на корабли. Подобное описание говорит о том, что шатёр командира был своеобразным командным центром, позволявшим в случае внезапного нападения на лагерь, организовать оборону.

Утренний подъем военного лагеря происходил под звук трубы или сигнального рога, после чего происходила переключка. Питание солдат в лагере было плохим и не регулярным, несмотря на то, что на период похода войны брали с собой определенное количество запасов. Простые солдаты часто голодали. О таком положении солдат в средневековых армиях писал дю Клерк, и Энен, и Молине, похожую информацию нам дает и «Хроника Эрика».

Из «Хроники Эрика» мы так же знаем, что шведы на привале расставляли дозорных, которые ночью несли караул.

«Несколько дней шведы в лагере жили,
зорко за озера гладью следили» [14. с. 92].

Если шатёр командира выступал в качестве командного центра, то корабли являлись не только укреплением, но и своеобразным складом для провианта. Шведы, сбежав с поля боя, добрались обратно практически без потери, что было невозможным, если бы они лишились провианта. Можно сделать вывод о том, что провизию шведы не сгружали с кораблей.

Несмотря на внезапность нападения, шведы в начале битвы имели более выгодное положение в виде укреплений во круг своего лагеря:

«Русским на этот раз повезло.
Вплавь через ров устремились на вал.
1545 Тот, кто залез, других доставал.
Сразу за рвом возвышалась стена.
Меж восемью башен стояла она.
Ров от реки до реки был прорыт,
с разных сторон лагерь шведов укрыт» [14, с. 92]

Интересной темой для дискуссии остаётся вопрос о наличии женщин в шведском лагере. Ни русские летописи, ни шведские хронографы не упоминают об их присутствии на поле битвы. Однако из описания прочих европейских крестовых походов известно о присутствии в войске «прачек». Они не только являлись служанками для воинов и занимались уходом за одеждой солдат, но и оказывали ряд интимных услуг для воинов.

Быт русского войска имел много общего со своим западным соперником. Русский дружинник, так же как и шведский рыцарь, имел схожее защитное и наступательное вооружение [4, с. 98]. Однако армия Александра Невского имела ряд отличий от шведов. Например, русское войско было преимущественно конное, что давало значительные преимущества в мобильности на суше. Александр Невский за короткое время сумел доставить значительные силы новгородцев до места сражения [5].

Подобную мобильность русского войска можно объяснить отсутствием обоза и лагеря в походе перед Невской битвой. До нас дошли лишь редкие изображения шатров русских воинов. Примером может служить икона «Житие Бориса и Глеба» XIV в., миниатюры из «хроники Иоана Скилицы», «жития Георгия Амартола», а также «Радзивиловской летописи». Во всех случаях в шатре находился исключительно князь. Можно сделать вывод о том, что шатёр в русском войска был редким атрибутом. Он использовался именно князем. Ориентируясь на эти миниатюры можно предположить то, что шатёр был не только местом ночлега князя, но и полевым храмом, так как на изображениях центральное место в шатре занимает икона.

Вероятно русские воины накануне Невской битвы не использовали шатров, довольствуясь самодельными навесами. Летнее время позволяло русским ночевать под открытым небом, не беря с собой поклажу.

Питание войска было основано на добытой в окрестностях дичи и небольших запасах, которые воин мог взять с собой. До нас дошли многочисленные находки полевой кухни: котлы, треноги, вертела [1, л. 8]. Подобные кухонная утварь занимала мало места и могла транспортироваться на лошади. Это помогало организовать питание в любом месте.

Богатые дичью новгородские леса позволяли не везти с собой большие запасы еды, а добыть ее в лесу. Достоверно известно, что из степи к русским перешли различные виды солёного и сушёного мяса, которое не было скоропортящимся.

Не смотря на отсутствие организованного лагеря, русские дружинники в походе организовывали дозоры возле своих стоянок. Об этом говорят летописи: «и отпривив в разьезд воинов малых, впереди воискаъ ...» [8, с. 311].

На основании рассмотренных источников можно сделать вывод о том, что поход Александра Невского в 1240 г. имел ряд особенностей. Например, князь не взял с собой обоза и не ставил лагерь перед битвой. Известно, что в XIII в. русские войска часто организовывали лагерь и брали обоз. Типичным примером был поход русских на Раковор.

Таким образом можно сделать вывод, что организация походного быта зависела не от воинских традиций, а от цели похода и таланта полководца. Шведы, придя на Русь в 1240 г., рассчитывали на длительный поход и полноценную экспансию. Вместе с тем, от русского войска требовалась своевременная реакция и быстрое вступление в сражение с шведами, что не позволило им обосноваться в Новгородских землях. Молодой князь Александр Ярославич проявил не стандартный подход к организации похода, что принесло ему победу и заслуженное прозвище Невский.

Список литературы

1. Архив института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. «Императорская археологическая комиссия (1859–1917), Российская археологическая комиссия (1918–1919)». Оп. 1. Д. 279.
2. Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.-Л., 1965.
3. Беляев И.Д. О дружине и земщине в Московском государстве // Временник Общества истории и древностей Российских. Кн. 1. М., 1849. С. 1–22.
4. Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.
5. Кучкин В. А. Александр Невский – правитель и полководец. М., 2010.
6. Мелин Я., Юхансон А.В. История Швеции. М., 2002.
7. Новгородская летопись по синодальному и хартейному списку. СПб., 1888.
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
9. Полное Собрание Русских Летописей. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. Т. 43. М., 2004.
10. Полное собрание русский летописей. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. М., 2004.
11. Стефанович П.С. Знать и военные слуги в социально-политической структуре древнерусского государства в X – первой трети XII в. М., 2014.
12. Травкин С.Н. Война и деньги // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. С. 447–458.
13. Ироическая песнь о походе на Половцов удельного князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.
14. Хроника Эрика: пер. с швед. А.Ю. Желтухина; науч. ред. А.А. Сванидзе; коммент. А.Ю. Желтухина, А.А. Сванидзе. Выборг: Фантакт, 1994.
15. Широкоград А.Б. Северные войны России. М.; Минск, 2001.

А.О. Вербовой

Политическая деятельность Александра Невского в отечественной историографии

В статье предпринята попытка объективно оценить политическую деятельность великого князя Владимирского Александра Невского и итоги его правления. Для этого при работе над статьей были привлечены труды известных дореволюционных историков, чтобы наиболее объективно и без современной политизации дать оценку его правлению.

In the article was trying an objective marking politician activity of Great Duke of Vladimir Alexander Nevskiy and results of his rule. For it during working the article was used works of famous historians of pre-revolution period to the make the most objective make the mark to his rule without the modern polarization.

Ключевые слова: Александр Невский, татаро-монгольское иго, битва, предательство, войско, Владимирская Русь, Орда.

Key words: Alexander Nevskiy, tataro-mongolian occupation, battle, betraying, troops, Vladimir Russ, Horde.

Жизнь и деятельность великого князя Владимирского Александра Ярославича Невского овеяны многочисленными мифами и легендами. Оказавшись меж двух огней – монголо-татарами и крестоносцами, он нанес поражение последним, а с ордой заключил хотя и кабальный, но мир, сохранив, таким образом, Русь. На этих выкладках основана практически вся отечественная историография, начиная с работ Н.М. Карамзина и заканчивая трудами советских и современных историков. Но, вместе с тем, на нем закончилась история Владимирской Руси. Это древнерусское государство, созданное разрушителем Киевской Руси Андреем Боголюбским, завершило свою историю практически через сто лет в правление его внучатого племянника Александра Невского, что и заставляет задуматься о том, что в реальности представляло его правление и итоги. И если его победы в Невской битве и в Ледовом побоище и их положительные значение для русского государства не вызывают сомнений, то последующая политика Александра Невского весьма неоднозначна.

Для того, чтобы лучше понять политику Александра Невского надо сначала вспомнить деятельность его отца, великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. Это необходимо, прежде всего, так как в отечественной историографии они идут вместе как единое целое, Александр Невский представляется продолжателем дела своего отца и это неслучайно.

Прежде всего, надо помнить, что Ярослав Всеволодович был уважаем в Орде, о чем свидетельствуют и работа дореволюционного историка А.Д. Нечволодова и современная работа Д.Г. Хрусталева [5, с. 9]. И в этом невозможно сомневаться, тем более это подтверждается одним весьма немаловажным фактом. Речь идет о самом начале установления татаро-монгольского ига, их завоевательном походе на Русь в 1237–1238 гг. Еще в работе Н.М. Карамзина указывается, что после падения Рязани, когда ордынское войско шло на Владимир, великий князь Владимирский Юрий Всеволодович обратился за помощью и ждал подмоги со стороны своего брата, бодрого и умного Ярослава [3, с. 29]. Но совершенно напрасно. Еще, будучи Новгородским князем, Ярослав Всеволодович мечтал о расширении своих владений и в ходе переговоров с великим князем Даниилом Галицком, хозяином Южной Руси, вынудил его заставить киевского князя Владимира Рюриковича отдать ему, Ярославу, Киев [3, с. 26]. И хотя, как уже упоминалось ранее, на тот момент Киев уже не был столицей Руси, но все-таки позволял его князю именовать себя великим князем, что удовлетворяло его тщеславию. Но, конечно, мечты о Владимирском престоле продолжали давать о себе знать. И вот 1238 год. Великий князь Владимирский Юрий ждет помощи от брата и не получая ее гибнет в битве на реке Сити, а Владимир уничтожается татарами вместе с жителями, среди которых была убита и семья князя. Устанавливается иго, но элементы государства еще сохраняются. Об этом факте предательства говорится и в работе советского историка В.В. Каргалова, опубликованной в 1966 г. и переизданной в 2012 [4, с. 54].

И вот после гибели Владимира, великого князя Юрия и его семьи, Ярослав приезжает господствовать над развалинами [3, с. 33]. Для Ярослава было

главное господство, пусть и на руинах Руси. Это напрямую говорится в произведении Н.М. Карамзина: «... в таких обстоятельствах государь чувствительный мог бы возненавидеть власть, но сей князь хотел славиться деятельностью ума и твердостью души, а не мягкосердием» [3, с. 33]. Далее он становится великим князем Владимирским и как уже упоминалось очень уважаемым человеком в Орде, пока чем-то не вызывает гнев Батыея, после чего умирает от яда в 1246 г.

После этого на исторической сцене особо четко возникает фигура Александра Невского. Как уже упоминалось, к этому моменту он уже прославился своими победами на Неве и на Чудском озере, но оставался, как и его отец просто Новгородским князем. По решению монгольского хана владимирский престол перешел брату Ярослава – Святославу Всеволодовичу. Но через два года московский князь Михаил изгнал Святослава из Владимира, завладев великокняжеским престолом, правда вскоре погиб в битве с литовцами, после чего великим князем Владимирским был назначен брат Александра, Андрей, а сам Александр Невский в дополнение своей новгородской вотчины получил Киев и Южную Русь. Повторилась точь-в-точь политическая конфигурация, как и с его отцом. И, как и отец Александр Невский не упустил случая получить заветный престол.

Вскоре Андрей Ярославич попытался дать отпор татарским сборщикам дани, за что на борьбу с ним была отправлена Неврюева рать, к чему был напрямую причастен Александр Невский. Это подтверждается работой С.М. Соловьева, выдающегося русского историка, взявшего эстафету в создании российской исторической науки у ее основателя Н.М. Карамзина [6]. Аналогичные выводы приведены в указанной работе А.Д. Нечеволодова и в статьях В.Л. Егорова и даже Г.В. Вернадского [5; 2; 1, с. 160]. В работе М. Хитрова выводы Соловьева всячески оспариваются, правда без приведения надежных аргументов, а в труде Г.М. Холодного и вовсе виновником и инициатором похода Неврюевой рати выставлен Святослав Всеволодович, который таким образом хотел отобрать у Андрея Ярославича Владимирский престол, причем, как и Хитров, Холодный не приводит каких-либо веских доказательств [7; 8].

В итоге Андрей Ярославич был вынужден бежать к шведам, а на владимирском престоле оказался Александр Невский. Его правление характеризовалось еще большей спайкой лично его и приближенных с ордынской верхушкой. Это привело к тому, что вся непосильная дань с особой жестокостью требовалась и собиралась с населения Руси, а где возникало какое-либо сопротивление, оно подавлялось крайне жестокими методами. В результате за семь лет экономика государства была практически уничтожена, а те города, что не успели разрушить татары, уничтожались карательными отрядами Александра Невского или в ходе их совместных действий с татарским войском. Это привело к тому, что главным итогом его правления стало исчезновение Владимирской Руси с политической карты мира того времени. Лишь после смерти Александра Невского, с правлением его сына и внука московских князей Даниила Александровича и Ивана Даниловича Калиты начнется возрождение русской государственности в лице Московской Руси.

Список литературы

1. Вернадский Г.В. Два подвига Святого Александра Невского // Наш современник. 1992. №3. С. 155–162.
2. Егоров В.Л. Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России: материалы науч.-практ. конф., 26–28 сент. 1995 г. / Новгород. гос. объедин. музей-заповедник. Н. Новгород: Б. и., 1996. С. 25–41.
3. Карамзин Н.М. Завоевание Руси монголами. СПб.: Тип. им. Е. Евдокимова, 1889. 178 с.
4. Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М.: Либроком, 2012. 135 с.
5. Нечеволодов А.Д. Сказания о русском земле. СПб., 1911. Ч. 2. 352 с.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 2. М.: Унив. тип., 1855. 250 с.
7. Хитров М. Святой благоверный князь Александр Невский. М.: Тип-лит. М.Ф. Фроловой, 1893. 363 с.
8. Холодный Г.М. Жизнь и деятельность великого князя Александра Невского. Тамбов: Тип. им. Семёнова, 1883. 243 с.
9. Хрусталева Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.). СПб.: Евразия, 2013. 412 с.

А.Л. Никифоров, И.П. Горелов

Повседневная жизнь новгородцев в последней четверти XIII в. в свидетельствах иностранцев

В данной статье предпринята попытка научного анализа субъективных свидетельств и фактов о повседневной жизни в Новгороде конца XIII в., дошедших до нас из средневековых европейских источников. Неизбежная субъективность анализируемой информации определяется тем, что она зафиксирована на основе личных впечатлений шведских и ливонских граждан, посетивших Новгород на рубеже 1270–1280-х гг.

Ценность подобных субъективных источников заключается в том, что зарубежные источники XIII в., содержавшие информацию о Новгородской Руси были представлены либо официальными хрониками, либо эпосом, в которых отсутствовали личные эмоции и впечатления авторов. Используемые свидетельства иностранных гостей Новгорода являются редким исключением среди письменных источников XIII в., так как в Западной Европе лишь с XV в. появляются регулярные свидетельства путешественников, торговцев и дипломатов о Новгородской земле.

This article attempts a scientific analysis of subjective evidence and facts about everyday life in Novgorod at the end of the XIII century, which have come down to us from medieval European sources. The inevitable subjectivity of the analyzed information is determined by the fact that it is recorded on the basis of personal impressions of Swedish and Livonian citizens who visited Novgorod at the turn of the 1270s – 1280s. The value of such subjective sources lies in the fact that foreign sources of the XIII century, which contained information about Novgorod Russia, were represented either by official chronicles or epics, in which there were no personal emotions and impressions of the authors. The testimonies of foreign visitors to Novgorod are a rare exception among the written sources of the XIII century, since in Western Europe only since the XV century there are regular testimonies of travelers, merchants and diplomats about the Novgorod land.

Ключевые слова: Новгород, горожане, повседневная жизнь, традиции, бояре, купцы, торговые ряды, вече.

Key words: Novgorod, citizens, everyday life, traditions, merchants, shopping malls, veche.

Отражение повседневной жизни в средневековом городе предполагает глубокое погружение в эпоху с использованием широкого круга источников. Однако, в отличие от западноевропейской традиции, в средневековой Руси обыденная мирская суэта практически не фиксировалась в летописных материалах.

Поэтому, ценным источником знаний об особенностях повседневной жизни в различных уголках Древней Руси являются свидетельства иностранных путешественников, купцов, дипломатов и просто искателей приключений, которые оставили не всегда объективные, но любопытные воспоминания о своем пребывании в этих землях.

В этой связи, одним из первых иностранных источников, в котором упоминался древний русский город Новгород является сочинение византийского императора Константина VII «Багрянородного» – «Об управлении империей», созданное еще в середине X века, в котором уточняется, что: «...одним из городов Внешней Руси является Немоград...» [11, с. 121].

На протяжении эпохи Раннего Средневековья информация о Древней Руси практически не встречается в западноевропейских источниках. Но, уже в I-й половине XIII в., в так называемой энциклопедии – «О свойствах вещей» (Бартоломея «Английского») – упоминается народ «ногарды», которых исследователи связывают с новгородцами.

Кроме того, в таких источниках конца XIII в., как «Хроника Ливонии» (Генриха «Латвийского») и «Ливонская рифмованная хроника» упоминаются «Новгородское королевство и новгородские короли».

Другим важным источником информации о средневековой Руси являются памятники скандинавской письменности XI–XIII вв.: рунические надписи, исландские саги и географические трактаты, которые содержат более точные сведения о Новгородской земле. Так, в средневековом исландском трактате – «Какие земли лежат вокруг», Новгород представлен как крупнейший город Восточной Европы, и ошибочно обозначен как столица Древней Руси.

Средневековые скандинавские источники X–XIII вв. содержат самые ранние данные о торговых контактах Хольмграда (Новгорода) с норвежскими и готландскими купцами. В них Новгород представлен в качестве крупного центра транзитной торговли, через который в Скандинавию поступали произведения ремесла, драгоценности, ткани и пряности из Византии и арабского Востока, а также ценная пушнина из самой Руси.

В упомянутых памятниках скандинавской письменности средневековый Новгород характеризуется в общих чертах: в городе находится двор конунга (князя), палаты княгини и дворы наёмников-викингов, особо выделен новгородский торг или рыночная площадь. Так же, средневековый Новгород упомянут в качестве гостеприимного убежища для норвежских конунгов – Олафа Трюггвасона, Олафа Харальдссона, Магнуса Олафссона и Харальда Сигурдарсона.

Из скандинавских источников XI–XIII вв. мы узнаем, что викинги через Новгород возвращаются к себе на Родину или направляются в Константинополь; что: «...на торговой площади Хольмграда торговали скандинавские купцы Хаук "Ястреб" и Гудлейк Гардский...» [7, с. 98].

Кроме того, из этих источников известно о том, что в Новгороде была варяжская церковь Св. Олафа. А одним из первых топографических обозначений Новгорода считается карта Эбсторфа (около 1234 г.), на которой: «...в среднем течении реки Олхис, который Волкаус, расположен город Новгардус...» [3, с. 65].

Однако, вплоть до XV в., материалы зарубежных письменных источников или зафиксированные свидетельства иностранцев о Новгородской Руси оставались редкими. Поэтому, среди дошедших до наших дней повествований о жизни новгородцев последней четверти XIII в., особый интерес вызывают свидетельства ливонского посланника Генриха Гумбольдта и шведского купца с острова Готланд – Эрика Кнуттсена. Оба персонажа оказались в Новгороде на рубеже 1270–1280-х гг. и, возможно, даже были знакомы друг с другом.

Описывая свое пребывание в Новгороде, оба автора начинают повествование с упоминания о преодоленном пути со своей Родины. Ливонский посланник уточнял, что: «...на заре, 3 мая 1278 года, выехал из Риги верхом на коне... На третий день пути благополучно добрался до Дерпта. Отдохнув в нем около двух дней, направился во Псков, где оказался на второй день пути... Уладив все формальности с официальными документами и передав послание Псковскому воеводе от Магистра, я продолжил свой путь на третий день после приезда во Псков...Около полудня, на пятый день пути от Пскова, я достиг Новгорода 17 мая 1278 года...Мой неспешный путь занял почти две недели...» [4, с. 78].

Напротив, купец Эрик Кнуттсен: «... отплыл с острова Готланд в составе 10 торговых судов в середине мая 1279 года, дождавшись завершения весенних штормов в Варяжском море... На третий день пути по морю, достигли острова Гогланд, где сделали остановку на два дня для отдыха и осмотра судов...В течение последующий двух дней, оказались в Вотландии, в которой достигли озера Нево и остановились в городе Альдегьюборг (Ладога)...Следующие два дня ушли на отдых и починку судов. На третий день вышли из Альдегьюборга по реке Олхис, миновав пороги и преодолев речные мели на третий день достигли Новгардуса (Новгорода)...Дорога заняла 12 дней...» [8, с. 112].

В частности, вышеупомянутый купец с острова Готланд советовал: «...в Новгардус надо ехать поздней весной или летом. Зимой же – сильный мороз и короткий день. Торг рано закрывается, а городские улицы не освещаются... В сам город лучше приезжать с утра... С наступлением темноты все 30 ворот Окольного города закрываются... Гражданами Новгорода считаются только свободные и коренные горожане.... Здесь живут потомки Ильменских славян и кривичей: люди высокие, светловолосые, узколистые, с хрящеватым носом..., а также потомки финно-угорских племён...» [7, с. 88].

Ливонский посланник Генрих Гумбольдт, приехавший в Новгород в конце мая 1278 г. делится следующими впечатлениями о новгородцах: «...простые новгородцы и дети стригутся коротко, "под горшок". Бояре отрачивают

волосы до плечей и ровняют бороду... Женщины любят заплетать длинные волосы в косы, спускающиеся на плечи и грудь... Новгородские мужчины заправляют штаны в кожаные мягкие сапоги. На длинную рубаху надевают кафтан на пуговицах до колен, а новгородские бояре вместо кафтана носят шубу – мехом внутрь, покрытую шёлком, с меховым отложным воротником и красные сафьяновые сапоги... На женщинах обычно надета длинная нательная рубаха, а поверх её – длинный шерстяной сарафан с рукавами или шерстяная юбка... Сверху новгородки надевают широкий плащ... В холодное время года, в Новгороде женщины надевают несколько юбок, а иногда и штаны. Зимой одевают шубу мехом внутрь, а голову покрывают платком, завязанным вокруг головы с собранными волосами...» [6, с. 88].

Готландский купец Эрик Кнуттсен увидел Новгород в следующем виде: «...сам город Новгардус расположен по обеим берегам реки Олхис, вытекающей из озера Ильмень. Река делит город на две части – Торговую и Софийскую. Стремление к первенству жителей обеих частей города нередко приводит к открытым столкновениям между ними на единственном мосту через реку, который называют «Великим»... Великий мост связывает правый и левый берег Олхиса. Иногда, на обеих сторонах моста открываются дополнительные торговые лавки, если купцам не хватает места на Торговой стороне города... Софийская сторона города расположена на левом берегу реки Волхов. Здесь находится княжеский замок (детинец), внутри которого расположен главный храм города – Софийский собор... Для проживания горожан Софийская сторона удобнее. Здесь находятся самые богатые концы города – Неревский и Людин. На улице Великой в Неревском конце находятся много боярских теремов, а на границе Загородского и Людиного концов Новгорода находится богатая Прусская улица, на которой расположены каменные храмы и многочисленные торговые лавки...» [5, с. 209].

Ливонский посланник в своих записках о Новгородской земле уточняет: «...Торговая сторона Новгорода расположена на правой стороне реки Волхау. На этой же стороне города расположено особое место, названное в честь знаменитого князя – двор Ярослава, которое застроено церквями и торговыми рядами, куда стекаются товары со всех концов света... А к югу от двора Ярослава, на берегу реки находится Готский двор, который основали мои земляки – купцы с острова Готланд. Здесь же, на Готском дворе, поместилась "норманская божница" – католическая церковь Святого Олафа... Рядом с Готским торговым двором расположен Псковский двор. В этих торговых дворах хранят и распределяют товар, считают прибыль. Ночью торговые дворы закрывают и хорошо охраняют... Там же, на Торговой стороне, на площади у Николо-Дворищенского собора, проходит народное вече, на котором решаются самые острые вопросы в жизни Новгорода и подчинённых ему земель...» [9, с. 104].

Со своей стороны, купец Эрик Кнуттсен дополняет свои впечатления о пребывании в Новгороде: «...на Софийской стороне города жить престижно, ну, а, если на Торговой стороне Новгардуса, то более комфортно можно расположиться в Готском дворе... Такие торговые дворы в городе предназначены

для купцов, это особые автономные территории со своими порядками... Небогатые гости Новгартдуса могут найти приют в монастырях или на постоянных дворах Заполья, расположенного за стенами города... Новгородцы в качестве оплаты за товар или оказанные услуги принимают любую серебряную монету, а также шкурки пушных зверей. В самом Новгороде монеты не чеканят. Их заменяют гривны – маленькие серебряные слитки, которые могут разрубать на несколько частей... Так, одна гривна будет равна 20-ти ногатам или 25-ти кунам, либо 50-ти резанам...» [5, с. 301].

Повседневная жизнь в Новгороде, по мнению ливонца Генриха Гумбольдта, интересна еще и следующими деталями: «...так как в Новгороде почва очень влажная, то многие городские улицы покрыты настилами из сосновых брёвен... Улицы здесь узкие и передвигаться пешком легче, чем верхом на коне. Вдоль мостовой, за высокими заборами, расположены боярские или купеческие усадьбы. Если же Вы пройдёте по ремесленным кварталам, то, напротив, дома новгородских умельцев не имеют ограды и расположены так, чтобы любой мог зайти в мастерскую или лавку за нужным товаром, не покидая пределов улицы... Праздное гуляние по городу встречает осуждение среди горожан, особенно это касается юных и незамужних девиц... Как сами новгородцы, так и гости города, покупают нужный товар или заключают торговые сделки на Торговой стороне Новгорода, где расположены многочисленные торговые ряды, а у берега Волхова пришвартованы корабли с товарами со всей Руси, Европы и Востока... Здесь можно купить мёд, рожь, овёс, пеньку, воск, кожу, льняные ткани, поташ, ценные меха, речной жемчуг, венецианское стекло, лиможские эмали, крашенные сукна из Фландрии, восточные пряности и многое другое...» [12, с. 101].

А готландскому купцу Эрику Кнуттсену важными показались следующие детали: «...если Вы – гость Новгартдуса и у Вас закончился провиант, то Вы сможете пополнить съестные припасы в рядах, на Торговой стороне. Здесь можно купить мясо, щи, пироги, орехи, лесные ягоды... тут же можно отведать киселя, медовухи или браги... Можно купить и пива, а к нему – колбасу... Если вы состоятельный человек, то можно купить красное вино из южной Италии и Византии... Развлечения новгородцев определяются их статусом и происхождением. Новгородские князья и бояре-аристократы предпочитают псовую или соколиную охоту... Для горожан и их гостей более простого происхождения в Новгороде предусмотрен и более простой отдых в гридницах – питейных заведениях, коих в городе около трёх десятков... А в дни праздников и народных гуляний, на Софийской стороне, можно послушать баянов-сказителей: они поют "старины" (былины и духовные стихи), а также рассказывают сказки...» [4, с. 421].

Этот же оборотистый и образованный купец оставил следующие свидетельства: «...в Новгартдусе везде можно встретить бересту, которая служит простым и дешёвым материалом для письма. В городе почти все жители владеют грамотой. При городских монастырях есть несколько школ, в которых обу-

чают грамоте новгородских мальчишек. Для экономии бересты, дети обучаются правописанию на "церах" – деревянных дощечках, покрытых воском, на которых можно стереть текст и написать новый... Береста и писало продаются на Торгу. После прочтения, берестяное письмо принять рвать на части и бросать под ноги...» [4, с. 423].

По мнению упомянутого ливонского посланника, для иностранных гостей Новгорода необходимо знать что: «...самыми безопасными концами Новгорода считаются Неревский и Людин, расположенные на Софийской стороне города. Здесь проживают большинство новгородских бояр... В Новгороде нужно быть очень внимательными в отношении юродивых, которых здесь очень почитают, но от которых лучше держаться в стороне из-за непредсказуемости их поведения... В случае драки с новгородцем, воздержитесь от вырывания на его лице усов и бороды – это тяжелое оскорбление, за которое будет наложен тяжёлый штраф...» [11, с. 399].

Наконец, торговец Эрик Кнуттсен, уточняет особенности социально-политической структуры в Новгороде: «...новгородскую верхушку, обладающей всей полнотой власти, составляют несколько категорий богатых и знатных горожан. Князья новгородские не обладают реальной властью, являясь лишь предводителями новгородской дружины. Власть князя в Новгардусе не наследуется. Князей в Новгардусе приглашает или изгоняет народное вече по инициативе боярства... Высшей должностью в Новгардусе является "посадник", избираемый на вече из среды знатных бояр. Новгородскую знать образуют так называемые "300 поясов" – самые влиятельные и богатые боярские семьи... "Тысяцкий" в Новгардусе представляет интересы "черного" люда – ремесленников, купцов, незнатных землевладельцев. "Черные люди" могут принимать участие в народном вече и составляют его большинство... "Житьи люди" в Новгардусе – незнатные владельцы усадеб в городе и обладающие земельной собственностью в Новгородском княжестве. Они, как и бояре, участвуют в составе Новгородских посольств и в торговом судопроизводстве... Новгородские купцы – профессионально занимаются торговлей, но по своему статусу ниже бояр и "житьих людей". Особое положение занимает Новгородский архиепископ, возглавляющий Новгородскую епархию и подчиняющийся Киевскому митрополиту. Архиепископ является гарантом новгородских традиций, он же участвует в обсуждении вопросов войны и мира, выступает посредником во время конфликтов между горожанами, отстаивают чистоту христианской веры...» [8, с. 402].

Таким образом, несмотря на ограниченную репрезентативность этих двух источников личного происхождения, представленная в них информация является ценным фактологическим материалом для понимания особенностей повседневной жизни в Новгороде конца XIII века.

Список литературы

1. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, переводы, комментарии. М.: Вече, 1996. 311 с.
2. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (сер. XI – сер. XIII вв.). М.: Алетейа, 2000. 199 с.

3. Джаксон Т.Н. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Дрофа, 2001. 165 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники. Сост. пер. и коммент. А.В. Назаренко. М.: Гардарики, 2010. 512 с.
5. Древнерусские города в древнескандинавской письменности / сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. М.: Наука, 1987. 376 с.
6. Ливонская хроника Германа Вартберга // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. 155 с.
7. Мельникова Е.А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности. М.: Высшая школа, 1984. 210 с.
8. Назаренко А.В., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М.: Логос, 1999. 481 с.
9. Пашуто В. Рифмованная хроника, как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России славянских стран. М.: Высшая школа, 1963. 207 с.
10. Пряди истории: исландские саги о Древней Руси и Скандинавии / пер. с древнеисландского И.Б. Губанова, В.О. Казанского, М.В. Панкратовой / науч. ред. Ю.К. Кузьменко. М.: Вече, 2008. 187 с.
11. Свод древнейших письменных известий о славянах / под ред. Г.В. Глазырина. Т. 2. М.: Вагриус, 1995. 512 с.
12. Хроника Ливонии Генриха «Латвийского» / пер. с нем. А.П. Шаскольского. М.: Наука, 1981. 154 с.

В.О. Левашко

Меч в военной культуре Высокого Средневековья (по материалам эпических произведений XII–XIII вв.)

*Светлой памяти
Анатолия Николаевича Кирпичникова
Посвящается*

Статья посвящена рассмотрению места и роли меча в воинской культуре Высокого Средневековья. В качестве основного источника рассматриваются эпические произведения средневековых авторов. На основании контент-анализа и сравнения текста делается вывод о функциях рыцарского меча в военной культуре Западной Европы и Руси XII–XIII вв.

The article is devoted to the exploring of the place and role of the sword in the military culture of the High Middle Ages. Epic creations of medieval authors are considered as the main source. A conclusion based on the content analysis and comparison of the text is made about the functions of the knights' sword in the military culture of Western Europe and Russia of the XII–XIII centuries.

Ключевые слова: оружие, песня, эпос, меч, копьё, символ, контент-анализ, мощи святых, рыцарство.

Key words: weaponry, song, epos, sword, spear, symbol, content analysis, relics of the saints, knighthood.

Тема оружия и доспехов высокого средневековья традиционно является популярной у историков. Помимо технической стороны вопроса, объектом многочисленных дискуссий становится культурный аспект развития средневекового вооружения, и прежде всего меча, давно уже и на научном и на познавательном уровне, ставшего символом средневекового рыцарства. Следует отметить, что уже первые европейские разработки по проблемам средневекового оружия в Европе обратили внимание на место меча в воинской культуре. Так в работе Ж.Ж. Руа и Ж.Ф. Мишо «История рыцарства» относящейся к романтическому периоду медиевистической историографии, непосредственно при характеристике оружия, отмечались только особенности двух типов мечей – широкого, ориентированного на рубящий удар и узкого – ориентированного на укол [8, с. 45–46]. При этом следует отметить, что авторы поставили меч среди рыцарского оружия на второе место, вслед за копьем. Однако, в разделе посвящения в рыцари авторы возвращаются к сакральной функции меча, и приводят цитату средневекового поучения молодому рыцарю: «Этот меч имеет вид креста и дан тебе в поученье как Иисус Христос побеждал грех и смерть на древе Креста, так и ты должен победить врагов этим мечом, который для тебя представитель креста. Помни так же и то, что меч представитель правосудия, а потому, получая его, ты обязуешься быть всегда правосудным» [8, с. 35].

Самый авторитетный западный специалист, «декан мечей» Эдварт Окшотт в работе «Рыцарь и его доспехи» предлагает нам исчерпывающую характеристику типологии, частей меча, технологии его изготовления и украшения. Но при этом он не мог обойти также и сакральное значение меча. По мнению Э. Окшотта, меч «являлся символом высоких идеалов и духа рыцарства. Меч был, можно так выразиться, удостоверением благородства» [5, с. 158]. Окшотт называет меч эмблемой силы и господства, к которому в высоком средневековье добавилась ещё и святость. Форма меча была освящена христианской церковью. Меч стал символом защиты от зла и напоминанием владельцу о том, оружие надо применять для защиты матери церкви и посрамления её врагов. Обоюдоострый клинок меча стал рассматриваться как воплощение верности и истинны – одна сторона для защиты слабых от сильных, вторая для богатых угнетателей бедных.

В последней главе своей работы «Средневековый воин» исследователь А.В.Б. Норман предлагает характеристику европейского меча в высоком средневековье. Автор подробно останавливается на технических особенностях мечей, их оформлении и технологии изготовления. Характеризуя роль меча в европейской средневековой культуре эпохи Крестовых походов, автор отмечает: «Наступление христианства, по всей видимости, лишило меч некоторой доли магии, но дало ему собственное религиозное значение. По-прежнему клятвы давались на рукояти меча, их святость, возможно, была усилена символизмом крестовины, которая напоминала христианский крест... Его клали на алтарь во время бдения перед посвящением в рыцари, клинок прикладывался к плечу рыцаря во время посвящения, меч свисал с гробницы, когда рыцарь умирал» [4, с. 251–252]. Таким образом, как подчёркивает Норман, меч

сопровождал рыцаря в течении всей его жизни. Уничтожение меча символизировало изгнание рыцаря из корпорации. Меч так же являлся символом правосудия, и в этой своей ипостаси, он стал олицетворением королевской власти. Как пишет А.В.Б. Норман: «В ранние времена сидящих на троне королей изображали с мечом в ножнах на коленях. В другие времена меч нёс служащий двора, маршал или коннетабль, который в случае с королём или императором являлся одним из самых знатных дворян» [4, с. 252].

Итак, даже поверхностное знакомство с европейской научной литературой о воинской культуре меча позволяет нам выделить следующие ключевые элементы: меч – символ силы и власти; меч – символ святости; меч – символ правосудия и таким образом олицетворяет собой все необходимые качества рыцаря. Подтвердим или опровергнем это на основе рыцарских романов – основного источника по высокому средневековью. Для полного раскрытия значения меча поставим еще один вопрос, прямо вытекающий из оценок исследователей медиевистов – что же доминировало в воинской культуре средневековья – меч или рыцарское копьё.

Средневековые источники предоставляют нам широкие возможности для всестороннего анализа. Обратимся к «Песне о Роланде». Это произведение было записано в 1170 г. (Оксфордская рукопись), хотя сами события поэмы происходят в 778 г. в период правления Карла Великого. Контент-анализ по упоминаемому в произведении оружию даёт нам следующие цифры – меч упоминается 78 раз, из них в боевой обстановке 29 раз, что составляет 37% от всех упоминаний. 66 раз упоминается кавалерийское копьё, в том числе 37 раз в боевой обстановке, что составляет 56% от всех упоминаний. Из других видов оружия 2 раза упоминается лук (ни разу не упоминается в боевой обстановке, хотя стрелы упоминаются три раза) и 8 раз упоминаются дротики, причём три раза в боевой обстановке. 27 раз мечи в «Песне» именуются – (Дюрандаль – меч Роланда, Морглес – меч Ганелона, Жуайез – меч Карла, Альтеклер – меч Оливье, Альмас – меч Турпена, Пресьоз – меч Балигана) [6]. На протяжении всей поэмы встречаем самые различные описания мечей. В это самое время кавалерийское копьё именуется и описывается только один раз –

«...Берет эмир Мальте, свое копьё.

Не древко у того копьё – ослеп,

А наконечник мул свезет с трудом...» [6, с. 100].

Все остальные копьё безымянны, даже копьё Карла Великого. Из приведённой статистики можно сделать следующие выводы – для автора произведения и для его героев меч – это особо ценный вид оружия, постоянно сопровождавший феодала и воина. Герои наделяют свои мечи не только боевыми, но и сакральными функциями (по крайней мере в рукояти двух мечей – Жуайеза и Морглеса – были вставлены мощи святых), что даёт их владельцам право клятвы на этом оружии как на святыне.

«...Сказал король: "Мы речи тратим зря.

Совету без доверья грош цена.

Клянись же Роланда нам предать".

Посол сказал: "Охотно клятву дам".

Морглес он взял, поклялся на мощах:

Их в рукоять меча он вделал встарь...» [6, с. 28].

Как уже было сказано, подчёркивая статус мечей, авторы описывают их богатство, качество булатных клинков, золотые и хрустальные рукояти, что конечно, больше соответствует статусу и стилю парадного, но отнюдь не боевого оружия. Но для героев «Песни» разницы не существуют, и с драгоценным оружием они смело вступают в бой!

«...Вот Канабей, эмира младший брат,

Коня ударил шпорами в бока,

Свой меч с хрустальной рукоятью сжал...» [6, с. 107].

Копью же отводиться утилитарная роль боевого оружия, оружия первых схваток. По сути дела, для героев «Песни» кавалерийское копьё – расходный материал, тот же самый Роланд на время сражения 15 раз заменял копьё, и в это же самое время никто из героев не может помыслить о замене меча. Ганелон отказывается отдать меч вассалам Марсилия под угрозой неминуемой гибели, а Роланд стремится разбить Дюрандаль, чтобы он не достался врагу и тем самым ускоряет свою гибель.

Схожую, но в то же время несколько отличную картину даёт нам «Эпос о Нибелунгах», появившийся в списках между 1200–1210 гг. Перед нами оценка роли меча в немецкой рыцарской культуре. Контент-анализ значительно отличается от того, что мы видели в «Песне о Роланде». В первой части произведения с 1 по 20 увертюру упоминание оружия идёт в следующем порядке – меч упоминается 36 раз, копьё 15 раз, 7 раз упоминается дротики, 3 раза луки и по разу палица и кистень [1]. В отличие от «Песни о Роланде», в германском эпосе упоминание имени меча встречается гораздо реже – в первых 20 увертюрах – всего три раза (во всех случаях речь идёт исключительно о Бальмунге – мече Зигфрида):

«...Но Зигфрида приметил и Людегер лихой,

Узрев, как он вздымает в бою над головой,

Клинок свой, добрый Бальмунг, и саксов им разит,

Король в душе почувствовал жестокий гнев и стыд...» [1, с. 382].

Продолжая разговор о соотношении меча и копья, хотелось бы отметить, что «Эпос» рисует нам иную картину, нежели «Песнь». Так, для немецких рыцарей именно меч представляется основным боевым оружием. 8 раз мечи упоминаются непосредственно в связи с боевыми действиями:

«...Он друга сердца отнял из них у не одной.

Обрушивал на шлемы он свой клинок стальной

Так, что ручьём багряным хлестала кровь из ран.

Всем взял воитель доблестный: он смел и в сече рьян.

Чинил и Ортвин Мецкий врагу немалый вред:

Кто был хоть раз в сражении его мечом задет,

Тот ранен или тлеет в сырой земле теперь.

Но никогда никто ещё не нёс таких потерь...» [1, с. 385].

Копьё, же в связи с боевыми действиями упоминается только 1 раз. Вообще можно предположить, что для героев «Эпоса о Нибелунгах» копьё – это скорее турнирное, нежели боевое оружие – 14 раз копьё упоминается в произведении в связи с турнирами и охотой, например, как в этом примере:

«...А гости и бургундцы на лошадех вскочили,
И поле потемнело от чёрной тучи пыли,
Как будто дым пожара простёрся над землёй,
То витязи затеяли на копьях конные бой...» [1, с. 426].

Тот факт, что красавица Брунхильда использует для испытаний своих женихов копьё, так же объективно говорит против него. Ведь в «Эпосе» совершенно точно видна грань между рыцарским мечом и оружием простых воинов. Так, карлик Альбрехт и страж-великан, вступая в противоборство с Зигфридом используют соответственно кистень и палицу, так как они не являются рыцарями, и, следовательно, не достойны меча:

«...Был карлик и отвагой, и силой наделён,
Бронёй и прочным шлемом надёжно защищён,
Держал в руке могучей он золотой кистень,
Пришлось вторично Зигфриду сражаться в этот день...»

Следует также обратить внимание ещё на две особенности произведения. В «Эпосе» меч практически не используется для клятв, что мы видели в «Песне о Роланде» но, Бальмунг, меч Зигфрида, фактически противопоставляется кладу нибелунгов. Этот факт очень важен для понимания идеологической сущности произведения – богатство губит всех, кто, вопреки морали рыцарства стремиться оставить его у себя. С другой стороны, обладание Бальмунгом фактически превращает Хагена в реинкарнацию Зигфрида. Во второй части именно Хаген с помощью Бальмунга совершает великие подвиги, и так же, как Зигфрид находит свою смерть! Этот факт подтверждает особую силу Бальмунга, его сакральную функцию.

Итак, подводя промежуточный итог, мы можем отметить, что даже поверхностный анализ средневековых источников в полной мере подтверждает выводы исследователей. Меч в эпосах и песнях предстаёт носителем рыцарской сущности, сакральной субстанцией, само право на использование которого следует заслужить.

Не менее важен и значим меч и в русской военной и политической культуре. Этот факт однозначно доказал недавно ушедший от нас патриарх отечественного средневекового оружиеведения доктор исторических наук, профессор А.Н. Кирпичников. Он указывал, что меч вообще это «своеобразный символ феодального строя, неотъемлемая принадлежность воина дружинника, могущественное и драгоценное оружие» [3, с. 58]. Подтверждая этот факт, Анатолий Николаевич опирался, прежде всего, на летописный материал. В соответствии с его концепцией, именно обладание мечом подчёркивает на русской миниатюре властный статус того, или другого лица, обладание княжеским мечом придаёт его владельцу священную силу, так, как об этом говорит Даниил Галицкий папскому легату. А.Н. Кирпичников указывает на присутствие в русской земле

мечных обрядов, сходных и аналогичными традициями Западной Европы, а именно – передача меча вассалу, назначение удела, сдача города и так далее [3, с. 59]. К XIII веку меч фактически, по мнению А. Н. Кирпичникова, становится на Руси символом войны и справедливого суда.

Ещё одним моментом, свойственным средневековой Руси, является противостояние меча не столько с копьём, сколько с саблей. По подсчётам Анатолия Николаевича Кирпичникова в летописных эпизодах меч упомянут 52 раза, а сабля только 10; на миниатюрах Радзивилловской летописи изображены 220 мечей и 144 сабли [3, с. 65]. Каково же место прямого и изогнутого клинка в Русской военной культуре?

В качестве источника возьмём «Слово о полку Игореве». Отечественный аналог европейских песен и эпосов был создан, вероятно, в 1187 г. Контент-анализ по употребляемому в тексте оружию предлагает нам удивительную картину – четыре вида наступательного вооружения – меч, сабля, лук со стрелами и копьё упоминаются по 7 раз каждый. Ещё два раза упоминается засаживаемый нож [9]. В боевой обстановке – сражениях Игоря и Всеволода с половцами – автор называет меч, саблю, копьё и лук со стрелами:

«...Быти грому великому
Идти дождю стрѣлами с Дону великаго!
Ту ся копиемъ приламати,
Ту ся саблямъ потручяти
О шелома половецкыя...
...То было въ ты рати и въ ты плъкы
а сицей рати не слышано!
Съ запаниа до вечера,
Съ вечера до свѣта
Летятъ стрѣлы каленая,
Гримлють сабли о шелома
Трещать копия харалужныя...» [9, с. 382].

При этом мы должны учесть, что в данном случае, и это подтверждается тестом, под копьями понимаются короткие пехотные копия, удачный опыт применения которых в сомкнутом пехотном строю русские получили ещё во времена Владимира Мономаха и княжеских усобиц XII в. [2, с. 20].

Возвращаясь непосредственно к теме меча, хотелось бы выделить два заметных факта: из текста следует, что понятие меча для автора является аналогией понятия войны:

«О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкой землю
Мечи цвѣлити
А себъ славы искати....
...Ярослави вси внуце и Всеслави!
Уже понизите стязи свои,
Вонзите свои мечи вережени.
Уже бо выскочите изъ дѣдней славь...» [9, с. 386–387].

Вообще, если понятие сабли соотносится с конкретным действием, например, упоминается в боевой обстановке, то понятие меча зачастую соотносится с максимально обобщёнными понятиями. Это в полной мере соотносится с выводами профессора А. Н. Кирпичникова.

Второй факт, это географическое разделение понятия меча и сабли. Если когда речь идёт о походе Игоря, в качестве оружия упоминается почти исключительно сабля, то в «Золотом слове Святослава», когда речь идёт о западных княжествах фигурирует исключительно меч:

«...Тьми тресну земля,
И многы страны –
Хинова
Литва
Ятвязи
Деремела,
и половцы сулицы своя повръгоша,
а главы своя подклониша
подь тьи мечи харалужныи...» [9, с. 388].

Этот вывод можно подтвердить так же ссылкой на «Повесть временных лет»: «Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, меч и щит» [7, с. 47]. Хотя это пример из более раннего периода истории, тенденция остаётся для нас понятной, несмотря на то, что исключения, конечно имели место – Даниил Галицкий, явившийся на помощь уграм, имел саблю, украшенную золотом, чем особенно поразил немецких послов [3, с. 143]. При этом автор «Слова» в меньшей степени, чем его западные коллеги, рассматривает меч как сакральный предмет. Не встречаются и именованья клинков.

Подводя окончательный итог, можно констатировать тот факт, что эпические произведения средневековой литературы подтверждают выводы специалистов-оружиеведов. Меч занимает особое место в средневековой воинской культуре. Его ни в коем случае нельзя считать универсальным оружием, на поле боя меч играл чётко определённую роль, которая определена региональной спецификой, и национальным менталитетом воинов. Но при этом сакральная функция меча под сомнение поставлена быть не может. Средневековый меч являлся важнейшим военным, политическим и культурным символом – воинской святыней, воплощение доблести, аллегорией войны и мира, олицетворением власти и силы, символизировал собой справедливый суд. В своей культурной роли меч являлся не столько олицетворением королевской власти, сколько сосредоточение рыцарских добродетелей, в этой связи второе сословие Восточной и Западной Европы – *Ordo Bellatores* – по праву можно назвать почётным титулом «люди меча».

Список литературы

1. Песнь о Нибелунгах. Беовульф, Старшая Эдда, песнь о Нибелунгах. Библиотека Всемирной литературы Серия первая. М.: «Художественная литература», 1975. С. 357–676.

2. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булаву, кистени. IX – XIII вв. / Археология СССР. Свод археологических источников под. ред. Б.А. Рыбакова. М.–Л.: Наука, 1966. 184 с.
3. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие выпуск первый мечи и сабли IX–XIII вв. / Археология СССР. Свод археологических источников под. ред. Б.А. Рыбакова. М.–Л.: Наука, 1966. 143 с.
4. Норман А.В.Б. Средневековый воин. Вооружение времён Краля Великого и Крестовых походов (пер. с англ. Л.А. Игоревского). М.: Центрполиграф, 2008. 270 с.
5. Окшотт Э. Рыцарь и его доспехи. Латное облачение и вооружение. Эдвард Окшотт (пер. с англ. А.Н. Анваера). М.: Центрполиграф, 2007. 187 с.
6. Песнь о Роланде / под ред. Д.Е. Михальчи. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 161 с.
7. Повесть временных лет / под. О. В. Творогова. Повести Древней Руси XI–XII в. Л.: Лениздат, 1983. С. 24–124.
8. Руа Ж. Ж. История рыцарства. / Жюст Жан Руа, Жозеф Франсуа Мишо и др. М.: Эксмо, 2007. 448 с.
9. Слово о полку Игореве / под ред. Д.С. Лихачёва. Повести Древней Руси XI–XII в. Л.: Лениздат, 1983. 572 с.

А.С. Новиков

От воина-варвара к рыцарю и феодалу – трансформация гендерной модели мужчины-аристократа в Английском королевстве в XI–XIII вв.

В статье анализируется трансформация гендерной модели мужчины благородного происхождения в Англии с XI до XIII века. Отправной точкой является XI век, как период, в силу политических событий коренным образом поменявший веки развития Английского королевства, изменив все сферы жизни государства и людей в нем. На протяжении нескольких веков воин-варвар постепенно превращается в рыцаря – тот образ, который был характерен для всего европейского мира соответствующего периода.

The article analyzes the transformation of the gender model of the noblemen in England from the XI to the XIII century. The starting point is the XI century as a period that due to political events when the milestones of the development of the English kingdom and all spheres of life of the state and people in it was radically changed. Over the course of several centuries, the barbarian warrior gradually turns into a knight – the image that was characteristic of the entire European world of the corresponding period.

Ключевые слова: рыцари, феодализм, мужчины, куртуазность, Высокое Средневековье, гендерная история.

Key words: knights, feudalism, men, courteousness, High Middle Ages, gender history.

Гендерные отношения в своем развитии неотрывны от социальных, политических, экономических и мировоззренческих аспектов того времени, в контексте которого таковые анализируются. В Английском королевстве в XI–XIII вв. происходили буквально переломные изменения в обществе и политической жизни – в XI веке наметился политический кризис у местной англосаксонской знати, и в 1066 г. Англию завоевал герцог Нормандский Гийом II Бастард, вошедший в историю под именем короля Английского Вильгельма I Завоевателя. Складывается уникальное государство, в котором львиная доля знати

была норманнского происхождения, а большинство подданных были англосаксами. Постепенно смешиваясь, норманны и англосаксы дали начало английскому этносу, а гендерная модель мужчины – представителя военной аристократии изменилась до неузнаваемости.

Англосаксонское общество в XI в. сохраняло значительный след патриархально-родовых отношений, и знатный мужчина в этот период по сути своей являлся классическим воином-варваром Раннего Средневековья.

Первостепенную роль в межличностных и политических отношениях являлась родовая связь (или ее отсутствие) у оппонентов, степень родства, отношения между родственниками и благо рода.

Мужчина-англосакс – это, прежде всего, член семьи и рода, отец как его глава или сын, как продолжатель рода. На связь между отцами и сыновьями указывают существующие письменные источники. В англосаксонском эпосе «Беовульф» мы часто встречаем отсылки к отцу или некоему прапредку, например: «Беовульф был благородным потомком Скильда ...» [9, с. 232], или «все время сын Хальфдана испытывал несчастья...» [9, с. 232], что демонстрирует сильную связь внутри рода.

То есть в сагах, как ключевых жизнеописательных источниках Раннего Средневековья, мы наблюдаем непереносимое указание родства героя, как демонстрацию его связи с собственным отцом, в первую очередь, и с родом – во вторую.

А.А. Хвостенко в своей статье «Гендерные роли в системе родственных отношений англосаксонского этноса на материале древнеанглийских текстов» обращается к тексту «Битвы при Мэлдоне», акцентируя внимание на связь между отцом и сыном:

«Приказал затем герой защиту держать, затем за мост драться отважно,
Это было сказано Вульфстаном, ... который был сыном Кеолы,
Тем первым человеком франками убитым, которые на мост вступили.
Воззвал затем у холодной воды Бюрхтельма сын
«Теперь потеснитесь, идите быстро к нам люди на войну» [9, с. 232].

Немаловажен и другой факт, который прямо следует из упомянутых документов – мужчина-англосакс неотрывен от насилия как наиболее характерного проявления собственной мужественности, и это также немаловажный нюанс в описании гендерной модели англосаксонского благороднородного мужчины. «Англосаксонская хроника» (1154 г.) весьма однозначно это подтверждает: «Хэстен построил укрепления в Бенфлите и после этого отправился грабить, а большое войско оставалось на месте. Воины ополчения пришли туда, разбили данов, разрушили укрепления, захватили все, что было внутри, – добро, женщин, детей – и привезли в Лондон. А из кораблей часть разбили, часть сожгли, часть отвели в Лондон или Рочестер. Жену Хэстена и двух его сыновей отправили к королю, и он вернул их Хэстену, поскольку один из мальчиков был его крестником, а другой – крестником элдормена Этельреда» [1, с. 77] прежде всего, демонстрируется яркая черта, присущая англосаксонскому мужчине – воин, завоеватель и проводник насилия. Кроме

того, здесь показана одна из ипостасей родовых отношений – крестный сын приравнивается к части рода крестного, и потому находится в особом положении.

Таким образом, источники демонстрируют нам образ знатного мужчины-англосакса. Это, прежде всего, член рода, с выделением особенной связи между отцом и сыном (включая крестных) и дяди по матери и племянником; воин и завоеватель, так, знатные англосаксы не видели себя вне рамок войны и воинского искусства, и даже политика замыкалась сугубо на ведении войн; проводник насилия и «добытчик» – путем войн и грабежей.

Однако после норманнского завоевания картина социальных отношений и гендерных моделей существенно изменяется. Придя к власти в Англии, король Вильгельм I Завоеватель изъял у духовенства право установления наказания за те или иные моральные проступки, что отметит епископ Эдмер (ок. 1060–1124 гг.) в своей хронике «*Historia novorum*»: «Изложу нечто из того нового, что (Вильгельм) установил в Англии... он не позволял никому из епископов своих, чтобы он публично обличал или отлучал от церкви или подвергал какой-либо [иной] церковной каре кого-либо из баронов своих или слуг, избличенного либо в прелюбодеянии, либо в каком-либо уголовном преступлении, иначе как по его [короля] повелению» [8, с. 38]. Карательные функции церкви, как можно заключить из содержания документа, переходили теперь в руки короны. Однако власть феодального сословия (и короля, как первого из феодалов) значительно в большей степени укрепились уже при династии Плантагенетов, сменившей довольно быстро иссякшую Нормандскую династию. И то, что Плантагенеты были родом из графства Анжуйского, что во Франции, и то, что феодалы сыграли значительную роль в предшествующей гражданской войне, изменило существующий расклад сил.

Генрих II Плантагенет (1154–1189 гг.) – занялся, среди прочего, и реформированием законодательства. В «Кларедонской ассизе» (около 1166 г.) для настоящего исследования любопытно одной из положений: «и если сеньор того, кто был арестован ... попросит дать его на поруки в течение трех дней после того, как он был арестован, пусть он будет отдан на поруки и сам он, и его имущество, пока не явится сам он на испытание» [6, с. 56]. Таким образом, король находит сеньора, то есть феодала, стоящего над обвиняемым в преступлении, достаточным для гарантирования того, что предполагаемый преступник не будет укрыт от правосудия, тем самым негласно подтверждая априорную честь феодала. Это показательно, поскольку свидетельствует о сформировавшемся образе мировоззренческой и гендерной модели феодала – человека слова и чести, действующего априори порядочно и ожидающего того же от других.

Генрих II в своей более поздней «Великой ассизе» (около 1179 г.) сделал упор на понятия чести и честности, которые априорно обозначали принадлежность к феодальному сословию: «каждый из тех, кто был призван для этого, должен присягнуть, что он не будет говорить об этом неправды и, зная, не будет скрывать правды» [2, с. 54], что закрепляло положение, выведенное ранее

из «Кларедонской ассизы». Нельзя оставить без внимания также моральную и правовую тождественность феодала, его отца и доверенного человека (подразумевалось, что это может быть только феодал): «они знали об этом через посредство собственного зрения и слуха или со слов своих отцов или со слов, которым бы они верили как собственным» [2, с. 54].

Король Иоанн Безземельный в своей «Великой хартии вольностей» (1215 г.) давал мужчинам-аристократам дополнительные права: «графы и бароны будут штрафовать не иначе, как при посредстве своих пэров, и не иначе, как сообразно роду проступка... Если какой-либо свободный человек умрет без завещания, движимость его пусть будет распределена руками близких родственников его и друзей под наблюдением церкви, причем должна быть обеспечена уплата долгов каждому, кому умерший был должен» [3, с. 104], тем самым ограждая феодалов от вероятного произвола короля или его чиновников. Подобные права, но в отношении прав на феод, были означены в следующем параграфе: «ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём па него иначе, как по законному приговору равных его [его пэров] и по закону страны» [3, с. 106], что выводит уголовную ответственность мужчин-феодалов на откуп себе подобных – то есть таких же мужчин-феодалов.

Рыцарь, помимо воинских подвигов, должен был совершать и подвиги любовные, потому, наряду с владением конем, мечом и копьем, он был обязан обладать также учтивостью, обходительностью, образованностью, а также непременно литературным даром, словом, всем тем, что можно назвать куртуазностью.

Формально, в центре куртуазной любви находится некая замужняя женщина, «дама», на которую обращает внимание какой-либо неженатый мужчина-феодал и «загорается любовью». И с этого момента он думает только о том, чтобы овладеть этой женщиной, подчиняясь ей во всем, а наивысшей степенью куртуазной любви считается сочинение в ее честь стихов и песен, а также совершение подвигов. Куртуазная культура очень быстро проникла в высшие слои общества и внезапно стала повсеместным явлением. С конца XII века куртуазные обычаи становятся частью процесса, ведущего к заключению брака и предшествовали помолвке. В процесс постепенно стали включаться даже женатые мужчины, но в иной ипостаси. Они выбирали среди благороднорожденных женщин своего рода «друга», которому служили, как молодые рыцари служили замужним дамам. Куртуазные обычаи превратились в норму и довольно быстро стали простыми правилами хорошего тона при общении с объектом интереса, да и с любой другой женщиной знатного происхождения [5, с. 94].

Здесь уместно обратиться к литературному произведению, носящему нормативный характер – «Трактате о любви», написанному Андре Капелланом около 1200 г. Автор, человек из духовенства, но весьма осведомленный в вопросах куртуазности, объясняет читателю, в качестве которого, скорее всего

выступали молодые рыцари и оруженосцы, для которых знание о куртуазности являлось буквально руководством по правилам поведения, что такое куртуазная любовь и каковы правила «игры». Среди прочего, Андре Капеллан указывает на то, что в любовной игре сдержанность играет крайне важную роль, поскольку в противном случае может привести к греху. Любовь, по его мнению, «есть болезнь, испытание, которое нужно пройти, чтобы закалить себя, но мужчина должен уметь победить в себе любовь, иначе он рискует попасть под власть женщины» [4, с. 382–383]. И здесь крайне показателен момент, что попадание под власть женщины в фактическом, а не игровом осуществлении, является неверным исходом куртуазной игры. Это, а также то, что в последней части своего труда Капеллан выделяет ряд женских недостатков, еще раз подтверждает, что данное произведение было адресовано в первую очередь мужчинам. Его поучения являются показательным в свете негласной, но реальной средневековой концепции «мужского мира».

И все же аспект мужской куртуазности сполна раскрывается в «Жизнеописаниях трубадуров» Жана де Нострадама [4], труде, в котором собраны биографии и избранные произведения наиболее известных поэтов периода расцвета куртуазности – то есть с конца XII до конца XIII веков.

Красноречивым описанием идеального рыцаря служит то, как описан Гийом IX де Пуату, прадед английских королей Ричарда I Львиное Сердце и Иоанна Безземельного: «как доблестный рыцарь владел он оружием и отличался щедростью и великим искусством в пении и трубадурском искусстве; и немало постранствовал он по белу свету, повсюду кружа головы дамам» [4, с. 8]. Такое описание куртуазного мужчины-феодала более чем красноречиво – он был наделен воинской доблестью, щедростью, честью и трубадурским мастерством, чем демонстрировал черты идеального мужчины-аристократа указанного периода.

Кроме того, показателен другой фрагмент жизнеописания Бертрана де Борна: «Когда король Генрих возвратил Бертрану де Борну свое расположение... Бертран весьма обрадовался и возвеселился и тотчас войной пошел против эн Адемара... и всех остальных, кто брата его Константина, изгнанного им из Ауафорта, поддерживал» [4, с. 69]. Здесь мы наблюдаем еще одну черту мужчины-аристократа указанного периода – перманентное состояние войны, поскольку именно такое состояние делало рыцарю честь, а чести в тот период предавалось, как мы могли наблюдать из вышеозначенных источников, чрезвычайно большое значение.

Однако для мужчины-феодала не только куртуазность и рыцарские добродетели играли значимую роль. Так, Жорж Дюби цитирует «Песнь о Уильяме Маршалле» анонимного автора, повествующая о знаменитом английском рыцаре – победителе турниров, жившем на рубеже XII и XIII веков. Автор «Песни» описывает сира Уильяма как «хорошо сложенного, с прямой осанкой и прекрасными руками, крепкого телосложения, с каштановыми волосами», добавляя также, что «enfourchure» (его «промежность») была очень большой [10, с. 28]. Таким образом, к гендерному портрету благородного мужчины-феодала можно добавить и иное качество – его биометрические показатели также

имели значение при оценке отдельно взятой персоналии. Для благороднорожденного мужчины Высокого Средневековья в принципе было важно продемонстрировать свою сексуальность, и его любовные похождения были мерилom престижа в обществе.

Для мужчин-аристократов были характерны и иные гендерные проявления, о чем говорит А.С. Новиков в своей статье «Мужская гомосексуальность в аристократической среде Английского королевства с 1066 г. до конца XIII в. – гендерная репрезентация, истоки и проявления», в частности, выделяя особую, существовавшую параллельно с классической, гомоаморную куртуазность [7].

Итак, можно явно заключить, что к концу XIII в. образ мужчины-аристократа изменился до неузнаваемости – от образа воина-варвара и проводника насилия гендерная модель трансформировалась в образ благородного в своих действиях и снабженного описанными куртуазными свойствами рыцаря, подобия коему мы наблюдаем по всему европейскому миру в Высоком Средневековье.

Список литературы

1. Англосаксонская хроника / пер. с др.-англ. З. Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.
2. Великая ассиза // Памятники истории Англии XI–XIII вв. Русский и латинский текст Великой Хартии вольностей и других текстов / перевод и введение акад. Д.М. Петрушевского. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 52–55.
3. Великая Хартия вольностей // Памятники истории Англии XI–XIII вв. Русский и латинский текст Великой Хартии вольностей и других текстов / перевод и введение акад. Д.М. Петрушевского. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 96–117.
4. Де Нострадам Ж. Жизнеописания трубадуров / пер. М. Б. Мейлаха, Н. Я. Рыковой и др. М.: Наука, 1993. 736 с.
5. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. / пер. с фр. Е. Ю. Симакова // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 90–96.
6. Кларедонская ассиза // Памятники истории Англии XI–XIII вв. Русский и латинский текст Великой Хартии вольностей и других текстов / перевод и введение акад. Д.М. Петрушевского. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 56–63.
7. Новиков А.С. Мужская гомосексуальность в аристократической среде Английского королевства с 1066 г. до конца XIII в. – гендерная репрезентация, истоки и проявления // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Вереминко, В.Н. Шайдунов. СПб., 2020. С. 220–225.
8. Отрывок из хроники, относящейся к разделению церковных и светских судов Eadmer, Hist. Nov. I, p. 6 // Памятники истории Англии XI–XIII вв. Русский и латинский текст Великой Хартии вольностей и других текстов / перевод и введение акад. Д.М. Петрушевского. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 38–39.
9. Хвостенко, А.А. Гендерные роли в системе родственных отношений англосаксонского этноса на материале древнеанглийских текстов // Сибирский филологический журнал. 2013. №2. С. 230–235.
10. Duby G. William Marshal: The Flower of Chivalry / trans. by Richard Howard. New York: Pantheon Books, 1985. 229 p.

Тема воспитания ребёнка в контексте инквизиционного процесса по делам веры

Статья посвящена теме формирования личности глазами иерархов Римско-католической Церкви, участвующих в инквизиционном процессе в качестве судей и экспертов. В публикации, основанной на материалах обвинительного и кассационного судопроизводства по делу Жанны д'Арк, рассматривается система представлений о том, каким должен быть идеально воспитанный ребёнок и какими средствами следует добиваться воплощения данного идеала.

The article is dedicated to the topic of personality formation through the eyes of the hierarchs of the Roman Catholic Church who participate in the Inquisition process as judges and experts. The publication, based on the materials of the indictment and cassation proceedings in the case of Joan of Arc, examines the system of ideas about what a rightly educated child should be and what means should be used to achieve this ideal.

Ключевые слова: история средних веков, католицизм, инквизиция, христианское воспитание, катехизис, народная религиозность, пропаганда.

Key words: history of the middle ages, the Catholic Church, the Inquisition, Christian education, catechism, folk religion, propaganda.

В основополагающих для устройства церковного суда канонах IV Латеранского собора, содержащихся в статье 8 «*De inquisitionibus*» (О расследованиях) процессуальное значение придавалось репутации как подозреваемых в преступлениях против веры, так и тех, кто выступает с их обличениями, «если подчиненный или же сам прелат совершит проступок и жалоба либо слух об этом дойдет до ушей его начальства не через лиц злобных и злоречивых, а честных и уважаемых, и не один, а множество раз (что свидетельствует об очевидности слуха и широте разглашения), то более высокопоставленным чинам Церкви надлежит тщательным образом установить истину» [1, с. 30]. Молва о распространении ересей или магических практик – *diffamatio* – служила достаточным основанием для начала расследования – *inquisitio ex officio*. Сегодня это назвали бы общественной значимостью деяния. Репутация же распространителей молвы и её объектов выступала в качестве критерия достоверности информации.

В ходе двух процессов по делу Жанны д'Арк – обвинительного (9 января – 30 мая 1431 г.) и кассационного (7 ноября 1455 – 7 июля 1456) к обоим этим элементам относились с чрезвычайной серьёзностью. Преамбула обвинительного процесса напрямую называет молву (*fama*) о преступлениях «некоей женщины» причиной расследования, ибо «молва дошла уже до многих мест, что эта женщина, презрев всякое достоинство, приличествующее её полу, презрев всякий стыд и честь, присущие женщине, носила с неслыханной дерзостью непотребные мужские одежды. (*Fama vero iam multis in locis percrebuerat...*)» [19, с. 1] Таким же образом процесс кассации был запущен по заявлению лица,

пользовавшего самой доброй репутацией – «честной и достойной вдовы Изабеллы д'Арк (*honeste et probe vidue*)» [20, т. 1, с. 1].

Как справедливо отмечала Вероник Асбрюк, исследователь процесса реабилитации, «критерии, относящиеся к личности Жанны были выдвинуты на первое место» во время слушаний [14, с. 74]. Рассмотрев полученную в их ходе информацию о личности осуждённой, авторы восьми экспертных заключений и составитель окончательного *Recapitulatio* – Жан Бреаль, великий инквизитор Франции и аббат доминиканской обители Сен-Жан в Париже, пришли к выводу о несостоятельности обвинений. Вывод был дополнен списком процессуальных нарушений, допущенных во время первого разбирательства, которые могли свидетельствовать о его юридической ничтожности, несмотря на то что его председатель – епископ города Бове Пьер Кошон – надеялся удивить мир «прекрасным процессом» «*le beau procès*», для чего к участию в нём были приглашены 113 ассессоров. Жан Бреаль явно превзошёл его числом выдающихся экспертов. Это были епископ Авранша Жан Бушар, ректор Парижского университета, декан соборного капитула нуайонской епархии и член королевского совета Гийом Буйе, кардинал-епископ Турский Эли Бурдей, ректор университета в Кане, епископ Лизьё и личный королевский летописец Тома Базен, епископ города Ман Мартен Берюйе, канцлер Парижского университета Робер Собуль и самый скромный из всей коллегии доктор канонического права Жан де Монтины. Парижский университет и епархия Лизьё появились не случайно. Два возглавлявших её прелата, Зенон де Кастильоне и Пьер Кошон, были участниками суда над Жанной, между тем как именно коллегия профессоров Сорбонны сделала экспертное заключение о её виновности, ознакомившись с материалами дела. Их преемникам предстояло взять назад утверждения предшественников и, фактически, согласиться с незамысловатой самохарактеристикой Жанны, которую она сделала во время процесса: «выучила правила веры и была обучена хорошо и должным образом, как хороший ребёнок (*elle a aprins sa creance et este enseignee bien et deuement comme ung bon enfant doit faire*)» [19, с. 196].

В трактате Робера Сибуля идеал христианского воспитания приобретал заметно более развёрнутый вид в рассуждении о том, насколько доверие к пророчеству Божему от имени Божьего должно зависеть от характеристик его личности:

1. Прежде всего, то должна быть «персона скромная и простая» (*persona humilis et simplex*). Здесь богослов не отказывает себе в использовании цитат из Писания: «...славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф., 11:25). Евангелие он дополнил отсылкой к апостолу Павлу: «... не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, ... но ... немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1 Кор. 1: 26 – 27) [20, т. 2, с. 367].

2. Вторым признаком является правильная реакция верующего на столкновение с небесными силами. Он чувствует утешение, наполняясь небесным светом и всевозможными добрыми чувствами, приобретая способность отличать божественное видение от наваждения дьявольского.

3. Наконец, ведомый Богом человек поступает «к собственной пользе, славе Господней и утешению ближнего» (*utilitas in ipse ad honorem Dei et consolatorium proximo...*) [20, т. 2, с. 368].

Гийом Буйе, ссылаясь на авторитет Гуго Сен-Викторского, усматривал высшей целью христианского воспитания достижение *vita sancta*, проявлением которой были:

1. *Humilitas* (Смирение)
2. *Discretio* (Скромность)
3. *Patientia* (Терпение)
4. *Veritas* (Истина)
5. *Caritas* (Милосердие) [20, т. 2, с. 321]

Обвинители не обнаружили в воспитании Жанны ничего из вышеперечисленного. Записи предварительного расследования, проведённого на её родине в Домреми, не сохранились, потому его содержание может быть только косвенно реконструировано по материалам слушаний и статьям, которые были составлены Жаном д'Эстиве 26 марта 1431 г. в количестве 70. (Любопытно, что ровно такое же число претензий было выдвинуто на Констанцском соборе антипапе Иоанну XXIII) [6, с. 130–140]. После того, как Жанна дала на них ответ, 2–5 апреля были составлены 12 заключительных статей, которые от имени председателя Пьера Кошона и инквизитора Жана Леметра и были направлены в Сорбонну на заключение и стали основой для приговора к церковному отлучению.

Детство Жанны фигурирует в артикулах со второго по восьмой, занимая одну десятую объёма документа. Особо же внимание на юных годах акцентировано в статьях 4–8. Из них следовало, что девочка не была наставлена в истинной вере, поскольку вся деревня практиковала магию, и никто не считал колдовство чем-то предосудительным (*Quarum villarum plures habitantes notati fuerunt ab antiquo uti predictis maleficiis...*) [19, с. 196]. Ведьмой, согласно ст. 4, была и крёстная девочки, которая и обучила её заклинаниям. Из статьи 5 становилось известно, что в деревне существовал обычай плясать по ночам у т.н. «волшебного дерева фей Бурлемона» (*arbre charmine faee de Bourlemont*) [19, с. 197]. Жанна, следуя ст.6, бывала у дерева и ночью, и во время богослужений, украшая его гирляндами. Статья 7 утверждала, что девочка носила при себе мандрагору, полагая, что получит от неё силу и удачу в мирских делах (*sperans, per medium illius, habere prosperam fortunam in diviciis et rebus temporalibus*) [19, с. 199]. Наконец, в 12 лет она самовольно (*propria voluntate*) покинула родной дом, нанялась в услужение в Нефшато, где на постоялом дворе (*in quo hospicio*) обучилась у солдат их ремеслу (ст. 8) [19, с. 200]. Суммируя содержание группы артикулов, можно сказать, что она была представлена буквально от младых ногтей непочтительной к родителям и пренебрегающей христианскими обязанностями: как в деле посещения церкви, так и в занятиях колдовством.

В окончательной двенадцатистатейной редакции обвинения сохранилось 2 положения: посещение «дерева фей» в артикуле 1, с которым судьи связывали видения святых Екатерины и Маргариты [19, с. 290] и уход из дома без

родительского благословения в артикуле 7 [19, с. 294], что, тем не менее, увеличило объём присутствия «персональных характеристик» до одной шестой общего корпуса претензий. В этом случае они выглядят более значимыми, чем в случае суда над Балтазаром Коссой, где обвинение в дурном воспитании и непочтительности к родителям смотрится формальностью на фоне впечатляющей череды вполне конкретных проступков антипапы.

Соответственно, одной из важнейших задач процесса реабилитации Жанны, затеянного в 1455–1456 гг. было опровержение обвинительных формулировок 1431 г., в том числе тех, которые касались её детских и юношеских лет. Его следовало подтвердить показаниями свидетелей и обосновать авторитетным суждением коллегии богословов и правоведов. С этой целью под руководством великого инквизитора Бреалья был составлен 101 опросный пункт, впоследствии разбитый на отдельные группы артикулов, в зависимости от категории свидетелей, которым предназначались вопросы. Тема формирования личности Орлеанской Девы в её юные годы была затронута в пяти статьях.

Статья 2 утверждала, что родители Жанны «суть люди доброго имени, доброй известности и общения, мирные, спокойные, живущие честно, водимые Господом» (*Boni nominis, bone fame et conversationis, pacifici et quieti, honeste viventes, duce Domino...*)

Согласно статье 3, девушка следовала католической вере и церковным обычаям (*fidei catolice et s.r. Ecclesie traditionibus obviaret*).

Следующая статья 4 настаивала на том, что Жанна отличалась благочестием, часто посещала богослужения и слушала мессу с благоговением (*ecclesias et divina officia frequentavit, missas devote audiendo*).

Наконец, она была «девушка юная и нежная» (статья 9, *puella juvenis et teneris*), хранящая своё целомудрие (статья 10, *virgo et integra*) [20, т. 1, с. 113–115].

Для проведения расследования на родине Жанны – в деревне Домреми Шомонского бальяжа, были подготовлены специальные 12 статей, которые были использованы для опроса 34 свидетелей в период 28 января – 11 февраля 1456 г. Все они касались родителей Жанны, а также её детства и юности до момента ухода из отчего дома.

Наиболее характерна тут статья 5 – о её манере разговаривать в отрочестве от семилетнего возраста до ухода из родительского дома (*item de conversatione ejus in adolescentia, a septennio usque ad egressum illius a domo paterna*).

Среди прочих статей выделяется одна группа, посвящённая родителям, крёстным и воспитанию в семье (ст. 2, 3, 4), отвечавшая на те обвинения, что причины «дурного поведения» девушки усматривали во влиянии семьи. Другую группу составляют артикулы, посвящённые её конкретным поступкам: часто ли Жанна бывала в церкви, регулярно ли исповедовалась и каковы были обстоятельства её ухода из дома (ст. 6, 8, 10).

Конкретным претензиям к осуждённой в Руане к смерти были посвящены статьи 9 и 12. Соответственно, о её отношении к т.н. «дереву фей» и пребывании в Нёфшато [20, т. 1, с. 250–251].

Каждая статья завершалась красноречивой формулировкой – *et hoc fuit et est verum* – «и было так, и это правда». Ответы свидетелей были вполне ожидаемыми. Жанна предстала в них хорошо воспитанной, набожной и благочестивой девушкой. Иные дополняли повествование красноречивыми детальками. От сельского кюре Этьена де Съона мы узнаём, что лишь только у неё появлялась какая-то своя мелочь, она её охотно жертвовала во время мессы [20, т. 1, с. 263]. По словам подруги Овьетты, Жанна выглядела «слишком благочестивой» [20, т. 1, с. 275], а ещё один ровесник, Жан Ватрен, вспоминал, как «другие смеялись над ней» (*et alii deridebant eam*), когда, услышав в поле церковный звон, она становилась на колени и начинала молиться [20, т. 1, с. 277].

Симптоматично, что по поводу «дерева фей» разброс мнений односельчан был несколько больше. Про дерево знали все жители, однако, не все, как Жан Морель были уверены в том, что она там бывала [20, т. 1, с. 254]. Колен, сын Колена из Грё её не видел у дерева, хотя и слышал, что она там оказывалась [20, т. 1, с. 288], а Жаннетта, жена Тесселина из Вителя, вовсе никогда не встречала там будущую освободительницу Орлеана [20, т. 1, с. 265].

Из собранного для них материала Жан Бреаль и его коллеги сделали благоприятный для Жанны вывод. Успехи христианского воспитания в её случае очевидны, потому что своею жизнью она совершала добро, во-первых, самой себе (*sue persone*), во-вторых, ради милосердия к ближнему (*ad proxime caritatem*), в-третьих, для спасения души (*anime sue salutem*). Её общение с высшей силой ничуть тому не мешало, «ибо добрые духи ведут к доброй жизни и честным обычаям» (*Boni spiritus ad bonam vitam honestosque mores inducunt*), как говорил Жан Бошар [20, т. 2, с. 259]. После того, как голос начал ею управлять, отметил в её оправдание доктор канонического права Жан де Монтиньи, она стала чаще бывать в церкви (...*et ideo subdit et ecclesiam frequentandum...*) [20, т. 2, с. 270].

Адекватные ответы были в ходе процесса реабилитации найдены даже для весьма серьёзных улик против Жанны. Посещение «волшебного дерева фей» было списано на деревенский обычай проводить церковные праздники (... *cum istud apud catholicos commune sit et usitatum*) [20, т. 2, с. 448], в то время как уходу из дома нашлись целых два оправдания. Жан Бошар вспомнил библейскую цитату из главы 5 книги Деяний Апостолов, рекомендующую повиноваться Богу более, чем людям (... *plus enim oportet Deo, quam hominibus, obedire*) [20, т. 2, с. 263]. Гийом Буйе, в свою очередь, напомнил о покаянном письме, которое Жанна отправила родителям и получила их прощение, после чего вопрос полагается считать исчерпанным (... *de quo recessu postea scripsit eis et dederunt ei veniam...*) [20, т. 2, с. 338]. Позднее инквизитор Бреаль дословно соединил оба их аргумента в сводном трактате [20, т. 2, с. 456].

И словно продолжая слова Жана Ле-Фюме, священника из Вокулёра, вспомнившего, как подглядывал за Жанной, благочестиво молившейся в городской церкви Святой Марии, и назвавшего её «хорошей и святой девушкой» (*bona et sancta filia*) [20, т. 1, с. 309], Робер Сибуль сформулировал настоящий

идеал, к которому должно стремиться христианское воспитание. Из его трактата можно увидеть, что в детстве Орлеанской Девы он был сформирован в её характере: «То была девочка 13 или 14 лет, в бедном доме родителей своих беднейшая, простая, целомудренная, благочестивая в вере, в простоте воспитанная, ни в чём порочном или злом в своём окружении не замеченная, никак себя в мыслях не превозносящая, но своё положение бедной девочки сознающая, никаких дел похоти, куда её могли втянуть, не касавшаяся, но державшаяся со скромностью, как это стало известно, благодаря процессу... (*Erat enim filia quidem XIII aut XIV annorum, in domo parentum suorum pauperum paupercula ipsa, simplex virgo et devota in fide, simpliciter instructa, nulle infamie aut male suspicionis in suo vicinio notate, non de se presumens, sed se pauperem filiam fore confitens, excusans se ab operibus arduis ad que invitabantur, sentiens de se humiliter, ut patet in processu...*)» [20, т. 2, с. 369].

Обращает на себя внимание концентрация исключительно на внешних характеристиках воспитания. Факт посещения церкви и молитвенный жест оказывается здесь важнее, чем знание молитвенных текстов, не говоря о катехизисе. Таким образом, продемонстрированные в ходе процессов по поводу Орлеанской Девы представления о воспитанном по-христиански ребёнке остаются вполне средневековыми. Перемены начнутся в ходе Реформации и тридентской католической Реформы примерно столетие спустя.

Список литературы

1. Бессуднова М.Б., Устинова А.А. Постановления IV Латеранского собора 1215 года. Липецк, 2012.
2. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.
3. Динцельбахер П. Суд индивидуальный и суд всемирный // *Одиссей. Человек в истории*. 2010–2011. М., 2012.
4. Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010.
5. Минева Т.Г. Палата общин и король в Англии XV в.: историографический аспект // *Англия и Европа: проблемы истории и историографии: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Кузнецов*. Арзамас: АГПИ, 2001.
6. Потехина И.П. Как стать антипапой. Балтазар Косса и его время. СПб.: «Наука», 2020.
7. Тогоева, О.И. Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
8. Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М.: «Наука», 2006.
9. Шмитт Ж.-К. Сны Гвиберта Ножанского // *Одиссей. Человек в истории*. 2010–2011. М., 2012.
10. The Book of Margery Kempe. Transl. by B.A. Windeatt. Penguin books, 1985.
11. Buc P. L'empreinte du Moyen Age: la guerre sainte. Avignon, 2012.
12. Delisle L. Nouveau témoignage relatif à la mission de Jeanne d'Arc // *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*. Т. 46. 1885.
13. Guillaume de Lorris, Jean de Meun. Le roman de la rose. Edition d'après les manuscrits BN 12786 et BN 378. Ed. A.Strubel. Paris, 1992.

14. Hazebrouck V. *Le statut de la prophétie dans l'Eglise du XVe siècle, d'après le procès de réhabilitation de Jeanne d'Arc*. Paris, 1990.
15. Hasenohr G. Religious reading amongst the laity in France in the fifteenth century // *Heresy and literacy, 1000 – 1530*. Ed. by P.Biller, A.Hudson. Cambridge studies in medieval literature, 23. Cambridge, 1996.
16. Lefèvre-Pontalis G. *Les sources allemandes de l'histoire de Jeanne d'Arc*. Paris, 1903.
17. Martin H. Le christianisme au quotidien (vers 1330 – vers 1500) // *XIVe et XVe siècles: crises et genèses*. Paris, 1996.
18. Nodl. M, Šmahel F. *Člověk českého středověku*. Praha: Argo, 2002.
19. Procès de condamnation de Jeanne d'Arc. Ed.P.Tisset et Y. Lanhers. T. 1. Paris, 1960.
20. Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc. Ed. par P. Duparc. T. I–II. Paris, 1977–1979.
21. La Rumeur au Moyen Âge. Du mépris à la manipulation (Ve – XVe siècle). Ed. M. Billoré, M.Soria. Rennes, 2011.
22. Šmahel F. Literacy and heresy in Hussite Bohemia // *Heresy and literacy, 1000–1530*. Ed. by P. Biller, A. Hudson. Cambridge studies in medieval literature, 23. Cambridge, 1996.
23. Valois N. Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc, texte de la réponse d'un clerc parisien à l'Apologie de Jeanne d'Arc par Gerson. Paris, 1907.
24. Vauchez A. La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age. Rome, 1988.
25. Verdon J. Être chrétien au Moyen Âge. Paris, 2018.

К.А. Иванов

Физическое воспитание в Западной Европе в эпоху Высокого Средневековья

Статья посвящена вопросу физического воспитания в XI–XIV веках в Англии, Франции и Священной Римской Империи. Затронута проблема развития школ боевых искусств и аспекты физической подготовки людей разных сословий. На основании источников о фехтовальных школах выдвигается тезис о том, что физическое воспитание не было элитарным.

The article addresses question of physical education in XI–XIV centuries in England, France and Holy Roman Empire. Touched upon problem of development of martial arts and aspects of physical training of different social classes. Based on evidence of fencing schools thesis about physical training not being an elitist is drawn.

Ключевые слова: физическое воспитание, фехтование, игра, танец, боевые искусства, гимнастика, Высокое Средневековье.

Key words: physical education, fencing, game, dance, martial arts, gymnastics, high middle ages.

*«Мы тренируем не тело и не разум,
а человека, и мы не должны делить его на части»
М. Монтень*

Тема физического воспитания в Средние века, несмотря на определенную разработанность проблемы, все еще нуждается в рассмотрении. Принято считать, что вместе с эпохой Античности ушла и эпоха телесности, и христианский мир заботило лишь спасение души, которая противопоставлялась телу. Эта «большая протестантская легенда» [9, р. 5] и подобные ей живы до сих пор.

Большая Советская Энциклопедия предлагает такое определение физического воспитания: «Органическая часть общего воспитания; социально-педагогический процесс, направленный на укрепление здоровья, гармонического развитие форм и функция организма человека» [1]. Мы будем подходить к физическому воспитанию как одной из сторон развития человека, и посмотрим, какое место оно занимало в Средние века.

А.Ф. Лосев описывает античную культуру как культуру чувственного восприятия [4]. Гностики разных эпох не верили в телесное воскресение Христа, и, следовательно, отрицали важность телесности в человеке. Новое время объявляет главенство разума, человек рассматривает себя сторонним наблюдателем, интеллектуальным, бестелесным существом, а наблюдаемый мир осознается исключительно материальным. Средневековое, христианское отношение к телесности отличается не выделением одной из граней и игнорированием остальных, а восприятием человека как целого. Человек мыслил себя в центре мира, рассматриваемого как результат Божественного творения.

Ханс Гумбрехт в работе «Производство присутствия» пишет, что «для средневекового мышления дух и материя считались не раздельными» [2, с. 37], что относилось не только к человеку, но и ко всему окружающему миру. Основа такого отношения заложена в Новом завете.

Например, в Евангелии от Матфея есть слова: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу, и тело погубить в геенне» [Мф. 10:28], где «Тот» – это Бог, оценивающий человека по его поступкам и мыслям. В первом послании к Коринфянам подчеркивает не только важность тела, но и взаимная его связь с Богом: «Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела.» [1 Кор. 6:13]. Дальше по тексту отношение к телесности подчеркивается еще раз: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии.» [1 Кор. 6:19-20]. Прямая связь души и тела приводила к соответствующему отношению к любой человеческой деятельности, в т.ч. физическим упражнениям.

Вторым авторитетом в христианском мире являются труды Святых Отцов Церкви. Ральф Балло в своей статье, посвященной анализу отношения Святых Отцов к физическим упражнениям, заключает: «Христианство стремилось привести свои взаимоотношения со спортом в более позитивную [чем в период Античности – *И.К.*] перспективу с глубоким уважением к Богу, к человеческому достоинству и с чистотой физической активности» [9, р. 37]. Полемика Святых Отцов с античными видами физической активности велась не на уровне тела, а на уровне души, когда было необходимо античное выражение телесности перевести в христианское понимание деятельности человека.

Выражением идеи целостности мировосприятия стал девиз ордена бенедиктинцев «*ora et labora*» – точное описание места физического воспитания в эпоху Средних веков, не слитно и не раздельно пребывающего в любом деле человека, как любое дело является путем к совершенству и Царствию Небесному.

Первой, во всех смыслах, формой физической активности является танец. Библия повествует о двух танцах: Давида перед Ковчегом и Саломеи перед Иродом. Иконография обеих сцен проходит длительный путь развития в искусстве и имеет много визуальных примеров. В рукописи, известной под названием «Библия Мациевского» (Библиотека П. Моргана, Нью-Йорк), есть сцена с танцем Давида, который визуально не кажется сложным. Но танец Саломеи, изображенный на портале западного фасада собора в Руане, показывает женщину, стоящую на руках. Именно так традиционно изображаются жонглеры, в то время как Саломея – царица. Можно предположить, что физическая подготовка, необходимая для выполнения подобных упражнений, была доступна любым классам.

Так, В.П. Даркевич пишет, что до XV в. придворные и народные танцы имели много общего и обладали простой хореографической формой [3, с. 97]. В период Высокого Средневековья танцы, изображаемые в иллюстрациях к рыцарским романам, более всего похожи на хороводы и в одинаковой мере доступны представителям любого класса. Однако, они все равно требовали определенного уровня физического развития, координации и чувства партнера, времени и дистанции. Заметим, что те же качества необходимы для занятий боевыми искусствами, поэтому умение танцевать было обязательным для рыцаря.

Один из первых рыцарских романов, известный «Роман об Александре», в Средние века неоднократно переписывался. Из иллюстраций к нему, кроме многочисленных хороводов, мы узнаем такие упражнения, как стойка на руках и колесо, борьба, метание и поднятие камней, перетягивание палки и каната и др., рассчитанные на развитие силы, ловкости и координации. Они показаны как элементы воспитания молодого аристократа и позволяют сделать физическое развитие гармоничным и разносторонним.

Кроме этого, миниатюры рыцарских романов и религиозных книг показывают игры на открытом воздухе, которые в будущем разовьются в современные прятки, лапту, футбол, волейбол и другие. Даркевич отмечает, что «„Играющий человек“ стремился выявить ... силу и выносливость, быстроту реакции и ловкость» [3, с. 127].

Для рыцарей боевые искусства были профессиональной необходимостью, но подготовить тело к специальным упражнениям они также считали не лишним.

Петр Альфонс (1062–1140), вероятно, был первым, кто определил курс обучения для знати, представив *septem probitates* как рыцарский эквивалент *septem artes liberales*. Эти рыцарские искусства, которые сформировали перечень образования аристократа, описаны в сочинении Иогана Роте *Der Ritterspiegel* («Зеркало рыцарства») в начале XV в. В стихотворной форме излагаются умения, которыми должен обладать рыцарь, и, кроме искусства верховой езды, владения разными видами оружия и борьбой, указаны умение плавать и лазать. Кроме этого, рыцарь должен уметь вести себя за столом и знать придворные манеры [9, р. 44–45]. Обучение рыцаря шло далеко за пределы

непосредственной задачи развития физических умений. Рыцарское искусство предоставляло, прежде всего, возможность для развития соответствующего характера и качеств, которые были необходимы настоящему аристократу.

В норвежском манускрипте середины XIII века *Speculum regale* (*Konungs skuggsjá* – «Зерцало короля») королевским дружинникам предписывается при любой возможности упражняться в верховой езде, с разнообразным оружием верхом и пешком, стрельбе из лука, метании копья, метании из пращи. Использовать для упражнений обе руки и стать совершенно искусным в войне и рыцарских умениях (*riddaraskaps*). При этом дается совет «ненавидеть и избегать человекоубийства, в любом виде, исключая законное наказание или в общей битве» [5]. Подчеркнем здесь внимание к комплексному развитию не только физического уровня, но и моральных и духовных качеств.

Есть примеры и выдающихся успехов. В «Книге деяний благородного господина Жана ле Менгра, известного как Бусико, маршала Франции и правителя Генуи» содержится описание физической закалки, которой подвергали молодых оруженосцев: «Они учились запрыгивать на *coursier* [боевой конь – пер. *И.К.*] при любом аллюре, перед этим они долго бегали и ходили пешком, чтобы научиться сохранять дыхание и быть выносливыми» [8]. Сам же Жан ле Менгр, обладая от природы хрупким телосложением, при помощи постоянных изнурительных тренировок достиг физического совершенства. Он высоко подпрыгивал и лазал в полном доспехе, танцевал в кольчуге, перепрыгивал через боевого коня, вскакивал на лошадь без помощи стремян [8]. Его жизнь в «Книге деяний» запечатлена как «образ идеального рыцаря» [6, с. 125] и дает представление о том, что оценка производилась не только по моральным качествам, но и по уровню физического развития, а также упорства, с которым оно совершенствовалось. История ле Менгра интересна тем, что изначально физически слабый человек упорным трудом смог достичь того уровня, который считался для рыцаря обязательным, и сам стал примером для подражания. Что говорит в пользу самой системы подготовки и подтверждает ее гармоничность и целостность.

В обществе рыцарей знания передавались через пример старших товарищей, но сами знания об искусстве боя и основах физической подготовки не были замкнуты в рыцарской среде. Горожане, желавшие научиться владеть оружием, могли обратиться в специальные школы или нанять учителя. Кроме сохранившихся трактатов учителей фехтования, мы знаем о существовании таких школ по косвенным источникам. Например, в 1220 г. некто Вальтер де Стьютон, приговоренный к судебному поединку, был отпущен под залог для обучения фехтованию (*et discere escirmire*). За 12 лет до того в Винчестере сэр Джордан де Бианни выходил из тюрьмы по меньшей мере дважды в день, чтобы получать схожие наставления [10, р. 7].

В своей работе о средневековых боевых искусствах Сидни Англо приводит такие сведения: в 1189 г. в Лондоне фехтовальные школы были запрещены, а в 1285 г. эти меры возобновлены, что косвенно указывает на популярность таких школ. Для защиты своего дела в судебном поединке

можно было нанять профессионального чемпиона. Самым известным примером является деятельность фехтующего торговца рыбой Филипа Треера, который участвовал по меньшей мере в трех подобных делах с 1446 до 1453 г. [10, р. 8]. Само существование такого института, как судебные поединки, приводило к неизбежной необходимости формирования специальной образовательной сферы, подготавливающей к этому испытанию.

Европейские мастера пользовались большей свободой по сравнению с английскими и могли заниматься своим делом более открыто и регулярно. Братства фехтовальщиков существовали в Германии и Италии с конца XIII в. Общества и школы, посвященные боевым искусствам были естественной частью городской жизни Средневековья и Возрождения.

Одно из самых ранних записанных имен мастеров боевых искусств, которые официально преподают фехтование – «maestro Goffredo schermitore», проходившего свидетелем нотариального акта в Цивидейле от 31 июля 1259 г. В Париже в 1292 г. встречается упоминание имен семерых «escrimeurs», исследователь Жакопо Гелли утверждает, что трое из них были эмигрантами из Италии, не выдержавшими жесткой конкуренции на родине и основавшими школы в Париже [10, р. 12].

Каким образом было организовано преподавание в подобных школах мы можем судить по фехтовальным манускриптам. Самое раннее обнаруженное подобное руководство – немецкого происхождения. Это известный манускрипт I.33 (Музей королевской библиотеки, Англия), он датируется концом XIII или началом XIV в. В нем описывается техника фехтования мечом и кулачным щитом-баклером. Хотя мы и не находим моральных или духовных советов непосредственно в тексте, как это было у более поздних авторов, но в конце трактата открывается, что «учеником» и помощником фехтующего монаха-учителя была святая Вальпургия. Такого рода «благословение» святой подчеркивает отношение к боевому искусству, как не только необходимому, но и достойному занятию.

Следующий по хронологии текст – дидактическая поэма Иоганна Лихтенауэра (XIII–XIV в.) по применению длинного меча. Она не только включает краткие комментарии по другим видам боя, но также известна как первый трактат, в котором собраны разные темы, фехтовальные системы, игры с баклером и мечом и заметки о борьбе. Поэма начинается словами: «Юный рыцарь, учись любить Бога и почитать женщину, так будет возрастать твое достоинство. Практикуй рыцарство и изучай Искусство [фехтования – *И.К.*], которое придает тебе достоинство и приносит честь в бою» [7].

Развитие школ боевых искусств в Европе показывает очевидную и прочную связь физического и духовного воспитания по примеру рыцарской традиции, но и доступность такого образования для разных классов. В городской среде запросы к боевому искусству были иными, нежели в случае обучения рыцаря, но общие принципы едины. При наличии свидетельств существования фехтовальных школ уже в XII в. можно говорить о богатой культуре физического воспитания. По изобразительным и письменным источникам можно

проследить одинаковый характер физических упражнений для подготовки жонглеров, профессиональных военных, городских жителей.

Суммируя, на основе краткого обзора перечисленных источников, можно заключить что физическое воспитание в Западной Европе в период Высокого Средневековья было развитым и разнообразным. Применялись как естественные методы обучения, где ученик следует примеру более опытных товарищей, так и системы наставничества и специализированных школ. Физическое воспитание не было элитарным и всегда было связано с воспитанием человека в целом. Изучение боевых искусств было доступно любому желающему, а не только представителям военного сословия.

Список литературы

1. Большая Советская Энциклопедия. Электронный источник. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2053523.html> (режим доступа: 20.11.2020).
2. Средневековые норвежские состязания и игры, а также военные наставления. Любительский перевод. Электронный источник. URL: https://13c.ru/texts/Norse_military_manual.pdf (режим доступа: 14.12.2020).
3. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение / пер. с англ. С. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
4. Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М.: Наука, 1988. 344 с.
5. Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре. Электронный источник. URL: http://psylib.org.ua/books/_losew02.htm (режим доступа: 01.12.2020).
6. Хейзинга Й. Осень Средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указатели Д.Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 768 с., ил.
7. «Livre des faits du bon messire Jean Le Maingre, dit Boucicaut. Любительский перевод. Электронный источник. URL: <http://www.tforum.info/forum/index.php?showtopic=32551> (режим доступа: 14.12.2020).
8. Sport & Physical Education in the Middle Ages. Ed. Earle F. Zeigler. Trafford, 2006. 253 p.
9. Sydney Anglo. The Martial Arts of Renaissance Europe. Yale University Press. New Haven, London, 2000. 384 p.
10. Электронный источник. URL: https://www.wiktenauer.com/wiki/Johannes_Liechtenauer (режим доступа: 10.12.2020).

Периоды исторического развития розыскной деятельности в России

В статье исследуется процесс развития розыскной деятельности в России в историческом аспекте становления органов правопорядка. Предложена периодизация генезиса розыскной деятельности, позволяющая проследить этот процесс от зарождения (сыска) до становления розыскной работы, как части оперативно-розыскной науки сегодняшнего времени. Предлагается обсудить изменяющиеся во времени возможности перемещений и осуществления коммуникаций разыскиваемого лица в целях уклонения от ответственности за совершенное противоправное деяние.

The article examines the development of the search activity in Russia in the historical aspect of the formation of law enforcement agencies. The periodization of the genesis of the search activity is proposed, which allows tracing this process from the inception (investigation) to the formation of the search work, as a part of the operational-search science of today. It is proposed to discuss the time-varying possibilities of movement and the implementation of communications of the wanted person in order to evade responsibility for the committed unlawful act.

Ключевые слова: исторический аспект, периодизация, сыск, розыскная работа, оперативно-розыскная деятельность.

Key words: historical aspect, periodization, investigation, search work, operational search activity.

Историко-правовой анализ развития розыскной деятельности в России свидетельствует о наличии определенных периодов и этапов, каждый из которых имеет свои особенности. Исследователи используют различные подходы к периодизации генезиса общественных отношений. Чаще те, в которых определяющим фактором являются события, происходящие в рамках исследуемого периода. А.В. Шахматов [17], М.П. Смирнов [12] предлагают использовать формационный и цивилизационный подходы. А.Ю. Шумилов рассматривает целый ряд этапов, выделяя в качестве основных три периода. Причем каждый из них разделяется ещё на несколько значимых этапов [18].

Автор предлагает выделять четыре временных периода: ранний – период ремесленного розыска (с IX века до царствования Петра I); период губернского (имперского) сыска (со времени правления Петра I до 1917 г.); период всероссийского и всесоюзного розыска (с 1918–1991 гг.) и современный период (с 1991 по настоящее время).

В первых государственных образованиях ещё не существовало специализированных розыскных служб: разбойников, беглых и преступников искали посланники князей или царских приказов; права феодалов охраняли княжеские дружины, которые в случае необходимости выполняли полицейские функции [7]. А действующий в обществе «судебный процесс» носил чисто обвинительный характер [5, с. 56]. В те времена лицу, скрывавшемуся от наказания, достаточно сложно было оставаться необнаруженным. Чтобы уйти от

ответственности, он мог бежать только в соседний населенный пункт или близлежащий район. Несколько позднее в России XVI в. процесс розыска перешел государственной власти, которая самостоятельно проводила сыск и поимку «разбойников». Появились новые формы розыска: деятельность сыскных приказов и сыщиков в уездах, составление регистрационных книг для учета крестьян, участие в розыске беглых, слежка за «пришлыми иногородними» и т.д. [8]. Следует отметить, что в этот временной период, как методы розыска преступников, так и возможности последних скрыться, были несовершенны, поскольку были ограничены естественными и правовыми условиями. Для передвижения на дальние расстояния были необходимы специальные средства и документы. В целях предотвращения роста преступности и бегства крестьян был принят судебник 1550 года, что ограничивало выдачу «отпускных грамот», а «проезжие грамоты» (прототип паспорта) выдавались купцам, занятым торговлей [3].

В этот период методы розыска были крайне примитивны: личность устанавливалась по приметам или со слов очевидцев (знавших разыскиваемого лично), а способом практического следоведения, являлось «гонение следа». Люди, обладавшие специальными знаниями – умевшие «читать следы» (охотники, следопыты) были особо востребованы при производстве розысков.

Второй период (со времени правления Петра I до 1917 г.). *Период губернского (имперского) сыска.* В данный период, указом 1713 г. вводился запрет перемещения без пропускных писем, т.е. «проезжего письма» по империи и «прохожего письма» между соседними городами [9]. Появились новые документы, удостоверяющие личность (паспорта для разных категорий граждан), а усиление контроля над передвижением населения, приводило к созданию паспортной системы. Паспортная система ограничивала как территорию, так и сроки передвижения различных классов населения внутри страны [6]. Были созданы специальные полицейские органы в России, основной сферой деятельности которых являлся розыск преступников. Указом от 6 ноября 1682 г. существовавший ранее Разбойный приказ был переименован в Сыскной, в деятельность которого входило: выявление (открытие) преступлений, розыск преступников и изучение обстоятельств совершенных преступлений. Указом Сената от 1711 г. «О беспрепятственном розыске, преследовании сыщиками воров, разбойников и их сообщников», губернаторам предписывалось оказывать поддержку сыщикам, направляемым на розыски, «дабы во всех местах такими свободными сысками и розысками всемерно воровство искоренять» [11]. Сведения о разыскиваемых получали гласно, непосредственно из опроса свидетелей или использовались негласные методы выведывания [15], практиковалось получение информации под пыткой.

Особо важным, с точки зрения нашего исследования, явилось учреждение в России 8 сентября 1802 г. Министерства внутренних дел, созданного для борьбы с преступностью и сохранения правопорядка в стране.

В начале XX в. уголовный сыск получил регламентацию как отдельный вид правоохранительной деятельности. Это связано с принятием Закона от 6 июля 1908 г. «Об организации сыскной части». Законом были определены не только субъекты, осуществляющие розыскную деятельность, но и правила

проведения сыска. Так, начиная с 60-х гг. XIX в. жандармским полицейским управлениям железных дорог, предписывались розыскные функции на железнодорожном транспорте [2, с. 5]. Отметим, что направления розыскной деятельности в тот временной период расширились, и у преступников появились новые возможности скрыться от правосудия на широких просторах Сибири и Крымского полуострова. Этому способствовало передвижение по железным дорогам, которые начинают интенсивно строиться в России во второй половине XIX в. Но становление паспортной системы значительно ограничило свободное перемещение всех категорий граждан по территории страны, облегчив работу государственных полицейских органов, осуществляющих розыск преступников и политический сыск. Характер проводимых розыскных мероприятий, как правило, основывался на работе с доносчиками и агентурным аппаратом.

Третий период (с 1918–1991 гг.) – *период всероссийского и всесоюзного розыска* связан с историей зарождения и становления нового государства, насыщенной грандиозными общественно-политическими событиями, сменой формаций, структур и задач, а также с преобразованием и развитием паспортной системы.

Декрет ВЦИК РСФСР от 24 января 1922 г. установил права граждан на беспрепятственное передвижение по всей территории РСФСР до пределов пограничных пунктов. Но для въезда в приграничные местности необходимо было разрешение НКВД [13]. 7 декабря 1917 г. Советом народных комиссаров (СНК) была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), на которую возлагалась оперативно-розыскная деятельность. Розыскные функции возлагались на подразделения уголовного розыска Главного управления милиции. Советская власть с самого начала использовала негласные методы сыска работы, одобренные правительством. При этом правовой аспект нивелировался, а в розыскной досудебной подготовке розыскные и следственные функции не были строго обозначены. С принятием первого УПК РСФСР (25 мая 1922 г.) и согласно статье 97 УПК РСФСР органами дознания стали милиция и уголовный розыск [14].

В военные годы (1941–1945 гг.) структура правоохранительных органов формально сохранилась, но при усилении Особого совещания (ОСО), правовые функции которого, не были точно прописаны. Позднее, уже в 1970-е гг. Постановлением Совета Министров СССР от 16 июня 1972 г. № 452 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел СССР» было закреплено право МВД на работу по розыску обвиняемых, скрывшихся от следствия и суда, осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора, лиц, пропавших без вести. Для периода советского государства – до 1990 г. характерны закрытость границ, жесткий институт «прописки», а также строгий контроль выезжающих за пределы СССР. Розыск осуществлялся, как правило, в пределах страны посредством объявления местного и Всесоюзного розыска в строгом подчинении одному центральному органу – МВД СССР. Возможность разыскиваемого лица скрыться в странах за пределами СССР представлялась маловероятной.

Четвёртый период (с 1991 по настоящее время). *Современный период*. Характеризуется вступлением России в Интерпол, принятым решением

Совета Министров СССР от 7 апреля 1990 г. «О вступлении СССР в Международную организацию уголовной полиции – Интерпол», а также принятием Декларации прав и свобод человека. В 21-й статье Декларации провозглашалось право каждого на свободное перемещение внутри страны.

Рассматриваемый период оперативно-розыскной деятельности в России открывает новые широкие возможности для качественного изменения её правового регулирования. С 1993 по 1999 гг. резко, в десятки раз, возросло количество материалов на объявление международного розыска лиц, скрывшихся от уголовного преследования за рубежом [10, с. 28]. А Закон РФ № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 13.04.1992 г. стал первым в современной российской истории нормативным документом высшей юридической силы. Закон конкретизировал цели и задачи оперативно-розыскной работы, её правовую основу, определил ряд гарантий соблюдения прав и свобод личности. В последнее десятилетие в России на законодательном уровне было увеличено количество объектов дактилоскопирования, введена геномная регистрация [15], на ведомственном уровне изменена система оценки розыскной деятельности, совершенствуется организация и тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий [1], в практику введено новое оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации». В этот исторический период, когда розыскная работа правоохранительных органов выходит на новый научный уровень, необходимо использовать современные технические средства розыска, учитывая при этом методы, тактику и опыт уголовного сыска дореволюционной России [4].

Подводя итог данному исследованию, следует отметить важность преемственности в развитии российской розыскной службы. Структура и направления деятельности милиции, в настоящее время полиции, в составе МВД на протяжении всех исторических периодов совершенствовались: менялись, уточнялись и корректировались. Но, как неоднократно отмечал в своих обращениях к сотрудникам уголовного розыска президент РФ В.В. Путин, первоочередной заботой государства всегда оставались задачи защиты прав граждан, обеспечения порядка и соблюдения законности при противодействии преступности.

Список литературы

1. Буряков Е.В. Информационные технологии в розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 3 (70). С. 29–31.
2. Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2000.
3. Давыдов М.И. Погонная память 1596 года из архива Суздальского Покровского монастыря // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Саратов, 2015. Т. 14. № 4. С. 7–11.
4. Елинский В.И. Методология теории и её значение для совершенствования теоретических и прикладных основ оперативно-розыскной деятельности: науч. доклад. М.: ВНИИ МВД России, 2005. 20 с.
5. История отечественного государства и права. Ч. 1 / В.В. Абашмадзе, Л.В. Дюков, Ю.А. Егоров и др. Под ред. О.И. Чистякова. М.: Издательство Московского университета, 1992.

6. Лучинин А.В. Паспортная система дореволюционной России (исторический обзор) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург. 2009. № 3(8). С. 78–81.
7. Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России: пособие / Высш. школа МООП РСФСР. М.: Б. и., 1964. 28 с.
8. Потемкина М.Н., Кузнецова И.В. Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. 2014. № 4(46). С. 167–174.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I. Т. V. № 18663. С. 24.
10. Путова И.В. Международный розыск преступников (правовые, организационные, оперативно-тактические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2001.
11. Сабитов А.П. Страницы летописи уголовного розыска России и Дона: историко-художественно-публицистический сборник: 90 лет Российскому уголовному розыску. Ростов н/Д.: изд. ООО «Омега-Принт», 2008. 448 с.
12. Смирнов М.П., Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVII в. – февраль 1917 г.): моногр. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2010. 184 с.
13. Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 11. Ст. 106.
14. Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.
15. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Федеральный закон РФ от 3 декабря 2008 года № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации».
16. Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб.: Изд. «Юридический центр Пресс», 2005. 335 с.
17. Шахматов А.В. Правовое регулирование содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 1999. С. 5.
18. Шумилов А.Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России: монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 1997. 231 с.

А.А. Зверева

Крестьянская реформа 1861 г. как «вызов» для дворянской повседневности (по материалам Самарской губернии)

В данной статье рассматривается повседневность дворянского сословия накануне одной из важнейших реформ – крестьянской. Автором статьи показана реакция «благородного сословия» Самарской губернии на подготовку и проведение крестьянской реформы 1861 г.

This article examines the everyday life of the nobility on the eve of one of the most important reforms – the peasant. The author of the article shows the reaction and position of the "noble estate" of the Samara province to the preparation and implementation of the peasant reform of 1861.

Ключевые слова: Дворянство, Самарская губерния, крестьянская реформа, повседневность, крестьянство.

Key words: Nobility, Samara province, peasant reform, everyday life, peasantry.

Подготовка и проведение «Великих реформ» эпохи Александра II, и в частности, реформы по отмене крепостного права достаточно подробно освещена как в отечественной, так и зарубежной исторической литературе [2; 8; 9]. Между тем, такие проблемы как стратегия и тактика реформирования деревни на региональном уровне, влияние реформы на трансформацию повседневной жизни дворянства и крестьянства, ее воздействие на межсословные взаимоотношения нуждаются в дальнейшем изучении. Анализ реформаторского дискурса в период подготовки проектов крестьянской реформы позволит оценить особенности восприятия модернизационных перемен и степень готовности к ним. С этой целью необходимо новое прочтение исторических источников с позиций теоретических подходов истории повседневности и использования междисциплинарных исторических методов.

Изменения, связанные с реформой, затрагивали интересы основной массы населения Российской Империи, и поэтому известие о грядущих переменах вызвало чрезвычайно бурную реакцию во всех слоях общества. Отправной точкой обсуждения проекта крестьянской реформы явился рескрипт 20 ноября 1857 г. на имя Виленского генерал-губернатора В.И. Назимова. На его основе, как в Самарской губернии, так и во многих других были созданы дворянские губернские комитеты.

«Роковая весть о свободе крестьян» достаточно быстро стала предметом бурных дискуссий в дворянской среде. Этому способствовала деятельность губернских предводителей дворянства и губернаторов, которые как отмечает О.Е. Шевнина в ряде случаев сознательно стремились поскорее ознакомить помещиков с присланными документами [11, с. 82]. Не обращая внимания на пометку «секретно», губернаторы передавали их без всякого опасения в губернскую канцелярию, откуда сведения распространялись по городу, а затем и по всей территории губернии.

Властные круги и коронная администрация, опасаясь крестьянских волнений, связанных с началом подготовки освобождения крепостных, стремились принять превентивные меры и обезопасить российское общество. В декабре 1857 г. министр внутренних дел С. Ланской направил циркуляр Самарскому губернскому предводителю дворянства, в котором говорилось о том, что: «... Некоторые местные начальства доводят до моего сведения о разных неблагоприятных толкованиях разсеяваемых между народом, относительно изменения существующего порядка во владении помещичьими имениями... Обратив на это обстоятельство внимание Начальников губерний вместе с тем я поручил им бдительно следить за распространителями ложных известий, которые могут нарушить общественное спокойствие и в нужных случаях принимать самые решительные меры для пресечения зла в началах. Сверх того, я вменил в постоянную обязанность не допускать крестьян выходить из должного повиновения помещикам...» [10, л. 1–2].

Сохранение общественного порядка было связано не только с «распространителями ложных известий», но и с деятельностью самих помещиков.

Так, в 1855–1861 гг. губернатор Самарской губернии К.К. Грот, сторонник отмены крепостного права, создал штат грамотных чиновников и не оставлял без внимания жалобы крестьян на жестокое обращение с ними помещиков. Он подчеркивал, что крестьяне в данный период «должны быть очень чувствительны и совершенно частный случай злоупотребления помещичьей властью, взволновав одно имение, может передать волнение дальше и потребовать особых мер строгости для прекращения беспорядков» [11, с. 83].

Опасаясь крестьянских волнений, некоторые помещики даже писали своим знакомым и родным, «живущим в имениях своих, чтобы они выезжали из оных в города, во избежание какого-либо несчастья по случаю предстоящего смутного времени» [11, с. 84].

25 сентября 1858 г. в Самаре состоялось открытие губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, в который вошли 16 чел. Председателем комитета стал самарский губернский предводитель дворянства А.Н. Чемодуров. В состав комитета также были включены два члена от правительства: Ю.Ф. Самарин и Н.Л. Муханов [5, с. 68]. Внутри комитета фактически сразу же произошло размежевание на две группы депутатов, кардинально отличавшиеся друг от друга взглядами на грядущую реформу. Либерально настроенную, небольшую часть депутатов возглавил Ю.Ф. Самарин. Вокруг него образовался кружок либералов под названием «Спасово согласие». Основу его составляла та часть среднепоместных дворян, которая связывала свое будущее с перестройкой хозяйства на новые экономические «рельсы». Большинство из них уже достаточно широко применяли вольнонаемный труд. В этот кружок входили братья Лазаревы и ставропольский предводитель Л.Б. Тургенев. Идеолог либеральной группы выступал за постепенное внедрение крестьянской реформы и приветствовал длительное переходное состояние крестьянского населения. Ю.Ф. Самарин считал необходимым выполнить два условия для более успешного перехода к новой общественной организации российского общества. Во-первых, крестьяне в обязательном порядке должны были быть наделены пахотной землей, а во-вторых, правительство обязано было сохранить общинную организацию. Даже столь умеренная позиция Ю.Ф. Самарина вызвала непонимание и резкий протест со стороны «большинства» губернского комитета. Разделили точку зрения Ю.Ф. Самарина двое депутатов – от Бугульминского уезда Д.Н. Рычков и от Бузулукского уезда А.А. Шишков.

В самарском губернском комитете большую роль играли братья И.Д. и А.Д. Лазаревы, которые время от времени поддерживали позицию Ю.Ф. Самарина. Имения братьев в Самарской губернии находились на грани обнищания. И.Д. Лазарев писал даже, что «крестьяне не только нерадивы, грубы и непослушны, но и просто бунтуют... Поправить это дело теперь, по моему мнению, можно только военным построением» [10, л. 11–19]. Братья Лазаревы рассматривали крестьянскую реформу, как средство для улучшения собственного материального положения, в основном за счет выплаты крестьянами высоких выкупных платежей.

Те, кто с трудом мирился с грядущей крестьянской реформой, составляли консервативную партию, которую возглавил Бугурусланский предводитель дворянства, отставной штаб-ротмистр И.П. Рычков. Он расценивал предстоящую реформу крайне негативно. Именно против него направил острие критики Ю.Ф. Самарин. Одним из видных представителей крыла консерваторов являлся Борис Петрович Обухов, инициатор строительства и председатель Самаро-Оренбургской железной дороги. Представители высшего сословия, которые обладали крупнейшими поместьями на территории губернии, например, граф В.П. Орлов-Давыдов, считали, что данные изменения напрямую ведут к подрыву не только материального благосостояния дворянства, но и его политического значения. Часть среднепоместных дворян, которые вели свое хозяйство на основе использования барщинного труда, особенно в условиях многоземелья Самарской губернии, опасалось освобождения крестьян и также придерживалось консервативных позиций [7, с. 63]. Крайне консервативных взглядов придерживалась и основная часть мелкопоместных дворян, так как наделение крестьян землей при одновременном освобождении их от крепостной зависимости ставило их на грань окончательного разорения. Однако в Самарском губернском комитете представительство этой многочисленной группы не соответствовало удельному весу в общей массе поместных дворян.

Председатель комитета А.Н. Чемодуров, обладатель имения с 1 366 крепостными мужского пола, занимал центристскую позицию и колебался между двумя группами, но больше примыкал к К. Гроту – стороннику крестьянской реформы. В губернском комитете сложилась сложная и противоречивая ситуация, о чем свидетельствует письмо Ю.Ф. Самарина к А.И. Кошелеву: «Мы держимся только примерным хладнокровием, ангельским долготерпением и безукоризненностью обращения» [6, с. 431].

Либерально настроенные представители высшего сословия выступали за немедленную и полную отмену личного права, в отличие от консерваторов, которые были против любых предоставляемых свобод крестьянскому населению. Так, большинство из последних, проголосовало против разрешения крестьянам поступать на военную службу по собственному желанию. С.П. Шелашников, первый губернский предводитель самарского дворянства, был против полной отмены помещичьего права отдавать срочнообязанных крестьян на работу и во временное владение. Он же, обосновывая право помещика переводить дворовых в крестьяне, в «особом мнении» отмечал, что дворовые в имениях Самарской губернии назначались только по необходимости, вопреки желанию помещика (несостоятельные крестьяне, вдовы, старики, несовершеннолетние дети), а потому «сословие дворовых...не что иное, как род богадельни» [1, с. 179]. В этом вопросе его поддержал И.П. Рычков.

Ю.Ф. Самарин обосновывал необходимость отмены права перевода из дворовых в крестьяне именно большими возможностями для злоупотребления властью в этом вопросе, а также неспособностью дворовых, привыкших к совершенно другим условиям жизни, исполнять крестьянские работы. По мнению Н.М. Селиверстовой, в этом вопросе либеральное крыло не только

защищали право помещика на землю, но и сокращали по возможности число претендентов на нее [7, с. 66].

В результате споров, так и не было сформулировано единого общепринятого определения срочнообязанного состояния крестьянина, но все члены комитета сошлись во мнении, что в этом состоянии крестьянин остается прикрепленным к земле.

Ожесточенные споры в комитете вызвал и вопрос об усадебной оседлости крестьян. В основном помещики не понимали важности вопроса и пытались увеличить цену за усадьбу до небывалых размеров. Однако умеренные либералы сознавали, что крестьянин вряд ли пойдет на выкуп усадьбы, если ему не предоставить одновременно возможность выкупить хотя бы незначительный надел пахотной земли. В результате выкупа крестьянином земли, помещик получал дополнительные средства и свободные руки для организации собственного хозяйства на оставшихся земельных площадях. Но в правительственной «Программе для занятий губернских комитетов» предусматривался только выкуп усадьбы. Опираясь на «Программу...» консерваторы всячески сопротивлялись наделению крестьян землей. Столкнувшись с данной ситуацией, Самарин отмечал: «Хотя я в душе своей питаю глубочайшее отвращение к переворотам и насилиям всякого рода..., но иногда приходит на ум, что сильная всеобщая встряска для нас необходима, хотя бы для того, чтобы покончить с дворянской ленью, пробудить нас от хронической спячки и очистить нравственную атмосферу» [4, с. 25].

В итоге, под влиянием изменившейся позиции правительства, большинство членов комитета, согласилось с наделением крестьян участком пахотной земли, а также предоставило право выкупать усадебную землю отдельно от пахотной, однако, считало эти действия разорительными для собственных хозяйств.

Следующим дискуссионным вопросом стала проблема дальнейшего существования крестьянской общины. Самарин и его сторонники выступали за сохранение общины и видели в круговой поруке залог исправного платежа повинностей. Противостоял данной позиции «крепостник» Б.П. Обухов. Он считал, что индивидуальная крестьянская собственность должна предохранить, в первую очередь, дворянское общество от опасного развития «корпоративного духа».

В Самарской губернии был проведен сбор статистических данных по помещичьим имениям. Ответственность за данное мероприятие возлагалась на губернских и уездных предводителей дворянства. Данные собирались с помощью вопросного листа, который направлялся всем владельцам населенных имений в губернии [5, с. 68]. Анализ полученных данных должен был дать членам комитета объективную картину помещичьих владений и форм крестьянских повинностей Самарской губернии.

Самарин лично занялся проверкой описаний около 800 помещичьих имений по уездам. Им было выявлено что, со слов помещиков надел у крестьян был уменьшен в среднем на 2–4 десятины. Делалось это с целью получить

наибольшие выгоды от освобождения зависимого населения. После данной сверки еще больший шквал недовольств и презрения обрушился на Ю.Ф. Самарина [2, с. 150].

В результате работы самарского губернского комитета по крестьянскому делу было выработано два проекта реформы: крепостнического «большинства» и либерального «меньшинства». Они мало чем различались друг от друга, несмотря на ожесточенную полемику.

Спектр практических предложений по проведению крестьянской реформы, представленный в индивидуальных проектах и журналах заседаний губернских комитетов, позволяет выявить специфику каждой конкретной губернии. Особенностью Самарской губернии являлось соседство с обширными территориями казенных и башкирских земель, вызывавшее стремление помещиком прикрепить крестьян к земле с недостаточным земельным наделом, а так же отказ от немедленного выкупа. Большинство дворян губернии не подхватили инициативу правительства и не проявляли достаточной инициативы в деле освобождения крестьян. Это явление может быть вызвано не столько отсталостью и закрытостью от прогрессивных преобразований, сколько защитой исключительно своих локальных интересов.

Следует отметить что, в Самарской губернии к началу крестьянской реформы сложились весомые различия в социально-экономической сфере южной и северной части губернии, которые, в свою очередь проявили себе и в пореформенный период. Дворянство в основном заняло выжидательные позиции в деле освобождения крестьян. С одной стороны, высшее сословие не могло открыто выступить против официально намеченного курса, так как это могло привести к конфликту с правительством. С другой стороны, не было гарантий, что сама власть не внесет коррективу в данную реформу, превратив тем самым, благонамеренные инициативы высшего сословия в оппозиционные. «Вызов», брошенный в сторону дворянского сословия Самарской губернии был воспринят, как «воля Его Императорского Величества», согласно которой краеугольным камнем становится вопрос о грядущей глобальной трансформации повседневности высшего сословия.

Список литературы

1. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. 289 с.
2. Кириллов С. О судьбах образованного сословия в России (Исторический очерк) // Новый мир. 1995. № 8. С. 150–157.
3. Коновалов В.С. Проблемы крепостного права в отечественной и зарубежной историографии // Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права). М., 2011. С. 280–344.
4. Левашов В. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1940. 72 с.
5. Посталюк Ю.С. Позиция дворянства Самарской губернии в период подготовки реформы помещичьей деревни // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. С. 63–65.
6. Самарин Ю.Ф. Крестьянское дело с июня 1859 по апрель 1861 гг. // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 4. М., 1911. 620 с.

7. Селиверстова Н.М. Самарское дворянство накануне реформы 1861 года // Самарский краевед. 1994. С. 58–63.
8. Толокнеева О.В. Отражение крестьянской реформы 1861 г. в современной историографии // Молодой ученый: вызовы и перспективы. М., 2016. С. 119–124.
9. Христофоров И.А. Аристократическая оппозиция Великим реформам (конец 1850-х – середина 1870-х гг.). М.: Русское слово, 2002. 432 с.
10. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 430. Оп. 1. Д. 644.
11. Шевнина О.Е. Облик провинциального дворянства в конце 1850-х – 1870-е гг. (На материалах губерний Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пенза, 2003. 346 с.

Я.А. Гуркин, А.Б. Гуркин

Криминальный мир России конца XIX – начала XX в. Вызов государству и обществу

В статье рассматриваются изменения, происходившие в криминальном мире России на рубеже XIX–XX вв. В этот период происходит стремительный рост преступности, выделяются профессиональные категории преступников, зарождается профессиональная преступность, специфические нормы поведения, система ценностей, воровской жаргон. Криминальный мир из периферийного явления превращается в серьезный вызов государству и обществу.

The article examines the Changes that took place in the criminal world of Russia at the turn of the XIX–XX centuries. During this period, there is a rapid increase in crime, professional categories of criminals are distinguished, professional crime is born, specific norms of behavior, system of values, thieves' jargon. The criminal world is turning from a peripheral phenomenon into a serious challenge to the state and society.

Ключевые слова: преступный мир, профессиональная преступность, криминальная субкультура, правоохранительные органы, сыскная полиция.

Key words: underworld, professional Crime, criminal subculture, law enforcement agencies, detective police.

Криминогенная ситуация в России до середины XIX века развивалась сравнительно спокойно. Власти без особого напряжения контролировали положение. Согласно статистическим данным в Российской империи в 50-е гг. XIX в. на 100 тыс. человек совершалось в среднем 526 преступлений, что было в 7,6 р. ниже, чем в Англии, и в четыре раза ниже, чем во Франции. Так, в Москве, население которой составляло в середине века примерно 370 тыс. чел., регистрировалось в год 5–6 убийств, 2–3 грабежа и разбоя, около 400 случаев мошенничества и 700 краж, примерно две трети которых раскрывалось [2, с. 50–97]. Власти, включая императора, были вполне удовлетворены положением дел в области охраны правопорядка. Знакомясь с некоторыми докладами министра внутренних дел, содержащими сведения о совершенных и раскрытых преступлениях, Николай I делал пометки: «Читал с удовольствием» [6, с. 39].

Однако в последующие десятилетия ситуация стремительно меняется к худшему. Рост уголовной преступности приобретает лавинообразный характер. Данный процесс был вызван целым рядом обстоятельств.

В 60-е гг. XIX в. Россия вступила на путь грандиозных преобразований социально-экономического уклада жизни. Отмена крепостного права стала мощным ускорителем модернизационных процессов в стране. Благотворное влияние отмены крепостного права для развития страны очевидно, но вместе с тем, данное событие породило и ряд негативных процессов. Становление буржуазных отношений, слом старых социальных конструкций, обнищание массы людей, безработица и усиливающаяся эксплуатация – все это неизбежно вело к ухудшению криминогенной обстановки в стране. Переход от традиционного общества к обществу буржуазному неизбежно вел к слому старых ценностных ориентиров, в то время как новые еще не успевали сложиться. Вчерашние крестьяне, превратившиеся в городских рабочих, оказавшись вне контроля сельской общины, с трудом воспринимали новые стандарты поведения. Конфликт разных систем ценностей способствовал росту антиобщественного поведения. Городские рабочие «были в 19 раз более криминогенны, чем крестьяне землепашцы, жившие в общине» [5, т. 2, с. 95]. В то же время, следует отметить, что, хотя выходцы из деревни лидировали по числу совершенных преступлений, в пересчете на душу населения картина была иной. Купцы, мещане, и даже дворяне совершали преступлений больше. И.Д. Путилин, первый начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции, писал о представителях преступного мира: «Сословие» это состоит из подонков почти всех классов общества, из мужчин и женщин. Есть среди них дворяне, чиновники, служащие и отставные солдаты, но большей частью это мещане, бывшие дворовые люди, отпущенники и крестьяне. Есть и ремесленники, иностранцы и прочие» [7, с. 232].

Криминогенная обстановка в городах стала ухудшаться. Особенно драматично этот процесс развивался в Петербурге. После реформ 1860-х гг. столица начала резко расширяться, увеличивалось население. Жизненные условия в столице стали ухудшаться, в том числе, и благодаря росту маргинальных слоев населения. Среди пришлого населения было много таких, которые считали, что в занятиях грабежами и кражами для личного обогащения нет ничего зазорного. Совершение тяжких и особо тяжких преступлений с конца 50-х гг. XIX в. за каких-то 10 лет выросло более чем в 3 р. К 1874 г. по числу преступлений на душу населения Петербург превзошел средние показатели по стране в 3,9 р. [5, т. 2, с. 95]. Подобным образом ситуация развивалась в Москве и других крупных городах империи.

В крупных городах появляются целые анклавов, населенные ворами, бандитами, проститутками, скупщиками краденого, бродягами, нищими, беспризорниками. В Петербурге самым криминальным местом были окрестности Сенной площади. В такие места, как «Вяземская лавра», «Малинник», дом Дерберти даже полиция отправлялась в рейд словно на вражескую территорию.

«Вяземская лавра» занимала целый квартал, в котором располагались ночлежки, кабаки, притоны и обитало до 20 тыс. чел. Это была зона, где жили исключительно по воровским законам и понятиям. Что-либо поделаться с этим властью города не могли на протяжении нескольких десятилетий. Похожие значные места возникали и в других местах Петербурга. За Юсуповским садом по Садовой улице в Малковом переулке располагалась «Пироговская лавра», уступавшая «Вяземской» только размерами, но не нравами. Зловещую славу имели некоторые места в районе Лиговского проспекта и т.д.

Одним из криминальных центров Москвы с середины XIX в. становится так называемая Хитровка. Возникла Хитровка как торговая площадь. Впоследствии здесь открыли биржу труда, а затем как грибы выросли ночлежки, многочисленные питейные заведения. Названия этих трактиров, принятые у местных обитателей, говорили сами за себя – «Пересыльный», «Сибирь», «Каторга», «Утюг». В.А. Гиляровский отмечал, что Хитровка стала главным прибежищем для московских воров, живший по своим законам и «никакая власть не смела сунуться в эти мрачные бездны» [3, с. 17]. Криминальные анклавов возникают в Ростове, Одессе, Киеве.

Наряду с количественным ростом преступности меняется и ее характер. Злоумышленники все в большей степени специализируются на отдельных видах преступлений, стремясь довести свое «искусство» до совершенства. В 60-х гг. XIX в. И.Д. Путилин разделил представителей различных воровских профессий на несколько «разрядов». В начале XX в. их уже насчитывали около трех десятков [4, с. 20–21].

Количественный рост преступлений сопровождался и качественными изменениями. Большинство исследователей считают, что именно в этот период складывается профессиональная преступность, как заметное общественное явление [4; 8].

В уголовной среде, как в местах лишения свободы, так и на воле складывается иерархия, выделяются профессиональные категории преступников, возникают специфические нормы поведения, складывается определенная система ценностей, обычаев, традиций, воровской фольклора.

Характерной особенностью криминального вызова конца XIX – начала XX в. стало то, что преступный мир начинает играть все большую роль в жизни «нормального» общества. Если раньше криминальная субкультура носила периферийный, «катакомбный» характер и ей интересовались в силу своих профессиональных обязанностей лишь полицейские и юристы, то теперь все изменилось. Мир воров, убийц, проституток, бродяг вдруг стал интересен буквально всем. Подавляющее большинство газет, выходящих в России, обзавелись специальными разделами посвященными криминальной хронике. Некоторые газеты, по-видимому считали хронику недостаточно красочной и на потребу читателей помещали из номера в номер незамысловатые романы-страшилки. Так, в «Петербургском листке» печатались такие «творения» как «Подпольный Петербург» «Макарка-душегуб», «Яшка-цыган» и др.

Не осталась в стороне и творческая интеллигенция. Многие писатели, журналисты, собиратели фольклора, художники проявляли интерес к данной теме. В.А. Гиляровский, большой знаток жизни и нравов московского дна писал: «Многие из товарищей литераторов просили меня сводить их на Хитров и показать трущобы...» [3, с. 21].

Результатом этого интереса стали многочисленные литературные произведения «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского, «Остров Сахалин» А.П. Чехова, «Москва и москвичи» В.А. Гиляровского, «Петербургские трущобы» В.В. Крестовского, «Сибирь и каторга» С.В. Максимова, «Яма» А.И. Куприна – это далеко не полный перечень произведений на данную тему.

В живописи темы тюрьмы, каторги и ссылки получила отражение в произведениях В.И. Якоби «Привал арестантов», Н.Я. Ярошенко «В пересыльной тюрьме», «Всюду жизнь», Н.А. Касаткина «Преступление и наказание», «В коридоре окружного суда», В.Е. Маковского «Узник», А. Сахочевского «На каторгу» и др.

В начале XX в. заметно усиливается интерес к такому элементу криминальной субкультуры как фольклор, представленный песнями, стихами, легендами, пословицами, поговорками, анекдотами и др. В одной из книг, написанной В.Ф. Трахтенбергом, наряду со словарем тюремного жаргона, помещены тюремные пословицы, песни, истории в стиле воровской романтики [11]. Особую популярность не только в криминальной среде, но и среди обычной публики приобрели «блатные песни». Сборники таких песен публиковались в большом количестве и пользовались спросом [1; 4; 5].

Еще одним доказательством возросшего интереса к миру преступников стало посещение любопытствующей публикой судебных процессов. Судебная реформа Александра II сделала судебные заседания открытыми и залы судебных заседаний редко пустовали. А некоторые громкие и скандальные уголовные дела вызывали настолько большой интерес, что попасть в зал суда из-за обилия желающих было далеко не просто. Обывателей привлекали подробности совершенных преступлений, желание пощекотать нервы и окунуться в мир, где нет традиционных запретов и ограничений.

Ответом на криминальный вызов второй половины XIX века стала модернизация всей правоохранительной системы Российской империи. Это выразилось в коренном преобразовании судебной системы, обновлении законодательной базы. В 1885 г. была осуществлена новая редакция «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных».

В 1879 г. был принят закон «Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях». Началась масштабная тюремная реформа. Было создано Главное тюремное управление, которое осуществляло общее руководство административно-хозяйственной деятельностью, строительством новых тюрем, управлением ссылкой, пересылкой арестантов, воспитательно-исправительными заведениями для несовершеннолетних, организацией тюремных больниц и т.п.

В системе полицейских структур возникает новое специализированное подразделение. 26 октября 1866 г. Александр II утвердил «Положение Комитета министров о создании Санкт-петербургской сыскной полиции». В том же году, 31 декабря был издан приказ министра внутренних дел, предписывающий создание в столице Российской империи особого подразделения, занимавшегося розыском уголовных преступников, предупреждением и пресечением преступлений, используя при этом специальные методы и средства. Позднее сыскное отделение возникнет в Москве, а затем и в других городах империи. Совершенствуется система идентификации и учета преступников. Все чаще при расследовании преступлений используются научно-технические достижения, такие как фотография, дактилоскопия, почерковедческая и др. экспертизы.

Ответ на криминальный вызов с стороны государства в ряде случаев был вполне успешным и в определенной степени позволил сдержать рост преступности. Вместе с тем, у властей отсутствовало должное понимание социальной природы уголовной преступности и акцент делался на полицейские меры. Многие необходимые решения и предпринимаемые меры явно запаздывали.

Список литературы

1. Гартевельд Н.В. Песни каторги: Песни сибирских бродяг и каторжников. СПб., 1908.
2. Гернет М.Н. Моральная статистика. М., 1922.
3. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1981.
4. Говорила сыну мать не водись с ворами. Народные песни. М., 1910.
5. Голова ль ты моя удалая. Новый сборник русских песен и романсов. М., 1907.
6. Гуров А.И. Организованная преступность в России. М., 2001.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства, СПб., 2000.
8. Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. 1998. № 1.
9. На страже отечества. Уголовный розыск Российской империи / И.Д. Путилин, А.Ф. Кошко. М., 2013.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. М., 1994.
11. Трахтенберг В.Ф. Блатная музыка ("жаргон" тюрьмы). СПб., 1908.
12. Шинджикашвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.

Л.С. Королева

«Пишите, лучше меньше, да чаще» – Социальные связи между политическими ссыльными северо-западного региона Российской империи в 1860–1870-х гг.

В статье описываются социальные связи политических ссыльных с внешним миром. Представлены примеры и официальной, и нелегальной переписки между членами семьи и знакомыми. Рассмотрены случаи приезда к ссыльным родственников и участников революционного движения. Дается анализ гендерных особенностей социальных связей на представленных примерах.

The article analyzes the social ties of political exiles with the outside world. Examples of underground and official correspondence between family members and acquaintances are presented. Cases of relatives and participants of the revolutionary movement visiting the exiles are considered. The analysis of gender characteristics of social relations is given on the presented examples.

Ключевые слова: социальные связи, политическая ссылка, семейные отношения, народовольческая ссылка, подпольная переписка.

Key words: social connections, political exile, Narodnaya Volya in exile, relationships in family, underground correspondence.

Политическая ссылка использовалась в XIX в. для изоляции революционеров. Участники народовольческого движения описывали ссылку как ответ на хождения в народ и появление студенческих кружков. В газете «Народная воля» 1879 г. напечатали: «Десять лет почти мы только и слышим о политических преступлениях, процессах, ссылках и казнях. Северные губернии и Сибирь переполнены политическими ссыльными. Для борьбы с движением правительство ставит на карту все» [6, с. 6]. Похожее мнение высказывали революционеры в воспоминаниях: «Когда молодежь обратилась к народу с мирной пропагандой, ее встретили массовые аресты, ссылки, каторга и центральные тюрьмы; когда, возмущенная насилием, она наказала нескольких слуг правительства, оно ответило генерал-губернаторствами и казнями», – писала в «Запечатлённом труде» народница Вера Фигнер [13].

Находясь далеко от больших городов, поднадзорные, по мнению правительства, не смогли бы продолжать заниматься революционной деятельностью. Также ссылка в европейские губернии рассматривалась как исправительное наказание [12, с. 13]. Можно предположить, что ограничение общения было частью наказания. Запрещались для поднадзорных профессии, которые были тесно связаны с людьми: преподавание [2, л. 82], медицинская деятельность [2, л. 96].

Но для политических ссыльных 1860–1870-х гг. наоборот характерно, что они не были вырваны из круга общения. Это можно проследить на примере социальных связей политических ссыльных северо-западного региона Российской империи в 1860–1880-х гг.

Для систематизации можно выделить несколько категорий общения: семья, друзья, соратники по революционному движению. Важно учитывать и географические особенности: рядом (один и тот же город), ближний круг (есть возможность приехать в ссылку), дальний круг (можно только поддерживать переписку).

Рассмотрим конкретные случаи переписки между ссыльными и их родственниками.

Сохранилась переписка Эвелины Людвиговны Улановской с ее матерью. Э.Л. Улановская проходила ссылку в г. Пудож Олонецкой губернии. Письма являются интереснейшим источником для изучения повседневности: они отражают быт политических ссыльных, способы взаимопомощи в кругу колонии

ссылных, описывают эмоции, которые переживали ссылные и их родственники. Так, в письмах 1879 г. Э.Л. Улановская просила свою мать не переживать за неё: «Поскорее постараюсь все объяснить, чтобы Вы не тревожились» [9, с. 232]. В этом же письме описывались причины высылки: девушка была на вечеринке, на которой собирали денежную помощь для политзаключенных. На мероприятии произошла облава, после чего девушка и ее знакомые были заключены под стражу до отправки в ссылку. Сама Э.Л. Улановская была убеждена, что в её действиях ничего преступного не было, и горячо просила мать поддержать её в этом: «В противном случае, Вы настоящая страшная преступница!» [9, с. 229].

Переписка шла в обход полиции, была «подпольной»: «Я получила Вашу записку и тотчас же, согласно Вашему пожеланию, уничтожила ее. Вы меня поняли родная, не сумею сказать, как я рада этому». Письма продолжали передаваться нелегально и в дальнейшем. Мать Э.Л. Улановской писала: «Я только могу просить, умолять в письмах, каждый раз рискуя навлечь на тебя неприятности нашей нелегальной перепиской» [9, с. 299].

Можно предположить, что такой способ переписки был предложен именно матерью [9, с. 247]. Это подтверждается и фактом, что в период начала ссылки письма, чтобы попасть в Олонецкую губернию, проходили через большое количество рук.

В документах, которые передавал информатор партии «Народная воля» Н.В. Клеточников [11], есть запись о том, что письма Улановских были перехвачены. В тетрадях с описанием работы III отделения указывается, что Веньяса (настоящая фамилия Кестельман) передавала письма от матери Э.Л. Улановской [11, с. 197]. Письмо на польском языке было положено в конверт. Хранилось оно в большой корзинке с вещами (ссылных часто пересылали в места «не столь отдаленные» без вещей из-за чего одежда отправлялась позже родственниками или знакомыми) [11, с. 197–198]. Агент III отделения, представившись купцом, приплывшим на купеческой барже, забрал письма, якобы, для передачи их в руки поднадзорной.

В поздних письмах мать Э.Л. Улановской высказывалась о таком способе переписки: «Фальшиво звучит это слово: “нелегальная переписка”, дико, тем не менее, это факт. Кроме ничего значащих фраз, я не могу писать через ваше начальство, чернила сохнут на кончике пера, рука не поднимается... Если бы не риск потерять возможность изредка получать твои милые строчки, я бы хотела попасть под суд за свое “преступное деяние”...» [9, с. 247].

Другим примером общения между родственниками можно назвать переписку между Верой Засулич и ее сестрой Александрой. Сохранилось одно письмо периода недолгой ссылки в Новгородскую губернию. В этом письме Вера Ивановна рассказывала о своём подавленном состоянии: «Дорогая моя, как тяжело, как гадко у меня на сердце, так тяжело, что справиться с собой не могу». «Видишь ли, еще никогда ни в тюрьме, ни в крепости не чувствовала я себя так одиноко (далеко не так!) как в эту минуту. Точно, как я совсем одна на свете» [8, с. 81].

С В.И. Засулич произошло то, чего боялись многие ссыльные революционеры – она оказалась в ссылке в полном одиночестве, что и выражается в эмоциональном письме. Чтобы прервать это одиночество в трудный период жизни В.И. Засулич просила сестру чаще писать ей: «Для меня письма не забава, не роскошь, а хлеба нужнее» [8, с. 81].

На суде, описывая детали наказания в г. Крестцы, революционерка подчеркивала, что после того как ее привезли в город, Исправник отпустил её с 2 рублями в кармане и одним платьем. Последующие факты ссылки не могли улучшить состояние революционерки – В.И. Засулич не смогла найти работу, чтобы себя содержать. Только после прошений о «кормовых» (арестантам во время прохождения наказания могли выдаваться выплаты в виде – 15 коп. в сутки для высших сословий, непривилегированные получали 10 коп. в сутки [3, с. 105]) и заявлении ее зятя (П.Г. Успенского) о том, что он может ее содержать, ее перевели из Новгородской ссылки [10, с. 51–52].

Были случаи и приезда в ссылку родственников поднадзорных. К семье Гордон (Льву Осиповичу и его супруге Белле), после их прибытия в Олонецкую губернию, приехала младшая дочь Надежда. Об этом сообщил в письме сын Абрам.

Незапланированный приезд вызвал у пожилых родителей тревогу за дочь: «Что станет Надя делать в Пудоже? Или может быть она приезжает только на время, чтобы повидаться, утешить нас и сообщить о ходе дела?» [1, с. 22–23]. По приезду девушку встретили Лев Осипович и хозяин квартиры, в которой проживала семья. Сначала владелец квартиры предупредил ссыльного о том, что он не может позволить им пригласить дочь в дом, не представив документов в полицию и не получив разрешения [1, с. 25]. Но увидев отношение полицеймейстера, который присутствовал на встрече, владелец квартиры изменил своё мнение. Девушка передала родителям деньги и рассказала детали их дела (до этого Л.О. Гордона и Б. Гордон держали в неведении насчёт того, почему их сослали). Надежда прожила с родителями несколько дней до отъезда в основную город ссылки – Пудож. Такое решение было принято супругами вместе: «Будет ли это ссылка пожизненная или несколько лет, все равное мое благосостояние подорвано, место потеряно, небольшие деньги съедим... Положим, наша жизнь уже погублена, но зачем заживо хоронить Надю в ее молодые годы? ...» [1, с. 28].

Дети четы Гордон (дочери Минна и Надя) приезжали в ссылку к родителям еще раз. Важно выделить, что взрослые дети всячески старались помочь родителям. Все это время Минна и Надя ездили по знакомым, пытались узнать через них причины высылки их родителей. Примечателен такой случай: после второй поездки к родителям, дочери на пароходе встретили Виноградова, друга их брата Абрама, который работал в Петрозаводске мировым судьёй. Тот обещал постараться, чтобы от губернатора была посланы исправнику документы о сокращении срока ссылки [1, с. 39].

Переписка между ссыльными и их знакомыми использовалась не только для личных целей, но и часто для обсуждения новостей. П.В. Завадской (участник харьковского революционного кружка Я.Н. Бекмана и М.Д. Муравского)

во время прохождения ссылки в г. Каргополь Олонецкой губернии переписывался с ссылкойным оренбургской губернии М.Д. Муравским (народником, одним из организаторов Харьковско-Киевского тайного общества).

Отец Митрофан, как называли в революционном кругу М.Д. Муравского, состоял в переписке с большим количеством своих знакомых по университету, которые, как и он, находились в ссылке.

Адресат использовал подобную переписку, чтобы собирать информацию о других губерниях. «Предмет переписки его заключал в себе, по преимуществу, учреждение везде, где только можно, воскресных школ, литературных собраний и вообще в распространении в народе грамотности» [5, с. 323].

В письмах прослеживается и привязанность друзей к друг другу, а также тоска о прошлом. Одно из писем М.Д. Муравского своему другу заканчивается: «Не берите с меня примера, Петр Васильевич, и пишите, лучше меньше, да чаще. Вы говорите, что хотели всем нам рассказать о своих похождениях; приятная вещь, чего стоило вам рассказывать об них – и потому напишите мне, – не лучше ли было бы, если бы вы удовольствовались только тем, что мне рассказали, – а ваше письмо я взял бы, да и разослал ко всем нашим?» Когда вскрылся факт переписки был устроен допрос. Вопросы были отправлены и С. Заводскому, тот не отрицал переписку и напротив говорил о стремлении молодежи к образованию [5, с. 299].

Отдельно стоит упомянуть и случаи приезда революционно настроенных людей в места массовой ссылки. Эти люди, не являясь ссылкойными, сами ехали в «медвежьи углы», чтобы узнать о происходящих там событиях или получить информацию от ссылкойных.

Л.Ф. Пантелеев, участник первой «Земли и Воли» образованной в 1860-х гг., в своих воспоминаниях описывал курьезный случай. После вступления в общество ему было дано задание А.А. Слепцовым, одним из организаторов тайного общества (или как его зовет автор – «мужчина в пенсне»). «“Очень важно весь север и частью северо-восток связать в одно целое и установить местный комитет. Не возьмете ли вы это за себя?” – “Но я же никого там не знаю, только в Вологде есть у меня кое-какие знакомства”. – “И отлично; в Вологде же находится Бекман, вот, значит, Вологда и обеспечена; оттуда проезжайте в Петрозаводск; там войдите в сношения с Рыбниковым, через него вам будет открыт весь Олонецкий край, да, наверное, и Новгород”» [7].

Действительно, П.В. Рыбников проходил ссылку в Олонецкой губернии с 1859 по 1864 гг. Таким образом, Л.Ф. Пантелееву было дано задание привлечь на сторону организации П.В. Рыбникова, который уже тогда находился в ссылке. Однако, по замечанию автора, он отказался от этой идеи и не поехал в Петрозаводск. Причиной этого стал разговор со старым другом Павла Николаевича М.Я. Свириденко (оба были участниками разночинного кружка Московского университета «Вертепники», существовавшего в 1855–1858 гг.). М.Я. Свириденко «дал о нем такую аттестацию, которая мало подавала надежд, что его можно привлечь на сторону “Земли и Воли»; теперь же, после петербургских событий, особенно арестов Чернышевского» [7].

Возможные причины таких тесных социальных связей между революционерами крылись в уже сформированных группах общения в студенческих кружках. Молодые люди, попадавшие в ссылку, часто уже входили в студенческие общества, где уже была наработана система общения и взаимопомощи и сформированы дружеские отношения. Примеры взаимопомощи находились и в студенческих землячествах, которые в период в 1860–1870-х гг. были официально запрещены и находились на подпольном положении [4, с. 57]. Что касается ссыльных девушек, то их воспоминания и письма чаще всего обращены не к друзьям, а к семьям.

Основная задача политической ссылки изначально была связана с изоляцией революционно настроенных людей и создания условия для их перевоспитания. Но если мы посмотрим на примеры из ссылки в северо-западные губернии, то мы сможем увидеть обратную ситуацию.

Для большинства ссыльных разночинного периода революционного движения в северо-западный регион Российской империи характерно то, что они продолжали общение не только с семьей, но и со своими студенческими друзьями, которым не переставали помогать. Часто деятельность ссыльных велась в обход закона. Например, даже личная переписка могла вестись подпольно, чтобы не было возможности её вскрыть и прочитать. Неудивительно и то, что ссыльные искали любую возможность продолжить свою революционную деятельность. Это выражалось, в первую очередь, в помощи крестьянам, открытии библиотек и создании подпольных кружков.

Список литературы

1. Гордон Л.О. Тюрма и Ссылка. Эпизод из моей жизни (24 марта – 26 авг. 1879 г.) // Пережитое. Т. IV. СПб., 1913. С. 1–43.
2. Государственный Архив Новгородской области (ГАО) Ф. 138. Оп. 1. Д. 2290.
3. Законы о Судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках // Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1857. 1061 с.
4. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. 408 с.
5. Лемке М.К. Молодость отца Митрофана // Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 277–333.
6. Народная воля. Социально-революционное обозрение год первый. № 1. 1879 // «Народная воля», партия. Литература партии «Народной воли». М., 1907. 491 с.
7. Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/panteleew_1_f/text_1905_iz_vospominaniy_proshlogo.shtml (дата обращения: 25.11.20).
8. Письмо В.И. Засулич к А.И. Успенской. Сообщил А. Кинкль // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 80–81.
9. Прибылев А.В. В годы неволи. (Переписка Э.Л. Улановской (Кранихфельд) с матерью) // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 223–250.
10. Процесс Веры Засулич: (Суд и после суда). СПб., 1906. 125 с.
11. Сообщения Н.В. Клеточникова. Тетрадь №3, с 30 июня по 30 июля 1879 г. // Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 192–225.
12. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. 2-е изд. СПб., 1876. С. 726.
13. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/f/figner_w_n/text_0080.shtml (дата обращения: 25.11.20).

Аграрные «беспорядки» в России 1902–1904 гг.: новые вызовы крестьян имперской власти

В статье предпринята попытка проанализировать крестьянские волнения в Российской империи в 1902–1904 гг., которые генетически были связаны с протестным движением крестьян во второй половине XIX в., но и существенно отличались от него по массовости, организованности и направленности. Показаны особенности восприятия аграрных выступлений помещиками–дворянами и имперской властью.

The article attempted to analyze peasant unrest in the Russian Empire in 1902–1904, which were genetically associated with the protest movement of peasants in the second half of the 19th century, but also significantly differed from it in mass, organization and orientation. Features of perception of agrarian performances by landowners-nobles and imperial power are shown.

Ключевые слова: аграрное движение, имперская власть, крестьяне, помещики, протесты, община.

Key words: agrarian movement, imperial power, peasants, philistines, protests, community.

Аграрное движение накануне и в годы первой российской революции было порождено комплексом экономических и социальных противоречий в деревне. Сохранение помещичьего землевладения, крестьянское малоземелье, увеличение арендных цен и снижение цен на рабочие руки приводили к массовому обнищанию крестьян. Социальные конфликты в деревне были порождены и особенностями межсословных взаимоотношений. Большинство помещиков традиционно занимали по отношению к крестьянству позицию опекуна, полагая, что тем самым играют роль посредника между крестьянами и властью, декларируя заботу о «невежественном» и «неразумном» народе. В сознании же крестьян преобладало мнение о несправедливости общественного устройства, неприемлемости частной собственности на землю. В деревне постоянно циркулировали слухи, что правительство отберет земельную собственность у помещиков и раздаст ее крестьянам.

Крестьянское движение весной 1902 г. охватило смежные уезды Харьковской (Валковский, Богодуховский) и Полтавской губерний (Константиноградский, Полтавский). В нем приняло участие около 40 тыс. крестьян. С 7 марта по 3 апреля было разгромлено 105 помещичьих экономий, продовольственные и хозяйственные склады. Крестьяне захватывали хлеб, скот, инвентарь. «Аграрные беспорядки» были подавлены правительственными войсками, 1 092 человека преданы суду, и них 836 – были приговорены к тюремному заключению. Указом 11 мая 1902 г. правительство возложило на крестьян возмещение убытков помещикам в сумме 800 тыс. руб. (этот указ был отменен в 1904 г.).

Летом и осенью 1902 г. увеличилось количество крестьянских выступлений в Курской, Черниговской, Воронежской, Херсонской, Саратовской, Сибирской, Рязанской, Волынской, Подольской губерниях и на Кубани. В 1902 г. в Воронежской губернии крестьянским движением были охвачены 9 уездов из 12, увеличилось число захватов помещичьих земель и потрав. В мае 1902 г. крестьяне 4 селений Воронежского уезда решили захватить земли у помещиков Веневитинова, Паренаго, Завальской и Крутиева, на их усмирение было послано две роты солдат. Указом 5 мая 1903 г. в 46 губерниях Европейской России была создана уездная полицейская стража.

После некоторого затишья протесты крестьян вновь стали реальностью. В 1904 г. их число увечилось в Саратовской губернии, куда для массового «пожаротушения» был направлен деятельный П.А. Столыпин [11, с. 112–113]. По существу протестные акции 1902–1904 гг. есть не что иное, как вызов крестьян имперской власти, которая продолжала реализовывать традиционную политику, в основе которой было стремление сохранить политические и экономические привилегии российского дворянства.

О том, что ситуация в стране изменилась, Л.Н.Толстой писал в письме 16 января 1902 г. императору Николаю II за два месяца до крестьянских волнений в Полтавской и Харьковской губерниях. Он отмечал, что за последние 30 лет престиж царской власти «не переставая, падал и упал в последнее время так, что во всех сословиях никто уже не стесняется смело осуждать не только распоряжения правительства, но самого царя и даже бранить его и смеяться над ним». И далее Л.Н. Толстой продолжал: «Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа». В письме он обращал внимание императора на необходимость отмены права земельной собственности: «...и, главное, весь 100–миллионный народ в один голос скажет, что он желает свободы пользования землей, то есть уничтожения права земельной собственности» [18]. Как и всегда высшая власть оказалась глуха к призывам великого писателя. На это письмо Николай II не ответил.

Крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губерниях нашли отражение в документальных публикациях и исторических исследованиях. Первый сборник документов, в котором представлены материалы судебного следствия, был опубликован в 1923 г. [14]. В период оттепели был издан сборник документов в Харькове [15]. Ценные сведения о восприятии дворянами выступлений крестьян Полтавской и Харьковской губернии содержатся в воспоминаниях видного российского политического деятеля князя А.Д.Голицына [3; 9]. Используются также письма писателя-демократа В.Г. Короленко, заступника восставших крестьян [16, с. 206–217].

Данная проблема нашла отражения в научной литературе. В начале 30-х гг. XX в. была опубликована брошюра А. Гайсиновича, в которой была дана характеристика протестного движения крестьян Полтавской и Харьковской губерний [2]. Заслуживает внимания публикация в 1951 г. историка

Л.И. Емелях [7]. Весьма обстоятельно события 1902 г. проанализированы А.М. Анфимовым. Видный советский историк на основе документального материала выделил шесть характерных признаков, которые были присущи не только протестному движению 1902 г., но и последующим выступлениям крестьян против помещиков накануне революции 1905–1907 гг. в других губерниях Европейской России. В частности, он акцентирует внимание на росте классового самосознания, умении видеть своих противников в лице помещиков–дворян, определенную стихийность выступлений. А с другой стороны историк отмечает проявление организованности, он выделяет руководителей движения, говорит о размахе движения, которое выразилось в вовлечении в протестное движение целых волостей, организации групп нападения, достигавших несколько тысяч человек. Добавим также и такой признак как заразительность, когда по примеру протеста крестьян одного села к движению присоединялись другие соседние села и даже волости. Важнейшим признаком «аграрных беспорядков» стал рост недоверия и враждебности к имперской администрации (попытки властей увещевать крестьян не давали эффекта). Нельзя не отметить и героизм участников движения, их решимость отстаивать свои требования [1, с. 216].

О протестном движении крестьян в начале XX в. писал один из авторов настоящей статьи [8; 10; 13]. Данные о стремлении П.А. Столыпина противодействовать нарастанию протестного движения в 1904 г. в Саратовской губернии приведены в монографии П.С. Кабытова [11]. Развернутая характеристика протестного движения была дана им в книге «Русское крестьянство в начале XX века» [12].

В современной российской аграрной историографии получила признание концепция выдающегося советского и российского историка В.П. Данилова о периодизации аграрной революции в России. По его мнению, она началась в 1902 г., когда во многих губерниях Европейской России вспыхнули крестьянские волнения, которые по масштабам и направленности действий отличались от протестных акций крестьян второй половины XIX в. [5; 6]. Вместе с тем в выступлениях начала XX в. можно обнаружить много типичных черт, которые характерны для предыдущего периода.

На основе сравнительно–сопоставительного анализа выделим общее и особенное в протестном движении крестьян начала XX в. На первом этапе (1902–1904 гг.) протестное движение крестьян стало массовым и наряду со стихийностью в нем ярко проявились черты организованности. Мы разделяем точку зрения В.П. Данилова, который считал, что крестьянские выступления 1902 г. следует характеризовать как начальный этап аграрной революции. Во время второго этапа в 1905 г. резко возросли масштабы и ход аграрного движения, которое генетически связано как с протестным движением второй половины XIX в., так и протестными акциями крестьян 1902–1904 гг.

Советские историки причины обострения социальных противоречий в российской деревне видели в сохранении пережитков крепостничества и,

прежде всего, помещного землевладения, а также кабальных форм эксплуатации крестьян. К числу факторов они традиционно относят ухудшение экономического положения крестьян, недород 1901 г. и, последовавший затем, голод 1902 г. Несколько иначе эти события оценивает видный российский историк Б.Н. Миронов, который в противовес концепции советских и российских историков считает, что «крестьянские бунты марта 1902 г. (вряд ли их можно считать восстаниями) по мнению экспертов Департамента полиции и следствия, произошли в первую очередь под влиянием хорошо организованной агитации, затем недородов и вздорожания аренды». А потому утверждение о том, что крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губернии в 1902 г. произошли из-за тяжелого экономического положения не верно. По его мнению, социальные протесты «случаются не только по причине снижения жизненного уровня» [17].

И все же при анализе протестного движения крестьян необходимо учитывать всю совокупность факторов, повлиявших на возросшую активизацию участников аграрного движения. Социальные противоречия в российской деревне накапливались в течение всего пореформенного периода. Аграрное перенаселение, острое малоземелье, дефицит бюджета крестьянских семей оказывали воздействие на возникновение, ход и темпы крестьянских волнений. И, конечно, обнищание крестьянства было общеизвестным фактом, и оно не могло не быть одним из факторов, побуждавших крестьян к активным формам протеста. К тому же, если в пореформенный период крестьяне могли арендовать землю у помещиков, которые традиционно вели экстенсивное хозяйство с использованием трехпольного севооборота, то по свидетельству князя А.Д. Голицына ситуация к концу XIX в. изменилась и большинство помещиков-дворян Полтавской и Харьковской губерний расширили собственную запашку. Они перешли к интенсификации хозяйства, вводили четырехпольную систему земледелия и резко увеличили посевы сахарной свеклы, что было связано с развитием «в огромных размерах сахарной промышленности и возрождением на новых началах винокуренной промышленности» [3, с. 237]. А их экономии по-существу представляли собой агрофирмы, в которых велось не только производство, но и переработка сельскохозяйственной продукции. Это были многоотраслевые капиталистические предприятия. А потому владельцам экономий невыгодно было сдавать землю в аренду крестьянам, что не могло не повлиять на настроения крестьян, вынужденно ведущих хозяйство на крохотных наделах, размер которых был чуть выше 1 дес. земли.

Следуя концептуальным воззрениям В.И. Ленина, советские историки длительное время относили сельскую общину к числу пережитков, так как, по их мнению, община способствовала консервации отношений в сельском мире. Безусловно, кризисные явления в сельской поземельной общине нарастали, что было вызвано как сохранением крепостнических пережитков в деревне, так и втягиванием крестьян в орбиту капиталистических отношений. И все же,

как и прежде, община во время протестных действий выступала против помещиков и противодействия власти всем миром. Организатором протестных действий выступал сельский сход, на котором принимались приговоры, являвшиеся правовой основой для обоснования законности протестов крестьян [12, с. 52]. М. Горький в романе «Жизнь Клима Самгина» приводит пример, когда сельский сход заставил принять участие уклоняющегося от протеста крестьянина Ермакова [4, с. 52].

К числу факторов, влиявших на обострение социальных противоречий, следует отнести аграрное перенаселение российской деревни в зоне традиционного земледелия, а именно в великорусских губерниях, на Украине, в районах преобладания помещичье-буржуазной аграрной эволюции. Конечно, на эволюцию крестьянского движения воздействовала хозяйственная конъюнктура в стране, кризисные явления в экономике, которые привели к спаду промышленного производства, возвращению в деревню отходников и росту революционных настроений.

Одним из факторов, оказавшим мощное воздействие на развитие протестного движения в российской деревне стал неурожай 1901 г. Этот природный катаклизм не мог не повлиять на социально-экономическое положение крестьян. Большая часть крестьянских семей голодала. Имперская власть не замечала голода, а если и оказывала помощь голодающим, то она была мизерной. Все это не могло не влиять на настроения крестьян Полтавской и Харьковской губерний, в которых протестное движение приняло большие масштабы. А потому его следует характеризовать как крестьянские восстания, так как волнениями были охвачены несколько волостей. Накануне выступлений в сознании крестьян доминировали безысходность, мрачная озлобленность. Во время следствия они мотивировали свои действия крайней необходимостью. По мнению следователей, участники протестного движения сформулировали лозунги: «Есть нечего, дайте хлеба! [14, с. 16]. «У нас нет хлеба, нет земли, нет покосов, – возмущались крестьяне, –...Нет земли, а не дадите все равно возьмем» [14, с. 50, 76].

Как и во второй половине XIX в. традиционно накануне крестьянских выступлений в феврале–марте 1902 г. на первый план выступила идея «слушного часа». Поводом для протестных акций крестьян послужили слухи о появлении царского указа, который, по их мнению, предоставлял им «право на изъятие у владельцев экономий, хлеба, кормов для скота, а также «живого и мертвого инвентаря». Слухи подводили правовую основу под действия крестьян. Они должны были придать им законный характер, а потому их действия являлись актом «народной совести» и реальным «осуществлением права».

Организатором крестьянских выступлений являлась сельская община, так как в протестном движении принимали все жители сел и деревень: мужчины, женщины и дети. Более того, администрация экономий не оказывала сопротивления восставшим. Иногда инициаторами захвата помещичьего имущества выступали крестьянки. Слухи об участии студентов в организации выступлений можно отнести к числу мифов. Вероятно, руководителями выступлений

были крестьяне–отходники, которые, по мнению выдающегося историка А.М. Анфимова, выступали в качестве вожаков восставших крестьян. Сказывалось и влияние революционной агитации – листовок и прокламаций, а также выступлений агитаторов на сельских сходах. В той или иной мере активные формы протестных акций были характерны для великорусских губерний, хотя в 1902 г. в них преобладали традиционные выступления против помещиков – поджоги, порубки леса, потравы лугов.

Укажем, что протестное движение в Полтавской и Харьковской губерниях достаточно полно получило отражение в научной литературе. В меньшей степени говорится о том, как восприняли это массовое аграрное движение дворяне-помещики и верховная власть Российской империи. В силу сословной ограниченности дворяне не могли понять причины, побудившие крестьян к активным протестным акциям. Так, князь А.Д. Голицын, занимавший в то время пост уездного предводителя дворянства в Харьковской губернии, однозначно считал, что «причиною всех зол была община. Община воспитала крестьянство в отрицании понятий частной собственности – основы всякого культурного начала и свободы личности» [3, с. 164]. А потому он выступал против сохранения общины. О необходимости перехода от общинной земельной собственности к единоличному владению землей писал в 1904 г. саратовский губернатор П.А. Столыпин в отчете императору Николаю II [19, л. 28].

Но возвратимся вновь к воспоминаниям А.Д. Голицына. По его мнению, «крестьяне поднявшихся деревень были подвигнуты на инкриминируемые преступные действия злостной пропагандой неизвестных им лиц, которые появлялись на этих сходках и поощряли эти действия, что Царь и рад бы осуществить давнишнюю мечту всего крестьянства, передать ему как трудовому элементу всю землю, да только помещики и окружающее его чиновничество, действующее заодно с последними, не дают ему возможности осуществить это желание» [3, с. 163]. Далее он отмечает невежество крестьян, а также то, что правительство не приняло законодательных мер для того, чтобы таким путем снизить накал социальных противоречий.

Подчеркивая патриархальность своих отношений с крестьянами, помещики полагали, что они должны осуществлять руководство развитием личности крестьянина, воспитывать у него уважение к чужой собственности, контролируя его деятельность. Уездные и губернские комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности тех губерний, где в 1902 г. вспыхивали крестьянские волнения, предлагали различные меры для их предотвращения: усиление карательных мер, введение ответственности родителей за проступки детей и «внушение уважения к чужому праву», уравнение крестьян в правах с другими сословиями и даже национализацию земли (Воронежский уездный комитет).

Отметим, что верховная власть запаздывала в решении аграрного вопроса. Такие правительственные меры как созыв Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, отмена выкупных платежей и круговой

поруки были паллиативными и не способствовали решению аграрного вопроса. Обсуждение причин и характера аграрного кризиса, перспектив развития помещичьего и крестьянского хозяйства, задач аграрной политики не выходили за рамки интересов защиты сословия дворян-землевладельцев. Хотя политические и финансовые последствия понижения жизненного уровня большинства крестьянства вызывали тревогу и озабоченность во властных структурах и у помещиков, реальные меры для преодоления социально-экономического кризиса приняты не были. Русско-японская война обусловила рост социальных противоречий в российской деревне. В сознании многих крестьян ненависть к помещикам сочеталась с наивной верой в царя, с ожиданием реформ, в ходе которых, земля должна перейти в руки тех, кто ее обрабатывает. Стало формироваться убеждение в том, что «земля ничья – она божья», а потому дворяне не имеют права владеть своими поместьями.

Особенностью массового аграрного движения в 1905 г. являлось то, что в нем цикличность сельскохозяйственных работ не отвлекала крестьян от участия в протестном движении, которое приняло волнообразный характер. Первые три месяца 1905 г. это время раскачивания крестьянских масс, время их пробуждения и втягивания в революционное движение. Число выступлений еще невелико, для них характерны традиционные формы. В апреле – августе 1905 г. аграрное движение стало массовым, и оно приобрело наступательный и открытый характер. Стали доминировать активные формы борьбы: захват и запашки помещичьих земель, разгромы имений, поджоги, открытые столкновения с полицией и войсками. В выступлениях участвовали все социальные слои сельского мира, включая женщин и детей. К осени 1905 г. поведение крестьян, втянутых революционным вихрем в водоворот революционных событий, резко меняется: исчезает робость и нерешительность, резко возрастает число выступлений, направленных непосредственно против помещиков и местных органов власти. Начался поиск новых форм организации жизни крестьянского социума. Возникло стремление крестьян к организации крестьянских съездов и созданию крестьянских республик.

Итак, к осени 1905 г. аграрное движение выступало в новом качестве, в нем ярко проявилась революционная потенция и энергия масс. Для того чтобы снять социальные противоречия в деревне, отвлечь крестьян от борьбы с дворянами-помещиками имперская власть вынуждена была приступить к экстраординарным мерам – подписать указ 9 ноября 1906 г., который стал основой реализации новой аграрной политики, в основе которой была цель – создание в деревне слоя новых земельных собственников из числа землеустроенных крестьян.

Список литературы

1. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М.: Наука, 1984. 232 с.
2. Гайсинович А.И. Крестьянское движение в Харьковской и Полтавской губерниях в 1902 г. М.: изд-во Политкаторжан, 1934. 54 с.

3. Голицын А.Д. Воспоминания / сост., подгот. текста, послесл., указатель имен А.К. Голицына. М.: Русский путь, 2008. 608 с.
4. Горький М. Жизнь Клина Самгина. Ч. 2. М.: Правда, 1988. 1800 с.
5. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс, 1992.
6. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конференции. М., Тамбов, 1996. С. 4–23.
7. Емелья Л.И. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. // Исторические записки. Т. 38. М., 1951. С. 154–175.
8. Кабытов П.С. Классовая борьба в поволжской деревне в период империализма. 1900–февраль 1917 г.: учеб. пособие. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. 84 с.
9. Кабытов П.С., Барина Е.П. Князь А.Д. Голицын о государственной деятельности П.А.Столыпина // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А.Веремченко, В.Н.Шайдуров. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. Т. 3. С. 319–325.
10. Кабытов П.С. О некоторых характерных чертах духовного облика русского крестьянства в начале XX века // Социально–политическое развитие Поволжья в XIX – начале XX века: межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1986. С. 60–70.
11. Кабытов П.С. П.А.Столыпин: последний реформатор Российской империи. М.: РОССПЭН, 2007. 190 с.
12. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века: учеб.е пособие. Самара: Самарский университет, 1999. 196 с.
13. Кабытов П.С. Социально-психологические аспекты классовой борьбы крестьянства в начале XX века: учеб. пособие. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1988. 72 с.
14. Крестьянские движения 1902 года: (новые материалы). М., Пг: Гос. изд-во, 1923. 129 с.
15. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.: сб. документов. Харьков: Кн. изд-во, 1961. 324 с.
16. Короленко В.Г. Письма к Луначарскому // Новый мир. 1988. № 10. С. 198–218.
17. Миронов Б.Н. Обнищание крестьянства в пореформенной России: взгляд непредубежденного человека // Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований: материалы конф. VII Плехановских чтений. СПб.: Российская национальная библиотека, 2005. С. 28–33.
18. Письмо Л.Н. Толстого императору Николаю II 16 января 1902 г. Электронный ресурс. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1901-1902/letter-163.htm> (дата обращения: 10.11.2020).
19. Центральный государственный архив Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102432.

Е.Н. Крылова

**«...купить правительственную газету в Петербурге –
нет никакой возможности»: к вопросу об организации артели
газетчиков «Русского государства»**

В статье рассматривается вопрос организации артели курьеров–газетчиков правительственной газеты «Русское государство». Проведенное исследование показывает процесс спешной организации артели для борьбы за общественное мнение в столице Российской империи и коммуникационные проблемы, с которыми столкнулось руководство «Русского

государства». Подбор персонала, эффективное межведомственное взаимодействие, расширение системы дистрибуции правительственной газеты – основные вопросы, которые требовали решения. Автор приходит к выводу, что деятельность артели не смогла изменить отношения жителей Санкт-Петербурга к правительственной газете, а сама артель газетчиков была убыточной для государства.

The article is dedicated to the guild of couriers of the newspaper "The Russian State". The article deals with the organization of the guild of couriers of the government newspaper "The Russian State". The research shows the process of hastily organizing an guild to fight for public opinion in the capital of the Russian Empire and the communication problems faced by the leadership of "The Russian State". Recruitment, effective interagency cooperation, and expansion of the government newspaper distribution system were the main issues that needed to be addressed. The author comes to the conclusion that the activities of the guild of couriers could not change the attitude of residents of St. Petersburg to the government newspaper, and the guild of couriers was unprofitable for the state.

Ключевые слова: пресса, общественное мнение, артель газетчиков, артель разносчиков, артель курьеров – газетчиков газеты «Русское государство», газета «Русское государство», газета «Правительственный вестник», Главное управление по делам печати.

Key words: the press, public opinion, the guild of couriers of the newspaper "The Russian State", the newspaper "The Russian state", the newspaper "The Governmental Herald", the General Administration of Press in the Ministry of the Interior.

Первая русская революция парализовала коммуникационную структуру российского общества. Забастовки типографских рабочих в Санкт-Петербурге, сложности с выпуском периодических изданий, в том числе правительственных, вызвали целый ряд вопросов о необходимости изменения подхода к организации производственного процесса и кадровому составу сотрудников. Актуальным вопросом стал вопрос борьбы за общественное мнение и нейтрализация негативного отношения к власти.

В этих условиях было принято решение об организации новой правительственной газеты «Русское государство», которая выходила при полной поддержке председателя Совета министров С.Ю. Витте.

Как отмечает В.В. Шевцов, «несмотря на готовность издания объяснять деятельность правительства «доводами логики» и предоставить «свои столбцы для выражения свободного общественного мнения», газета не пользовалась широкой популярностью, ... рассматривалась как рупор председателя Совета министров и встречала недоверие и в среде правительственных чиновников» [8, с. 167].

Первый номер газеты «Русского государства» вышел 1 февраля 1906 г. в качестве вечерней газеты-приложения к «Правительственному вестнику». «Русское государство» рассылалось подписчикам «Правительственного вестника» бесплатно, однако, можно было оформить подписку и отдельно, только на «Русское государство». На начало XX в. можно выделить два основных канала распространения газет: по подписке и розничную продажу [Подробнее см. 2].

Однако в условиях революции 1905–1907 гг. распространять правительственную газету привычными способами оказалось затруднительно. 10 февраля 1906 г. А. Гурьев, заведующий газетой «Русское государство», сообщил Санкт-Петербургскому градоначальнику В.Ф. фон-дер-Лауниц о том, что «с появлением в свет вечерней газеты «Правительственного вестника» – «Русское государство» обнаружилось крайне неприязненное отношение к правительственному органу печати артелей газетных продавцов и отдельных газетчиков ... даже и при отсутствии бойкота крайне желательное для высшего правительства распространение газеты в фабричных районах столицы не может быть достигнуто, ибо на окраинах, как известно, газетчики почти совершенно отсутствуют» [4, л. 5–5 об.]. По этим причинам 6 февраля 1906 г. было принято решение «организовать для розничной продажи номеров газеты «Русское государство» собственную артель газетчиков» [4, л. 1].

В архивных документах «газетчик», «курьер-газетчик» и «разносчик» фигурируют как синонимы. Артель разносчиков была организована при газете «Русское государство» в Санкт-Петербурге, а в Москве – Московское бюро газеты «Русское государство», при котором состояло 16 разносчиков. Разносная торговля произведениями печати регулировалась в столичных городах на основании статьи 177 Устава о цензуре и печати [7, с. 102–108], Правилами о порядке выдачи дозволений на право разносной торговли произведениями печати и о наблюдении за производством сего промысла¹, Правилами о разносной торговле произведениями печати в Санкт-Петербурге, Правилами о разносной торговле произведениями печати по редакционным рассылным газет и журналов в Москве, а также Положением об артелях трудовых от 27 мая 1902 г. [3].

Остановимся подробнее на Санкт-Петербургской артели. Газета «Русское государство» выходила с 1 февраля по 15 мая 1906 г. Хронологические рамки исследования ограничены временем выхода газеты. Отметим, что после закрытия газеты «Русское государство» артель не прекратила свое существование, разносчики осуществляли доставку «Вечерних прибавлений к Правительственному вестнику» и газеты «Россия» вплоть до своего роспуска 16 декабря 1906 г., когда «предписанием Главного управления по делам печати от 13 декабря 1906 года за № 13206 было предложено редакции «Правительственного вестника» закрыть артель газетчиков для продажи газет «Вечернее прибавление к Правительственному вестнику» и «Россия» и ликвидировать ее имущество» [4, л. 355], а заведующий артелью был уволен в январе 1907 г.

Вопрос о найме низших служащих в министерстве внутренних дел описан в статье В.А. Верременко и Е.Н. Крыловой [1]. Поэтому не будем останавливаться на нем здесь подробно. Отметим, что редакция «Русского государства» входила в состав редакции газеты «Правительственный вестник», которая в

¹ Циркуляр министра внутренних дел от 10 августа 1865 г. № 171 был официально опубликован в газете «Северная Почта» № 25 1865 г., затем вошел в Устав о цензуре и печати в качестве дополнения к ст. 177.

свою очередь числилась при Главном управлении по делам печати министерства внутренних дел. Чаще всего устройство на работу происходило по рекомендации редактора газеты, начальника Главного управления по делам печати или сослуживца. Так, например, получил свою должность заведующего артелью газетчиков Д.Д. Федоров. В личном деле значится: «Д.Д. Федоров по распоряжению главного редактора «Правительственного вестника» с 1 февраля 1906 г. назначен заведующим артелью газетчиков «Русское государство» с производством содержания по семисот двадцати руб. в год, содержание увеличено до девятисот руб. в год, а с 15 марта до тысячи двухсот руб. в год» [б. л. 3].

Правилами о разносной торговле регламентировался внешний вид разносчика произведений печати. К торговле разносчик должен быть приступать в специальной одежде определенного цвета, иметь при себе медную бляху с номером и книжку на право торговли. Предполагалось, что артель будет состоять из 100 курьеров-газетчиков. Сразу же было заказано необходимое количество (100) нагрудных блях и знаков на шапку. Составленная смета обмундирования рассыльных газеты «Русское государство» включала брюки и блузу серо-черного цвета (15 р.), пальто с двумя воротниками (барашек простой) на всякий возраст (31р. 50 к.) и шапку (1 р. 50 к.). Стоимость фирменной одежды составляла 48 р. и дополнительно 4 р. за нагрудную бляху с булавками и надписью «Вечерняя Газета Русское государство» и знак на шапку с номером и с надписью «Газетчик».

Таким образом, стоимость обмундирования одного газетчика составляла 52 руб. Средняя зарплата курьера – газетчика «Русского государства», согласно требовательным ведомостям, составляла приблизительно 10 руб. в месяц. При такой стоимости формы в случае утраты или порчи государственного имущества газетчику для компенсации пришлось бы работать безвозмездно в течение нескольких месяцев.

Известно, что уже в первой требовательной ведомости о расходах на выдачу содержания курьерам-газетчикам газеты «Русское государство» с 10 февраля по 11 марта 1906 г. числилось 88 человек [4, л. 8–15 об.]. Однако в следующей требовательной ведомости с 11 марта по 1 апреля число газетчиков сократилось до 70 чел. [4, л. 16–20], в течение следующих двух недель, с 1 апреля по 16 апреля 1906 г. – до 55 чел. [4, л. 21–26]. В требовательной ведомости по редакции «Правительственного вестника» о расходах на выдачу содержания курьерам-газетчикам газеты «Русское государство» с 16 апреля по 1 мая 1906 г. [4, л. 102–106] содержание получили 52 чел., а содержание за май – 46 чел. [4, л. 109–112], т.е. к маю 1906 г. (к моменту закрытия газеты «Русское государство») артель сократилась вдвое.

Анализ требовательных ведомостей позволяет понять причины сокращения штата газетчиков. Напротив фамилии в требовательных ведомостях отмечено: «Выбыл» или «Скрылся». Редакция пыталась бороться с лицами, оставившими самовольно службу, и возвращать дорогостоящую форму, од-

нако, первоначально это оказалась невыполнимой задачей. Сохранились документы, характеризующие эту ситуацию как безвыходную. Например, одним из первых выбывших стал газетчик «Русского государства» Михаил Антонов, (бляха №3), поступивший на службу в контору 23 февраля, «исполнял обязанности газетчика до 12 марта сего года и более на службу не являлся» [4, л. 100]. В документах отмечено: «Антонову была выдана, под его расписку фирменная обмундировка: пальто с меховым воротником, тужурка, брюки, фуражка с медным знаком газетчика №3, нагрудный знак, сумка для денег и портфель для газет с ремнем¹. Антонов 12 марта, не сдав означенные вещи, – скрылся» [4, л. 100].

Несмотря на все принятые заведующим артелью газетчиков меры, не удалось «открыть местопребывание вышеозначенного Антонова и отобрать у него упомянутые вещи» [4, л. 100]. В результате было решено «сложить со счетов обмундирование» [4, л. 100]. По составленному 15 мая 1906 г. акту оказалось, что на момент закрытия газеты «Русское государство» «утрачены и не возвращены газетчиками следующие вещи: 1 тужурка, 1 брюки, 2 нагрудных бляхи, 11 ремней, 8 денежных сумок и 1 фуражка. Все упомянутые вещи не возвращены вследствие неразыскания виновных по месту их жительства» [4, л. 107].

Более поздняя ревизия имущества артели газетчиков показала, что «самовольно оставившими службу и уволенными, растрчено и не возвращено редакции из казенного форменного обмундирования: 24 фуражки, 2 пальто, 21 тужурка, 23 брюк, 25 медных шапочных блях, 30 кожаных для денег сумок, 24 ремня и 25 портфелей и клеенок для газет на сумму до 605 рублей» [4, л. 236].

Отметим, что уже к осени редакция смогла решить этот вопрос, возбуждая против сотрудников уголовные дела. Например, разносчик Сикке в результате алкогольного опьянения растративший казенные вещи и проработавший в артели «всего 8 дней» [4, л. 264], был приговорен к аресту на 2 недели [4, л. 266].

Помимо «крайней трудности подбора вполне удовлетворительного персонала газетчиков» [4, л. 6] редакция столкнулась со сложностями в распространении новой газеты. А. Гурьев писал: «Было бы желательно предоставить право продажи правительственной газеты не только на тех пунктах, где разрешается продажа частных газет, но и во всех вообще местах пребывания или прохождения значительных масс публики. Облегчить доступ нашим газетчикам в эти места – значило бы оказать огромную пользу делу распространения правительственного органа» [4, л. 5 об. – 6].

В феврале вышел циркуляр Санкт-Петербургского градоначальника, предлагающий «гг. приставам принять к точному и неуклонному руководству, разъяснив это и подведомственным им чинам полиции» [4, л. 47] информацию о необходимом содействии правительственной артели газетчиков «Русское

¹ Подчеркнуто в источнике.

государство», а в апреле приставам Санкт-Петербурга было разослано уведомление о «свободном пропуске названных курьеров-газетчиков «Правительственного вестника»» в находящиеся скверы, сады и парки для распространения среди публики правительственной газеты «Русское государство» [4, л. 88]. Дополнительно к разрешенным местам продажи было добавлено около 14 садов и скверов Санкт-Петербурга [4, л. 88, 88 об., 89].

Однако на практике распоряжения руководства не выполнялись. В марте заведующий газетой А. Гурьев писал Д.Л. Бутовскому, старшему инспектору типографий и книжной торговли в С.-Петербурге: «Курьерам-газетчикам нашим не оказывается содействия, ... чины полиции повсеместно оказывают покровительство коммерческим интересам частных газетчиков, прогоняя продавцов правительственной газеты с людных угловых мест ... по заявлениям газетчиков-курьеров, правительственную газету можно распространять в Петербурге только с таким предупреждением покупателей: «Берите скорее, – полиция не позволяет здесь стоять». Неоднократные сношения заведующего розничной продажей с гг. приставами и другими чинами полиции, к сожалению, несколько не изменили положения дела» [4, л. 64–65].

О сложностях, с которыми столкнулись разносчики газеты «Русское государство» сообщали и сами служащие. Вот как описывает свой день один из разносчиков в феврале 1906 г.: «я вышел с №№ Р. Государства по Черныш.пер. входил в магазины по линиям, нигде и никто не купили одного №. Наслушался прозвищ себе: черносотенца и подобных. Так же и личному составу редакции и содержанию печатному газеты ... в трактиры, чайные, пивные, ... хлебные лавочки, ... квасные – не берут. В магазинах вовсе и дверь открыть нельзя ... нас гоняют газетчики и поносят кому только не лень шевелить языком, предлагаю газету отвечают презрением чуть не плевком» [4, л. 70–72].

Похожая ситуация была и с бесплатной рассылкой первых номеров газеты «Русское государство» по фабрикам и заводам Санкт-Петербурга. Получив по 200–500 экземпляров для рабочих, конторы Санкт-Петербургских предприятий выразили пожелание новые номера газеты не получать, т.к. рабочие «не берут» [4, л. 8].

После отставки С.Ю. Витте, 25 апреля 1906 г., «Русское государство» было преобразовано в строго официальное издание, а 15 мая выпуск газеты был прекращен. Вместо «Русского государства» стало выходить «Вечернее прибавление в Правительственному вестнику». Как отмечает В.В. Шевцов: «Проект Витте не смог выполнить своих антиреволюционных пропагандистских функций. Антиправительственная риторика депутатов Первой Думы и призывы к продолжению революции широко публиковались в прессе» [8, с. 168].

Подводя итоги деятельности артели к середине мая 1906 г., отметим, что по справке об организации артели газетчиков «Русское государство», хранящейся в архивных документах, обмундирование было закуплено на 97 сотрудников. В описи также числятся 100 штук медных надписей на фуражки, 100 штук медных нагрудных блях, 87 штук медных добавочных надписей на фуражки, 100 штук клеенчатых портфелей для газет, 100 штук кожаных сумок для денег, 95 штук ремней для портфелей [4, л. 115].

Обмундирование артели газетчиков обошлось государству в 5 720 р. 35 к., а за период с 16 февраля по 20 мая 1906 года газетчикам было выдано жалованье на сумму в 2 047 р. 72 к. с наградными в размере 354 р. 36 к. Всего по документам на организацию артели газетчиков «Русского государства» было израсходовано 8 142 р. 43 к. [4, л. 115].

Продано газетчиками за февраль, март и апрель месяцы 49 529 экземпляров номеров «Русского государства» на сумму 990 р. 58 к.

Таким образом, организованная для распространения правительственной газеты «Русское государство» артель разносчиков была нерентабельна. Распространение газеты и пропагандируемых в ней идей среди всех слоев населения, идеологическое воздействие на жителей отдаленных районов Санкт-Петербурга, рабочих фабрик и заводов – основные цели организации артели. В Санкт-Петербурге один разносчик в среднем продавал 7 газет, в Москве – около 40. Была возможность оформить подписку на «Русское государство», однако, основное распространение газеты осуществлялось через разносную торговлю, что подтверждается архивными документами. Деятельность артели не смогла изменить отношения жителей Санкт-Петербурга к правительственной газете. Ее отказывались брать, а газетчиков прогоняли.

Организация артели разносчиков «Русского государства» показала коммуникационные проблемы внутри государственного аппарата. Сама полиция не оказывала поддержку в распространении правительственной газеты в Санкт-Петербурге. Скрывшихся разносчиков и утерянное государственное имущество было невозможно найти и вернуть. Циркуляры Санкт-Петербургского градоначальника не исполнялись. Инвестиции государства в формирование общественного мнения не оправдались. Здесь можно отметить, что работа с общественным мнением – это сложный и длительный процесс, который не приносит сиюминутные результаты и окупается в долгосрочной перспективе. Все это показывает, что в первой половине 1906 г. власть не могла адекватно ответить на вызов повседневности. Утратив контроль над ситуацией, власть не могла формировать положительное общественное мнение.

Список литературы

1. Веремenco В.А., Крылова Е.Н. Низшие служащие (прислуга) государственных учреждений Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 210–218. DOI:10.31166/VoprosyIstorii202009Statyi02
2. Крылова Е.Н. Государственный контроль за системой дистрибуции периодических изданий в России в начале XX в. // Вестник Рязанского государственного университета им. А.С. Есенина. 2020. № 4 (69). С. 16–22. URL: <http://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.002>.
3. Положение об артелях трудовых от 27 мая 1902 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XXII. Отд. 1. СПб.: Государственная типография, 1904. С. 416–418.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА.) Ф. 785. Оп. 1. Д. 99.
5. РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 109.
6. РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 275.
7. Устав о цензуре и печати: (Св. зак. т. 14). СПб.: Н.К. Мартынов, 1900. 302 с.
8. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 622 с.

«Бой на Литейном»: отечественная печать о столкновениях демонстрантов с полицией в Санкт-Петербурге во время манифестаций 17 марта 1913 г. по случаю взятия болгарскими войсками Адрианополя в ходе Первой Балканской войны

В данной статье освещается восприятие газетами Санкт-Петербурга манифестаций, состоявшихся 17 марта 1913 года в поддержку болгар и сербов, после взятия Адрианополя. На примере нескольких столичных изданий анализируется разница взглядов на манифестации и столкновения с полицией на улицах российской столицы. Рассматриваются действия участников манифестаций, их социальный состав, под какими лозунгами выступали, а также реакция полиции на их действия.

This article highlights the perception of the St. Petersburg newspapers of the demonstrations held on March 17, 1913 in support of the Bulgarians and Serbs, after the capture of Adrianople. By the example of several metropolitan publications, the author analyzes the difference in views on demonstrations and clashes with the police on the streets of the Russian capital. The actions of the participants in the demonstrations, their social composition, under what slogans they spoke, as well as the reaction of the police to their actions are considered in the article.

Ключевые слова: Манифестация, Балканы, русская печать, Балканская война.

Key words: Manifestation, the Balkans, Russian press, Balkan war.

Балканы и Балканские страны всегда были важным направлением российской внешней политики. Судьба православных народов Балканского полуострова, стремящихся освободиться от турецкой власти, вызывала немало сочувствия в российском обществе. Однако в начале XX в. российская дипломатия старалась сохранять на полуострове статус-кво, так как справедливо опасалась, что из-за любого конфликта может разгореться общеевропейская война. Поэтому, когда осенью 1912 г. началась Первая Балканская война, российский МИД опасаясь разгрома государств Балканского союза хотел лишь одного – сохранения существовавших границ на полуострове в случае ожидаемого разгрома Турецкой армией стран Балканского союза. Однако, несмотря на скептические ожидания российских дипломатов, царившие накануне войны, государства балканского союза достаточно быстро одержали победу над войсками некогда блистательной Порты. К декабрю основные боевые действия прекратились и за дело взялись дипломаты. В Лондоне при участии великих (на то время) европейских держав, начались переговоры стран Балканского союза с Турцией. Так же к переговорам присоединилась Румыния, которая требовала от Болгарии территориальных компенсаций за свое неучастие в войне. Тем временем в окружении оставались несколько турецких городов. Адрианополь осаждали болгары и сербы, Янину греки, а Скутари черногорские войска. В январе 1913 г. после военного переворота в Турции, война возобновилась, однако крупных боевых действий не велось. Крупнейшим военным событием этого периода являлся штурм Адрианополя. У болгарской армии было время, чтобы хорошо подготовиться. Поэтому когда

11 марта болгарские и сербские войска пошли на штурм, турки не смогли долго сопротивляться и 13 марта капитулировали.

Все события, связанные с осадой и штурмом Адрианополя подробно освещались в российской печати. Газеты публиковали не только военные сводки с линии фронта, но и большое количество фотографий и рисунков, панораму осажденной крепости и основные направления движения болгарских войск. Известие о падении Адрианополя было встречено с большим энтузиазмом и ликованием, как в российском обществе, так и в российской печати. Причем в этот момент сходная реакция была как у большинства либеральных изданий, так и в консервативной печати. Многие сравнивали этот штурм с событиями русско-турецкой войны. В те же дни в Санкт-Петербурге принимали командуящего третьей болгарской армией генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. Он прибыл 6 марта на Варшавский вокзал для переговоров и сразу сделался одним из главных героев статей и репортажей тех дней. «Петербургский листок» без стеснения назвал генерала Радко-Дмитриева болгарским Наполеоном [7]. Генерал собирался пробыть в Санкт-Петербурге около недели. Когда 13 марта пришли известия о падении Адрианополя, Радко-Дмитриев и другие официальные представители Болгарского царства, находившиеся в тот момент в российской столице, оказались буквально в эпицентре стихийных торжеств возникавших везде, где они появлялись.

Целью данной статьи является анализ освещения в печати «народной радости» на улицах Санкт-Петербурга и действия полиции.

17 марта в Соборе Воскресения Христова на Крови состоялась торжественная служба, на которой провозглашались многие лета не только царствующей фамилии, но и царю Болгарии Фердинанду I, королю Сербии Петру I, королю Эллинов Константину I и королю Черногории Николаю I. Потом была возглашена вечная память императору «Освободителю» Александру II. Многие присутствующие теснились, чтобы посмотреть на бывшего на службе генерала Радко-Дмитриева и других представителей болгарской общины. Все пространство вокруг собора было заполнено публикой. Увидев выходящего из стен Спаса на Крови генерала, люди подхватили его на руки и понесли до автомобиля.

После торжественных проводов грандиозная толпа, разделившись на несколько групп, направилась в разные районы города. Для властей и полиции сами по себе манифестации не были сюрпризом. 17 марта был первым выходным днем после Адрианопольской победы, поэтому проявление массовой «народной радости» и, как следствие, возможные беспорядки были ожидаемы. Уже с 9 утра в разных районах города были стянуты усиленные наряды полиции. К Австрийскому посольству, располагавшемуся на Сергиевской улице, никого не пускали. Санкт-петербургский градоначальник свиты его величества генерал-майор Д.В. Драчевский несколько раз совершал объезд города, главным образом Невского и Литейных проспектов, до Сергиевской улицы включительно [8]. Позиция властей была вполне объяснима. Поддерживая славянские страны, Россия не желала внешнеполитических осложнений со

стороны Австро-Венгрии. Было понятно, что Адрианополь получат болгары. Сербия, «благодаря» политике, проводимой австрийской монархией, осталась без ожидаемого выхода к Адриатическому морю. Поэтому, опасаясь антиавстрийских провокаций, полиция манифестантов разгоняла или вынуждала менять маршрут. Основная масса отправилась на Невский проспект. Участники стихийной манифестации распевали российский и болгарский гимны и несли флаги России и Болгарии. Мешая движению, толпа пересекла Невский проспект, но, столкнувшись с конной полицией, была разделена. Значительная масса направилась к болгарскому посольству на Моховую улицу. По дороге была сделана попытка провести импровизированный митинг у стен Городской думы, но полиция пресекла эту попытку. Действия манифестантов остановили движение трамваев. Дойдя до болгарской миссии, огромная масса людей пропела русский и болгарский гимны. Болгарский посланник с балкона приветствовал собравшихся. В толпе раздавались призывы идти к австрийскому посольству. Но полиция не дала такой возможности. В итоге манифестанты дошли до сербского посольства, находившегося на Литейном проспекте в доме 57. Сербский посланник так же с балкона поблагодарил собравшихся, но, видя действия полиции, достаточно быстро удалился. Вскоре все участники несанкционированных митингов были рассеяны. Участники особо отмечали жесткий разгон собравшихся именно у сербского посольства на Литейном проспекте.

События в Санкт-Петербурге нашли свой отклик в газетах. Освещение в прессе существенно разнилось не только между консервативными и либеральными изданиями, но и между представителями одного политического лагеря. Особенно жестко различие позиций было заметно среди консервативных изданий, так как часть их с одной стороны поддерживала славянские православные народы, а с другой понимала, что призывы некоторых ораторов вступить за сербов могут привести Россию к участию в большой войне и, как следствие, к тяжелейшим испытаниям. Различались взгляды на цели и состав участников демонстраций, отношение к действиям полиции, общую трактовку событий и т.д. Например, либеральные «Биржевые ведомости» в вечернем выпуске отмечали, что изначально толпа, в которой преобладали офицеры и учащаяся молодёжь, с пением двинулась в сторону Сергиевой улицы и сама приняла решение изменить маршрут: Раздались крики: «В Австрийское посольство. Но их заглушили возгласы: «Не надо. Поедем в болгарские и сербские посольства» [1]. Каких-то столкновений на Невском проспекте и у болгарского посольства газета не отмечала. Основные события, по мнению издания, произошли на Литейном проспекте на глазах сербского посланника. Несмотря на то, что толпа вела себя крайне сдержанно и никаких беспорядков не было, а пешие городовые и полицейские все время сопровождали манифестантов, внезапно появился конный отряд городовых с полицмейстером во главе, который стал разгонять манифестантов. Произошла давка, слышались вопли. Сербский посланник поспешил закрыть окно. Издание отмечало эффективность мер предпринятых полицией, так как через пять минут Литейный проспект принял свой обычный вид [1].

«Петербургский листок», который также относился к либеральным изданиям, основное внимание уделил движению толпы по Невскому проспекту. По мнению газеты, в толпе преобладали студенты, учащиеся и чиновники различных ведомств. Основная масса людей двигалась в сторону Невского проспекта, желая отслужить молебен возле Казанского собора. Отмечая действия полиции по пресечению данного несанкционированного митинга, газета обратила внимание на действия ротмистра Шабаяева, который с большим нарядом конных и пеших городских не только преградил толпе доступ к скверу Казанского собора, но и уговорил митингующих оставить эти попытки, не применяя силового воздействия. Далее толпа с криками «Долой Австрию!» и «Да здравствует славянство!» двинулась по Невскому проспекту в сторону Гостиного двора. Попытка организовать митинг у стен городской думы была успешно пресечена полицией. После этого толпы народа делали попытки пройти к австрийскому посольству, но, не сумев преодолеть конные заслоны полиции, двинулись к сербской миссии, где манифестация приобрела внушительные размеры. Издание отмечало, что огромные размеры манифестации, потребовали вмешательства чинов конной и пешей полиции, которые приняли решительные меры для рассеяния тысячной толпы. Другая часть пошла к болгарской миссии, где уже с утра дежурили полицейские наряды, пропустившие манифестантов к зданию. Газета также писала о попытках демонстрантов проникнуть к австрийскому посольству для устройства враждебной демонстрации. Но попытки не имели успеха благодаря своевременно принятым энергичным мерам полиции [8].

Консервативная газета «Гроза» показывала совсем иную картину событий. Она с самого начала назвала манифестацию «политической демонстрацией против Австрии сговорившимися толкнуть Россию на войну сумасбродными политиками и революционерами» [3]. Газета изначально определила цель демонстрантов спровоцировать осложнение с Австро-Венгрией под лозунгами «Да здравствует славянство!». Руководимая тайными подстрекателями, толпа передвигалась по городу «окольными» путями к австрийскому посольству, но не была до него допущена. Прохождение к болгарским и сербским миссиям издание воспринимает как второстепенную цель.

Умеренно консервативный «Колокол» акцентировал внимание на том, что после торжественных проводов генерала Р.Д. Радко-Дмитриева толпа разделилась на отдельные большие группы, которые двинулись в различные стороны. Целью основной массы по определению издания было произнесение речей и враждебные демонстрации по отношению к Австрии в сквере у Казанского собора. В толпе манифестантов преобладали студенты и учащиеся. Основные события, по мнению газеты, происходили на Невском проспекте, где после неудавшейся попытки провести митинг в сквере Казанского собора толпа с криками «Ура!» и «Долой Австрию!» пошла по Невскому проспекту. Полиция не дала провести митинг у городской думы. Конная полиции разделяла толпу на отдельные группы и митинг быстро закончился. Отдельные группы снова соединились на углу Невского проспекта и Садовой улицы, для

того чтобы направиться к сербскому посольству [4]. Про дальнейшие столкновения манифестантов с полицией с полицией газета не упоминала.

Резко по отношению к манифестантам высказался князь В.П. Мещерский на страницах своей газеты-журнала «Гражданин». Участников манифестации в российской столице он назвал сборищем пьяных и сумасшедших, место которым на приеме у психиатра [2].

Наиболее критически по отношению к действиям полиции и властей оценивались события 17 марта на страницах консервативной газеты «Свет». Целью манифестантов, по мнению издания, было выражение поддержки славянским странам в лице послов Болгарии и Сербии. Толпа состояла главным образом из студентов всех высших учебных заведений, членов славянских обществ, участников русско-турецкой войны 1877–78 гг., нескольких членов государственной думы, и многих простых граждан. Все шли с непокрытыми головами и пели «Боже, Царя храни». Как только толпа вступила на Невский проспект, подъехал большой отряд конной полиции, и сразу врезался в толпу, смял несколько человек под копыта лошадей и, угрожая пустить в ход нагайки, начал разгонять публику. Толпа смиренно стояла с непокрытыми головами и громко в несколько тысяч голосов пела «Боже Царя храни», а по окончании выкрикивала: «Да здравствует Государь Император!». Полицейские офицеры кричали, чтобы публика перестала петь, теснили ее лошадьми и гнали с Невского проспекта [9]. После разгона полицией демонстранты направились к болгарским и сербским посольствам. Газета фиксировала поддержку среди простых граждан, так как из многих открытых окон кричали «Ура!» и «Да здравствует славянское единение!». Так же издание отмечало, что и при подходе к болгарскому посольству в демонстрантов сразу врезалась конная полиция. Еще более «безобразная картина» началась у сербского посольства. Сначала народ давили лошадьми, а потом пустили в ход нагайки. В толпе присутствовал бывший главный интендант от инфантерии генерал А.А. Поливанов. В толпе рассказывали, как упала молодая девушка, у которой из носа фонтаном хлынула кровь. «Какой-то отставной генерал спрашивает: «Кто здесь распоряжается?». Ему отвечают: «Ротмистр Депп». Генерал спрашивает, «За что разгоняете студентов?». «Да самим чудно, Ваше превосходительство. Люди гимн поют, а их нагайкой, словно революционеров каких то»» [9]. В том же номере было опубликовано написанное по горячим следам стихотворение «Бой на Литейном». В нем автор, переделав знаменитое «Бородино» М.Ю. Лермонтова повествовал от имени полицейского, начиная знаменитой строкой: «Скажи-ка дядя, ведь не даром?»

«Да, на Литейном было дело
Мы там стремительно и смело
Развеяли врагов.
Плохая им досталась доля
Но такова начальства воля
Не многие вернулись с поля
Совсем без синяков» [9].

События в столице нашли свое отражение и в московских газетах. Так консервативные «Московские ведомости» о событиях 17 марта писали очень скупно. Одной строкой упомянули грандиозные манифестации перед квартирами болгарского и сербского посланников [5]. Ни о каких разгонах манифестаций полицией в газете ни слова не было сказано. Правда уже на следующий день, рассказывая о проводах на Варшавском вокзале генерала Р.Д. Радко-Дмитриева, издание описывало шествие толпы народа от вокзала по Измайловскому и Забалканскому проспектам в сторону центра. «Шествующие опять пели российский и болгарский гимны, однако, так же как и накануне разогнались конной полицией. После 9 вечера были даже попытки пройти к германскому посольству, но они пресекались. В 11 вечера около 300 человек собралось у сербского посольства и, пропев гимны России и Сербии, разошлись. Лишь к двенадцати часам ночи на улицах Санкт-Петербурга установился полный порядок» [6].

Таким образом, взятие Адрианополя в марте 1913 г. вызвало широкое ликование в российском обществе. По сути это была последняя совместная победа болгар и сербов. Власти опасались, что торжественные манифестации приведут к беспорядкам и внешнеполитическим осложнениям и поэтому достаточно жестко реагировали на несанкционированные митинги и шествия у посольств стран Балканского союза и Австро-Венгрии. Любопытно, что ни одна из газет не фиксировала призывов идти к турецкому посольству. Это означало, что Турцию как самостоятельную силу в обществе серьезно не воспринимали. В целом все газеты, так или иначе, на своих страницах откликнулись на события 17 марта 1913 г., продемонстрировав при этом богатейшую палитру мнений.

Список литературы

1. Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1913. 18 марта. № 18458.
2. Гражданин. 1913. 24 марта. № 12.
3. Гроза. 1913. 19 марта. № 542.
4. Колокол. 1913. 20 марта. № 2076.
5. Московские ведомости. 1913. 19 марта. № 65.
6. Московские ведомости. 1913. 20 марта. № 66.
7. Петербургский листок. 1913. 7 марта. № 64.
8. Петербургский листок. 1913. 18 марта. № 74.
9. Свет. 1913. 18 марта. № 74.

Н.Н. Кабытова

Общественная жизнь губернского города в 1917 г.

В статье рассматриваются взаимоотношения различных страт городского населения с губернской администрацией Временного правительства, органами местного самоуправления, общественными организациями. Анализируются мотивы поведения горожан и практики их приспособления к меняющимся условиям жизни в ходе Великой российской революции.

The article considers the relationship of various strata of the urban population with the provincial administration of the Provisional Government, local authorities, and public organizations. The motives for the behavior of citizens and the practice of adapting them to changing living conditions during the Great Russian Revolution are analyzed.

Ключевые слова: Комитет народной власти, Совет рабочих и солдатских депутатов, городская Дума и Управа, революционная повседневность горожан.

Key words: People's Power Committee, Council of Workers' and Soldiers' Deputies, City Duma and Government, revolutionary everyday life of Guo-Rozhan.

Взаимоотношения народа и власти определяют характер того или иного этапа исторического развития. В условиях гражданского противостояния, разрушающего традиционные ценности, повседневная жизнь населения подвергалась коренным изменениям, зависящим от социальной политики постоянно меняющихся властей. Революционные преобразования в России 1917 года меняли не только характер власти. Они повлияли на изменение культурного кода страны. Мобилизационные мероприятия различных структур власти, сменявших друг друга, в новейшей историографии активно изучаются. Перспективны в этом плане исследования по отдельным регионам страны, так как локализация революции стимулировала политическую активность местных гражданских сил [13; 14; 17; 19; 20]. Поведенческие практики различных социальных страт, особенности восприятия властных инициатив населением стали предметом рассмотрения сравнительно недавно [1; 8; 10; 12; 21]. Субъективные воспоминания непосредственных участников событий являются фрагментарными и не отражают всего спектра взаимоотношений народа и власти на разных этапах революции [2; 9; 11]. Между тем, документы, характеризующие способы приспособления горожан к постоянно меняющейся политике различных властей, отложились в документах местных архивов в [22–25] и материалах периодической печати [3–7; 15; 16; 18].

Повседневная жизнь людей в условиях революционных преобразований была насыщена калейдоскопом политических событий, сопровождавшихся гражданской активностью. Февральско-мартовский 1917 года государственный переворот был поддержан всеми слоями населения России. Состояние революционной эйфории способствовало активизации деятельности различных общественных сил. На местах стали создаваться инициативные общественно-политические объединения, стремившиеся влиять на процесс организации власти и ее действия. Различного рода комитеты, советы, союзы спешили побыстрее социализироваться. Таким образом они косвенно влияли на процесс формирования революционных потоков. В губернских городах в стихийных политических акциях участвовали рабочие промышленных предприятий, солдаты тыловых гарнизонов, учащаяся молодежь. Активность также проявили «женщины–солдатки» – жены и вдовы, оставшиеся без попечения мужей, призванных на фронт. Это, кстати, специфика российской революции, вызванная тотальной мобилизацией людских и материальных ресурсов в годы Первой мировой войны.

Изменение социокультурного пространства и формы приспособления к постоянно изменяющимся условиям жизни рассмотрим на примере мимикрии самарских городских жителей. Наибольшую активность при формировании местной власти Временного правительства здесь проявили либеральные политические силы. На заседании гласных городской Думы 1 марта 1917 г. они выбрали временный городской Комитет безопасности для поддержания порядка и предложили пополнить его представителями всех общественных организаций Самары. На следующий день в него были кооптированы делегаты от 28 общественных организаций, по партийной принадлежности – это кадеты, меньшевики и эсеры. Одновременно был создан Совет рабочих депутатов, в состав которого вошли семь меньшевиков, шесть большевиков, по одному эсеру и бундовцу [24, л. 3].

Для пропаганды своих идей Совет обратился к населению с призывом организовывать митинги и демонстрации. В митинговой кампании особенно активно участвовали большевики, что способствовало популяризации их тактики в революции. Они создавали специальные агитаторские группы, которые пропагандировали те или иные революционные лозунги в зависимости от социального статуса митингующих. Так, 2 марта 1917 г. большевики провели восемь митингов, где участвовало примерно девять тысяч солдаток, требовавших «положить конец войне» [2, с. 87]. Видя популярность Совета рабочих депутатов, Комитет общественной безопасности пригласил в свой состав десять его представителей, после чего последний переименовал себя в Комитет народной власти. 4 марта был сформирован Исполком Комитета, в который избрали семь кадетов, по пять большевиков и меньшевиков, трех эсеров [24, л. 19]. Одновременно Комитет, еще до соответствующего распоряжения Временного правительства, назначил на должность губернского комиссара председателя губернской земской управы [24, л. 19]. Классического двоевластия, характерного для Петрограда, в провинции не возникло, но устойчивости власти все равно не было, так как имевшие место коалиции быстро распадались.

Существенное влияние на городскую общественную жизнь оказывали солдаты тыловых гарнизонов. Их неустойчивый статус не мешал, а наоборот, стимулировал политическую активность горожан. Они обладали большей мобильностью, сплоченностью, пассионарностью. Освободившись от уставных ограничений, солдаты присоединялись к митингам рабочих, служащих, учащихся. Ротные и полковые солдатские комитеты стали создаваться после ознакомления с приказом №1 Петроградского Совета. В Самаре, на их основе, при содействии Совета рабочих депутатов, был организован Совет солдатских депутатов [6]. Озабоченные политической активностью нижних чинов, командиры частей Самарского гарнизона предложили создать совместный Совет военных депутатов, в котором были бы представлены и солдаты, и офицеры. Руководству этого совета не удалось удержать солдат в казармах, они часто самовольно уходили из частей. Однако, включенность всех социальных групп в общественную жизнь под эгидой Самарского Комитета народной власти на

первых порах объединила их под лозунгом беспартийной революционности и позволила предотвратить в городе погромы. Самарский губернатор, полицмейстер и жандармский полковник с двумя помощниками были арестованы также по постановлению Комитета, что исключило расправу над ними [25, л. 23]. В последствии они были освобождены по распоряжению Временного правительства. В провинции также не случилось исхода из тюрем криминальных элементов, названных «птенцами Керенского», так как в них почти не было политических заключенных, а освобождать уголовников демократы не собирались.

Дискретные попытки временной власти и общественных сил, с ней сотрудничавших, были направлены, прежде всего, на реформирование местного самоуправления. Политические кризисы Временного правительства весны–лета 1917 г. эхом отозвались в провинции, но на повседневную жизнь людей не повлияли. В то же время муниципальная кампания вызвала интерес у горожан. В ходе дебатов политические партии и общественные организации излагали свои программы, непосредственно затрагивавшие вопросы местного хозяйства и социального обеспечения. Результаты выборов зависели также от политической конъюнктуры в стране – развитие общенационального кризиса способствовало дифференциации социума. Самарские либеральные политики убеждали население «расценивать избирательные списки не по симпатиям к тем или иным партийным дисциплинам, а по ... качеству тех кандидатов, какие выставляются, по их работоспособности и ... полезности для городского хозяйства» [4]. Большевики отказались от блока с другими социалистами, которые предполагали объединиться в новой Думе. Межпартийная борьба влияла на симпатии избирателей опосредованно. Например, значительная часть мелких собственников на собрании Самарского мещанского общества заявила о необходимости самостоятельного представительства в Думе, а общее собрание старообрядцев высказалось за блок с партией народной свободы (кадетов) [5].

Муниципальная избирательная компания в России не была единовременной акцией. Она продолжалась с июня по октябрь 1917 г. Назначенные на 15 августа выборы в Самарскую городскую Думу проходили в обстановке конфронтации не только политических, но и социальных сил. В результате они состоялись лишь в 11 участках из 23. Они были сорваны солдатскими митингами протеста, так как $\frac{1}{3}$ гарнизона не была по разным причинам включена в избирательные списки. Городская Управа стремилась привлечь на выборы как можно больше избирателей, но ее халатность в отношении списков от воинского гарнизона свела на нет все усилия. Такой ситуацией воспользовались социалисты. Совет рабочих депутатов накануне выборов сожалел о недостатках предвыборной агитации, отмечая: «среди прислуги, торговки и вообще среди широкой массы населения разговоры о том, что «не наше это дело...» и эти люди или изорвут на выборах свою избирательную карточку, или же, что еще хуже, передадут ее своему хозяину» [7]. В ходе обсуждения сложившейся ситуации на собрании городской Думы 17 августа 1917 г. была принята резолюция нецензурных гласных: «признать выборы несостоявшимися и принять все меры, чтобы права граждан не были нарушены» [22, л. 538].

В ходе подготовки к новым выборам в Думу возросла активность всех политических партий. Среди городского населения все большую симпатию приобретали леворадикальные политики. Характерен такой факт: на заседании Думы 29 сентября 1917 г. рассматривалось обращение «группы обывателей» с просьбой о заселении артиллерийских казарм, мотивировавших это тем, что в городе нет свободного жилья. В данной просьбе им было отказано и тогда они заявили, что этот вопрос будут решать в Совете [23, л. 93]. Повторные выборы в Думу продемонстрировали, с одной стороны, определенный абсентеизм горожан (лишь 40% включенных в списки пришли на избирательные участки); а с другой – их симпатии к леворадикальным политическим партиям, поддерживающим конфискационные требования рабочих и солдат. Умеренная пресса, анализируя сложившуюся ситуацию, отмечала: «Большевистские тенденции своеобразно понимаемого «расширения и углубления революции» проникли в самую толщу демократических слоев населения. Менее сознательная часть рабочего класса, значительная часть армии отравлена ядом большевизма» [15].

Результаты выборов 1 октября 1917 г. в Самарскую городскую думу разочаровали умеренных социалистов. Эсеры, надеявшиеся получить хотя бы простое большинство и отказавшиеся от блока с кадетами, констатировали, что по сравнению с летними «сорванными выборами партия потеряла около 15 мест, которые заняли большевики... в августе за наш список голосовали наши случайные попутчики, ждавшие быстрого осуществления своих заветных мечтаний. Теперь... те, которые привыкли называться мартовскими социалистами, ушли от нас – усталые и случайные – к кадетам, а разъяренные и разнузданные – к большевикам» [16].

После выборов в Самарской городской Думе сложилась патовая ситуация: из 99 мест было избрано гласных: 34 большевика, 32 эсера, 13 кадетов. Остальные девять фракций в связи со своей малочисленностью не могли влиять на ситуацию. Попытки большевиков и эсеров договориться о разделении полномочий (пост председателя Дум предлагался эсерам, а должность городского Головы – большевикам) провалились. При формировании исполнительного органа – городской Управы – каждая из сторон обвиняла друг друга в несоблюдении равного представительства. Большевики, кстати, считали, что подобные распри «подтолкнут массы к мысли о необходимости диктатуры советов» [3, с. 256]. Борьба между либеральными и радикальными силами в революции сопровождалась хозяйственной разрухой. В связи с этим оппозиционные власти силы поддерживали не только рабочие, солдаты, крестьяне, но и средние городские слои. Популяризация советов привела к смене политического строя, но не способствовала развитию местного самоуправления. Одновременно и думы, втянутые в партийно-политическую борьбу, перестали заниматься местным хозяйством, социокультурной сферой. Городские обыватели надеялись, что новые претенденты на власть позаботятся о «пользах и нуждах» рядовых избирателей.

Осенью 1917 г. в России кризис власти Временного правительства проявился во всех сферах управления – экономической, социальной, и как следствие, политической. Минимальные реформы в области местного самоуправления были просто попыткой физического выживания правящего режима. Без реализации конкретных действий на функциональном уровне все, выработанные властью идеи, ничего не значили. Политическая культура революционного периода – это своеобразный микс традиционных ценностей и всеобщих надежд на лучшее будущее, которое общественно-политические силы и социальные страты представляли по-разному. Большевики пришли к власти на волне народных волнений, направленных на достижение утопических идей уравнилельного социализма. Февральско-мартовская революционная эйфория сменилась политической апатией большинства городского населения, стремившегося выжить в условиях всеобщей разрухи.

Обстоятельства провозглашения советской власти в различных регионах России свидетельствуют об ожесточенной борьбе политических партий за власть. Исход этого противостояния зависел от поддержки социума. Большевики проявили более гибкую тактику. Они лавировали между различными общественно-политическими организациями, объединявшими революционные потоки. Так, в Самаре, при обсуждении известий о свержении Временного правительства, 25 октября 1917 г. было созвано совещание исполкома всех советов, где большевики высказались за установление советской власти, а все остальные – против. На следующий день самарские большевики пригласили на объединенное заседание советов всех своих сторонников: представителей фабзавкомов, профсоюзов железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, ротных и полковых комитетов. Поскольку совет крестьянских депутатов отказался участвовать в работе созданного 27 октября Ревкома «места в нем были представлены гарнизонному совету крестьянских депутатов» [18].

Первоначально Ревком пытался сотрудничать с Думой, но на своих условиях. Он предложил управе «обложить принудительным займом в сумме 3 миллиона рублей буржуазные элементы и «потратить их на увеличение пайка солдаткам» [22, л. 668]. Думцы отказались участвовать в конфискационных мероприятиях, после чего Ревком стал действовать без согласования с ними. Во второй половине ноября 1917 г. он осуществил следующие мероприятия: запретил домовладельцам повышать квартирную плату, отозвал из Комитета народной власти представителей рабочей и солдатской секций, упразднил губернский комиссариат, потребовал теперь уже 5-ти миллионный займ в отделении Госбанка, предлагая покрыть его за счет «беспощадного обложения капиталистов для обеспечения интересов неимущих классов» [23, л. 191]. Во исполнение своих решений Ревком арестовал 40 представителей самарской крупной буржуазии, отказавшихся подчиниться принудительному обложению имущих классов, не обращая внимание на протесты думских демократов [23, л. 193]. Конфискационные мероприятия Ревкома продолжились в декабре 1917 г. Его решительные действия по национализации самарских отделений банков были осуществлены при поддержке отряда Красной гвардии [23,

л. 163]. Красногвардейцы также разоружили оставшихся на службе у городского самоуправления милиционеров, не подчинившихся новой власти [23, л. 167]. Все эти конфликты свидетельствовали о новых реалиях в общественно-политической жизни горожан. Революционные инициативы масс твердо регулировались в соответствии с парадигмой строительства государства диктатуры пролетариата.

Анализируя принципы общественного поведения населения губернского города в революционных условиях 1917 г., отметим, прежде всего, политическую активность не только власти и общественных организаций, но и всех социальных страт. Причины того явления понятны – все надеялись на лучшую жизнь, а для этого необходимо было заявить свои социально-экономические требования в революции. Участие в общественно-политической жизни обеспечивало овладение городскими обывателями новыми компетенциями. Мероприятия, характеризующие «единение всех революционных сил», вносили яркие краски в повседневную действительность горожан, вызывая у них эмоциональное возбуждение. Это влияло на соотношение стихийного и сознательного в революции, способствовало дальнейшему ее развитию. Поскольку политические институты Временного правительства в 1917 г. были неустойчивы, власть не имела необходимой социальной поддержки. На успех могли рассчитывать только радикальные политики, поддержавшие конфискационные требования революционных потоков. Однако, политическая активность горожан с приходом большевиков к власти стала жестко нормироваться по классовому принципу, а демократические общественные организации были ликвидированы.

Список литературы

1. Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: «Глагол», 1994. 445 с.
2. Бешенковская М. От Февраля по Октябрь // Красная быль. Самара, 1923. №2. С. 85–90.
3. Блюменталь И.И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии: Хроника событий. Т. 1. Самара: изд-во Самарского губкома ВКП (б). 1927. 308 с.
4. Волжский день. Самара. 1917. 26 июня.
5. Волжский день. Самара. 1917. 29 июня.
6. Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 11 марта.
7. Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 13 авг.
8. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара: «Самарский университет», 2002. 324 с.
9. Кабытов П.С, Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара: «Самарский университет», 2005. 208 с.
10. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001. 350 с.
11. Красная быль: сборник Самарского губернского Бюро истпарта. Самара. 1922–1923. Вып. 1–3.
12. Липатова Н.В. Власть в печатном эквиваленте: образ советского лидера на страницах прессы. Ульяновск: УлГУ, 2014. 239 с.
13. Мещеряков Ю.В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917–август 1918 гг. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2012. 423 с.

14. Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов: «Слово», 1995. 400 с.
15. Самарские губернские ведомости. 1917. 22 сент.
16. Самарские губернские ведомости. 1917. 5 окт.
17. Симонова Е.В. Революционный процесс в региональном измерении: общество, партии и власть в 1917 – первой половине 1918 г. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2017. 306 с.
18. Солдат, рабочий и крестьянин. Самара. 1917. 14 дек.
19. Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль-октябрь 1917 г.). СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2011. 250 с.
20. Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара: ПГСГА, 2014. 184 с.
21. Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. 224 с.
22. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 41. Д. 15.
23. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26.
24. ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 13.
25. ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5.

О.А. Семёнова, А.М. Семёнов

Взгляд на домашнюю прислугу в России в 1917 г.*

На основании эго-документов И.Д. Голицыной, В.С. Авьерино, С.Н. Глобачевой, Б.В. Никольского, М.П. Романовой, Н.Н. Шабановой в статье рассматривается развитие отношений между хозяином и домашней прислугой в 1917 г., то, как каждой из сторон была принята новая социальная реальность.

Based on the ego-documents of D. Golitsyna, V.S. Avierino, B.V. Nikolsky, M.P. Romanova, N.N. Shabanova, the article examines the development of relations between the master and domestic workers in 1917, how they accepted the new social reality.

Ключевые слова: 1917 г., революция, прислуга, дворяне, эго-документы.

Key words: 1917, revolution, servants, nobles, ego-documents.

Великая Российская революция 1917 г. во всех отношениях повлияла на изменение социальной реальности [1]. Под социальной реальностью мы будем понимать «контекст существования человека, пространство его возможностей, пространство «творения» им своего жизненного мира» [5, с. 18]. Революционные события в стране вынуждали прислугу использовать все возможные способы, чтобы адаптироваться к сложившейся ситуации. Эго-документы дворян наглядно показывают, как складывались отношения в новых реалиях между «хозяином» и прислугой, отражают личностное восприятие произошедших событий [4, с. 87].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

Практически везде воспоминания начинаются с тревожных фраз наподобие «наступило роковое для России и всех 27 февраля» [2]. Борис Владимирович Никольский узнав о «потери статуса» в своем дневнике запишет: «наша дворничиха (муж ее – дворник, был на фронте), когда я приехал домой, услужливо открыла мне – «паничу») – парадную дверь. Скрывая от нее страшную новость, я как бы обманом вынуждал от нее признание моего привилегированного положения, которого у меня уже не было» [11]. В этих словах уже заранее предполагается невозможность существования «добропорядочных» отношений с прислугой. В дальнейших его записи вообще демонстрируют отсутствие всякой надежды на исполнение кем-либо своих обязанностей – «Вообразите, что внезапно Вы лишились средств, прислуги, прервался телефон, перестали выходить газеты, ходить почта, исчезли извозчики и моторы, почти погасло освещение улиц, закрылись почти все лавки, а в прочих остался только случайный и ни к чему не годный товар, и что это случилось не только с Вами, но и со всеми кругом ... Улицы будут пусты, грязны, запущены; дома погрязнеют, облупятся, будут похожи на развалины; ни лошадей, ни экипажей, ни собак, ни кошек не будет видно; явятся печальные, бледные, изможденные тени вместо людей...» [7, с. 46–47]. Его мысли отражают разрыв с прошлыми нормами и устоями, мир перевернется, так как «прислуга исчезнет, господа станут голодною прислугою, пропадут костюмы, притихнут речи, забудется смех» [7, с. 47].

В какой-то степени, можно сказать, что Б.В. Никольский был прав. Воспоминания великой княгини Марии Павловны Романовой тоже наполнены размышлениями о смене ролей, о мире в которых вчера те, кто имел многое, сегодня, в один миг, всё потеряли. А прислуга, которая не имела прав, теперь обретала «голос» – «Даже те слуги, которые работали у нас на протяжении многих лет, а то и поколений, попали под влияние новых течений. Они начали выставлять требования, образовывать комитеты. Немногие остались верны хозяевам, которые во все времена заботились о них, платили им пенсию в старости, нянчились с ними, когда они болели, и посылали их детей в школу... В большинстве своем наши слуги, которые были с нами очень много лет и жили в доме вместе со своими семьями, стали теперь опасными врагами, готовыми причинить нам любой вред, который, как им казалось, даст им удовлетворение, или обогатит их, или порадует новых правителей. Мы не могли чувствовать себя в безопасности даже в своих личных комнатах. Недоброжелательные глаза и уши следили за каждым нашим движением, слушали каждое наше слово, казалось, читали наши мысли. Уволить кого-нибудь из них было невозможно, так как слуги образовали свой собственный домашний совет и выбрали председателя. Они постоянно присылали своих делегатов к генералу Лаймингу, требуя то одного, то другого, прекрасно зная, что больше нет денег, чтобы удовлетворить их требования» [10].

Социальная реальность 1917 г. поделила домашнюю и домовую прислугу на тех, кто остался «верен» своим хозяевам, и тех, кто стал предателем, врагом в глазах дворян.

«Старый дворник сказал: “В городе что-то не то. Сдается мне, что сегодня большевики что-то затевают. Может быть, вам не следует выходить; в наше время лучше быть осторожными”» [10], «Однажды поздно вечером наш старый дворецкий, который был в доме еще до нашего рождения, пришел предупредить меня, чтобы я [М.П. Романова] не ложилась той ночью спать. Санитарам захотелось выпить больше, чем обычно, и они были особенно агрессивны. Они угрожали обойти весь дом в поисках вина. Старый дворецкий, который один из всей нашей многочисленной челяди остался полностью верен нам, спрятал и вино, и столовое серебро. Но ничего не произошло» [10]. В двух этих отрывках делается упор на возрастную характеристику, «старый», показывая тем самым, что преданность своим хозяевам остается за теми, кто отдал всю свою жизнь служению.

Совсем другими были молодые слуги, или те, кто работал, относительно «старых», не так долго. Для них наступило время «мести», возможности стать равными с хозяевами, показать, что они теперь «власть» и сила. Именно с такой позицией столкнулась М.П. Романова.

«... долгое время мне угрожали неприятности со стороны того самого санитара, который когда-то был лакеем в нашем доме... Я с большим трудом добилась для этого человека места санитара в моем госпитале, после того как узнала, что он заболел на фронте, не мог выдержать окопную жизнь. В госпитале он настолько забыл обязанности, налагаемые военной службой, и так возмущенно жаловался на сравнительно несложную работу, что мне часто приходилось делать ему выговор, и, в конце концов, за какую-то вопиющую халатность я приказала его посадить под арест на двадцать четыре часа.

После революции, следуя примеру других, он бросил работу и возвратился в Петроград вместе со своей женой, которая одно время была моей горничной в Пскове. То она, то ее муж постоянно приходили ко мне с угрозой выдать меня Совету под тем или иным предлогом; и все это в отместку за вполне заслуженное наказание, которому я его подвергла ...» [10].

В этой «новой» прислуге 1917 г. смешались старые обиды, новые взгляды, вседозволенность и обманчивое чувство свободы. Продолжая прислуживать, они всё равно чувствовали себя неким рупором революции. В воспоминаниях Владимира Авьерино можно прочитать о поварихе Мани, по прозвищу «Маня-большевичка», через которую семья начала «познавать «восставший народ» и непонятную для нас тогда, звериную злобу, поднимающуюся вокруг нас [дворян]», о гувернере швейцарце, не скрывавшем радости от революции и считавшем, что «для России это очень полезно». Владимир писал про него так: «Летом облачился в косоворотку и ходил со штанами запущенными в русские сапоги. По-русски не говорил ни слова, но постоянно стремился войти «в контакт с народом»... Учитель мой, гувернер, досаждал мне своими рассуждениями о благе свободы, «правах народа» и «отсталости России из-за царизма»» [6].

Хотя, в целом, рассуждая о своих юношеских воспоминаниях о «простом народе», как он отмечал о тех «с кем я мог встречаться – наши дворники, извозчики, мастеровые, приходившие что-либо чинить в наш дом, не считая уж

нашей прислуги», В.С. Авьерино утверждал, что этот простой народ не был в конце «Февраля» настроен революционно: «без всякого принуждения и надобности продолжал называть нас «барин», «барчук», «барыня»» [6].

Выделялась ещё одна группа прислуги, которая видя крайне тяжелое экономическое состояние общества, так как, «жизнь в Петербурге становилась всё труднее, было холодно, голодно, темно. Электричество работало с перебоями. Дров не было, топить печи было нечем» [12, с. 30], понимала, что уйди она с работы, выжить, в прямом смысле этого слова, будет тяжело. Поэтому эти слуги делали выбор в пользу продолжения выполнения своих обязанностей. Стоит отметить, что такая прислуга не выстраивала с хозяевами отношения с позиции силы. Присутствуют подобные слуги и воспоминаниях М.П. Романовой: «Когда дом на Невском был продан, мы сняли небольшую меблированную квартиру на Сергиевской улице и переехали туда. Прежний большой штат слуг заменили повар, горничная и ординарец, который выразил желание остаться на некоторое время. Денег у всех становилось все меньше и меньше» [10]. Ирина Дмитриевна Голицына вспоминала, что и женская, и мужская прислуга тоже захотела остаться при них, хотя «квартира, в которой мы поселились, была так мала, что для всех места не хватило» [3].

Семья В.С. Авьерино была вынуждена покинуть Москву и, уезжая, его мать оставила домашней прислуге деньги и продовольствие, разрешив «пока» жить в доме, сколько кто пожелает. Нянька младшей сестры оставалась «сторожить дом» и, как потом оказалось, стала большевичкой, прибрав к собственным рукам их движимое имущество. О прощании с прислугой автор-дворянин вспоминал, что трогательного в том ничего не было, исключение составляла только его кормилица, «владимирская крестьянка, потомок крепостных нашего рода, осталась для меня и по сию пору образом благостной русской женщины. Это с ее молоком всосал я большую долю той «русскости», коей я проникнут. Прощался я с нею как с родной матерью, она меня, плача, благословила, и образ кормилицы моей, Наталии Володиной (предначертанное имя!), запечатлелся в моем сердце навсегда» [6].

«Доброта» к прислуге со стороны дворян, была, прежде всего, ни актом милосердия к ней, хотя такое тоже могло быть, а скорее всего, отражала надежду на то, что большевики долго у власти не будут и повседневная жизнь вернется в старое русло.

Таким образом, кардинальные общественные изменения привели к ломке жизненного уклада и ценностей конкретных людей. Разрыв старых отношений «хозяин – прислуга» стал в 1917 г. «вызовом» для повседневной жизни, которая складывается из социальных настроений, чувств, норм поведения, традиций и прочих духовных компонентов [9]. У дворян сформировался страх перед будущим, у домашней прислуги надежды, что они станут «людьми с правами», равными бывшим хозяевам.

Список литературы

1. Баринаева Е.П. Провинциальное дворянство в годы Гражданской войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 230–238.
2. Глобачева С.Н. Прелюдия происходящих событий // Из личного архива В.Г. Маринича. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/3574> (дата обращения: 12.12.2020).

3. Голицына ИД. Воспоминания о России (1900–1932). М.: АЙРИС-пресс, 2009. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/181142-irina-golicyna-vospominaniya-o-rossii-1900-1932.html> (дата обращения 11.11.2020).
4. Годовова Е.В. Дневники и письма как исторический источник по изучению военной повседневности казачьего сословия // История повседневности. 2016. № 2 (2).
5. Гришина Н.В. Социальная психология: вызовы XXI века // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2011. Вып. 4. С. 18–24.
6. «Не могут же большевики долго продержаться!»: из воспоминаний В.С. Аверино. Париж, 10 апреля 1976 г. // Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. Е-91. Л. 1–13. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/2592#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 09.12.2020).
7. Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 1: 1896–1903. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 704 с.
8. Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 2: 1904–1918. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 656 с.
9. Пахарь Л.И. Социальная реальность: анализ механизма функционирования // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 5 (61). С. 135–143.
10. Романова М.П. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кухни Николая II. 1890–1918. М.: Array Литагент «Центрполиграф», 2007. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/229878-mariya-romanova-vospominaniya-velikoj-knyazhny-stranicy-zhizni-kuziny-nikolaya-ii-1890-1.html> (дата обращения: 28.12.2020).
11. «Рухнул старый мир, а с ним и все устои нашей жизни...»: из воспоминаний анонимного автора Торонто, [б/д] // Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. А-94. Л. 1–13. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/2587-ruhnul-staryy-mir-a-s-nim-i-vse-ustoi-nashey-zhizni#mode/inspect/page/4/zoom/4> (дата обращения: 12.12.2020).
12. Шабанова Н.Н. Воспоминания о себе, о времени в котором жила. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2009. 247 с.

Е.В. Никуленкова

Беспартийные в Институте красной профессуры в 1920-е гг.

В статье рассматривается вопрос о положении беспартийных слушателей и преподавателей в Институте красной профессуры в 1920-е гг. Институт был создан для подготовки новой «красной» профессуры, которая должна была владеть марксистской методологией, активно участвовать в политической жизни страны. Поэтому к поступающим в ИКП предъявлялись высокие академические и партийные требования. Но среди первых слушателей Института оказались и беспартийные, которых сразу стали пытаться отчислить. К преподаванию в ИКП старались привлечь, прежде всего, коммунистов, крупных партийных деятелей, но в силу их загруженности и малочисленности пришлось обратиться к старой беспартийной профессуре.

The article examines the situation of non-partisan students and teachers at the Institute of red professorship in the 1920s. The Institute was founded for educating the new professorship, which was supposed to be proficient in Marxist methodology and actively participate in the political life of the country. That is why high academic and party requirements were imposed on those entering the IKP. But among the first students of the Institute there were non-partisans, who were immediately tried to be expelled as non-compliant. First of all, the leadership of the Institute made an attempt to attract Communists, major party figures, to teach at the IKP, but due to their workload and small number, it had to turn to the old non-party professorship.

Ключевые слова: Институт красной профессуры, «красная профессура», подготовка научных кадров в СССР в 1920-е годы, преподаватели высшей школы.

Key words: Institute of the red professorship, “red professorship”, education of scientific personnel in the USSR in the 1920s., higher school teachers.

После прихода к власти перед большевиками стояли важные задачи по преобразованию науки и высшей школы в духе требований нового советского государства. Важно было не только привлечь старую научную профессуру на свою сторону, но и подготовить новые марксистские научные и преподавательские кадры. С этой целью в 1921 г. в Москве был открыт Институт красной профессуры (ИКП) [6–9].

В отличие от старой, новая профессура должна была хорошо владеть марксистской методологией, активно участвовать в политической жизни страны, заниматься партийной работой. Поэтому к поступающим в ИКП предъявлялись высокие академические и партийные требования (членство в РКП(б) и определенный партийный стаж). В 1924 г. ректор Института М.Н. Покровский отмечал: «Нормальным слушателем [ИКП]... является ... член РКП (что предполагает... элементарную марксистскую подготовку), окончивший одно из высших учебных заведений...» [1. Д. 99, л. 37]. Тем не менее, в первом приеме к вступительным испытаниям были допущены и беспартийные, но с рекомендацией парторганизаций. Это было связано с опасением, что для подготовки «красных профессоров» из числа партийной молодежи не найдется достаточного количества образованных претендентов. Кроме того, это «половинчатое решение», как отмечал М.Н. Покровский, было отчасти принято и под влиянием «воодушевления», каким было «охвачено беспартийное студенчество» Московского университета осенью 1920 г., встречавшее и провожавшее «бурными аплодисментами» ораторов-коммунистов. «Мне ... казалось, что этой инициативой можно воспользоваться, чтобы из беспартийных извлечь известное количество близких нам людей...», – писал Михаил Николаевич [10].

Данные о количестве беспартийных слушателей, принятых в 1921 г. в Институт красной профессуры, весьма противоречивы. В 1922 г., подводя итог первого года работы ИКП, М.Н. Покровский отмечал, что в первом наборе было принято 93 человека, осталось (после «чистки») 81, из них 5 беспартийных [11]. Через 10 лет, в 1931 г., он уже говорил, что сразу принят был 81 чел., из них 5 беспартийных [10]. Если проанализировать списки состава слушателей, хранящихся в Государственном архиве РФ (ГАРФ), то беспартийных получается намного больше – как минимум, 11 чел. (впрочем, и принятых тоже указано больше – 105 чел., кроме того, были еще исключенные из партии) [1. Д. 137, л. 26–32].

Допущение к поступлению в Институт красной профессуры беспартийных, практически сразу же привело к постановке вопроса об их отчислении. Уже в декабре 1921 г. беспартийные слушатели Г.С. Тымянский, С.С. Айнзафт

и А.И. Гуковский подали в Правление ИКП заявление, в котором отмечали: «Постановление комячейки об исключении из Института слушателей, не являющихся членами коммунистической партии, ставит нас в невыносимо тягостное положение, так как находясь под угрозой исключения, мы не можем заниматься своей работой, требующей спокойного состояния» [1. Д. 10, л. 4]. В такой обстановке некоторые беспартийные слушатели пытались вступить в партию [13, л. 6–7]. Как вспоминал историк А.И. Гуковский, в 1922 г. стипендии выдавали только коммунистам, поэтому он, как беспартийный, покинул ИКП и вернулся в него в 1923 г. вольнослушателем [2, с. 84]. В ходе «проверки слушателей» 1922 и 1923 гг. партийная принадлежность и партийная активность учитывалась при решении вопроса о продолжении обучения в ИКП. В феврале 1922 г. Комиссия по пересмотру состава слушателей постановила: «Принять, что обязательным для слушателей коммунистов является двухлетний стаж... Удовлетворяющих этому стажу подвергнуть оценке только с академической точки зрения; неудовлетворяющие рассматриваются персонально и оставляются в ИКП, если есть индивидуальные данные в пользу оставления» [1. Д. 5, л. 2]. Исходя из этого, исключали из Института не только тех, кто не справлялся с академической работой, но и беспартийных и исключенных из РКП(б). Так, из 11 беспартийных первого набора в 1922–1923 гг. было отчислено 7 чел. [1. Д. 137, л. 26–32]. Четверо беспартийных закончили ИКП: в 1924 г. – Г.Е. Меерсон, В.Н. Позняков, Г.С. Тымянский, в 1926 г. – А.И. Гуковский. Несмотря на это, научная карьера для отчисленных не являлась законченной. Так, например, слушатель экономического отделения А.Л. Реуэль был рекомендован для поступления в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), где и продолжил занятия с 1924 г., став впоследствии известным профессором. Слушатель исторического отделения С.С. Айнзафт после отчисления, в 1923–1925 гг., также работал научным сотрудником РАНИОН [9, с. 67–68]. В 1922 г. в ИКП был принят только один беспартийный (отчислен в 1923 г.), и в дальнейшем принимались только коммунисты [1. Д. 137, л. 34–35]. В 1922 г. для поступления в Институт требовалось иметь минимум трехлетний партийный стаж, в 1924 г. – пятилетний.

Для подготовки «красной профессуры» требовались и соответствующие преподаватели. Это должны были быть ученые-марксисты, коммунисты. Большие надежды возлагались на привлечение ответственных партийных работников. Но они были перегружены основной работой, и не могли заниматься преподаванием. М.Н. Покровский называл это «трагедией». «И слушатели, измучившись в ожидании руководителя-коммуниста», требуют дать им «какого-нибудь руководителя-марксиста, хотя бы и не партийного, лишь бы не сидеть даром или не заниматься по методу взаимного обучения», – отмечал он [11]. Занятия срывались, поэтому пришлось обратиться к старой профессуре и бывшим меньшевикам.

В 1920-е гг. в ИКП в разное время работали многие беспартийные представители старой школы: историки-медиевисты А.Н. Савин и Е.А. Косминский, известный историк А.Е. Пресняков, этнограф П.Ф. Преображенский,

историки античности Г.М. Пригоровский и В.С. Сергеев, экономисты З.С. Кацеленбаум и И.А. Трахтенберг, философ В.Ф. Асмус и др. В течении всего рассматриваемого периода занятия на историческом и экономическом отделениях вел крупный специалист по аграрной истории П.И. Лященко [9, с. 25–26]. Они были знающими специалистами, и слушатели высоко оценивали их работу. Этих профессоров использовали под контролем коммунистов, поручив им вести периоды, наиболее удаленные от современности, а, следовательно, имеющие меньшую «политическую значимость». Так, в январе 1922 г. было принято решение организовать параллельно с семинаром по истории Запада А.Н. Савина, семинар «под руководством марксиста» [1. Д. 2, л. 29]. При этом беспартийные преподаватели ценили возможность продолжать работу в новых условиях, не претендуя на правильное понимание марксизма. Так, историк А.Н. Савин отмечал: «Как человек беспартийный, я считаю себя совершенно некомпетентным судить о том, в какой мере ортодоксально проведена в докладах точка зрения революционного марксизма. Как специалист по новой истории, я отвечаю за выбор темы и источника, и в известной степени за техническую обработку материала». [1. Д. 6, л. 13]. Несмотря на это, слушатели ценили их профессионализм. «А.Н. Савин дал мне больше других преподавателей. Так говорили о нем и другие участники семинара. С внешней стороны занятия в семинаре не отличались яркостью. Здесь не было полемического задора, свойственного большинству других занятий, но мы по-настоящему обучались критике источников, приемам исторического исследования», – писал беспартийный выпускник ИКП историк А.И. Гуковский [2, с. 84].

Помимо представителей старой школы, к работе в ИКП были привлечены и бывшие меньшевики: историк Н.А. Рожков, экономист И.И. Рубин, философы А.М. Деборин и Л.И. Аксельрод (Ортодокс). Два последних были основными преподавателями философии в Институте красной профессуры в первые годы существования ИКП. Но если Л.И. Аксельрод, ушла из Института в 1923 г. (по этому поводу руководство ИКП выразило «глубокое сожаление» и вынесло благодарность за проведенную работу) [7, с. 95], то А.М. Деборин долгое время возглавлял философское отделение Института (в 1928 г. он вступил в ВКП(б)).

В 1920-е гг. (с перерывом с 1923 по 1926 гг.) в ИКП преподавал крупный экономист И.И. Рубин. Перерыв в преподавании был связан с пребыванием ученого в заключении и ссылке. Несмотря на ходатайство Ш.М. Дволайцкого и М.Н. Покровского, в течении трех лет И.И. Рубину было запрещено проживать в крупных городах СССР [3, с. 31–33].

Что касается историка Н.А. Рожкова (который, как и М.Н. Покровский был учеником В.О. Ключевского), то в 1924 г., после ссылки в Псков, ему было разрешено вернуться в Москву. Этому предшествовало его заявление о его выходе из партии меньшевиков [4, с. 457–459]. С этого времени историк работал в Институте красной профессуры, но, как вспоминал выпускник исторического отделения А.Л. Сидоров, М.Н. Покровский дальше подготовительного отделения Н.А. Рожкова не пускал [12, с. 121].

Привлечение бывших меньшевиков и представителей старой школы рассматривалось большевиками, как вынужденная мера, хотя слушатели и многие преподаватели-коммунисты относились к ним с уважением. В целом, беспартийных профессоров в ИКП было меньше, чем в других учебных заведениях того времени. Так, в 1928 г. из 46 чел., работавших в Институте красной профессуры, беспартийных было всего 9 [5, с. 89].

Таким образом, принятие в первом наборе беспартийных слушателей и привлечение к преподаванию в ИКП не только коммунистов, рассматривалось руководством Института как вынужденная мера. Она была вызвана нехваткой высоко образованных коммунистических кадров. И если от беспартийных слушателей старались сразу избавиться как несоответствующих требованиям, необходимым для обучения в этом особом учебном заведении, то беспартийные преподаватели оказались в лучшем положении и продолжали преподавать в новых условиях.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5284. Оп. 1.
2. Гуковский А.И. Как я стал историком // История СССР. 1965. № 6. С. 76–99.
3. И.И. Рубин: Политическая экономия и современность / под ред. М.И. Воейкова и Д.В. Мельника. М.: Институт экономики РАН, 2017. 362 с.
4. Историки России. Биографии / составитель, отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 912 с.
5. К истории Института красной профессуры. Документы. Подготовили С.М. Дубровский и Д.В. Романовский // Исторический архив. 1958. № 6. С. 73–90.
6. Никуленкова Е.В. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 108–123.
7. Никуленкова Е.В. Подготовка философов-марксистов в Институте красной профессуры в 1920-е годы // Клио. 2018. № 6. С. 94–101.
8. Никуленкова Е.В. Подготовка экономистов-марксистов в Институте красной профессуры в 1920-е годы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. № 4. С. 47–55.
9. Никуленкова Е.В. Институт красной профессуры – большевистский идеологический и научный центр (1921–1930 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Российский гос. пед. университет им. А.И. Герцена. СПб., 1998. 219 с.
10. Покровский М.Н. Десятилетие Института красной профессуры // Правда. 11 февр. 1931.
11. Покровский М.Н. Институт красной профессуры (к первой годовщине) // Правда. 2 дек. 1922.
12. Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. 1964. № 3. С. 118–138.
13. Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). Ф. 474. Оп. 1. Д. 5.

Российское общество Красного Креста в борьбе с голодом 1921–1923 гг. (на примере Республики Татарстан)

Статья посвящена деятельности Российского общества Красного Креста в период голода 1921–1923 гг. Основными направлениями работы данной организации были медицинская и медикаментозная помощь, а также кормление голодающего населения. На территории ТАССР функционировало два врачебно-питательных отряда. Они активно сотрудничали с местными государственными структурами и такими иностранными организациями, как Американская администрация помощи, Германский Красный Крест и Шведское объединение частных торгово-промышленных предприятий.

The article is devoted to the activities of the Russian Red Cross Society during the famine of 1921–1923. The main directions of work of this organization were medical and medicament care, as well as feeding the starving population. On the territory of the TASSR, there were two medical and nutritional teams. They actively cooperated with local government agencies and foreign organizations such as the American Relief Administration, the German Red Cross and the Swedish Association of Private Commercial and Industrial Enterprises.

Ключевые слова: Российское общество Красного Креста, Красный Крест, ТАССР, 1921–1923 гг., голод в Поволжье, помощь голодающим.

Key words: Russian Red Cross Society, Red Cross, TASSR, 1921–1923, famine in the Volga region, help for the hungry.

Российское общество Красного Креста возникло в России во второй половине XIX в. Спектр его деятельности был очень широк: от медицинской помощи военным в ходе различных вооруженных конфликтов с участием не только русской армии до благотворительной помощи нуждающемуся населению в период эпидемий и голода. По постановлению Совнаркома от 1918 г. Российское общество Красного Креста сохраняло свою самостоятельность, но находилось под контролем Народного комиссариата здравоохранения [1].

Не смотря на столь обширную благотворительную работу Российского общества Красного Креста, в современной российской историографии к этому вопросу очень редко обращаются исследователи. Деятельность данной организации в первые годы Советской власти упоминается только косвенно [7; 8].

В 1921 г. неурожай и голод охватил 30 губерний Среднего и Нижнего Поволжья, Кавказа, Крыма, Южной Украины и ряда западных областей. Президиум ВЦИК постановлением от 22 августа 1921 г. поручил организовать и направить в голодающие регионы врачебно-питательные отряды [1].

Молодая Татарская республика не стала исключением. Представители Российского Общества Красного Креста прибыли в Казань в начале ноября 1921 г. Уполномоченным по Татреспублике был доктор Козлов [5, л. 114 об.].

Осенью и зимой 1921–1922 гг. шли организационные работы: было учреждено Управление Красного Креста из 7 человек. При Управлении был создан «совещательный орган из представителей Комитета Помощи голодающим,

синдиката (в документах нет уточнения – Ф.А.Ю.), Комиссариата Снабжения, Комиссариата Народного Здравоохранения Татреспублики, Эвакуационной Комиссии, «Всемедикосантруда», Рабочих кооперативов, Комиссариата Народного Просвещения и уполномоченного Центрального Комитета Красного Креста по Татреспублике» [5, л. 114]. Главной целью этого органа было избежание параллелизма в работе и тесный контакт с различными государственными и общественными структурами.

Для получения дополнительных средств и привлечения новых членов работники Красного Креста провели агитационную кампанию – «Неделю Красного Креста». Здравоотделы, региональные комиссии помощи голодающим, местные органы Красного Креста и политпросветы образовывали из своих представителей «четверки» для устройства митингов, собраний, лекций, концертов, спектаклей, во время которых проводили сбор пожертвований [2, л. 34]. В результате в ТАССР была собрана сумма в 151 629,5 р. Кроме того, само Российское Общество Красного Креста пополнилось 400 новыми членами [5, л. 114].

Непосредственная деятельность Российского Общества Красного Креста на территории Татарской республики началась весной 1922 г. после передачи Татарским комиссариатом здравоохранения двух врачебно-питательных отрядов. Начальниками отрядов были врачи Андриевский и Ойфебах [5, л. 115 об.].

Отряд № 7 работал с апреля 1922 г. в 5 волостях Тетюшского кантона: Шонгутовской, Шамбулыхчинской, Старо-Барышской, Никифоровской, Больше-Кляринской с населением в 70 000 чел. На базе больницы в Шонгутах действовал барак для сыпно-тифозных больных, при котором функционировали ванна, аппарат для дезинфекции, баня и прачечная. Там же в Шонгутах 2 раза в неделю велся амбулаторный прием больных. Фельдшерская амбулатория в селе Верхний Индирчи обслуживала район Шамбулыхчинской волости. Тех, кто не мог по разным причинам самостоятельно добраться до амбулатории, медицинский персонал посещал на дому [4, л. 49].

Общее число больных, прошедших через амбулаторию, составило в апреле – 898, мае – 1 514, июне – 1 345, июле – 1 308, августе – 777, итого – 5 842 больных. Число больных, получивших медицинскую помощь на дому, в апреле было 382 чел., мае – 377, июне – 375, июле – 581, августе – 242. Итого – 1 957 больных [6, с. 133].

Второй отряд работал в Набережных Челнах и уездах: Набережночелнинском, Макарьевском, Альметьевском, Мелекесском с населением в 65 000 чел. В марте 1922 г. в Набережных Челнах была открыта больница на 25 коек для больных исключительно на почве голода. С конца мая 1922 г. по соглашению с кантональным здравоотделом ее реорганизовали в сыпно-возвратную и сыпно-тифозную. С 15 апреля 1922 г. городская амбулатория оказывала медикаментозную помощь проходящим больным и осуществляла стационарное лечение. В волостях при центральных столовых от Красного Креста медицинской помощью населению занимались сестры милосердия. За период с апреля по август 1922 г. через амбулаторию прошли 2 648 чел. [6, с. 134]. В

целях борьбы с холерой отряд открыл 1 июля 1922 г. специальный барак, а также были выделены 2 прививочных отряда, работавших совместно с Американской администрацией помощи, более известной как АРА [4, л. 50, 52 об., 53 об.]. Заведующий медицинским отделом АРА в Казанском дистрикте, доктор В.В. Дир дал очень высокую оценку бараку для заразных больных при отряде Красного Креста и Наркомздрава: «Это учреждение на меня произвело впечатление более благоприятное, чем другие какие-либо в России. Дом и больные содержатся великолепно и снабжены достаточным количеством белья и др. необходимых предметов» [5, л. 115 об.]. К сожалению, в источнике не уточняется, о бараке при каком именно отряде шла речь.

В рамках оказания помощи населению, Российское общество Красного Креста сотрудничало не только с АРА, но и с Германским Красным Крестом, работавшим на территории Советской России в рамках Миссии Нансена, и Шведским объединением частных торгово-промышленных предприятий.

Уполномоченный Русского Красного Креста принимал участие в Комиссиях по распределению в Татарской республике медикаментов и продуктов питания Германского Красного Креста [5, л. 114 об.]. Последний передал своим русским коллегам в ТАССР для снабжения врачебно-питательных отрядов 590 кг консервов из говядины, 197 кг консервов из баранины, 33 кг сала, 164 кг соли, 61,5 кг сушеных фруктов, 2 ящика лимонов, 16,4 кг консервированного мармелада, 410 кг манной крупы и 24 бутылки коньяка [3, с. 249]. От Шведского объединения частных торгово-промышленных предприятий было получено для врачебно-питательного отряда №7 бисквита 850 пудов (13 923 кг), ржаной муки 270 пудов (4422,6 кг) и белой муки 1 вагон [5, л. 114 об.].

В Татарской республике Российское общество Красного Креста занималось не только медицинской помощью, но и питанием населения. Изначально было установлено, что выдачи Красного Креста не должны носить двойного характера и совпадать с выдачами других организаций [5, л. 114].

Уже в начале апреля 1922 г. в районе пяти волостей Тетюшского кантона отряд № 7 открыл 6 столовых. К каждой столовой было прикреплено от 4 до 20 сел [6, с. 132]. В столовых из продуктов ничего не готовили, а пайки выдавали исключительно в сухом виде на месяц. К распределению продуктов привлекалось местное крестьянское население в лице уполномоченного от голодающих деревень. Суточная норма питания была такова: для взрослых – 224 г муки и 52 г крупы; для детей – 172 г муки, 52 г крупы, 4 г какао, 34 г молока сгущенного. Размер пайка колебался от 800 до 1 500 калорий в зависимости от наличия продуктов на складах отрядов [4, л. 52 об.]. С апреля 1922 г. по май 1923 г. было выдано 678 619 взрослых и 277 490 детских пайков. Больным выдавали специальный паек: 410 г хлеба, 69 г крупы, 47 г какао, 34 г молока сгущенного или 26 г сахара, 26 г жиров и 26 г соли. Выздоровливающим больным выдавался для усиленного питания шоколад. А детям, кроме того, еще выдавали муку «куфеке» [3, л. 48 об. – 49], один из видов детского питания, заменителей молока.

Второй врачебно-питательный отряд в марте 1922 г. на территории четырех волостей вокруг Набережных Челнов развернул 69 питательных пунктов. Распределение пайков производилось консультативной комиссией в составе представителей Комиссии Помощи голодающим (Помгол), Кантздрава и начальника отряда. Центральная кухня распределяла свои продукты между кухнями, находящимися в селах, во главе которых стояли уполномоченные от населения. Последние контролировались сельскими Советами и представителями голодающих [6, с. 133]. В отличие от отряда №7, здесь с конца марта до середины июня пайки выдавались в горячем виде. С июня произошел переход на выдачу сухих пайков сразу на две недели из-за полевых работ. С марта 1922 г. по май 1923 г. было выдано 136 673 взрослых и 159 986 детских пайков [4, л. 49 об. – 50].

Подводя итоги, следует отметить, что врачебно-питательные отряды Российского Общества Красного Креста внесли большой вклад в дело оказания продовольственной и медицинской помощи голодающим Татарской республики. В отличие от государственных структур, Красный Крест оказывал помощь на постоянной основе, выдавая продукты, в том числе, и в виде сухих пайков на руки. Это давало возможность разделить приготовленную на дому пищу между членами семьи, таким образом, увеличивая количество питающихся. Отряды работали в наиболее отдаленных и пострадавших районах, куда не доходила помощь других организаций. Именно они заполняли «белые пятна» на карте медицинской и медикаментозной помощи.

Список литературы

1. URL: <https://www.redcross.ru/o-nas/istoriya> (дата обращения: 10.12.2020).
2. Всем компоголом, здраводелам, уполномоченным РОКК и политпросветам // Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 102.
3. Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.: сборник статей и отчетов. М., 1922.
4. Краткий доклад о работе уполномоченного Российского Общества Красного Креста // ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 264.
5. Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста // ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 265.
6. Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста в Татарской Республике // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1997. № 3/4.
7. Смирнова В.А. Российское общество Красного Креста (1867–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Вера Александровна Смирнова. СПб., 2014.
8. Федотова А.Ю. Деятельность Германского Красного Креста во время голода 1921–1923 гг. в ТАССР // Современные социальные и гуманитарные знания: традиции, новации, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2010.

«Голодная кадриль», «залежи трупов» и другие специфические приметы НЭПа в голодающих губерниях в 1922 г.

Введение Новой экономической политики в Советской России осуществлялось в условиях масштабного и катастрофического голода 1921–1923 гг. На основании доступных изучению документов и материалов, в статье приведены характерные приметы того времени, связанные с резким контрастом противоположных явлений голодного бедствия и богатой жизни нового класса советских граждан – нэпманов. Многие такие явления получили весьма хлесткие названия в прессе и документах тех лет и были понятны для советского обывателя. В наше время многие такие названия могут поставить в тупик или вызвать недоумение исследователей. В статье разбираются самые яркие и часто упоминавшиеся проявления «нэпманской» жизни в голодающих губерниях. Названия и разъяснение явлений, бывших неотъемлемой частью повседневной жизни горожан в 1922–1923-х гг., приведены в алфавитном порядке с приведением основных источников и характерных цитат.

The introduction of the New Economic Policy in Soviet Russia was carried out in conditions of a massive and catastrophic famine of 1921–1923. Based on the documents and materials available for study, the article presents the characteristic signs of that time, associated with the sharp contrast of the opposite phenomena of the famine disaster and the rich life of the new class of Soviet citizens – “Nepman”. Many of these phenomena received very biting names in the press and documents of those years and were understandable to the Soviet citizen. Nowadays, the names of such phenomena may confuse or puzzle researchers. The article examines the most striking and frequently mentioned manifestations of "Nepman" life in the starving provinces. The names and explanations of the phenomena that were an integral part of the everyday life of the townspeople in the 1922–23s are given in alphabetical order with the main sources and characteristic quotes.

Ключевые слова: голод 1921–1923 гг., НЭП, благотворительность, криминал на почве голода.

Key words: the famine of 1921–1923, New Economic Policy, charity, crime on the basis of famine.

Новая экономическая политика, провозглашенная на X съезде РКП(б), вернула свободу торговли и рыночные отношения. Соответствующие декреты ВЦИК, в первую очередь, разрешавшие свободную торговлю, способствовали довольно быстрому обогащению кооператоров, торговцев и спекулянтов, которых почти сразу стали называть в народе «нэпманами» и «новыми русскими». Вместе с ростом благосостояния росли и запросы «нэпманов», которые резко контрастировали с удручающей экономической разрухой, нищетой и бедностью основной массы населения. Особенно сильна была картина контраста в голодающих губерниях, где, как и в Москве и Петрограде, новая советская буржуазия открывала рестораны, кабаре, дорогие магазины.

Участие нэпманов в деле помощи голодающим чаще всего ограничивалась частной благотворительностью и добровольными пожертвованиями. Однако, сама жизнь нэпманов и их привычки могли самым серьезным образом

влиять на поведение и судьбу голодающих. Многие слова языка делового общения, вернувшиеся в обиход и использовавшиеся нэпманами, зачастую приобретали двойное значение, попадая в городские и профессиональные жаргоны. Ниже мы разберем самые характерные приметы того времени и расшифруем их названия.

«Вафли Ильича». Советская символика, имена Карла Маркса и Энгельса, вождей мировой революции и, разумеется, Ленина, довольно часто использовались в рекламных целях, в названиях продукции и магазинов. Видимо здесь отчасти играло роль стремление нэпманов формально выказать лояльность Советской власти. Так как законодательная база по отношениям в сфере рекламы не запрещала подобные явления, то дело часто доходило до курьезов. Так, в 1924 г. Центральная комиссия по увековечению памяти В.И. Ленина зафиксировала целый ряд «фактов возмутительного обращения с именем тов. Ленина» в целях рекламы и торговли. В городе Самаре было обнаружено, что в магазине Губторга на улице Советской уже не первый год торгуют вафлями местного производства, упакованными в «изящную коробочку, перевязанную ленточкой», с портретом В.И. Ленина на крышке и надписью: «Вафли Ильича» [3, 21 декабря 1924, № 1805, с. 3]. Статья, бичевавшая это явление, вышла с одноименным заголовком, и выражение закрепилось в массовом сознании горожан.

«Воскресник». То же, что и субботник, т.е. сознательный организованный бесплатный труд на благо общества в свободное от работы время. Существенных отличий было в начале 1920-х гг. два: воскресники проводились в единственный выходной день на неделе и в них участвовали в основном коммунисты, кандидаты в партию и «сознательные рабочие». В 1921–1922 гг. в голодающих губерниях это слово приобрело мрачный и даже депрессивный оттенок, так как воскресники в основном посвящались рытью братских могил на кладбище (кладбищенские работники не справлялись с рытьем могил в прок из-за «наплывов трупов»), а также выносу тел умерших с вокзалов, из квартир и карантинных. Например:

«Сотрудника Эпидотряда Коммунистов Хорева
Начальнику Эпидотряда Коммунистов
Рапорт.

Довожу до Вашего сведения, что 18 декабря был воскресник на холерном кладбище. В воскреснике с нами участвовали железнодорожники. Было вырыто две ямы в ширину 2 сажени, длиной в 2 сажени, и в эти ямы этим воскресником зарыто было 160 человек.

19 декабря 21 г.

С. Хорев» [9, л. 79].

«Голодная кадрили». Так в прессе, политических брошюрах, а иногда и в отчетах ГПУ, назывались благотворительные вечера, устраивавшиеся нэпманами в пользу голодающих. На таких вечерах пожертвования собирались путем розыгрышей лотерей и конкурсов. Чтобы собрать побольше публики,

заранее приглашались музыканты и объявлялись танцы. Явление нашло отражение и в художественной литературе, как например в повести А.С. Неверова «Ташкент – город хлебный», романе Роберта Штильмарка «Горсть света» и др.

«Залежи трупов». Осенью 1921 г. так называли незахороненные трупы умерших от голода и болезней, свезенные в одно место. Либо так могли назвать случайно обнаруженные трупы группы беженцев или умерших в одной квартире людей. С января 1922 г. в городах Поволжья стали открываться первые рестораны и ночные кабаре, обслуживавшие нэпманов и их окружение. Эти заведения, естественным образом, привлекали бездомных голодающих, которые толпились у входа в ожидании милостыни. Многие нищие и беженцы там же и умирали от переохлаждения. Дворники и швейцары оттаскивали трупы в сторону, чаще на углы улиц. Местные газеты призывали власти не допускать появления «залежей трупов» на людных улицах. Так, в городе Самаре, свежие «залежи трупов» почти ежедневно обнаруживали на центральной улице города Советской. Вывозили эти «залежи» сотрудники эпидемиологических ЧК, после чего эти места дезинфицировались хлоркой. Это крайне неприятное занятие чаще всего поручалось проштрафившимся работникам и использовалось как наказание. Так, служащая самарского Боевого Эпидотряда Коммунистов тов. Можаровская, за то, что заснула на своем посту в Детприемнике № 1, была направлена на улицу Советскую для дезинфекции мест залежей трупов и, впоследствии, с той же миссией выехала для работы в уезды [8, л. 12].

«Наплыв трупов». Поступление большого количества тел умерших в специализированные учреждения, морги, на кладбища, при котором работники не успевают справляться со своими обязанностями. Позже «наплывами» стали так же называть обнаружение больших «залежей трупов» на улицах.

«Нэпманята», «незаконные дети нэпманов». Так среди советских служащих, а затем и в народе называли беспризорников, которые занимались дешевой спекуляцией под покровительством нэпманов. Проблема была в том, что дети очень часто разбегались из полуголодных приютов, увеличивая статистику детской преступности на улицах. Вождем мечтой таких детей было стать уличным спекулянтom и «дорости» до нэпмана. Николай Александрович Семашко, в статье «НЭП, голод, дети», призывал обязать нэпманов содержать детские приюты Наркомата просвещения, куда передавали малолетних преступников, задержанных на улицах городов. Семашко обосновывал свое требование тем, что эти дети – прямое следствие НЭПа, а значит они являются «незаконнорожденными детьми нэпманов» [4, с. 63].

«Предприниматель». На милицейском жаргоне начала 1920-х «Предприниматель» – это мошенник, который объезжает голодающие деревни и обещает крестьянам пристроить их детей в детский дом или прикрепить к столовой за небольшую плату «за хлопоты». Состоятельным крестьянам предлагает устроить ребенка в иностранный детский дом за более высокую плату. Собрав два-три десятка детей, «предприниматель» ведет их пешком на железнодорожную станцию, где исчезает. О появлении таких мошенников население часто предупреждали газеты, так в январских-февральских номерах

самарской «Коммуны» публиковались предупреждения о действии мошенников, представлявшихся сотрудниками Американской Администрации помощи (АРА).

«Руки прочь от трудового достояния рабочих и крестьян!». Судебно-юридическая кампания, проводившаяся в голодающих губерниях. Пользуясь голодным бедствием и благоприятными условиями рынка, городские спекулянты, нэпманы и сельские кулаки, начиная с весны 1922 г., принялись за бесценнок скупать земельные участки разорившихся крестьян и дачи рабочих. Для борьбы с этим явлением, губернские отделы юстиции рассылали на места циркулярное письмо, в котором устанавливались следующие меры:

1. Все сделки купли-продажи и аренды, совершенные под влиянием голода считать недействительными.

2. Иски спекулянтов, нэпманов и кулаков о признании таких сделок законными, оставлять без рассмотрения.

3. Скупку земли у голодающих приравнять к краже, виновных привлекать к ответственности по всей строгости закона [5, с. 175–176].

«Скучные темы». Резкий контраст представляют собой газетные публикации декабря 1921 г. и января 1922 г., когда на страницы газет хлынули рекламные объявления. Так, количество листов в самарской «Коммуне» увеличилось в полтора раза. Получая весомую прибыль от рекламы, газеты стали отводить под нее все больше места. Во многих городах нэпманы, почувствовав свое влияние на прессу, стали оказывать давление на редакции, чтобы те публиковали только интересные и развлекательные материалы. Ежедневные публикации с «голодный мест», видимо, раздражали новую публику и в редакции стало поступать все больше писем с просьбой уйти от этой «скучной темы». Явление приобрело такой размах, что на него обратили внимание столичные газеты. Так, 28 марта 1922 г. газета «Гудок» в рубрике «борьба с голодом» опубликовала статью-предупреждение под заголовком «На «скучные» темы», где приводился следующий диалог:

«- Все о голоде, да о голоде, – скажет, может быть, читатель.

- Да, еще и еще о голоде, – приходится нам на это отвечать.

Эта «скучная» тема не должна быть ни на минуту забыта каждым гражданином Советской республики» [1, с. 2].

В настоящей статье нами собраны характерные явления жизни НЭПа в условиях голода, актуальные для Поволжских губерний. Жизнь нэпманов имела свой отдельный колорит в южных и украинских губерниях, в Крыму, но также, без сомнения, одновременно взаимодействовала и контрастировала с жизнью голодающего населения. Фольклор времен НЭПа, в том числе и начала 1920-х гг., достаточно широко изучен, как, например, в замечательных работах М. Лурье «Песни о растратчиках в уличной сатире эпохи Нэпа» [7], Е.В. Диановой «Свое» и «чужое» в кооперативных частушках 1920–1930-х гг.: Фольклорные традиции и самодеятельность» [6]. Однако, его прямая связь с голодным бедствием 1921–1923 гг. далеко не всегда отображается, и взаимная связь таких резко контрастирующих явлений до настоящего времени недостаточно изучена.

Список литературы

1. Гудок. № 583. 28 марта. 1922.
2. Известия. 1922. Янв. – апр.
3. Коммуна. Самара, 1922. Янв. – июль.
4. Голод 1921–1922. Сборник. Издательство Представительство Российского общества красного креста в Америке, Нью-Йорк, 1922.
5. Голод в Средневолжском Крае в 20–30-е годы XX века. Т. 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Сборник документов ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории», ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Самара, 2014.
6. Дианова Е.В. «Свое» и «чужое» в кооперативных частушках 1920–1930-х годов: Фольклорные традиции и самодеятельность // Рябининские чтения – 2011: материалы VI конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011.
7. Лурье М.Л. Песни о растратчиках в уличной сатире эпохи нэпа // Антропологический форум. 2013. №18-online. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pesni-o-rastratchikah-v-ulichnoy-satire-epochi-nepa> (дата обращения: 17.12.2019).
8. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 424.
9. ЦГАСО. Ф. 2871. Оп. 1. Д. 14.

Е.В. Суровцева

Святость как ответ на духовный и политический кризис: на материале житий новомучеников и исповедников Московской Епархии

В настоящий момент нами создаётся корпус житий новомучеников и исповедников Московской Епархии. Святые, чьи жития мы рассматриваем, были репрессированы советской властью за свою преданность православной вере, так как воинствующий атеизм – важнейшая часть коммунистической идеологии. Революция и установившаяся вскоре после неё новая власть оценивалась святыми как наказание на грехи нашего народа. Таким образом, святость можно трактовать как ответ на духовный кризис нашего общества, спровоцировавший и кризис политический и социальный. Кроме того, это ответ и на толстовскую критику церковного христианства.

At the moment, we are creating corpus of the Lives of New Martyrs and Confessors of the Moscow Diocese. The saints whose lives we are looking at were repressed by the Soviet authorities for their devotion to the Orthodox faith, since militant atheism is an essential part of the Communist ideology. The revolution and the new government established soon after it were regarded by the saints as a punishment for the sins of our people. Thus, Holiness can be interpreted as a response to the spiritual crisis of our society, which provoked both a political and social crisis. It is also a response to Tolstoy's criticism of Church Christianity.

Ключевые слова: новомученики и исповедники, житие, святость, революция, атеизм, толстовство.

Key words: New Martyrs and Confessors, Holy Life, Holiness, revolution, atheism, tolstoyism.

В русле современных междисциплинарных исследований необходимо рассмотрение такого материала, как жития новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви XX в. На настоящий момент канонизировано около 2 000 святых [3]. Изучаемые нами жития новомучеников и исповедников Московской Епархии [1] (в настоящий момент в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова идёт работа по созданию корпуса этих текстов [5]) включают в себя 385 имён канонизированных мирян, священников, монахов. Вскоре после революции, в результате которой коренным образом сменилась система власти и идеология в нашей стране (отметим, что это слово встречается в нашем корпусе 111 раз, слово *смута* – 11 раз, *переворот* – 16 раз), начались гонения на верующих и священнослужителей, их аресты (слово *арест* встречается в корпусе 464 раза, *арестовать* – 906 раз) и расстрелы (слово *расстрел* встречается в корпусе 305 раз, *расстрелять* – 291 раз). Люди, чьи жития вошли в сборник житий новомучеников и исповедников Московской Епархии, были репрессированы в 1920–1930-е гг. Их канонизация началась во второй половине 1990-х и не закончена до сих пор.

Самые разные люди в разное время видели причину политических и социальных катаклизмов в духовном кризисе нашего народа. Так, Афанасий (Сахаров), много сделавший для восстановления празднования дня памяти Всех русских святых (соборное постановление о восстановлении было принято в 1918 г.), составивший (вместе с профессором Петроградского университета Б.А.Тураевым) церковную службу к празднику, одной из причин смуты в России считал беспамятство народа, забывшего своих героев – русских святых. О духовных корнях революции говорил и А.И.Солженицын в Темплтоновской речи (1983). Как ранее предупреждал Ф.М. Достоевский, революция началась с атеизма, однако именно марксизм-ленинизм привёл к невиданному ранее агрессивному безбожию. «Воинствующий атеизм – это не деталь, не периферия, не побочное следствие коммунистической политики, её главный винт» [4].

Безбожность советской власти в качестве её отличительного свойства отмечалась, например, преподобноисповедником Георгием (Лавровым) (день памяти – 4 июля) – на одном из допросов он заявил, что в новой власти не приемлет только её атеистичности. Священномученик Арсений (Троицкий) (день памяти – 17 ноября по новому стилю) «в послереволюционное время ... не стал уступать воинствующему безбожию, но, продолжая воспитывать своих прихожан в православном духе и укреплять в вере, организовывал многочисленные паломничества к православным святыням». Преподобномученик Иоасаф (Боев) (день памяти – 10 декабря по новому стилю) был противником вступления в колхоз именно потому, что там «царит мрак безбожия и греха, нужно твердо верить и защищать религию от нападков безбожников».

В анализируемых нами житиях святые неоднократно говорят о духовных корнях октябрьского переворота и о том, что новая власть дана нашему народу

за грехи. Так, преподобномученица Вера (Морозова) (день памяти – 26 февраля по новому стилю) утверждала: «Вообще жить стало народу тяжело, в магазинах ничего нет, кругом стоит дороговизна. Но это все так и должно быть по Божьему Писанию. Бог нам послал такую власть за грехи, совершенные народом» (все цитаты из житий даются по [1]). Преподобномученица София (Селиверстова) (день памяти – 28 февраля по новому стилю) говорила, что «Честных тружеников большевики ссылают и всех пересажали по тюрьмам, а у руководства власти поставили мошенников и лодырей. Но это все нам Бог послал за грехи. За нас теперь больше всех приходится страдать нашим защитникам - священникам, на которых сейчас идет гонение», она же отмечала богоборческий характер советской власти: «Выпустили конституцию, в которой говорится, что совершение религиозных обрядов допускается свободно, а на самом деле нам теперь приходится собираться в подвальных помещениях, чтобы никто не знал». Священномученик Иоанн (Восторгов) (день памяти – 5 сентября по новому стилю) уже и Февральскую революцию воспринял тревожно: «Неужели “времена исполнились”? Чудилось мне, что Москва не спит, а чует день расплаты за грехи свои и грехи отцов... Что камень уже сорвался с горы, и только Творец один может сдержать падение его на виновные и невинные головы...».

Религиозная деятельность приравнивалась новой властью к деятельности «антисоветской». Красноречивый пример тому содержится в житии священномученика Иоанна (Артоболевского) (день памяти – 17 февраля) – на одном из доросов он показал: «В православном кружке христианской молодежи – студентов бывал около пяти раз в качестве гостя в конце 1921 года и начале 1922 года. Руководителем его я не был. В одно из воскресений Великого поста, перед изъятием ценностей, мною было без всяких комментариев прочитано послание Патриарха Тихона. Считаюсь преданным суду Революционного Трибунала по обвинению в агитации против советской власти. Сознательно я никогда во время проповедей не касался политических тем, но возможно, что иногда приходилось указывать на тяжелое положение страны, голод и прочее». В житии мученика Сергея (Тихомирова) (день памяти – 26 мая по новому стилю) приводятся слова священномученика Василия (Соколова): «Так как в этот последний раз я стою перед лицом Революционного Трибунала, разрешите сказать, что проповедь, которая привела меня сюда, на скамью подсудимых, не заключала в себе ничего преступного, она была проповедью чисто религиозной... Свидетели недавно здесь, перед вами, говорили ясно, что я хвалил корректное поведение изымавшей у нас ценности государственной комиссии, что я выразил им публичную благодарность за оставление нам чудотворной иконы Святителя Николая в неприкосновенности. Какой бы был смысл в сих словах, если бы я имел в виду в этой проповеди какую-нибудь политическую агитацию. Я говорил свою проповедь к водворению мира и успокоению в душах моих слушателей и думаю, что достиг этого в своей проповеди... В моей проповеди есть одно место, которое в особенности подало повод обвинителю нападать на меня. Это место из псалма 136-го. Обвинение

хотело из этого места сделать вывод, что я клонил свою проповедь к дискредитированию советской власти. Я совершенно... искренне заявлял и заявляю, что это... было мною приведено не для характеристики современности... тем более советской власти, а для иллюстрации того настроения, какое имели иудеи во время нахождения в плену вавилонском. Только и всего».

После революции новая власть попыталась уничтожить церковь изнутри при помощи так называемых обновленцев, или живоцерковников (слово *обновленец* употребляется в корпусе ровно 100 раз, *обновленческий* – 65 раз, *обновленчество* – 11 раз, *живоцерковник* – 1 раз). Однако «сторонников» обновленческой церкви было мало, и целый ряд верных членов Православной Церкви боролся с этим «явлением», например, мученик Михаил Новосёлов (день памяти – 21 января по новому стилю), автор воззвания против обновленцев под заглавием «Братское предостережение чадам истинной Церкви Христовой» (оно было распространено в церковных кругах Москвы в 1922 году). В житии священномученика Александра (Агафоникова) (день памяти – 14 октября по новому стилю) упоминается и такой факт: «...в Котельничих развязалась борьба обновленцев с православными; обновленцы были активно поддержаны советской властью, и ОГПУ стало собирать сведения обо всех наиболее непримиримых противниках обновленцев» (в число таких противников входил и Агафоников).

Подвиг новомучеников является, по мысли священника Георгия Ореханова, ответом на идеи Л.Н. Толстого, утверждавшего, в том числе, что современный просвещённый человек уже не может разделять ценности традиционного церковного учения [2, с. 602–603]. Однако, как показала история, не только может, но и свидетельствует верность этому учению своей жизнью. «Русские новомученики отвергли один из главных тезисов Л.Н. Толстого, говорившего о православии: “В это верить нельзя!”» [2, с. 603]. Следует особо обратить внимание на то, что к лику новомучеников причислен также упомянутый выше Михаил Новосёлов, который в молодости был убеждённым толстовцем (отметим, что слово *толстовство* встречается в корпусе 1 раз, *толстовец* – 4 раза, *толстовский* – 3 раза, в сочетании *толстовская земледельческая община*, *толстовское учение*, *толстовские идеи*), побывавшим в ссылке за пропаганду учения Толстого, позднее вернулся в лоно православия и написал «Открытое письмо графу Л.Н.Толстому от бывшего его единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода» (опубликован в журнале «Миссионерское обозрение» в 1901 году), неоднократно арестовывался при новой власти «за религию» и был расстрелян в 1938 г.

Таким образом, мы можем утверждать, что подвиг новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви (в частности – святых, канонизированных Московской Епархией) является ответом на социальный и политический кризисы в нашей стране, спровоцированные кризисом духовным – отпадением от веры, и на учение Л.Н. Толстого, отвергавшего церковное христианство.

Список литературы

1. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии: в 8 т. Тверь: Булат, 2002–2005.
2. Ореханов Георгий, священник. Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников: моногр. М.: Издательство ПСТГУ, 2010. 696 с.
3. Региональный Общественный Фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». URL: <http://www.fond.ru/>.
4. Солженицын А.И. Темплтоновская лекция // Новый мир. 1992. № 2. С. 179–183.
5. Суровцева Е.В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»): состав и подготовка текстов, лексические особенности // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 60. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 226–234.

Е.Д. Маскевич

Советская власть и скаутское движение в 1924–1930-е гг.: по материалам Архивного управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУ ФСБ по СПб и ЛО)

Статья посвящена одной из самых трагических страниц в истории российского скаутинга-разведчества, которая до сих пор оставалась малоизученной в историографии. Автором на базе фактического материала (материалы следствия по делам скаутов в 1924–1930-е гг. АУ ФСБ по СПб и ЛО) была предпринята попытка восстановить хронологию событий нелегальной работы скаутских ячеек в Ленинграде в этот период и как выстраивалась линия обвинения их в контрреволюционности и нелегальной деятельности со стороны политического управления.

The article is devoted to one of the most tragic pages in the history of Russian scouting, which until now has remained poorly studied in historiography. The author attempted to restore the chronology of the events of the illegal work of scout cells in Leningrad during this period and how the line of accusing them of counterrevolution and illegal activities on the part of the political administration based on factual material (materials of the investigation of scouts in 1924–1930 th).

Ключевые слова: скаутинг, молодежные движения, внешкольное образование, воспитание, метод скаутинг, репрессии, ГПУ/ОГПУ.

Key words: scouting, youth movements, extracurricular education, raise children, method of scouting, repressions, GPU/OGPU.

В Советской модели управления, в основе которой лежали командно-директивные принципы и вертикаль власти была направлена строго «сверху–вниз», в начале 1920-х гг. большую роль и значение приобрели специальные органы безопасности – ВЧК/ГПУ/ОГПУ. Репрессивная политика советской власти ко всему чуждому ей не обошла стороной и участников скаутского движения. Первые вызовы на допросы начались в 1923–1924 гг. Однако следователи (объединенного) государственного политического управления (ГПУ/ОГПУ) плохо понимали с чем они должны бороться и не имели представления что такое скаутинг, поэтому основной целью этих допросов было

собрать информацию с помощью самих задержанных. Таким образом, буквально за пару лет следствию удалось аккумулировать достаточное количество материалов для того, чтобы в 1926 г. приступить к арестам и ссылкам.

С апреля 1926 г. политическое управление активизировало работу по розыску действующих скаутских ячеек по всей стране, организовывая засады в квартирах, где встречались скауты. Благодаря следственным делам, хранящимся в архивном управлении, удалось установить причину такой осведомленности следствия о нелегальной деятельности скаутских ячеек в Ленинграде. Так, например, начальник отряда скаутов «Золотая лилия», член Петроградского бюро по объединению и проведению организаций, пользующихся методами системы скаутинг (ОПОПМСС) Лев Киркосьян являлся действительным сотрудником со специальным званием в ГПУ/ОГПУ/НКВД с 1920-х гг. до 1937 г.; также герл-скаут из ленинградской ячейки Анастасия Наумовец неоднократно указывается как осведомитель политического управления.

Известный многим Борис Солоневич – скаут и автор крайне неоднозначного произведения «Молодежь и ГПУ. Жизнь и борьба советской молодежи», посвященного памяти расстрелянных скаутов в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), указывает, что количество арестованных к 1926 г. достигало порядка 200 чел. [5, с. 144]. Осенью 1924 г., в первую волну арестов, в Ленинграде был задержан скаут Д. В. Шипчинский по обвинению в распространении меньшевистской контрреволюционной литературы среди студентов Географического института¹. Во время допросов Шипчинский охотно шел на контакт со следователями, подробно описывал события, указывая при этом всех участвующих скаутов поименно. В том числе, он раздавал советы о том «как необходимо устроить пионерское движение» и что необходимо делать, чтобы задушить скаутинг и его религиозность [2, л. 66–70]. Стоит отметить, что во многих источниках, где встречается описание личности Шипчинского, упоминают его крайне агрессивной настрой в отношении к Российской организации юных разведчиков (РОЮР), называя его неприятным человеком, фашистом и прочими нелестными эпитетами. В то же время в материалах РОЮР, хранящихся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) Шипчинский упоминается в качестве начальника отряда Выборгского района как ответственный и порядочный скаут.

С началом 1925 г. ленинградские скауты предпринимали ряд попыток объединиться в единую ячейку. В квартирах А. Наумовец, по адресу ул. Достоевского, 16, кв. 3 [1, т. 3, л. 843], и А. Шапошникова, на Б. Пушкинской ул., проводились регулярные встречи, на которых присутствовало около 13 чел., среди которых: Н. Катанская, А. Степанов, Г. Колобова, Е. Кугушева, Р. Броссе, Г. Баум и В. Соби́нин с супругой [1, т. 3, л. 843]. Последний был

¹ Ныне факультет географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета. Находился на наб. р. Мойки, д. 122 (бывший дворец Великого князя Алексея Александровича).

избран лидером группы. На собраниях рассматривались варианты переработки программ работы с молодежью и устава скаутов с целью влиться в новые условия существования молодежных организаций. Однако мнения настолько разошлись, что в результате произошел раскол внутри группы на ленинградскую и нижегородскую ячейку. Причиной раздора послужило несовпадение во взгляде на введение в группу комсомольцев. Ленинградцы считали нелегальную работу нецелесообразной и опасной, выступив за компромисс с советской моделью воспитания молодежи, вторые, в свою очередь, были готовы к радикальной и бескомпромиссной борьбе с советской властью в целом. С этого момента лидирующая позиция перешла к Б. Зеленому, нижегородцу, разделяющему радикальные взгляды. С его подачи из группы были исключены А. Наумовец, Н. Мурзина, Р. Броссе и Г. Баум [1, т. 3, л. 843]. 19 декабря того же года под его руководством была организована лыжная прогулка во время которой был согласован и утвержден итоговый список скаутов, входящих в нелегальную ячейку. В нее вошли: В. Добровольский, А. Шапошников, Г. Колобова, Е. Кугушева, Н. Катанская, В. Собинин, Л. Пискунова и Н. Русакова. 25 декабря в этом же составе состоялась следующая встреча к которой присоединились еще двое – В. Гуревич и Б. Солоневич. Члены ячейки планировали создать новую программу и теорию скаутизма. Через несколько дней состоялась очередная встреча в квартире Н. Русаковой, где Б. Зеленев попросил на каждое последующее собрание всех участников готовить доклады, в которых бы освещались проблемы скаутизма-разведчества, его истории, теории и практики и т.д.

В конце января 1926 г. на М. Гребецкой ул., 4 А, кв. 7 [1, т. 3, л. 843] в доме Н. Катанской были прочитаны первые доклады и состоялось их обсуждение. Здесь же хотелось бы уделить внимание тому, какие темы для обсуждения поднимались докладчиками и к чему сводились их основные идеи, чтобы в дальнейшем понимать на чем строились обвинения скаутов политическим управлением в контрреволюционности. Так, например, А. Шапошников выступил с речью о пионерском движении и его сущности, основная идея которой сводилась к тому, что пионерство не имеет собственных задач и является подсобной организацией комсомола. Здесь же он дополнил, что пионерская организация совершенно не отвечает требованиям всестороннего развития детей и является политизированной государственной системой воспитания. Членами группы была предпринята попытка создать программу и законы нового скаутинга, однако они практически не претерпели никаких изменений, разве что в законе была изменена формулировка с «исполнять свой долг перед Богом, Родиной и Государем» на «юный пионер служит народу» [1, т. 2, л. 327–329]. На одной из встреч, организованной А. Наумовец в своей квартире, в связи с прибытием Б. Солоневича, последний разразился пространной речью о деятельности скаут организации в масштабах всего Советского союза. Он охарактеризовал пионерское движение как систему, которая воспитывает людей, не способных рассуждать самостоятельно [1, т. 1, л. 165–167]. Более того, он резко высказался о советской власти, будучи убежденным

в том, что ее военный коммунизм в области экономической политики «был опытом, вред и бессмысленность коего исправил Ленин» [1, т. 1, л. 165–167], а также заявил, что система воспитания, выстроенная Советами, лишь калечит и уродует молодежь.

Таким образом, полагаясь на изученные следственные материалы, можно предположить, что на протяжении с декабря 1925 г. по апрель 1926 г. в Ленинграде состоялось не менее 11 нелегальных встреч скаутов в разных локациях.

Несмотря на раскол между ленинградской и нижегородской группами, они объединились для подготовки и проведения одного из важнейших праздников для российских скаутов-разведчиков – дня Св. Георгия Победоносца, отмечавшегося 23 апреля. Из ленинградцев были – А. Степанов, Л. Пискунова, Н. Русакова и А. Наумовец [1, т. 1, л. 165–167]. В процессе праздничного чаепития каждый из присутствовавших оставил свои пожелания в журнале, подготовленном специально для этого мероприятия, написал о том, как он представляет себе скаутинг через год, десять лет и сто лет спустя [1, т. 1, л. 136–159]. В конце мероприятия В. Добровольский выступил с речью о важности единства скаутов.

В скором времени после этого до Ленинграда дошли известия из Москвы о начавшихся там арестах скаутов в связи с чем В. Добровольский, В. Гуревич и Б. Зеленов спешно покинули город. Остальные же договорились между собой о том, что при вероятности арестов и вызове на допросы будут скрывать факт знакомства и каких-либо организованных встреч друг с другом.

Одновременно с тем, во время допроса С.Н. Покшишевского, следствием было установлено, что бывший скаут В. Хабаров, получивший в 1922 г. помещение для работы с пионерами на Васильевском острове в Петрограде, имеет связь со скаутскими организациями за рубежом, в том числе с некой английской организацией Kibbo Kift Kindered (ККК). Арестованный также сообщил, что В. Хабаров заключил договор с основателем ККК Дж. Харгревом [1, т. 2, л. 684]. Эта организация противопоставляла себя, с одной стороны – «красному империализму», с другой – «красной революции». Среди прочего, скаутинг и ККК объединяло отсутствие стремления к массовости и популярности, так как они считали эти качества, вызывающими к популярным чувствам, в то время, как сильные народные чувства отражают жестокие инстинкты и грубые условия [1, т. 2, л. 684].

Скаутинг демонстрировал, с одной стороны, открытую позицию, например, в своей аполитичности или условиях вступления в его ряды каждого. В то же время, рассматривая структуру организации и ее особенности более детально, можно увидеть тяготение обеих организаций к замкнутости, кастовости, своего рода, избранности, что существенно привлекало молодых людей. Именно в этом, по моему мнению, кроется выбор ККК в качестве альтернативы скаутингу. В то же время невозможно не заметить существенное отличие этих движений. В первую очередь отличие ККК в его конечных целях – политических, в то время, как для скаутинга-разведчества это совершенно не характерно.

Первое время во время допросов группам удавалось соблюдать договоренность хранить молчание о своей нелегальной деятельности. Однако в ночь с 3 на 4 июня 1926 г. полномочным представительством ОГПУ в Ленинградском военном округе были произведены обыски и аресты скаутов – Пятунина, Л. Берсудского, Г. Баума, А. Наумовец, Н. А. Катанской, А. Башкирова, М. Беляева, Е. Кугушевой, Г. Колобовой, А. Шапошникова, Р. Броссе и С. Похшишевского. Несмотря на предпринятые меры предосторожности и старательной конспирации, в ходе обысков сотрудникам политического управления удалось изъять внушительный архив теоретических материалов, переписку, фотографии и т.д., что и послужило в дальнейшем основанием для применения репрессивных мер.

Особенного внимания заслуживают, обнаруженные экземпляры скаутской газеты «Листок бобра» [1, т. 2, л. 410 об. – 411], которая издавалась во время Гражданской войны в расположении белой армии А. И. Деникина, которые также доказывали активную деятельность движения под протекторатом Добровольческой армии, где скаут-мастерам платили 2.000 р. за организацию скаутских отрядов [1, т. 2, л. 424]. Среди прочих материалов у Р. Баума сохранилась листовка «Почему мы аполитичны», которая интересно тем, что содержит призыв ко всем скаутам вести подпольную деятельность и вести борьбу с пионерским движением «ради всего прекрасного, истинного и сильного» [1, т. 2, л. 340–341]. Также у Л. Берсудского была изъята переписка А. Наумовец и И. Пандуло, доказывающая тесную связь с активным скаутом и участником белого движения Б. Солоневичем [1, т. 2, л. 303–306, 311–314]. Благодаря этим письмам следствие смогло обвинить ленинградцев в вербовке в свою нелегальную организацию. Личный дневник Г. Колобовой также послужил ценным источником в пользу обвинения следствием в связи с дружиной Арго [1, т. 2, л. 464–524], также нелегальной организацией. В доме В. Собинина на Геслеровском пер., 23, кв. 12 [1, т. 3, л. 843] сохранился один из самых крупных архивов скаутского материала, в котором также, как и у В. Хабарова, был обнаружен договор и письма основателя движения ККК Дж. Харгреву, в которых он делал акцент на крайне тяжелые условия ведения подпольной работы по скаутизму в советской России.

Большую часть задержанных скаутов отпустили под подписку о невыезде из Ленинграда до окончания следствия. После чего многие были уверены, что интерес ОГПУ на этом иссякнет, и возобновили свою работу в прежнем режиме. Совершенно очевидно, что скауты недооценивали всю серьезность ситуации. С 26 августа 1926 г. началась вторая волна арестов. Были арестованы повторно А. Шапошников, Н. Катанская, Г. Колобова, Е. Кугушева, А.М. Башкиров, М.А. Тихомиров. Следствие объявило их непримиримыми борцами против советской власти в области детско-юношеского воспитания, контрреволюционерами, связанными с фашистскими организациями за границей. Большинство прошло по статье 62 и 58-4 УК РСФСР., шпионаж, контрреволюционные действия и участие в антисоветской подпольной организации. Меры пресечения в виде высылки в Сибирь, на Урал, в СЛОН и Свирьский исправительно-трудовой лагерь (Свирьлаг) на три года. По истечению сроков их лишали прав

проживания в 12 пунктах с прикреплением к определенному месту жительства сроком еще на три года и т.д.

В 1932–1933 гг. прошла третья волна арестов. Лидеров скаутского движения, например, Г. Бострема, сына председателя дореволюционного общества содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут», сперва выслали в Сибирь, а в конце 1937 г. расстреляли. Б. Солоневич был выслан в Томск, где работал в городском совете физической культуры, затем принудительно отправлен в Орел и работал в отделе технической пропаганды Орловского отделения железной дороги [3]. В 1932 г. он был снова арестован. Им было предприняты две неудачные попытки сбежать в Финляндию, однако третья, совершенная 28 июля 1934 г., оказалась успешной [4, с. 188].

Итог деятельности скаутского движения в России в первые десятилетия советской власти отмечен попытками видных скаутов найти определенный компромисс с партийными, советскими и комсомольскими структурами. Однако аресты активистов скаутского движения являются лишь еще одним свидетельством четко продуманного плана по устранению оппозиции. Дела скаутов являлись неотъемлемой частью репрессивной политики, проводимой партией большевиков против своих идеологических врагов.

Список литературы

1. Архивное управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУ ФСБ по СПб и ЛО). Следственное дело Шапошникова А. А. и др. Д. П-87740. Т. 1–3. 1926 г.
2. АУ ФСБ по СПб и ЛО. Следственное дело Шипчинского Д.В. Д. № П-87465. 1924 г.
3. АУ ФСБ РФ по СПб и ЛО. Следственное дело Солоневича И.Л. и др. Д. №П-68527. 1933 г.
4. Скаут мастер Борис Солоневич – легендарная личность российского скаутинга // Кучин В.Л. Скауты России. XX век. Воспоминания старших поколений. М., 2003.
5. Солоневич Б. Молодежь и ГПУ. Жизнь и борьба советской молодежи. София, 1937.

Д.В. Плюйко

Политические дискуссии депутатов Моссовета о преодолении конституционного кризиса власти 1993 г. в России

Целью статьи является выявление возможных путей выхода из сложной политической ситуации, связанной с конституционным кризисом 1993 г. в России на основе анализа стенограммы заседания XVII чрезвычайной сессии Московского городского совета (далее Моссовет). Автором на основании ранее не опубликованных архивных материалов раскрываются основные варианты выхода из конституционного кризиса 1993 г. власти, которые были предложены депутатами Моссовета. Исследование архивного материала установило, что депутатами были предложены все возможные сценарии развития ситуации от радикальных до взаимоприемлемых.

The purpose of this article is to identify possible ways out of the complicated political situation associated with the constitutional crisis of 1993 in Russia based on the analysis of the transcript of the meeting of the seventeenth extraordinary session of the Moscow city Council (the Council). Based on previously unpublished archival materials, the author reveals the main options

for overcoming the constitutional crisis of 1993, which were proposed by the deputies of the Moscow city Council. The study of archival material found that the deputies proposed all possible scenarios for the development of the situation, from radical to mutually acceptable.

Ключевые слова: конституционный кризис 1993 г., история местного самоуправления Москвы, Московский городской совет, указ № 1400.

Key words: constitutional crisis of 1993, history of local self-government in Moscow, Moscow city Council, decree No. 1400.

В настоящее время в связи с внесением поправок в конституцию РФ в научной среде вновь началась дискуссия о роли органов местного самоуправления в политической системе страны. Полемика исследователей идет вокруг вопроса о том, насколько самостоятельными в принятии решений должны быть представительные органы власти регионального и муниципального уровня. Практически эти же вопросы волновали российское общество в начале 1990-х гг., когда имело место серьезное противостояние между исполнительной и законодательной властью. В связи с этим важным представляется изучение особенностей политической борьбы между депутатами Моссовета по поводу отношения к указу № 1400 от 21 сентября 1993 г. изданному президентом Б.Н. Ельциным. Понимание сущности этой борьбы позволяет говорить о самокритике депутатов, их рефлексии на события осени 1993 г.

Задачей настоящей работы является выявление основных путей выхода из конституционного кризиса власти осенью 1993 г., которые были предложены депутатами Моссовета на XVII чрезвычайной сессии. В связи с этим важным представляется исследование документов делопроизводства XVII чрезвычайной сессии, где депутаты подвели итоги своей работы. Кроме того, говоря о главной проблеме необходимо отметить ряд важных, узловых моментов во взаимоотношениях между Московским городским советом и правительством Москвы. Основные противоречия, которые скопились за 3 года между исполнительной и законодательной властью выступают фоном для предлагаемого анализа политических решений о выходе из конституционного кризиса в октябре 1993 г.

Среди огромного количества выступлений депутатов на XVII чрезвычайной сессии Моссовета следует выделить 3 главных плана по выходу из конституционного кризиса власти в России. Основным планом и алгоритмом действий, который можно назвать радикальным являлись решения о полном непризнании указа № 1400 президента Б.Н. Ельцина и, следовательно, призыву к акциям гражданского неповиновения. Другой вариант действий предлагаемых депутатами – это самороспуск Моссовета и следование решениям президента Б.Н. Ельцина и мэра Москвы Ю.М. Лужкова. Третий вариант развития событий выражался в создании согласительной комиссии с участием представителей президента Б.Н. Ельцина и депутатских групп Верховного Совета РФ и Моссовета.

22 сентября в полночь в экстренном порядке было собрано заседание Президиума Моссовета. На заседании было принято официальное заявление в связи с изданием указа № 1400 «О поэтапной конституционной реформе РФ». Это заявление звучало так: «Президиум Моссовета, считает, что предпринятая Президентом попытка роспуска законно избранных органов государственной власти является нарушением Конституции» [1, с. 114].

В этот же день в 10 часов утра открылось и заседание XVII сессии Моссовета. В повестке дня стоял только один вопрос – о преодолении попытки государственного переворота, предпринятого президентом России Б.Н. Ельциным.

Обсудив обращение Б.Н. Ельцина к гражданам России и его указ № 1400, депутаты Моссовета оценили их как попытку государственного переворота. Депутаты считали: «Действия президента являются нарушением Конституции РФ. Указ не имеет юридической силы и не подлежит исполнению» [1, с. 114]. В связи с указом и обращением президента 21 сентября 1993 г. к гражданам России, Моссовет предложил следующую программу действий: 1. Поддержать постановление Верховного Совета РФ от 22 сентября 1993 года «О прекращении полномочий Президента РФ Ельцина Б.Н.» и Указа Президента № 1400 от 21 сентября 1993 г. 2. Обратиться к москвичам, с просьбой сохранять спокойствие, соблюдать конституцию и законы РФ. 3. Заявить о своей поддержке законно избранных органов государственной власти России и призвать к этому трудовые коллективы и жителей г. Москвы.

В данном случае необходимо отметить важное обстоятельство, что это заявление и все следующие были приняты Моссоветом при наличии необходимого кворума на заседании сессии. Так, 22 сентября на сессии присутствовало 268 депутатов, 23 сентября 245 депутатов, 27 сентября 143 депутата и 29 сентября 218 депутатов. Депутаты за эти последние дни существования Моссовета как всегда много говорили, спорили, обвиняли друг друга в попустительстве исполнительной власти, но лишь немногие из них уже понимали, что у них есть лишь призрачное формальное право на вынесение решений. При голосовании по разным вопросам находились как воздержавшиеся, так и голосовавшие против. Таким образом, даже если взять 1 день заседаний сессии, где было зарегистрировано 268 депутатов, то из них 50 почти всегда были против при 10 воздержавшихся, получается, что решения принимались с перевесом всего в 1–2 голоса.

23 сентября сессия принимает очередное заявление Моссовета о том, что в сложившейся ситуации главная задача всех органов власти, всех политических сил является предотвращение гражданской войны. Депутаты подчеркивали следующее: «Мы поддерживаем, предложение Конституционного Суда о проведении одновременно досрочных выборов нового высшего органа государственной власти и Президента в полном соответствии с Конституцией и Законами РФ. Моссовет приглашает полномочных представителей органов представительной и исполнительной властей субъектов РФ приехать в Москву

для участия в совещании с целью координации действий по обеспечению законности и правопорядка на своих территориях» [1, с. 115]. Далее депутаты после очередного заявления, где они пытались организовать диалог между парламентом и президентом, своими следующими постановлениями призывали вступать в борьбу против власти Б.Н. Ельцина в России и Ю.М. Лужкова в Москве.

Обстановка на сессии все более накалялась, об этом свидетельствовала речь депутата К.Л. Григорьева, который предлагал целый ряд чрезвычайных мер таких как: «1. Объявить 17 сессию непрерывно действующей, чрезвычайной. Народным депутатам не покидать здания Моссовета; 2. Вызвать всех депутатов райсоветов 3. Организовать дежурство по охране здания Моссовета; 4. Развернуть агитационные точки, места встречи депутатов по всей Советской площади; 5. Организовать бригады из депутатов и направить их на предприятия с целью организации политической забастовки; 6. Принять решение о персональной ответственности правительства Москвы за участие в государственном перевороте; 7. В течение 2 часов члены правительства Москвы должны сделать свой выбор. В случае несогласия завести уголовные дела» [3, л. 32].

Очень важными представляются оценки сложившейся ситуации и предложения по выходу из тупиковой ситуации конституционного кризиса в стране, которые были высказаны критиками позиции большинства депутатов Моссовета, присутствовавших на анализируемой нами сессии.

Депутат В.Я. Катчан в своем выступлении подверг тотальной критике действия городского совета за последние 3 года работы. Он говорил о том, что «убедительную оценку привлекательности нынешнего Моссовета дали москвичи во время апрельского референдума. Когда 80% горожан высказались за досрочное переизбрание депутатов» [3, л. 160]. Стоит согласиться с оценкой, которую дал депутат В.Я. Катчан результатам референдума, состоявшегося 25 апреля 1993 г., о доверии президенту России Б.Н. Ельцину. Действительно по оценкам значительной части современных исследователей тогда весной 1993 г. у президента и исполнительной власти в целом не было возможности для применения административного ресурса и влияния на результаты референдума. В.Я. Катчан обвинял своих коллег в том, что они, зная об отношении к ним граждан, специально в марте 1993 г. заблокировали включение в бюллетень вопроса о доверии к депутатам Московского городского совета.

Депутат В.Я. Катчан в своем выступлении обозначил сущность духовного кризиса и творческого бессилия депутатов Моссовета в своей деятельности. По его мнению, «несовершенство и противоречивость конституции, перекося законодательной базы в сторону всевластия Советов создали простор для развязывания бессистемной и не имеющей конца борьбы с исполнительной властью под лозунгами борьбы за законность» [2, л. 39].

Конечно, в словах депутата В.Я. Катчан была большая доля истины, надо признать, что Моссовет XXI созыва своими бесконечными прениями на сессиях исходил из одного – чем хуже для исполнительной власти, тем лучше для

москвичей. В итоге, учитывая все негативные моменты деятельности городского совета, В.Я. Катчан сделал неутешительный вывод: «Поэтому вольно или невольно, сознательно или нет, но депутаты городского совета стали заложниками своих собственных амбиций, болезненного самолюбия и просто депутатской глупости. Моссовет как орган коллективной власти в городе себя исчерпал» [3, л. 75]. В данном случае хотелось бы возразить депутату В.Я. Катчан. Может быть, болезненное самолюбие, амбиции и глупость депутатов были проявлениями неумеренной жажды законодательной деятельности и борьбы за справедливость. Нельзя забывать о том, в каких обстоятельствах проходили выборы в Моссовет XXI созыва, и кто был туда избран.

В качестве выхода из сложившейся ситуации сложных противоречий между исполнительной и законодательной властью депутат В.Я. Катчан предлагает: «Обратиться к президенту страны с предложением о придании Моссовету на оставшееся перед выборами всех ветвей власти время статуса консультативного органа по разработке документа о статусе органа представительной власти города» [3, л. 25].

29 сентября стал последним днем заседаний XVII чрезвычайной сессии Моссовета XXI созыва. Вряд ли кто-нибудь из 218 депутатов присутствующих в зале заседаний мог подумать об этом.

К сожалению, XVII чрезвычайная сессия Моссовета не предложила ни Москве, ни стране действенных политических решений по выходу из правового тупика осени 1993 г. Депутаты, прежде всего не смогли совладать со своими эмоциями, чтобы принять взвешенную программу действий. Участники заседаний, которые пытались предложить более или менее здравые решения остались не услышанными, а именно они предлагали создать согласительную комиссию с участием противоборствующих сторон и выработать хотя-бы самые элементарные временные правила, по которым страна может прожить до проведения новых выборов и парламента, и президента. Можно только сожалеть о том, что данное мнение депутатов осталось только на страницах стенограммы сессии, к этому решению следовало бы идти сразу после событий августа 1991 г., а не заниматься пустой риторикой.

Естественно нельзя назвать действия Б.Н. Ельцина по разгону советов адекватными ситуации, и все, что стало с системой местного самоуправления в Москве полностью противоречило тому с чего начинался процесс демократизации страны в конце 1980-х гг. По мнению Г.Х. Попова, власть внутри муниципальных округов в Москве планировалось сделать полностью выборной, причем как представительную ее часть, так и исполнительную. Это очень важный момент по доверию населения к своей власти. Данное обстоятельство, также можно назвать упущенным шансом периода 1990–1993 гг. Так как после 1993 г. Московская городская дума и советы депутатов муниципальных округов города уже не обладали серьезными контрольными и распорядительными функциями, постоянно одобряя любые действия исполнительной власти.

Именно исследование источниковой базы деятельности Моссовета позволяет сделать вывод о причинах краха возможных договоренностей между президентом Б.Н. Ельциным и парламентами различных уровней. Часто в литературе можно встретить точку зрения, согласно, которой полагают, что основной конфликт имел место между Кремлем и Домом Советов. Но это далеко не так. Именно в районных и городских советах рождалось сопротивление курсу Б.Н. Ельцина, и исследование делопроизводственного материала советов позволяет сделать вывод об этом.

Можно сказать, что Моссовет повторил судьбу Московской городской думы в 1917 г. Дума в 1917 г. тоже, как и Моссовет в 1990 г. была выбрана в свободной и конкурентной борьбе и потому вобрала в себя самых инициативных, честных, энергичных людей, которые с воодушевлением взялись за решение давно наболевших проблем города. Но, к сожалению, свободно избранные и серьезно критикующие исполнительную власть представительные органы мешали установлению однопартийной диктатуры большевикам в ноябре 1917 г. и созданию президентской республики Б.Н. Ельцина в октябре 1993 г. Символическим историческим фактом стало решение XVII чрезвычайная сессии Моссовета о проведении своего очередного заседания утром 4 октября 1993 г., но в это же самое время 4 октября раздадутся первые выстрелы танков по зданию российского парламента на Краснопресненской набережной в Москве.

Список литературы

1. Алещенко Н.М. Московский Совет в 1977–1993 гг. Кризис власти? М., 1997. 512 с.
2. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 150. Оп. 5. Д. 519.
3. ЦГАМ. Ф. 150. Оп. 5. Д. 520.

Х.А. Буриева, Д.А. Чориева

Государственная политика и культурное сотрудничество (на примере деятельности национальных культурных центров)

Статья посвящена вопросам взаимного сотрудничества Узбекистана и России в культурной сфере и влиянию государственных реформ в этой области, как источников политического характера для изучения повседневности. В хронологической последовательности указаны названия и даты принятия основополагающих международных документов, касающихся установления дипломатических отношений между Россией и Узбекистаном, в том числе и в области культуры, науки, образования. Тема раскрыта на примере деятельности Русского культурного центра и Русского центра науки и культуры при Россотрудничестве в Узбекистане.

The article is devoted to the issues of mutual cooperation between Uzbekistan and Russia in the cultural sphere and the influence of state reforms in this area, as sources of a political nature for the study of everyday life.

The chronological sequence indicates the names and dates of adoption of fundamental international documents relating to the establishment of diplomatic relations between Russia and

Uzbekistan, including in the field of culture, science, education. The topic is described on the example of the activities of the Russian Cultural Center and the Russian Center for Science and Culture under Rossotrudnichestvo in Uzbekistan.

Ключевые слова: сотрудничество, реформы, Россия, Узбекистан, культурная сфера, Русский национальный культурный центр, Россотрудничество, Русский центр науки и культуры, международное соглашение, образование.

Key words: cooperation, reforms, Russia, Uzbekistan, cultural sphere, Russian National Cultural Center, Rossotrudnichestvo, Russian Center for Science and Culture, international agreement, education.

Важным звеном в проведении совместной политики государств являются реформы в области международных отношений, влияющие и на повседневную жизнь населения стран.

Для Узбекистана важным партнером по разным направлениям является Российская Федерация. Это обусловлено, прежде всего, нестабильной политической обстановкой во всем мире, повторяющимися циклами экономических кризисов, проникновением в сознание людей негативных воздействий различных вредных идеологических течений. Во имя сохранения своих народностей, природных богатств и национальных ценностей, и одновременного обеспечения безопасного, стабильного развития государств, Россия и Узбекистан проводят политику планомерного и долгосрочного взаимного сотрудничества. «За прошедшие четверть века установления дипломатических отношений между нашими странами нам удалось существенно продвинуться вперед на пути расширения связей в политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной и других сферах. Нарботана солидная договорно-правовая база, насчитывающая более 200 документов. Подписанные договоры о стратегическом партнерстве и союзнических отношениях вывели наше сотрудничество на качественно новый уровень. Налажено конструктивное взаимодействие на международных площадках», – отмечал в своем выступлении Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Узбекистан Владимир Тюрденев [2, с. 3].

С момента установления в 1992 г. дипломатических отношений межгосударственные связи развивались поэтапно. Главы Узбекистана и России неоднократно встречались в двусторонних и многосторонних форматах: в 2000 г. – государственный визит Президента РФ В. Путина в Узбекистан, в 2001 г. – государственный визит первого Президента РУз И. Каримова в Россию, в 2004 г. – подписание главами государств Договора «О стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан», в 2005 г. – договор «О союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан», в 2010 г. – официальный визит Ислама Каримова в Россию, в 2012 г. – официальный визит Владимира Путина в Узбекистан, в 2013 г. – официальный визит И. Каримова в Москву и встреча президентов двух стран в узком составе, подписание «Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций», «Программы экономического сотрудничества на 2013–

2017 годы», «Программы сотрудничества в культурно-гуманитарной и научно-технической сферах на 2013–2015 годы», в 2016 г. – официальный визит первого Президента Узбекистана Ислама Каримова в Москву, подписание «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о взаимодействии при осуществлении экспорта продукции военного назначения в третьи страны», «Программы сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан в культурно-гуманитарной сфере на 2016–2018 гг.», «Программы сотрудничества между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Республики Узбекистан на 2016–2017 гг.».

Новый этап международного сотрудничества между Узбекистаном и Российской Федерацией знаменуется периодом Президентского правления Шавката Миромоновича Мирзиёева. В принятой в феврале 2017 г., по инициативе Президента РУз Шавката Мирзиёева, Стратегии действий по дальнейшему развитию Узбекистана в 2017–2021 гг., одним из основных приоритетных направлений определено осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики, направленной на укрепление независимости и суверенитета государства, создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства, укрепление международного имиджа страны. В апреле 2017 г. Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев совершил государственный визит в Россию. По итогам переговоров был подписан ряд важных документов, среди которых документы по развитию межрегионального сотрудничества, временной организации трудовой деятельности, связей в сферах здравоохранения, медицинского образования и науки, туризма, строительства, нефти и газа, горного дела, металлургии, банковско-финансовой, таможенной сферы, сельского хозяйства и других отраслях. Всего в рамках визита было подписано более 50 соглашений на 16 млрд. долл. США [3, с. 384, 388].

Большой интерес обе стороны проявляют к развитию сотрудничества в области образования и науки. В 2018 г., по приглашению Президента РУз Ш.М. Мирзиёева, был совершен визит Президента Российской Федерации В.Путина в Узбекистан. В ходе визита было подписано всего 20 документов о сотрудничестве. Во время данных встреч впервые был организован медиа-форум Узбекистан – Россия, а также Образовательный форум при участии 80 руководителей ВУЗов России. Одним из соглашений, подписанных на данном форуме является создание в октябре 2018 г. Центра русского языка и культуры им. А.С. Пушкина в Ташкентском государственном университете узбекского языка и литературы им. Алишера Навои [6, с. 17].

На регулярной основе организуются двусторонние научно-практические конференции. В России обучаются более 22 тыс. студентов из Узбекистана. В 2018 г. на учебу в российские вузы поступило более 4 тысяч узбекских абитуриентов. В Узбекистане успешно работают филиалы Московского государственного университета им. М. Ломоносова, Российского экономического

университета им. Г. Плеханова, Российского государственного университета нефти и газа им. И. Губкина [2, с. 5].

Для развития культурных связей в Узбекистане созданы национальные центры со множеством их филиалов в регионах страны. Здесь важно указать, что начало формированию их заложено правительством республики еще в 1992 г., когда было принято Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О создании Республиканского интернационального культурного центра» [4].

В дальнейшем были обеспечены благоприятные условия для формирования и развития культурных центров различных национальностей, проживающих в Узбекистане. В результате этого их число стало расти: в 1992 г. было образовано 10 национальных культурных центров, в 1995 г. их количество достигло 75, в 2003 г. – 135 [7, с. 546].

В их числе Русский национальный культурный центр Узбекистана (РКЦ, созданный в 1994 г.) и Русский центр науки и культуры Представительства Россотрудничества (РЦНК, созданный в 2005 г.), активисты которых участвуют в работе местных и республиканских органов власти, отмечаются высокими государственными наградами.

При *Русском национальном культурном центре* (его также именуют как Русский культурный центр) действуют: воскресная школа, в которой проводятся бесплатная подготовка к школе, курсы по подготовке в ВУЗы (на платной основе), курс изобразительного искусства. При Центре работает учебно-образовательного сектора РКЦ, основными целями и задачами которого определены: формирование интереса к русской культуре, науке, образованию; поддержка развития русского языка, других социально-гуманитарных дисциплин как важной составляющей русской культуры; выявление и создание необходимых условия для поддержки одаренных детей и молодежи, развитию их творческих способностей и поощрения. Среди основных направлений его работы можно выделить: оказание информационной помощи в освещении деятельности российских высших учебных заведений и направлении на учебу в российские вузы по федеральным стипендиям и грантам; содействие в распределении по учебным заведениям Республики Узбекистан учебно-методической, научно-популярной, энциклопедической и художественной литературы, получаемой из России в качестве гуманитарной помощи; содействие в организации повышения квалификации педагогических кадров в российских научно-образовательных учреждениях; содействие в осуществлении регулярного взаимного российско-узбекского информационного обмена в области образования. Свою деятельность данный сектор осуществляет в форме семинаров, конференций, «круглых столов», «мастер-классов», выставок по актуальным проблемам образования и обмену педагогическим опытом, в том числе с приглашением российских специалистов [1].

Весомый вклад в развитие сотрудничества в области культуры, особенно в гуманитарной сфере, вносит *представительство Россотрудничества в Уз-*

бекистане. Деятельность его направлена на реализацию государственной политики международного гуманитарного сотрудничества, содействие распространению за пределами России объективного представления о современной Российской Федерации, ее материальном и духовном потенциале, о проводимых реформах и внешнеполитическом курсе страны. Среди основных задач важно отметить и поддержку соотечественников в Республике Узбекистан, продвижение российского образования за рубежом и развитие гуманитарных связей через механизмы народной дипломатии [2, с. 6–7].

В деле укрепления дипломатических отношений непрерывную деятельность осуществляет *Российский центр науки и культуры* Россотрудничества в Республике Узбекистан. В 2013 г. при нем состоялось открытие клуба «Мангалочный дворик Анны Ахматовой», деятельность которого направлена на продвижение российской культуры и укрепление дружбы и сотрудничества между Россией и Узбекистаном на принципах народной дипломатии. Центр активно участвует и в многочисленных мероприятиях общественных организаций соотечественников: проведении национальных праздников – Масленица, Сабантуй, Навруз, День России, День Татарстана, День Башкортостана, Муस्ताкилик – День независимости Узбекистана и др. Организаторскую работу в этом направлении проводит Общественный координационный совет организаций соотечественников в республике Узбекистан, в работе которого принимают участие представители всех культурных центров [2, с. 9–13].

Следует отметить, что деятельность Россотрудничества координируется соответствующими нормативно-правовыми актами, которые учитывают и преобразования вследствие проводимых государственных реформ. Так, в 2013 г. в Российской Федерации состоялось реформирование системы реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом. Произошло перераспределение полномочий между МИД России и Россотрудничеством по реализации Программы работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, на 2015–2017 гг., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2014 г. № 2231-р. Одним из самых масштабных мероприятий Программы является организация учебно-образовательных поездок по историческим местам Российской Федерации «Здравствуй, Россия!». Каждый год молодые соотечественники – победители конкурсов на знание истории и культуры России, русского языка посещают Москву, Санкт-Петербург, а с 2015 г. и город Казань [5].

Таким образом, активная и многогранная работа национальных культурных центров, действующих в Узбекистане на сегодняшнем этапе, способствует широкой пропаганде богатого культурного наследия представителей различных наций и народностей, проживающих в стране, тем самым служит обогащению духовного потенциала населения, способствует развитию интеллектуального мировоззрения общества, расширению круга знаний в области истории, лингвистики, дипломатии, этнографии и других наук, воспитывает у молодого поколения чувство толерантности, взаимного уважения и патрио-

тизма. Важным фактором в осуществлении их программ деятельности являются проводимые в стране государственные реформы, отвечающие требованиям эпохи глобализации и миролюбивой внешней политики Республики Узбекистан в деле сотрудничества с Российской Федерацией и другими странами мирового сообщества.

Список литературы

1. Иванов А. Куч қудратимиз аҳиллик ва ҳамжихатликда (Наша сила и мощь – в дружбе и солидарности) // Халқ сўзи. 2007. 23 янв.
2. Костецкий В.А. Россия – Узбекистан: грани сотрудничества. Т. 1. Ташкент: «Маҳалладош», 2019. 192 с.
3. Новейшая история Узбекистана: учеб. / под ред. д.и.н., проф. М.А. Рахимова. Ташкент: «Адабиёт учкунлари», 2018. 512 с.
4. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 10 от 13 января 1992 г. «О создании Республиканского интернационального культурного центра». URL: <https://lex.uz/docs/366853?ONDATE=13.01.1992%2000.12.11.2019>.
5. Программа поддержки. URL: <http://uzb.rs.gov.ru/ru/activities/14.02.12.2019>.
6. Рахимов М., Абдумуминов О. Ўзбекистон ва БМТ: муносабатлар тарихи ва барқарор ривожланиш омиллари (Узбекистан и ООН: история взаимоотношений и факторы стабильного развития). Ташкент, 2019. 248 б.
7. Узбекистон Миллий энциклопедияси (Национальная энциклопедия Узбекистана). Т. 2. Ташкент, 2002.

Н.С. Нишник, А.Р. Абдуллоев

Политико-правовая организация общества как доминирующая детерминанта повседневности населения Таджикистана

Статья посвящена характеристике факторов, обуславливающих особенности повседневности населения Таджикистана. Авторы исходят из того, что важнейшей детерминантой социальной жизни в целом и повседневной жизни населения в частности является политико-правовая организация общества. Изменения в организации быта, формирование новых повседневных обыкновений у таджиков связаны прежде всего с вхождением территорий проживания таджиков в Российскую империю, в СССР и создание суверенного государства – Республики Таджикистан. Обеспечение безопасности населения Таджикистана является важнейшим фактором повседневной жизни населения и условием для созидательного труда, интегрированного в общемировое пространство.

The article is devoted to the characteristics of the factors that determine the peculiarities of everyday life of the population of Tajikistan. The authors proceed from the fact that the most important determinant of social life in general and the daily life of the population in particular is the political and legal organization of society. Changes in the organization of everyday life, the formation of new everyday habits among the Tajiks are primarily associated with the entry of the territories of residence of the Tajiks into the Russian Empire, the USSR and the creation of a sovereign state – the Republic of Tajikistan. Ensuring the safety of the population of Tajikistan is the most important factor in the daily life of the population and a condition for creative work integrated into the global space.

Ключевые слова: Таджикская АССР, Таджикская ССР, Республика Таджикистан, Гражданская война в Таджикистане, экономика Таджикистана, незаконный оборот наркотических средств.

Key words: Tajik Autonomous Soviet socialist Republic, the Tajik SSR and the Republic of Tajikistan, the Civil war in Tajikistan, Tajikistan's economy, illicit trafficking in narcotic drugs.

Политико-правовая организация выступает одной из доминирующих детерминант повседневности общества.

Повседневность таджиков в ретроспективе претерпевала серьезные изменения в связи с существенными переменами в их государственной организации. 23 июня 1868 г. между Россией и Бухарой был заключен договор, в соответствии с которым часть ее территорий вошли в состав России. Начался новый этап повседневной организации населения, связанный с интеграцией таджиков в государственно-правовую систему Российской империи [11]. Важным событием в жизни таджиков стали образование в 1924 г. Таджикской АССР в составе Узбекской ССР и создание в 1929 г. Таджикской союзной республики в составе Союза Советских Социалистических республик [14]. Таджикская ССР стала седьмой союзной республикой в составе СССР. Ее территория составила 142,5 тыс. км, население – 1 млн 150 тыс. чел., 72 % населения составляли таджики, повседневность которых определяли традиционный уклад жизни, особенности социально-экономического и политического развития региона. Факторами, опосредованно, но значительно, определявшими повседневную жизнь таджиков являлись близость государственной границы с Афганистаном и климато-географические особенности Таджикистана, 93 % территории которого занимали горы.

К началу 1920-х социально-экономическое положение Таджикистана улучшалось, но было еще слаборазвитым. Основу экономики составляли лёгкая и пищевая промышленность, перерабатывающие местное дешевое сельскохозяйственное сырье – хлопок-сырец и коконы шелкопряда, производству которых способствовали благоприятные природно-климатические условия. Иные производственные предприятия – Шурабские каменноугольные копи и нефтепромысел «САНТО» – работали с большими перебоями. Промышленное производство, в основном, было представлено кустарными промыслами. Кустари работали, как правило, в одиночку [13].

За годы советской власти в Таджикистане были созданы государственные кустарно-производственные артели. Произведено целенаправленное изучение полезных ископаемых республики, обоснована необходимость создания в Таджикистане добывающей промышленности редких и цветных металлов. Новый импульс развития получили лёгкая и пищевая промышленность. Во всех хлопкосеющих долинах – Ферганской части Согдийской области, Гиссарской, Вахшской и Кулябской зонах строились промышленные предприятия: начали действовать хлопкоочистительные, маслоперерабатывающие заводы в Душанбе, Кулябе, Сарай-Камаре, Курган-Тюбе, Шаартузе. Вступили в строй

крупный Ходжентский шелковый комбинат и шелкомотальная фабрика в Сталинабаде. Таджикистан стал одним из всесоюзных центров шелковой промышленности. Начали функционировать крупные винные заводы в Ура-Тюбе, Ходженте, Пенджикенте; предприятия мясо-молочной продукции в Ходженте, Дюшамбе, Курган-Тюбе; плодоовощные консервные заводы в Канибадаме, Ходженте, Исфаре, Костакозе. Повсеместное развитие получили предприятия мукомольной и хлебопекарной промышленности.

Были построены предприятия топливной, металлообрабатывающей, горнорудной промышленности. Освоены Кансайский и Такелинский оловянные рудники на месторождениях Кара-Мазара, была заложена первая механизированная шахта, построена обогатительная фабрика. Сооружены крупные промышленные предприятия, в числе которых механический и кожевенный завод, предприятия промышленности строительных материалов в Дюшамбе и Пролетарске. Была произведена реконструкция действующих предприятий топливной промышленности – шахт Шураба – таджикской кочегарки, нефтепромыслов «КИМ».

Произведена электрификация всех населенных пунктов: вступили в строй дизельные электростанции в Сталинабаде, Ходженте, Канибадаме, Костакозе; крупные электростанции – Варзобская и Нурекская ГЭС – самая мощная гидроэлектростанция в Средней Азии, плотина которой высотой 300 м до 2013 г. являлась самой высокой в мире.

Интенсивно развивалось сельское хозяйство. Создание Вахшской ирригационной системы, Большого Ферганского и Большого Гиссарского каналов позволило расширить посевные площади хлопчатника, освоить крупные земельные массивы в Вахшской, Гиссарской и Кулябской долинах. Таджикистан стал одной из основных баз производства хлопка в СССР.

В условиях горного Таджикистана, который в прошлом не обоснованно был назван территорией классического бездорожья, были построены дороги: южная автомобильная магистраль, связавшая столицу со всеми южными районами республики, Памирский тракт Ош – Хорог, тракт Душанбе – Ура-Тюбе. Территория Таджикистана покрылась сетью почтовых отделений, телеграфных, телефонных, радиотрансляционных и телекоммуникационных линий.

Преодолевая трудности объективного и субъективного характера, в Таджикистане шел процесс культурного строительства: была ликвидирована неграмотность, создана сеть общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений, культурно-просветительских и научных учреждений, развита система здравоохранения и создана сеть медицинских учреждений.

К середине 1980-х гг. повседневность населения Таджикистана имела характеристики, существенным образом отличающиеся от жизни таджиков в начале XX в. Стабильность и возможность следования устоявшимся традициям в повседневной жизни во многом зависело от обеспечения правопорядка и безопасности внутри государства.

С началом в СССР эпохи «перестройки» появилась необходимость в повседневной жизни принимать во внимание новые детерминанты. Существенно осложнилась криминогенная ситуация, показателем чего явились правонарушения, в том числе в «силовых» структурах, призванных обеспечивать правопорядок: по данным Главного управления внутренних войск МВД СССР, например, за первое полугодие 1990 г. за различные преступления и нарушения закона было задержано около 24 тыс. военнослужащих, у которых изъято более 4 тыс. единиц огнестрельного оружия, свыше 73 тыс. боеприпасов, около 500 взрывных устройств [11, с. 23].

Рост социально-экономической напряженности в Таджикистане подтверждали «митинговая демократия», значительная преступность. О состоянии преступности свидетельствовали факты: в 1990 г. В Таджикистане было зарегистрировано 3061 преступление, на 6,3 % больше чем в 1989 г. [19]; в Душанбе и других регионах резко увеличилось число разбойных нападений; в системе госторговли и потребкооперации в 1990 г. было зафиксировано 1269 преступлений, из них 196 краж, из которых 52 в особо крупных размерах, 5 фактов взяточничества, 707 фактов обмана покупателей, 306 уголовных преступлений [19]; в ходе проверки деятельности 1,5 тыс. объектов было выявлено 129 краж государственного имущества [19]. Многочисленные факты краж, мошенничества, взяточничества (прежде всего в агропромышленном комплексе, системе торговли и потребительской кооперации), а также деятельность 117 преступных групп в экономической сфере были раскрыты: преступники нанесли урон экономике Таджикистана на сумму 2,8 млн рублей [10, с. 141].

В феврале 1990 г. в Душанбе были зафиксированы массовые беспорядки, начавшиеся на межнациональной почве. Прекратили работу городской, междугородный и железнодорожный транспорт, институты и школы, детские сады, почти все магазины и предприятия, банки, телефонная связь и почта, перестали выходить газеты. Для защиты своих семей от погромщиков жители столицы создавали отряды самообороны, охраняя входы в подъезды и подходы в свой микрорайон.

Наведение порядка в городе было осуществлено с помощью военнослужащих Министерства обороны и МВД. Был введен комендантский час. В результате беспорядков имели место и человеческие жертвы.

События в феврале 1990 г. в Душанбе привели к миграции из Таджикистана некоренного населения и росту социальной напряженности.

Обретение Таджикистаном статуса суверенного государства (1992 г.) было осложнено Гражданской войной, явившейся самым кровопролитным конфликтом на постсоветском пространстве. Активные боевые действия в Таджикистане продолжались меньше года (апрель – декабрь 1992 г.), а затем война приобрела затяжной позиционный характер [6, р. 16–17]. Сторонами конфликта выступили официальное правительство Республики Таджикистан и Объединенная таджикская оппозиция – альянс оппозиционных сил, сформировавшийся весной 1993 г. на севере Афганистана, в котором объединились

различные политические партии и движения: Партия исламского возрождения Таджикистана, «Растохез», Демократическая партия Таджикистана, «Лаъли Бадахшон», Координационный совет демократических сил Таджикистана в СНГ (Москва), Фонд помощи беженцам «Умед» [7, с. 152–161].

В стране начался разгул преступности: в 1991 г. в Таджикистане было зафиксировано 16 887 преступлений, в 1992 г. – 25 296, в 1993 г. – 24 700 [16, с. 51]. Каждое десятое преступление совершалось с применением оружия, каждое пятое – имело высокую степень общественной опасности [5]. Но официальная статистика не отражала реальной картины: с учетом латентности преступных действий и отсутствия данных об уровне преступности в неконтролируемых правительством районах число преступлений было в 15–20 раз больше учтенных [16, с. 36].

Конец междоусобному конфликту в Таджикистане положило подписание 27 июня 1997 г. в Москве в присутствии Президента России Б.Н. Ельцина Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, состоявшееся по итогам проведенных с участием российской стороны восьми раундов переговоров и шести встреч Президента Таджикистана Э.Ш. Рахмона и лидера Объединенной таджикской оппозиции С.А. Нури [2, с. 86]. Были достигнуты договоренности о добровольном и безопасном возвращении всех беженцев, расформировании оппозиционных формирований и их включении в правительственные силовые структуры, обмене всеми военнопленными и другими насильственно задержанными лицами, принятии закона об амнистии и взаимном прощении, предоставлении представителям Объединенной таджикской оппозиции 30 % должностей в органах исполнительной власти [1, с. 57]. Была создана Комиссия по национальному примирению. России при этом отводилась роль государства – гаранта выполнения Соглашения.

За годы Гражданской войны (1992–1997 гг.) погибли или пропали без вести более 300 тыс. человек. Число внутренних переселенцев превысило 1 млн чел. [3, с. 80]. В результате войны более 25 тыс. женщин стали вдовами, 53 тыс. детей остались сиротами. Были разрушены 35 723 жилых помещений. Полностью выведены из строя 61 медицинское учреждение. Война нанесла экономике страны невосполнимые потери: материальный ущерб определялся в размере 20 млрд долларов США, в 105 раз превышавшем бюджет Таджикистана в 1995 г. [8, с. 10]. Таджикистан превратился в одну из беднейших стран мира.

Началась работа, направленная на стабилизацию социально-экономической и политической ситуации в стране, снижение напряженности в обществе, обеспечение защиты прав и свобод граждан, борьбу с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, экономической преступностью. Для достижения мира, национального примирения и согласия в обществе подразделениями МВД Таджикистана с 1994 г. из незаконного оборота было изъято 34 тыс. единиц огнестрельного оружия; за 1994–2017 гг. было конфисковано более 121 т наркотиков, в том числе 34 т героина. В 1993–

2000 гг. на места постоянного проживания были возвращены около 1 млн беженцев: более 200 тыс. – из стран СНГ, более 51 тыс. – из Афганистана, около 700 тыс. – из различных районов Таджикистана [8, с. 10]. На рост преступности в стране негативное влияние оказывал рост незаконного оборота наркотических средств (главным образом, из соседнего Афганистана), приобретший характер существенной угрозы (несмотря на падение талибского режима, после 2003 г. Афганистан стал основным мировым центром производства сильнодействующих наркотических средств, где производилось 92 % всего объема мирового героина [4]). По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, наблюдается тенденция роста производства опиатов в Афганистане: если в 2015 г. было произведено 3,3 тыс. тонн, то в 2016 г. – 4,8 тыс. т, что на 34 % больше по сравнению с 2015 г.; посевные площади опийного мака увеличились с 183 тыс. га в 2015 г. до 201 тыс. га в 2016 г. [4, р. 12–14]. Поскольку у подавляющего большинства жителей Афганистана (около 80 %) основным занятием является сельскохозяйственный труд, а выращивание опийного мака в разы доходнее, чем выращивание легальных сельскохозяйственных культур (по доходности опийный мак превышает пшеницу более, чем в 10 раз), производство опия, несмотря на запреты, остаётся основной статьёй дохода значительного числа афганских семей.

Урожайность опийного мака с гектара за последние годы существенно выросла. Этому способствовали и благоприятные погодные условия, и отсутствие болезней и вредителей, которые прежде нередко поражали растения. Лидером наркопроизводства в стране пока остаётся южный регион, но он, судя по динамике роста производства, скоро может уступить свои лидирующие позиции северному: на севере Афганистана рост производства наркотиков приобрел взрывной характер (за последнее десятилетие вырос в несколько сотен раз). В соседней с Таджикистаном провинции Бадахшан наблюдается постоянный рост площадей выращивания наркокультур (с 200 га в 2008 г. до 6 298 га в 2016 г., т.е. почти в 32 раза) [4, р. 12–14].

Рост оборота наркотиков стал возможен по ряду причин внутреннего характера, в числе которых: слабый пограничный и таможенный контроль на таджикско-афганской границе, сложности с обеспечением эффективного пограничного контроля в условиях высокогорной местности, прозрачность границ стран СНГ, активизация деятельности международных террористических организаций в соседнем Афганистане, в частности движения «Талибан» (афганская ячейка «Аль-Каиды»), «Джамаат Ансаруллах» (таджикская ячейка «Аль-Каиды»), «Джамаат Джундуллах (узбекская ячейка «Аль-Каиды»), «Исламское движение Восточного Туркестана» (уйгурская ячейка «Аль-Каиды»), Эмират Хорасан (афганская ветвь Исламского государства Ирака и Леванты (ИГИЛ)) [9, с. 158–159; 18].

Государственные программы, направленные на «создание надежной системы противоборства преступности», а также «первоочередные задачи по пресечению противоправных действий, обеспечивающие усиление роли государства как гаранта безопасности» [4] создают в современном Таджикистане

основу для формирования повседневности населения в условиях мира и безопасности [12], в условиях адаптации государства к глобализационным процессам XXI в.

Список литературы

1. Бабаджанов А. Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств. М., 2014.
2. Блищенко В.И., Солнцева М.М. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве. М., 2014.
3. Бобохонов Р.С. Гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.): причины, ход, последствия и уроки // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4. С. 74–83.
4. Государственная программа борьбы с преступностью в Республике Таджикистан на 2008–2015 гг. Утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2 ноября 2007 года № 543 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан: официальный сайт. URL: <http://www.mmk.tj> (дата обращения: 20.10.2020).
5. Государственная программа Республики Таджикистан по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 гг. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 23 сентября 1995 г. № 341 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан: официальный сайт. – <http://www.mmk.tj> (дата обращения: 21.10.2020).
6. Зоиров Д.М. Особенности этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве: социально-политическая и правовая характеристика // *Труды Академии МВД Республики Таджикистан*. 2014. № 1(21). С. 16–24.
7. Зоиров Д.М. Этносоциальные факторы и межтаджикский конфликт // *Мир политики и социологии*. 2016. № 4. С. 152–161.
8. Маджидзода Дж.З. Историческая и правовая роль XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан в строительстве новой государственности таджиков // *Роль судьбоносной XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан в укреплении национальной государственности и развитии законодательства: Материалы республиканской научно-практической конференции / под ред. Д. С. Рахмон*. Душанбе, 2017. С. 8–16.
9. Мирзоев С.Т. Афганистан: вызовы и угрозы. Душанбе, 2017.
10. Назаров Н.Дж. Организационно-правовые основы становления и развития милиции Таджикистана: 1917–2006 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
11. Нижник Н.С., Абдуллоев А.Р. Пореформенная Россия: формирование специфики повседневной деятельности органов охраны правопорядка в Туркестанском крае // *Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. 2–4 апреля 2020 г. / отв. ред. В. А. Веремченко, В. Н. Шайдулов*. Т. 3. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 237–243.
12. Нижник Н.С., Абдуллоев А.Р. Правоохранительная система Республики Таджикистан: специфика субъектного состава // *Вестник Таджикского национального университета. Сер. социально-экономических и общественных наук*. 2017. № 2/6. С. 182–188.
13. Нижник Н.С., Абдуллоев А.Р. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны: перестройка работы правоохранительных органов в условиях военного времени // *Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) [Электронный ресурс]: в 2 ч. Ч. 1: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г. / под ред. Н.С. Нижник; сост. Н.С. Нижник, С.А. Никифорова. – Электрон. дан. (23,3 Мб)*. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 1016–1028.

14. Постановление ЦИК СССР от 5 декабря 1929 г. «О непосредственном вхождении в состав Союза ССР Таджикской союзной республики» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1929. № 75. С. 1414–1415.
15. Человек и закон. 1990. № 10.
16. Юлдошев Р.Р., Махмадиев Х.Х., Акбарзода А.А. Преступность в Таджикистане (1991–2016 гг.): науч.-практ. пособие. Душанбе, 2018.
17. Afghanistan Opium Survey. 2016. Executive Summary // United Nations Office on Drugs and Crime. Wien, 2016.
18. Искандаров К., Давлатов Р., Абдуллоев Р. Афғонистони имруз: омилҳои дохили ва хориҷии ҷангу сулҳ. Душанбе, 2018.
19. Садои мардум. 1991. 6 марта.

Е.А. Дрогавцева

Правовое регулирование двойного гражданства в современной России: проблемы совершенствования

Статья посвящена анализу института двойного гражданства, оценке степени его взаимосвязи с институтом гражданства как одного из основных элементов конституционного строя России. Учитывая то, что конституционный строй является определенной формой выражения конституционализма, доктрина конституционализма рассматривается в тандеме с идеей гражданственности. При осуществлении исследования выявлены возможные последствия отмены отказа от гражданства иностранного государства как обязательного условия, необходимого для натурализации в России. Принимая во внимание последние изменения законодательства о гражданстве Российской Федерации, автором рассматривается влияние наличия множественного гражданства на осознание гражданской идентичности населением.

The article is devoted to the analysis of the institution of dual citizenship, assessing the degree of its relationship with the institution of citizenship as one of the main elements of the constitutional system of Russia. Taking into account that the constitutional order is a certain form of expression of constitutionalism, the doctrine of constitutionalism is considered in tandem with the idea of citizenship. The study revealed the possible consequences of the cancellation of the renunciation of the citizenship of a foreign state as a mandatory condition necessary for naturalization in Russia. Considering the recent changes in the legislation on citizenship of the Russian Federation, the author examines the impact of the presence of multiple citizenship on the awareness of civil identity among the population.

Ключевые слова: гражданство, двойное гражданство, множественное гражданство, конституционный строй, гражданственность, гражданская идентичность.

Key words: citizenship, dual citizenship, multiple citizenship, constitutional system, citizenship, civil identity.

Признаки, характеризующие конституционный строй России, закреплены в главе 1 Конституции Российской Федерации [1]. Институт гражданства занимает одну из центральных позиций, составляющих фундамент конститу-

ционного строя, в толковании сущности государства. В современном понимании и законодательной интерпретации, российское гражданство определяется в качестве устойчивой правовой связи лица с государством (Российской Федерацией), выражающейся в совокупности их взаимных прав и обязанностей [2].

В настоящее время сформировано два основных научных подхода к содержанию правовой связи между личностью и государством: либеральный и консервативный. Первый из них характеризует рассматриваемую правовую связь как относительную. Это объясняется тем, что государство придерживается принципа допустимости двойного (множественного) гражданства (например, Великобритания, Италия, Израиль, США). Второй подход основан на абсолютизации правовой связи личности и государства. В данном случае, государство провозглашает «принцип единственного гражданства», исключая возможность признания факта наличия иного гражданства (например, Вьетнам, Индонезия, Сингапур) [7, с. 40–41]. Таким образом, можно предположить, что характер связи между личностью и государством предопределяет рассмотрение институтов гражданства и двойного (множественного) гражданства в единстве конституционно-правовых начал с возможностью выделения института двойного гражданства в качестве элемента института гражданства.

В данном контексте целесообразно обратиться к современному состоянию действующих нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы российского гражданства. Одним из результатов реформирования законодательства о гражданстве Российской Федерации в 2020 г. было упразднение такого обязательного условия приема иностранного гражданина в российское гражданство как необходимость оформления отказа от гражданства иностранного государства [3].

Рассмотрим возможные последствия упразднения вышеуказанного требования для жизни населения России. Очевидно то, что одним из итогов реформирования будет являться увеличение количества лиц, обратившихся с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации. Однако рост количества натурализованных граждан может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. Полезный для государства и общества аспект заключается в решении ряда вопросов, касающихся проблем демографического характера. Вместе с тем, прием в гражданство по своей конституционно-правовой сущности должен отражать высшую форму признания государством лиц, правовая категория которых определена в качестве иностранных граждан, лиц без гражданства либо лиц с неурегулированным правовым статусом. Количественный показатель не должен заменять качественный. При принятии решения о натурализации необходим всесторонний анализ с индивидуализированной составляющей, заключающейся в оценке мотивов, целей, степени интеграции в российское общество лица, претендующего на получение статуса гражданина Российской Федерации. Отсутствие необходимости оформления выхода из гражданства государства исхода порождает дилемму множественного или двойного гражданства, что в свою очередь может обострить проблему государственно-гражданской идентичности и ослабить морально-нравственный стержень российских граждан [6, с. 260].

Учитывая синтез гражданства и двойного гражданства при их рассмотрении в качестве элемента конституционного строя, а также принимая во внимание то, что гражданство позволяет лицу стать полноправным участником конституционно-правовых отношений, на данном этапе исследования рационально обратиться к проблематике конституционного строя.

Наличие конституционного строя создает гарантии обеспечения прав и свобод личности, закрепляемые на уровне Основного закона. В главе 1 «Основы конституционного строя» Конституции Российской Федерации вопросам гражданства посвящена статья 6. В указанной статье отсутствуют какие-либо ограничения прав и свобод лиц в связи с наличием двойного (множественного) гражданства. Поэтому в систему, составляющую основы конституционного строя, входят единые принципы регулирования вопросов гражданства и двойного (множественного) гражданства.

На данном этапе исследования важно рассмотреть конституционный строй как научную категорию. Под конституционным строем понимается юридическая и фактическая форма выражения конституционализма, в основе которого, как научной доктрины, лежат ценности гуманизма, демократии и справедливости, достижение которых обусловлено ограничением правления, связанности власти конституционными институтами [4, с. 7–8]. Таким образом, институт гражданства, как и его элемент – институт двойного гражданства, призваны наряду с другими конституционными институтами поддерживать нерушимость приоритета гуманизма, справедливости и демократии.

Вместе с тем, существует точка зрения, согласно которой выделяется отдельное понятие «русского конституционализма», что обусловлено его особым путем становления и развития. В качестве специфики политической философии русского конституционализма А.Н. Медушевский выделяет: постоянное стремление понять особенности русского исторического процесса и политическую систему, соответствующую конкретному временному этапу. Следствием данного стремления будет являться построение пути достижения социального идеала [9, с. 138].

В свою очередь есть мнение, согласно которому гражданственность как комплексное многоуровневое социальное явление выступает основой конституирования гражданского статуса социального субъекта и является духовно-ценностной составляющей социального процесса [8, с. 5–6], следовательно, гражданственность возможно рассматривать в качестве одного из социальных идеалов, необходимого для построения конституционализма.

Таким образом, мы построили определенную логическую цепочку, взаимосвязанными частями которой являются государство, доктрина конституционализма, конституционный строй, институт гражданства (двойного гражданства) и гражданственность. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что гражданственность может служить духовно-нравственным элементом, необходимым для достижения конкретного общественного идеала в конституционном государстве.

Следует отметить, что гражданственность многоликое явление. Гражданственность характеризуется в качестве одной из важнейших основ, определяющей вектор развития института гражданства современной России [5, с. 48], что в свою очередь предполагает взаимосвязь и взаимообусловленность. Кроме того, гражданственность является важнейшим фактором, способствующим формированию гражданской идентичности.

Для определения места идеи гражданственности в современной России, в действующей Конституции Российской Федерации необходимо четкое уяснение сущности данного явления. В самом общем смысле, гражданственность – это нравственная позиция личности по отношению к обществу и государству [10, с. 57]. Данная формулировка нуждается в уточнении, в связи с тем, что отношение как выражение личной позиции, может иметь как позитивную, так и негативную направленность. По нашему мнению, гражданственность не обладает ни негативными, ни позитивными установками, так как такой критерий представляется достаточно узким при рассмотрении данного вопроса. Гражданственность находится на уровне лояльности, затрагивающей сферу правосознания, обеспеченную гарантиями «обновленной» Конституции Российской Федерации с одной стороны, и сферу морально-нравственной позиции, которая является индивидуальной для каждого человека – гражданина современного государства.

В статье 13 Конституции Российской Федерации установлен принцип идеологического многообразия. В преамбуле определены основные идеи, которые служат основой для развития государства и общества. Представлены следующие морально-нравственные и духовные установки: любовь и уважение к Отечеству, ответственность за Родину, сохранение памяти предшествующих поколений [1]. Указанные определяющие начала нашли свое отражение и детализацию в статье 67.1 Конституции Российской Федерации, появление которой стало одним из результатов конституционной реформы 2020 года.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в связи с упразднением условия о необходимости оформления выхода из гражданства иностранного государства при натурализации, в настоящее время политика России в сфере регулирования вопросов гражданства, придерживается либерального направления, несмотря на то, что согласно положениям части 1 статьи 6 действующего Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: «гражданин Российской Федерации, имеющий также иное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом» [2]. О возможности иметь более одного гражданства также свидетельствуют гарантии, закрепленные в статье 62 Конституции Российской Федерации [1].

Гражданственность, как национальная идея, не противоречит положениям, закрепленным в ведущей главе Конституции Российской Федерации – «Основы конституционного строя». Однако необходимо понимать, что между

идеями и сформированным народным правосознанием есть значительная разница. Следует отличать «показные» и «истинные» чувства любви к Родине и ответственности за свою страну. Духовный кризис подрастающего поколения обусловлен размытым пониманием ценностных ориентиров в условиях глобализации и последствий изменения государственного строя. Однако национальная идея в виде осознанной гражданственности может являться фактором, способствующим формированию гражданской идентичности и одновременно укрепляющим основы конституционного строя современной России. Но следует учитывать то, что положительный эффект осознания государственно-гражданской идентичности для общества и государства будет достигнут только в том случае, если идентичность не будет отождествляться с агрессивной исключительностью, которая характеризует национализм.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Российская газета. 2020. 16 марта. № 55 (8109).
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 13 июля 2020 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 3 июня. № 22. Ст. 2031; Российская газета. 2020. 15 июля. № 153 (8207).
3. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // Российская газета. 2020. 28 апр. № 92 (8146).
4. Астафичев П.А. Конституционное право России. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. 390 с.
5. Дрогавцева Е.А. Гражданство и гражданственность как правовые и нравственные категории // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований. Материалы региональной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 6 декабря 2019 г.). СПб.: Издательство Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации, 2019. С. 47–50.
6. Дрогавцева Е.А. Отказ от гражданства иностранного государства как упраздненное условие приема в российское гражданство // Актуальные проблемы науки и практики в исследованиях молодых ученых: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Нижний Новгород, 19 ноября 2020 г.). Альманах молодых ученых: сб. науч. ст. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. Вып. 2. С. 255–261.
7. Елизова Л.А. Институт гражданства в трансформирующемся мире: социально философский анализ: моногр. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 172 с.
8. Маленков В.В. Становление гражданственности в постсоветской России: социокультурный и институциональный аспект. Тюмень: РИЦ ТГАКИиСТ, 2014. 155 с.
9. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 656 с.
10. Омеличкин О.В. Политическая этика. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 287 с.
11. Смирнов В.Э. Гражданственность и гражданское общество: самоорганизация и социальный порядок – Институт социологии Национальная академия наук Беларуси. Минск: Беларусь наука, 2013. 238 с.

Природа современного кризиса и его последствия

В статье рассматривается природа и особенности современного экономического кризиса 2020–2021 гг. Коронавирус обострил проблемы, которые были и раньше. Вопросы структурной перестройки вышли на передний план поскольку кризис в первую очередь затронул сферу услуг в крупных городах России. Предлагаются два варианта решения возникших социальных проблем.

The article examines the nature and features of the current economic crisis of 2020–2021. The coronavirus has exacerbated problems that have existed before. Structural adjustment issues have come to the fore as the crisis primarily affected the service sector in major Russian cities. Two options for solving the arisen social problems are offered.

Ключевые слова: эпидемии и пандемии, экономический кризис, сфера услуг, краткосрочный период, долгосрочный период.

Key words: epidemics and pandemics, economic crisis, service sector, short term, long term.

Введение. Коронавирус – уникальная пандемия?

Эпидемии – стары как мир. Они возникли ещё в первобытном обществе в процессе перехода от присваивающего хозяйства к производящему, когда после одомашнивания животных связь между человеком и окружающими его животными стала постоянной. Она имела не только свои плюсы, но и минусы, поскольку увеличивалась опасность передачи от них людям различных заболеваний.

Тесный контакт возникших на древнем Востоке цивилизаций приводил к тому, что отдельные инфекционные заболевания, следуя торговыми путями, распространялись на большие территории, приобретая характер пандемий. Возникшая в 430 г. до н.э. в Эфиопии инфекция через Египет и Ливию достигла воевавших со Спартой Афин, где погибла почти треть населения некогда цветущего города. Эта пандемия вошла в историю как «Афинская чума». Римская и Византийская империи также пережили ряд страшных пандемий (Антонинова чума 165 г., Юстинианова чума 541–542 и др.).

Средневековая Европа пережила много пандемий, самая страшная из которых – Чёрная смерть – уничтожила в 1346–1353 гг. почти половину населения Европы и около четверти населения земного шара. Россия пережила страшный мор в 1420 г., когда в стране бушевала лёгочная и бубонная чума.

Острые вспышки пандемий случались последние столетия с заметной регулярностью: Чёрная оспа 1520 г., чума в Северной Африке 1620 г., Марсельская чума 1720–1721 г., Калькуттская холера 1820–1827 г., «Испанка» в Европе 1918–1920 гг. Испанским гриппом заразились в этот период в Европе до 50 млн человек! С 1980 г. начал распространяться ВИЧ/СПИД, унёсший жизни более 36 млн. чел.

20-е XXI в. тоже не стали исключением в истории пандемических заболеваний. Возникший в Китае коронавирус уже распространился по всему земному шару. На 21 декабря 2020 более 77 млн чел. заразились, а число погибших превысило 1 млн. 702 тыс. чел. [6].

Коронавирус обострил болячки, которые были и раньше. В тоже время проблема структурной перестройки вышла на передний план.

1. Природа кризиса

Главное отличие от обычных циклов К. Жюгляра, что это не кризис перепроизводства, а кризис сферы услуг. Обычно основой периодичности промышленных кризисов является обновление основных фондов производства. Главное же в современном кризисе не сфера производства, а сфера услуг. Это – авиа- и железно-дорожные перевозки, гостиницы, ресторанный и туристический бизнес, городской транспорт, театры и кинотеатры, фитнес клубы, поликлиники общего профиля, обувная и легкая промышленность, сувенирный бизнес, канцтовары, детские центры и т.д. Оживление было только у производителей масок, ИВЛ и некоторых видов лекарств.

Кризис затронул свыше 28 млн. российских граждан (из 72 млн занятых в народном хозяйстве) [2]. Не следует забывать, что особенностями российской сферы услуг является: 1) господство мелкого и среднего предпринимательства, 2) концентрация в крупных городах, городах-миллионниках и 3) слабая поддержка и защита со стороны государства.

2. Краткосрочный период

Следствием современного кризиса является переориентация спроса. Россия, конечно, – не Китай, в ней нет остановившихся крупных заводов и предприятий. Как известно, трёх-четырёхмесячная задержка поставок китайских товаров способствовала росту предложения со стороны китайских конкурентов. Началось всё с медицинских товаров. Пандемия привела к тому, что более 100 лекарственных средств, традиционно поставляемых из Китая, оказались в дефиците в западном мире. Приостановка производства в ряде других отраслей усугубила эту проблему. Поэтому ряд западных стран решил диверсифицировать свой спрос не ограничиваясь только Китаем. Первой стала Япония.

Не секрет, что за последнее время произошел довольно значительный рост заработной платы китайских рабочих. Долгое время Китай был страной с дешевой рабочей силой. Еще в 1990 г. китайский рабочий получал \$150, в 2005 – \$2800, в 2015 – \$8900, а в 2020 – \$13500. Это означает, что за последние 30 лет заработная плата китайских рабочих выросла в 90 раз или более чем на 8 500%. Такой стремительный рост заработной платы, естественно, значительно ухудшил китайские сравнительные преимущества, что стало проявляться еще до коронавируса. Уже в 2016 г. объем производства сократился на 2%. Фактором, препятствующим развитию торговли, стали и американские пошлины на китайские товары, что привело к сокращению китайского экспорта в США в 2019 году на 7%.

Этим уже сейчас воспользовались Вьетнам, Мексика и Индия. Вьетнам до сих пор отличается более низкой заработной платой (в 2010-е гг. ВВП на душу населения составлял порядка \$3000) [4].

Мексика. 2/3 американских компаний собирается перевести часть своих инвестиций в эту страну. По оценкам специалистов, это может составлять от \$12 до \$15 млрд только по китайским направлениям. Реализуется ли это в полной мере покажет время, однако сам факт свидетельствует о попытке большей диверсификации спроса. И это характерно не только для США. Уже в 2017 г. экспорт из этой страны в США составил \$320 млрд и по расчетам специалистов составит в ближайшие годы 42% от китайского экспорта в США.

Индия – самая крупная демократическая страна в мире – в последние годы также показывает высокие темпы роста. Если в 2002 г. ВВП на душу населения составлял \$470, то в 2020 – \$2100. Эта страна может использовать свое сравнительное преимущество прежде всего в сфере сельского хозяйства, так как около половины населения этой страны по-прежнему заняты там. Однако последние годы стремительно развивается сфера мобильной связи. Если в 2014 г. производилось 10 млн сотовых телефонов, то в 2019 – уже 150 млн. Дневная оплата в сфере производства в Индии равна \$5, тогда как в Китае – \$28.

Это не означает мгновенного передела мира. Однако свидетельствует о том, что ведущая роль Китая в целом ряде производств будет подорвана и в ближайшие 20 лет мир станет более многополярным.

Однако для России характерна и другая особенность – быстро перестраиваться не умеют. К тому же есть опасность 2-й вспышки коронавируса. Тогда похоже весь 2020 г. уйдёт на выход из кризиса.

В любом случае произойдёт падение доходов бюджета; как в нефтегазовых (в связи с падением цен на нефть) на 1.5 трлн р., так и в нефтегазовых отраслях (в связи с остановкой ряда производств и сферы услуг в период карантина) на 1.5 трлн р. (по расчётам Института развития НИУ ВШЭ) (<https://dcenter.hse.ru/>). А если учесть НДС, налоги на прибыль и налоги на малый бизнес, то весь ущерб (по оценке учёных НИУ ВШЭ, будет порядка 8 трлн р. Напомню, что весь консолидированный бюджет составляет 19 трлн р. и бюджет субъектов федерации 13 трлн р. [1].

К сожалению, Россия не использует кейнсианскую идею выхода из кризисов. В настоящее время стимулирование отечественного спроса происходит во многих странах мира. Великобритания, например, компенсирует 80% зарплаты, но не свыше 2500 фунтов, и еще 20% от частных компаний. Также поступили в Германии, Дании и Швеции. Кроме этого, частные компании в Великобритании освобождаются от уплаты НДС, имеют право получить беспроцентный кредит на год, а граждане могут 3 месяца не платить ипотечные кредиты. Всего на поддержку экономики правительство Великобритании выделило 330 млрд фунтов стерлингов. В Италии правительство выделило 340 млрд евро, введены ипотечные и налоговые каникулы. Налоговые каникулы введены в Дании, Литве, Латвии, Швеции и Франции. Франция выделила на

поддержку граждан 500 млрд евро, а Германия – 550 млрд евро. В США принято решение выдавать деньги гражданам напрямую: взрослым – \$1200, детям – \$500. + раздача продовольствия. В США этой мерой уже воспользовались 27 млн американцев. К тому не исключена возможность дополнительных выплат в размере \$2000. Кроме этого, правительство США выделяет \$350 млрд на поддержку малого бизнеса и авиапромышленности. Страны ЕС, Япония и США выделяют на поддержку людей и бизнеса от 10 до 20% ВВП.

На этом фоне помощь российского правительства выглядит более чем скромной: 3,5 млрд евро выделяется на поддержку экономики, то есть в 143 раза меньше, чем правительство Франции. Налоговые льготы предоставляются компаниям авиационной и туристической отрасли, экономические послабления водителям грузовиков, льготы для малого и среднего бизнеса. Общий объём помощи в России меньше 2,5% ВВП. Впрочем, возможно, он будет больше, так как об истинных размерах помощи пока трудно судить, так как отсутствует единый документ, который суммировал бы многочисленные выступления президента и постановления Правительства РФ.

Если Китай выплатил гражданам своей страны сумму, эквивалентную 80 тыс. р., а Австралия выплатила по 40 тыс. р., то Россия обещает выплатить 4 тыс. р., пока выплатила по 2 тыс. р., еще 2 тыс. р. обещают выплатить в конце карантина при условии его соблюдения.

Кризис привёл к падению доходов у 6 млн компаний мелкого и среднего бизнеса, на которых занято более 16 млн чел. Предложения по сохранению заработной платы у 3,5 млн человек на уровне минимального размера МРОТ (12.130 р.) не решат проблему в наших городах миллионников, где прожиточный уровень гораздо выше этой величины. Это таит в себе большие политические риски!

Как же организовать помощь?

➤ Через безвозмездные субсидии директорам мелких предприятий? Кто будет их контролировать?!

➤ Через личные счета работников? Кто это организует?!

➤ И как потом их отменить, когда к ним уже привыкли?!

Не случайно Н. Зубаревич и А. Навальный говорит о сумме хотя бы в 20 тыс. р., которая компенсировала бы потери от сокращения производства, вынужденной безработицы и потери от будущей инфляции [1].

Существует как минимум два варианта решения социальных проблем

1. Один из них приведёт к дальнейшему углублению разрыва между полюсом богатства и нищеты. Так, падение реальных доходов населения (по материалам Натальи Зубаревич), составило 7% с декабря 2014 по декабрь 2019 г. За 2-й квартал 2020 доходы упадут ещё как минимум на 7%, но скорее всего ещё больше.

По самым скромным расчётам, в настоящее время в зоне риска оказались 10–15 млн чел., в том числе – 1.5 млн человек в Москве и 0,6 млн чел. в Подмосковье [2].

Неадекватность провозглашённых Президентом и Правительством экономических мер по выходу из кризиса уже привела к резкому падению популярности президента и Правительства РФ. Не случайно, что в условиях кризиса местные власти пользуются большей поддержкой населения.

2. Другой вариант может привести к сокращению разрыва между полюсом богатства и нищеты.

Парадокс заключается в том, что для скорейшего выхода из кризиса в России государство должно создать более широкую базу для расширения свободы и укрепления гражданского общества с тем, чтобы преодолеть опасные тенденции огосударствления российской экономики.

3. Долгосрочный период

Здесь также возможны, как минимум, 2 варианта:

➤ Либо путём сохранения традиционных тенденций развития (инерционный путь);

➤ Либо путём попыток решения проблемы ускорения экономического роста в условиях обострения социальных проблем. Для этого придётся отказаться от ряда прежних принципов. Но способно ли властное и экспертное сообщество предложить что-то новое и главное добиться воплощения его в жизнь покажет ближайшее время.

Список литературы

1. Зубаревич Н.Н. Быстро делать не умеем, а надо // Мир после пандемии. 2020. URL: https://echo.msk.ru/blog/day_video/2628504-echo/
2. Зубаревич Н.Н. Кризис 2020. Чукчи возможно не пострадают. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ix1L5KyfJ2k>
3. Консенсус-прогноз Центра развития НИУ ВШЭ. URL: <https://dcenter.hse.ru/>
4. Мудрецы онлайн. Вып. 4. 12 мая. 2020.
5. Auzan A. A. The economy under the pandemic and afterwards // Population and Economics. 2020. No. 4. P. 4–14.
6. Coronavirus update. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/>.

«ВЫЗОВЫ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Д.А. Мельникова

Страхование сельскохозяйственного скота в Российской империи (вторая четверть XIX – начало XX в.)

В статье рассматриваются основные формы страхования сельскохозяйственного скота в России с 1830-х гг. до начала XX в. Автор выделяет добровольное и обязательное земское страхование, а также частную форму страхования, которая осуществлялась специальными страховыми обществами.

The article discusses the main forms of insurance of agricultural livestock in Russia from the 1830s to the beginning of the XX century. The author singles out voluntary and compulsory land insurance, and also a private form of insurance, which was carried out by special insurance companies.

Ключевые слова: страхование, сельскохозяйственный скот, страховые общества, земское страхование, Российская империя, лошади.

Key words: insurance, agricultural cattle, insurance companies, Zemstvo insurance, the Russian Empire, horses.

В XIX в. Российская империя продолжала оставаться преимущественно аграрным государством. По данным 1846 г. общее число голов сельскохозяйственного скота составляло 120 015 тыс. (без учета свиней и коз), в первой половине 1860-х гг. – 191 241 тыс. (без учета коз) [2, с. 8]. Несмотря на столь большое количество, существовал ряд факторов, которые негативно отражались на скотоводстве и приводили к ранней гибели животных: эпизоотии (инфекционные болезни среди животных), стихийные бедствия, пожары, неправильный уход, неудовлетворительное состояние кормов.

Для сохранения численности скота и защиты владельцев от финансовых и материальных потерь на территории Российской империи осуществлялись специализированные мероприятия, среди которых особое место занимает страхование сельскохозяйственного скота от падежа. Ранее нами были рассмотрены особенности страхования лошадей в Российской империи [подробнее см. 4, с. 307–312]. По результатам исследования были выделены две основные формы: земское страхование и частное. По аналогии с лошадьми было организовано страхование других сельскохозяйственных животных.

Так в 1839 г. было учреждено Первое общество страхования скота от падежа, целью которого было «обеспечить самым дешевым способом владельцев домашнего скота от убытков», причиняемых их гибелью [6, с. 411]. Действия страхового общества распространялись на лошадей разных типов, быков, коров, волов, овец, коз и свиней. В соответствии с уставом общества сроки страхования могли составлять от 1 года до 5 лет, так же было возможно кратковременное страхование, например, для гуртового скота, переводимого с одного места на другое.

Премия с обеспеченной страховым обществом суммы устанавливалась в соответствии с тарифами индивидуально для каждого страхового случая: «непредвиденных несчастий», «скотских падежей», «непредвиденных несчастий и скотских падежей вместе» и «прочих губительных болезней» [7, с. 143]. Страховая премия для быков могла составлять от 3 до 10%; для коров и волов от 0,25 до 9% (премия устанавливалась в зависимости от цели содержания животных: для откорма, перегона, для сельскохозяйственных работ); для телок и телят от 3 до 12%; для овец от 3 до 14% (имели значения порода и наличие или отсутствие прививок); для коз и свиней от 2 до 9% [7, с. 143]. Процедура страхования перечисленных сельскохозяйственных животных проходила по аналогии со страхованием лошадей в данном обществе [подробнее см. 4, с. 308–309].

В 1848 г. общество было преобразовано. В целом схема страхования осталась прежней, кроме ряда нововведений. Во-первых, были расширены функции самого общества, которое с 1848 г. должно было предпринимать меры для предотвращения падежей скота на границах губерний и уездов, а также распространять практические сведения о пресечении скотских болезней в целом [10, с. 127]. Во-вторых, в обязанность нового общества входили сбор и получение данных о ветеринарно-санитарном состоянии скота для предоставления в Медицинский Департамент Министерства внутренних дел [8, с. 184].

По уставу общества для страхования принимался скот «от всех родов смертности» (кроме голода), но при соблюдении ряда условий: здоровье скота, удовлетворительная ветеринарно-санитарная обстановка в округе, достаточный уход, наличие качественных кормов и хорошего водопоя. В случае отсутствия благоприятных условий для жизни скота владельцу в страховании отказывали [8, с. 189]. При положительном заключении уполномоченный страхового общества выдавал страховой полис, в котором обязательно указывались: сведения о владельце, количество, ценность, местопребывания застрахованного скота; сумма, назначенная обществом для возмещения убытков в случае падежа.

Кроме сельского и городского скота, общество принимало для страхования гурты (стада) на время прогона для места пастьбы, продажи, убоя или зимней стоянки [9, с. 85]. По условиям общества, в случае отсутствия в регионах эпизоотий, гуртовщики имели возможность без страхования полностью отдавать свой скот под надзор общества на время прогона с одной местности на другую. Это давало возможность гуртовщикам платить уменьшенную премию и бесплатно лечить скот, заболевший во время прогона [8, с. 190].

В Уставе Общества прописывалось, что скотопрогонные дороги делились на дистанции от границы одной губернии до другой. На каждой дистанции Общество назначало специальных смотрителей, которые контролировали процесс перегона гуртов. За прогон крупного рогатого скота до Москвы и Коломны владелец платил 5 к. серебром за одну голову; до Санкт-Петербурга по 7 к. Мелкий скот перегонялся за 2 к. серебром до Москвы и за 4 к. до Санкт-Петербурга [9, с. 48].

В 1849 г. Общество учредило в 23-х губерниях 45 операционных застав, на которых производился ветеринарный осмотр прогоняемых гуртов. Под надзором Общества находилось 1 060 гуртов с 192 000 головами рогатого скота в юго-восточных губерниях [1, с. 8]. В первой половине 1850 г. количество гуртов увеличилось до 1 219. В том же году под надзором и покровительством Общества, кроме гуртов, находилось 32 757 голов. За надзор взималось 4 коп. с головы крупного рогатого скота и 1 коп. с мелкого [1, с. 8]. Страховая премия колебалась в зависимости от условий страхования от 3 до 5%. В казенных и удельных селениях, кроме указанных видов страхования, практиковалось так же подворное.

Деятельность Общества была прекращена в 1858 г., так как при отсутствии на тот момент законодательных норм по борьбе с чумой рогатого скота и другими инфекциями «никакими премиями нельзя было компенсировать страховые убытки» [1, с. 9]. В 1870–1880-х гг. на территории Российской империи было создано еще несколько частных страховых обществ: Первое Русское общество страхования лошадей (1876 г.) [подробнее о деятельности общества см. 4, с. 307–312]; Российское общество взаимного страхования от падежа (1882 г.) и Московское общество взаимного страхования скота (1882 г.) [5, с. 19]. Все перечисленные общества просуществовали недолго и были ликвидированы.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что организация страхования скота в частных обществах проводилась с учетом вида скота, его количества, условий содержания. Важное место в работе обществ занимал ветеринарно-санитарный контроль, который позволял сократить убытки, как владельцев сельскохозяйственных животных, так и самих обществ. Несмотря на продуманные правила и широкую деятельность страховых обществ, их ликвидации избежать не удалось. Наибольшее распространение на территории Российской империи получило земское обязательное и добровольное страхование сельскохозяйственных животных.

На рубеже 1850–1860-х гг., во время возрождения земских учреждений, вопрос о страховании скота «находит себе много рьяных защитников и об нем говорят в литературе, как о самом насущном и полезном деле» [5, с. 18]. В указанный период было подготовлено несколько проектов о страховании скота, с целью выработать специальный устав для земских учреждений. В разработке новых правил принимали участие сельскохозяйственные общества, в том числе Императорское Вольное Экономическое.

Вопрос о страховании скота интересовал земства с первых лет их существования. Большинство земств обсуждали возможность страховать скот от повальных болезней, меньшая часть полагала учредить страхование «падежа от всяких причин» [1, с. 9]. В Новоузенском земстве Самарской губернии в 1878 г. было предложено принимать для страхования скот от краж.

По вопросу о территориальном распространении страхования земства высказывались за «желательность одновременного введения его в нескольких соседних друг с другом губерниях». Московское земство выступало за организацию всеобщего страхования на государственном уровне [1, с. 10].

Несмотря на широкое обсуждение проблемы страхования скота в различных земствах, практическое осуществление данного вопроса началось только в 1880 г. в Калужской губернии, где было введено обязательное земское страхование крупного рогатого скота от шести «заразных болезней» [12, с. 13]. Однако в 1886 г. страхование было прекращено с недоимкой в 133 894 р. и долгом в размере 77 681 р. [12, с. 13]. Количество застрахованного скота достигало до 250 тыс. голов в год [3, с. 425]. Большая часть скота (крупный рогатый скот) страховалась по нормальной оценке: старше двух лет – 20 р., до двух лет – 8 р. и моложе 1 года – 2 р. за голову [3, с. 426]. Страховой сбор составлял 1% с оценки.

Так же неудачно обстояли дела с обязательным страхованием в Курском земстве, где убытки достигли 85 тыс. р. за 1884–1885 гг. По нормальной оценке (70 р.) за 1884 г. было застраховано 553 тыс. голов, по возвышенной (115–125 р.) – 11 тыс. В 1885 г. на страхование было принято 401 тыс. голов скота по нормальной оценке и 8 тыс. по возвышенной [3, с. 426]. Прекратив обязательное страхование, Курское земство ввело добровольное.

Кроме Курской губернии в 1884 г. обязательное страхование скота от семи болезней было введено в Орловском земстве. Премия взималась одинаково с нормальной и возвышенной оценки – 1,5% (с 1886 г. – 1%). Нормальная оценка колебалась от 12 до 20 р. за голову в зависимости от возраста. Так же, как в Курской и Калужской губерниях, страхование скота пришлось ликвидировать по причине убыточности. За 1884–1897 гг. земство потеряло 36 222 р. [3, с. 426].

Более удачно обязательное страхование осуществлялось в Бессарабской губернии, где его распространили не только на крупный рогатый скот, но и на лошадей, овец и свиней. Страховой сбор сначала составлял 1%, с 1890 г. был понижен до 0,75%, а с 1894 г. – 0,4% [3, с. 427]. Для быков, волов и телят нормальная оценка составила от 6 до 36 р., для коров и телок от 5 до 24 р., для лошадей от 3 до 20 р., для овец – 4 р., а свиней – 25 р. Успешное проведение страховых операций позволяло Бессарабскому земству покрывать все текущие расходы по ветеринарной части.

Шире, чем обязательное, было распространено добровольное страхование скота. Одним из первых от: «всякого рода болезней»; «заедания зверями»; «удара молнии» и пожара его ввело Московское губернское земство в 1884 г. [11, с. 3]. Позже этому примеру последовали 12 губернских земств: Нижегородское (1888 г.), Санкт-Петербургское (1886 г.), Пензенское (1890 г.), Полтавское (1895 г.), Орловское (1886 г.), Херсонское (1888 г.), Саратовское (1890 г.), Екатеринославское (1891 г.), Курское (1890 г.), Тульское (1893 г.), Владимирское (1887 г.) и Костромское (1887 г.) [1, с. 12–13; 3, с. 427].

За 1884–1904 гг. к добровольному страхованию скота приступили 13 земств, к обязательному – 3. К 1904 г. свою деятельность продолжали только лишь 8 земств: 7 по добровольному и 1 по обязательному страхованию. Резкое сокращение операций по добровольному земскому страхованию началось с 1898 г. по причине убытков, которые к 1904 г. достигли 0,75 млн р. [3,

с. 438]. Основными причинами ущерба от страхования в земских организациях являлись: низкая оценка животных, высокие премии, невозможность страхования молодняка, малочисленность агентов страхования и ветеринарных пунктов, недостаточная популяризация страхового дела, бедность населения и высокая смертность скота, в частности в крестьянских хозяйствах. Все это в той или иной степени приводило к материальным потерям в страховых организациях.

Итак, рассмотрев основные формы страхования сельскохозяйственных животных в Российской империи, мы можем сделать вывод, что данный тип страхования не смотря на свою убыточность и малоуспешность, имел специальное экономическое и ветеринарно-санитарное значение для российского животноводства и сельского хозяйства в целом, так как являлся стимулом для владельцев более ответственно и продуманно подходить к содержанию сельскохозяйственных животных.

Список литературы

1. Березов Ф.А. Страхование сельскохозяйственных животных // Труды первого общеземского съезда по страхованию скота: доклады и материалы. М., 1913.
2. Блюх И.С. Исследования по вопросам, относящимся к торговле и передвижению скота и скотских продуктов в России и заграницей. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1876.
3. Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т. 2. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909.
4. Мельникова Д.А. Страхование лошадей в Российской империи во второй четверти XIX – начале XX в. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конф., 15–17 марта 2018 г. / отв. ред. В.А. Веремеенко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. Т. 1. С. 307–313.
5. Мурашкинцев Н. Страхование скота, как мера, обеспечивающая развитие скотоводства. Казань: Тип. Б.Л. Домбровского, 1895.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. XIV. СПб., 1839.
7. ПСЗ. Собр. 2. Т. XIV. Ч. 2. СПб., 1839.
8. ПСЗ. Собр. 2. Т. XXIII. СПб., 1848.
9. ПСЗ. Собр. 2. Т. XXIII. Ч. 2. СПб., 1848.
10. Проект государственного и земского страхования скота: [С 29-ю прил.] / М-во фин. Особ. канцелярия по кредит. части. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898.
11. Устав взаимного земского страхования рогатого скота в Московской губернии. М.: Тип. В.В. Исленьева, 1886.
12. Чайнов А.В. Кооперативное страхование скота. Харьков: Тип. «Печатник», 1912.

Е.В. Дианова

Коммунальный общепит как элемент политики «военного коммунизма»

В статье говорится об организации общественного питания в Советской России как элементе политики «военного» коммунизма, как способе реализации социально-классового принципа распределения материальных благ. Показана роль потребительских коммун в создании бесплатных коммунальных столовых, описаны недостатки коммунального общепита.

The article refers to the organization of catering in Soviet Russia as an element of the policy of "military" communism, as a way of implementing the socio-class principle of the distribution of material benefits. The role of consumer communes in the creation of free communal canteens is shown, the shortcomings of communal catering are described.

Ключевые слова: политика «военного» коммунизма, общественное питание, потребительские коммуны, коммунальные столовые.

Key words: politics of "war" communism, public catering, consumer communes, communal canteens.

С приходом к власти большевиков общественное питание стало одним из способов борьбы за установление нового строя и «формой самозащиты пролетариата в области снабжения». Организация столовых выступала как проявление революционной борьбы рабочего класса за утверждение нового строя, неслучайно идея коммунального питания начала претворяться в жизнь именно в Петрограде – «колыбели революции». Даже местные газеты призывали: «Стоя во вратах социализма, мы должны усиленно насаждать коммунистическое питание, большинство должно столоваться только в общественной столовой» [8, 1920, 1 февр., с. 2].

Открытие заведений общественного питания помогало Советской власти проводить в жизнь социально-классовый принцип распределения материальных благ. В условиях продовольственной диктатуры, борьбы со спекуляцией и частной торговлей хлебом общепит позволял более экономно расходовать продукты. В 1918 г. при упорядочении выдачи обедов по карточкам стала вводиться «нормальная раскладка голодного времени на обеды в общественных столовых» с целью рационального расходования продуктов. Распределение по карточкам и выдача «сухих пайков» не решали задачу «целесообразного использования» всех имевшихся продуктов питания, так как заставляла их делить на «микроскопические доли». Считалось, что продукты, «единолично используемые потребителями в своем домашнем хозяйстве, давали значительно меньший эффект» по сравнению с приготовлением из них блюд в «общем котле» в столовой [7, с. 326].

Во время Гражданской войны и политики «военного» коммунизма осуществлялась ликвидация частных предприятий общепита, вместо них создавались советские столовые для отпуска готовой пищи населению. В городах с участием продовольственных комитетов и кооперации бесплатные общественные столовые открывались только для обслуживания рабочих национализированных предприятий и служащих государственных учреждений. Бесплатным питанием не имели права пользоваться лица, получавшие красноармейский паек, а также военнослужащие, сотрудники Военного и других ведомств, получавшие особый паек. Право получения бесплатного питания не распространялось на работников частных предприятий.

С 1919 г. на местах организация бесплатных общественных столовых передавалась потребительским коммунаам, поэтому столовые стали называться

коммунальными. Коммунальные столовые становились главными пунктами принятия горячей пищи населением. Жители городов, приписанные к распределительным пунктам, при переходе на «всеобщее коммунальное питание» прикреплялись к какой-нибудь коммунальной столовой и получали обеды разной категории: основные (одно блюдо) и трудовые (два блюда).

В Петрограде с сентября 1919 г. до лета 1921 г. заготовку и распределение продуктов питания осуществляла Петрокоммуна (Петроградская потребительская коммуна), объединявшая аппараты государственных и кооперативных организаций. Петрокоммуна планировала на «общий котел» перевести жителей Петрограда к празднованию второй годовщины Октября. К 7 ноября 1919 г. организация «общего котла» приблизилась к 100%, охватив почти все трудовое население Петрограда, количество едоков в столовых составило около 825 тыс. чел. С 1 февраля 1920 г. началась бесплатная выдача трудовых обедов всем рабочим и служащим. Трудовой обед стал частью натурализованной заработной платы [7, с. 345].

Между тем жители Петрограда отмечали, что «с введением принципа бесплатности, советские столовки превратились в совершеннейшие клоаки, в которых ужасающее воровство Петрокоммуны соперничало размерами с небрежностью и неумелостью администрации, неряшливостью кухни, распущенностью служащих» [1, с. 216]. Очевидцы, побывавшие в Петрограде, сообщали: «Население голодает. По карточкам выдают очень мало, и то трудно получить. Получки случайные: то соль, то селедка, то мука. Есть коммунистические столовые, где обеды хоть и не дороги (7–9 рублей), но крайне скудные: тарелка супа-брандахлыста (брандахлыст – слишком жидкая, плохая пища; похлебка, баланда, бурда), где плавают головка селедки и несколько кусочков свеклы. А на второе блюдо – кусочек мяса со спичечную коробку или жиденькая каша. В вольной продаже цены были крайне высокие: фунт хлеба – 180 рублей, масла – 360 рублей» [4, с. 190].

В Петрозаводске в 1919 г. граждане были прикреплены к столовым Петрозаводского единого потребительского общества. Посетители этих столовых постоянно жаловались на плохое обслуживание, а газета «Олонецкая коммуна» регулярно печатала критические заметки, на основании которых можно судить о плохом состоянии общепита и слабой работе службы санитарно-пищевого надзора, например: «В Петрозаводске имеется советская столовая № 1. В этой столовой в тарелке с супом, безусловно, больше плавают тараканов, чем селедок или воблы. Вероятно, у распорядителя столовой нет соображения на то, что это блюдо некоторыми людьми не переваривается» [8, 1919, 21 мая, с. 3].

Спустя год ситуация практически не изменилась. В 1920 г. жители Петрозаводска опять сообщали в газету «Олонецкая коммуна» о том, что «питание в общественных столовых города плохое». При этом граждан, приписанных к данным столовым, возмущало, что «продовольствие для столовых идет, а кормят черт знает чем». Отмечая «недобросовестность и халатное отношение прислуги к желудкам потребителей», они требовали ввести «потребительский контроль для улучшения работы общественных столовых» [8, 1920, 21 марта, с. 3].

Постоянно нарушение санитарно-гигиенические нормы производства и отпуска горячей пищи объяснялось тем, что все дело общественного питания «упиралось как в безысходный тупик, в полное отсутствие продуктов, чрезвычайно затруднявшее самое производство обедов, отражавшееся на их качестве и, естественно, вызывавшие систематические нарекания на столовые со стороны совершенно изголодавшегося населения». По мере нарастания «голодного кризиса», когда «каждая крошка» хлеба становилась «особой ценностью», дело дошло до употребления «всего питательного, всего годного в пищу». Комитеты продовольствия занимались «вопросом о приведении жмыхов в состояние, безвредное и наиболее питательное для человека». В столовых для приготовления обедов использовались суррогаты и дикорастущие растения. В связи с тяжелым продовольственным положением шла речь не только о широком применении эрзац-продуктов, но и очисток и отходов. Картофельная шелуха, вернее, запеченное из нее картофельное месиво, заменяла хлеб и мясной фарш. Порченные и подгнившие продукты всячески вымачивались, просаливались, сдабривались луком, перцем и затем пускались в пищу. Все остатки хлеба сушились на сухари для прибавления к пище или отправлялись на хлебозаводы для переработки [7, с. 334, 335].

На детей принцип бесплатности был распространен независимо от классовой принадлежности их родителей. В Петрозаводске детям до 15 лет на одного едока выдавалось по 1 фунту пшена на месяц. Постное масло распределялось между школьными столовыми и больницами и маленькими детьми до 5 лет, им предназначалось по $\frac{1}{4}$ фунта конопляного или льняного масла на едока. В январе 1920 г. на станции Званка (Волховстрой) детям в школьных и общественных столовых и остальным потребителям по желанию выдавались соленые грибы [8, 1920, 14 января, с. 4].

Система общественного питания сначала была введена в Советской республике, но по мере освобождения территории от белых и интервентов там тоже открывались пункты общепита. По воспоминаниям В.П. Катаева, в 1920 г. в Одессе рядом со столовой единого потребительского общества «стоял щит-плакат под Матисса работы художника Фазини – два революционных матроса в брюках клеш с маузерами на боку на фоне темно-синего моря с утюгами броненосцев». В столовой по талонам давали обеды, «там можно было съесть квадратную плитку сухой ячменной каши, политой сверху несколькими каплями зеленоватого машинного масла, и выпить кружку морковного чаю с двумя ландринками» [6, с. 337].

В 1920 г. в Архангельске с восстановлением Советской власти открылось пять столовых для взрослых и одна столовая для детей. В июне 1920 г. к столовым с пропускной способностью 870 чел. было прикреплено 1 100, в декабре 1920 г. – 6 202, в январе 1921 г. – 7 742, в апреле 1921 г. – 11 116 взрослых. В детской столовой в июле 1920 г. питалось 650, в декабре – 2 000, в январе 1921 г. – 2 110, в апреле 1921 г. – 5 427 детей. В то же время наблюдалось «громадное стремление публики записаться в столовые» [2, л. 28], так что имевшиеся пункты питания не могли охватить всех желающих. В самих столовых не хватало кухонного инвентаря, посуды, столовых приборов.

Вместе с тем нормы отпуска продовольствия на едока в день в бесплатных столовых постоянно уменьшались. В Архангельске с января по апрель 1921 г. в столовых единого потребительского общества «Северянин» на одного человека в день полагалось выдать продукты в следующем количестве: мясо – 32 золотника; капуста – 12 золотников; сухие овощи – 1 золотник; мука подболтная (пшеничная) – 2 золотника; крупа – 12 золотников; грибы – 12 золотников. В мае 1921 г. нормы снизились, теперь на одного человека полагалось: мясо или рыба – 12 золотников; мука подболтная – 6 золотников; лук – 3 золотника; пшено – 15 золотников. Соль, перец и лавровый лист выдавались по вкусу [2, л. 28]. Напомним, что золотник – это старинная русская мера веса, равная 1/96 фунта или 4,26 г.

Помимо талонов на бесплатное питание население городов получало пайки по карточкам. В Москве по карточкам выдавали «тяжелый вязкий хлеб», он «был даже и не похож на хлеб». Неизвестно, «что подмешивали в муку, но, высыхая, он разламывался как штукатурка» [5, с. 256, 320]. В Петрограде ежедневный паек, выдаваемый по карточкам, составлял 18,5% минимальной нормы. Остальные 4/5 нормального пайка приобреталось на рынке [3, с. 101]. Тех продуктов, что выдавали по карточкам, было недостаточно, бесплатными столовыми могли пользоваться не все граждане, поэтому они искали другие способы пропитания, прежде всего, натуральный обмен.

В Москве главным торговым местом был Сухаревский рынок, он находился около Сухаревской башни. Писатель В.А. Каверин вспоминал, что «иногда мы покупали на Сухаревке дуранду – плоские, твердые как камень, лепешки из отжатого льняного семени или конопли. Мама разбивала их молотком, размачивала, прибавляя горстку муки, и готовила с помощью еще сохранившихся специй полный обед – суп с клецками и оладьи. К сожалению, это случалось редко. Всю зиму 1919/20 г. мы ели оладьи из мороженой картошки». Домашние лепешки делались таким образом: в ржаную муку добавляли картофельные очистки и, когда есть – яблоко [5, с. 320].

Представители интеллигенции, не входившие в льготную категорию по обеспечению бесплатным питанием, продавали вещи или обменивали их на продукты питания. На Сухаревке продавались корсеты, царские медали, шандалы, бритвы, манекены, иконы, заспиртованные уродцы в стеклянных банках, четки, ложечки для святых даров. «Прямо на снегу стояли шкатулки из слоновой кости, веера, книги, статуэтки, часы с фигурками, фарфоровые чашки, а над ними кутались в ротонды тощие дамы с интеллигентными лицами. Другие, с неинтеллигентными, торговали горячими черными лепешками на сале, от которых шел круживший голову, соблазнительный чад». Или «приличный одетый мужчина с большущими усами предлагал какие-то раскрашенные щепочки, уверяя, что это целебные останки иконы Николая Чудотворца, уничтоженной большевиками» [5, с. 243].

В Москве еще одним местом «сборища старой аристократии» стал Смоленский рынок. Там, где повсюду «пыль, толкотня, как бы кто не утащил вещей», была «слышна французская речь». Иногда торговали прямо на улицах. Александра Толстая, дочь Л.Н. Толстого, писала: «Я сижу на краю тротуара, а товар мой лежит прямо на мостовой». В нарушение всех санитарных норм у ног прохожих разместились «никелированный чайник, будильник, кусок кружев, старые башмаки, бусы, платья» [9, с. 290].

Жители больших и малых городов превратились в мешочников и торгашей, несмотря на то, что они постоянно подвергались опасности ареста. В 1919 г. как подтверждение неотвратимого возмездия в одной из столовых Петрозаводска висел плакат «Все спекулянты будут арестовываться». Тем не менее, горожане были вынуждены ездить за продуктами в другие губернии в обмен на «всевозможные вещи домашнего обихода». Часто их командировки за дешевыми продуктами заканчивались неудачно, потому что «им чинились всякие препятствия». Кроме того, «одно дело приобрести продукты, а другое – привезти их. По дорогам ведь идет безудержный грабеж – и незаконный, и узаконенный под псевдонимом реквизиции. Вывозит человек пуд, а привозит – дай Бог, чтобы десять фунтов», из-за того что «убийственная медленность разрушенного транспорта» приводила в негодность скоропортящиеся продукты [9, с. 223].

В период политики «военного» коммунизма коммунальный общепит превратился в средство утверждения социально-классового равенства. Общественное питание позволяло более экономно расходовать продукты, что было немаловажным фактом в условиях продовольственного кризиса и борьбы со спекуляцией и частной торговлей хлебом. Население, отвечая на вызовы политики «военного» коммунизма, искало разные способы обеспечения продуктами питания. Жители городов, не получив полноценных обедов в бесплатных столовых, занимались мешочничеством или натуральным обменом на городских рынках и толкучках. Тем не менее, «продовольственный кризис все обострялся, коммунистическое хозяйство фатально стремилось к краху» [1, с. 216]. Исправить положение стало возможным только с отказом от политики «военного» коммунизма и переходом к новой экономической политике.

Список литературы

1. Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 602 с.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 195. Оп. 1. Д. 10.
3. Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России, 1917–1921 гг. СПб.: Алтейя, 2007. 373 с.
4. Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1919. № 7–9.
5. Каверин В.А. Освященные окна. Роман. М., 1976. 380 с.
6. Катаев В.П. Трава забвенья. М.: Вагриус, 1999. 414 с.
7. Ленинградская кооперация за десять лет. Л.: ЛСПО, 1928. Т. 2. С. 261–559 с.
8. Олонецкая коммуна. Орган Олонецкого губкома РКП(б). Петрозаводск, 1919–1920.
9. Толстая А.Л. Дочь. М.: Вагриус, 2000. 572 с.

Питание городского населения Карелии в условиях «социалистического штурма» начала 1930-х гг.

В статье охарактеризовано питание разных слоев городского населения Карелии в условиях перехода к форсированной индустриализации. Рассмотрены действия республиканских властей, руководства предприятий и учреждений по поддержке населения в условиях карточной системы распределения продовольствия.

The article analyzes the nutrition of different strata of Karelia's urban population during the transition to forced industrialization. It focuses on the actions of the republican authorities and the management of enterprises and institutions aimed at supporting the population in the conditions of ration cards-based food distribution system.

Ключевые слова: карточки, общественное питание, подсобное хозяйство, Всесоюзная контора по снабжению иностранцев.

Key words: ration cards, public catering, subsidiary farming, All-Union Office for the Supply of Foreigners.

Переход к форсированной индустриализации, от многоукладности к централизованной экономике, наступление государства на индивидуальное крестьянское хозяйство в конце 1920-х гг. усугубили продовольственные трудности в российских регионах. В 1929–1930 гг. были введены карточки на хлеб и на мясо. Поскольку в Карелии мясо поступало только в столовые, то дешевый черный хлеб стал единственным продуктом, который государство относительно стабильно выдавало горожанам. На рабочую карточку полагалось 800 г хлеба в день. Кроме хлеба рабочим выдавали менее 1 кг крупы и сахара, 50 г чая в месяц. Только Кондопожская бумажная фабрика снабжалась по особому списку, предусматривающему повышенные на 200–500 г нормы снабжения для индустриальных рабочих [15, с. 156–170].

Сложная ситуация сложилась на лесозаготовках. В декабре 1929 г. лесоруб из деревни Маткожа Шальского района Карелии П.А. Подгорный жаловался Председателю ЦИК СССР М.И. Калинину: «Пишу о нашей горькой жизни – голоде, холоде и притеснениях... Хлеба совсем нет. Уже второй год нам выдают только по 4 кг на месяц, и то не каждый и не всем...». При этом всех крестьян заставили подписаться на заем индустриализации и «гонят на работу в Севзаплес», где голодные люди трудились за 1 килограмм хлеба в сутки [19, с. 160]. В этих условиях выход в лес откладывался до последнего, от работы уклонялись под любыми предложениями [5, с. 288]. Характерными явлениями были отказы граждан заключать договоры с леспромхозами, крайне низкая производительность труда, плохой уход за лошадьми. Прогулы могли достигать 80–90 рабочих дней в сезон [18, с. 231]. На лесозаводах фиксировались факты распространения листовок. В 1931 г. участились волынки и забастовки. Только во втором полугодии 1931 г. на предприятиях Карелии было зарегистрировано 15 забастовок [1, с. 21].

Напряженной была ситуация в трудовых коллективах промышленных предприятий. В сентябре 1930 г. на Онежском заводе проходило собрание рабочих. Организаторы предложили обсудить очередное обращение ЦК ВКП(б), но рабочие быстро перевели разговор на продовольственные проблемы. В их выступлениях было много горечи: «На словах-то поете соловьями, а на деле с нас дерете последнюю шкуру, заставляете работать рабочих из последних сил, а рабочему ничего не даете, ни одежды, ни обуви, ни питания» [9, с. 15]. Наиболее распространенной формой выражения недовольства были резкие высказывания, нелестные для властей оценки: «Говорят о вредительстве в то время, когда оно существует всюду. Коммунисты управлять страной не способны, пусть передадут власть людям более способным, тогда не будет и вредительства» [9, с. 44].

Местные власти «крутились» как могли, чтобы получить дополнительные продукты для улучшения снабжения населения. Так, в июле 1930 г., в праздничные дни 10-летия Карельской автономии, в республику поступили дополнительно 8 вагонов муки, 8 вагонов круп, 3 вагона рыбных консервов, 16 т. сливочного масла и т.д. Благодаря этому в дни торжества в Петрозаводске индустриальные рабочие получили дополнительно 1 кг муки, 500 г крупы, 10 яиц. Скромное дополнительное питание было выделено и другим группам горожан [12, с. 106]. Правительство Карелии вело переговоры даже с управлением лагерей, стремясь подключить лагерную экономику для организации рабочего снабжения. Однако после начала строительства Беломорско-Балтийского канала возможности лагерей в этом плане сократились.

В 1931 г. карточная система была распространена на все основные продукты питания. Переход Карелии на систему централизованного снабжения имел значение для обеспечения продовольствием индустриальных рабочих. Однако карточки не полагались сезонным рабочим, которых в то время в Карелии было не менее 15 тыс. чел., а также вспомогательному персоналу Мурманской железной дороги, рыбакам Поморья. Центр принял на снабжение 90 тыс. жителей Карелии (в том числе около 13 тыс. детей), тогда как по подсчетам комиссии Карелии по карточкам должны были снабжаться 116,9 тыс. населения (в том числе около 22 тыс. детей) [14, с. 16, 19, 26].

В условиях продовольственного кризиса прикладывались большие усилия, чтобы организовать общественное питание. Если в 1929 г. в Карелии работало 13 столовых, то в 1932 – 260. Столовые предприятий были переведены на закрытый тип распределителей (ЗРК) [7]. Так, на Онегзаводе в состав ЗРК вошли 2 столовых и 9 цеховых буфетов, но порций все равно не хватало. Вместить всех столовые не могли, и рабочие ели, сидя на полу у своих станков. Появились специальные закрытые столовые и распределители для инженеров и технического персонала. Численность работников, пользующихся столовыми, поднялась от 40 тыс. чел. в 1930 г. до 119 тыс. чел. к началу 1933 г. [4, с. 5]. Однако из-за нехватки продуктов столовые работали очень плохо. Как правило, меню ограничивалось селедкой, винегретом, пшенной кашей. Обеды были дорогими, а зарплату задерживали на два-три месяца. Голодающие рабочие часто вынуждены были отказываться от обедов в столовой из-за того,

что нечем было за них платить. Очереди, давки, скандалы стали повседневным явлением быта. В 1931 г. писатель и журналист М.Л. Поляновский в книге «От Онего до Белого моря: по Карело-Мурманскому краю» писал: «Все красоты Карелии меркнут при воспоминании о возмутительной постановке дела в столовых Петрозаводска, где за плохим обедом приходится стоять: в кассовой очереди за талоном, в очереди за ложкой и вилкой, в очереди за хлебом, в очереди за первым блюдом, в очереди за вторым, и в очереди на сдачу ложки и вилки...» [2, с. 170].

В мае 1930 г. в Петрозаводске под столовую передали помещение закрытого кафедрального собора. В нем спешно развесили лозунги, плакаты, портреты вождей и расставили длинные ряды столов, за которыми размещались одновременно до 500 чел. За день отпускалось около 5 000 обедов, включавших постные щи, макаронны, биточки. И.П. Лупанова, семья которой была «прикреплена» к этой столовой, вспоминала, что столовские биточки называли битами – спортивным снаряжением для игры в городки, настолько они были твердыми и жесткими [8, с. 64].

По высоким ценам продукты можно было купить на рынке. В это время в Петрозаводске действовали три базара: на набережной, по шоссе 1 Мая и на Зареке. Проводились Всекарельские ярмарки. На них съезжались колхозники и крестьяне-единоличники из районов республики. На ярмарках в Петрозаводске можно было купить продукты подешевле: в 1932 г. сигов продавали по 5 р. кг, свинину по 12 р. кг, масло – по 18 р. кг. Правда, товаров не хватало, бывало, их расхватывали за считанные минуты. Формально крестьянский рынок не был запрещен правительством и раньше, но именно в голодном 1932 г. правительство начало активно стимулировать его развитие. Крестьянский рынок сыграл важную роль в снабжении горожан в период карточной торговли. Вырученные на рынке деньги стали главным источником денежных доходов крестьян.

Осенью 1932 г. в Петрозаводске в Гостином дворе открылся большой универсальный магазин Торгсина (Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами) В нем продавали продовольствие и дефицитные промышленные товары не только иностранцам, но и советским гражданам при условии сдачи золота, серебра, бриллиантов, произведений искусства. В Торгсине можно было купить свежее мясо, сливочное масло, вина разных сортов, шоколад, костюмы, обувь, парфюмерию и проч. Однако более 60% продаж в это голодное время составлял хлеб.

В начале 1930-х гг. на работу в Карелию прибыло несколько тысяч рабочих из Америки. Они снабжались в магазинах Инснаба (Всесоюзной конторы по снабжению иностранцев). Каждый переселенец имел право на приобретение в течение месяца определенного количества продуктов питания по приемлемым ценам. Осенью 1932 г. через Инснаб рабочие и специалисты могли получить 5–7 кг мяса, 1–1,5 кг животного масла, 2–3 кг свежей рыбы, 2–3 кг сахара, 100 г чая в месяц, 1,5 л молока в день [3, с. 114]. Местные рабочие в это время продуктов, богатых животными белками, по карточкам вообще не получали. Заметная разница в снабжении на житейском уровне воспринима-

лась местным населением болезненно. В свою очередь переселенцам было не просто адаптироваться к непривычной системе питания. Так, в Карелии часто готовили пшеничную кашу – богатую железом, магнием, полиненасыщенными жирами, однако в Америке было непринято включать блюда из пшена в семейное меню, эту крупу использовали в основном для корма домашней птицы. Зато переселенцы очень любили кофе, которого в Карелии в то время было не достать. Из-за постоянных перебоев в снабжении в 1933 г. списки иммигрантов, прикрепленных к Инснабу, сократили примерно на треть, оставив в них только высококвалифицированных специалистов. Это решение вызвало негодование и протесты на собраниях трудовых коллективов [20, с. 47].

Формально в стране самой высокой нормой продовольственного снабжения обеспечивались индустриальные рабочие, однако на практике существовали привилегии в снабжении элиты. Осенью 1931 г. в Петрозаводске был создан спецраспределитель для начальников управлений, старших экономистов, главных бухгалтеров и других специалистов городских предприятий и организаций [14, с. 43, 51]. Дополнительно получали продукты ответственные партийные работники. В 1931 г. добавочный паек для 950 партийных руководителей Карелии состоял из 400 г хлеба в день, 800 г сахара в месяц, 500 г рыбы в месяц, 100 г табака в месяц. В секретном письме наркому снабжения СССР Микояну Каробком ходатайствовал о том, чтобы для партийного актива Карелии ежемесячно выдавались бы также животное масло, копчености, сыр, яйца, кофе, какао, компот [12, с. 29].

В целях улучшения снабжения рабочих и специалистов на промышленных предприятиях стали создаваться подсобные хозяйства, в которых выращивали свиней, коров, кур и помогали снабжать столовые продуктами животноводства. Организовывались огородные, рыболовные артели. К середине 1930-х гг. многие промышленные предприятия накопили разнообразный опыт самообеспечения продовольствием. В 1935 г. на Онегзаводе было 15 огородных артелей, в которых состояла примерно четверть рабочих завода. Выращенные овощи передавались для организации общественного питания. Более четверти рабочих имели индивидуальные огороды. Завод имел также свое подсобное хозяйство. В 1935 г. в нем насчитывалось 83 коровы, 116 свиней, 81 лошадь, стая уток, кролики. Подсобное хозяйство обеспечивало столовые мясом, снабжало молоком рабочих вредных производств, детей в рабочих семьях. На заводе была организована также рыболовецкая артель, заготавливавшая до 50 т рыбы в год [17]. Большое подсобное хозяйство было создано при Кондопожской бумажной фабрике. Оно включало свинарник, конюшню, стадо коров, плодоовощную базу, парник с помидорами и огурцами. Сотни рабочих-бумажников объединились в огородные артели [6, с. 45]. В Олонецком районе в 1931 г. на территории заброшенного Задне-Никифоровского монастыря возник лесопункт – Интерпоселок. Большинство лесозаготовителей составляли в нем североамериканские финны. При лесопункте был создан совхоз, в котором содержали стадо коров, свиней, выращивали картофель и другие овощи, занимались ловлей рыбы [3, с. 166].

Подсобные хозяйства создавались не только на индустриальных предприятиях, но и при социальных учреждениях. Подсобные хозяйства имело большинство больниц Карелии. При лечебных учреждениях содержались коровы, свиньи и куры, выращивались картошка, свекла, капуста, огурцы и помидоры. Таким способом сохраняли на приемлемом уровне питание больных, материально поддерживали медиков. Правда, на персонал больниц при этом взвалили в дополнение к профессиональным обязанностям огородные и фермерские работы [11, с. 5]. В 1935 г. из карельского бюджета было выделено 3 млн. руб. в помощь разным организациям «для подъема их сельскохозяйственных предприятий», треть этих средств предназначалась больницам и школам [21, с. 622].

Более сбалансированное планирование, ряд мер экономического стимулирования трудовой деятельности, некоторая стабилизация колхозной системы привели к улучшению условий жизни людей в середине 1930-х гг. С 1 января 1935 г. были отменены карточки на хлеб. Переход на свободную торговлю хлебом вызвал в первое время ажиотажный спрос на него. Реализуя созданные в торговой сети запасы, властям удалось стабилизировать ситуацию. В январе 1935 г. в Петрозаводске продавалось 34 т печеного хлеба в сутки, в то время как еще недавно по карточкам в городе выдавалось 47 т. В Кеми горожане покупали 12 т хлеба, а для отоваривания карточек прежде требовалось 16 т. В то же время в Пудожье по карточкам выдавалось 10 т, а в январе 1935 г. ежедневно раскупалось 18.5 т хлеба [13, с. 30]. С 1 октября 1935 г. были отменены карточки на мясные и рыбные продукты, жиры, сахар и картофель. На месте закрытых распределителей открылись магазины, доступные для всех, а на предприятиях были созданы отделы рабочего снабжения (ОРСы), ведавшие заводскими магазинами, ларьками, столовыми. Ассортимент товаров в заводских магазинах оставался довольно скудным, на работу заводских столовых по-прежнему было много нареканий. В 1935 г. было узаконено личное подсобное хозяйство крестьян, и более активно стал развиваться крестьянский рынок. Правда, свобода торговли не означала свободы предпринимательства, монопольным производителем товаров народного потребления оставалось государство [16, с. 177–205]. Отмена карточек не означала решения продовольственной проблемы, но свидетельствовала о преодолении продовольственного кризиса начала 1930-х гг.

Список литературы

1. Вавулинская Л.И. К вопросу о культуре труда // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное». Традиции и новации. Архангельск, 1991. С. 21–23.
2. Верхоглядов В. Петрозаводск Валерия Верхоглядова. Записки краеведа. Петрозаводск, 2019. 319 с.
3. Голубев А.В. Такала И.Р. В поисках социалистического Эльдorado: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. СПб., 2019. 351 с.
4. Гришкин И. К десятилетию Карельской АССР // Карело-Мурманский край. 1933. № 5–6. С. 1–8.

5. Дианова Е.В. Быт лесозаготовителей Европейского Севера (1920 – начало 1930-х гг.) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). СПб., 2019. С. 284–290.
6. Кондопога – родной дом. Петрозаводск, 2018. 159 с.
7. Красная Карелия. 1930. 7 дек.
8. Лупанова И.П. «Минувшее проходит предо мною...» Книга о пережитом. Петрозаводск, 2007. 313 с.
9. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 3. Оп. 2. Д. 494.
10. НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 564.
11. НАРК. Ф. 580. Оп. 5. Д. ½.
12. НАРК. Ф. 689. Оп. 1. Д. 53/564.
13. НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 26/185.
14. НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 19/218.
15. Неизвестная Карелия: документы спецорганов о жизни республики. Петрозаводск, 1997. 366 с.
16. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998. 267 с.
17. Рагозина А.А. Условия жизни рабочих Онежского завода в годы индустриализации // Ante annum. Петрозаводск, 2004. Вып. 2. С. 92–108.
18. Советская Карелия. М.Л. 1933. 288 с.
19. Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2005. 440 с.
20. Такала И.Р. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии. Петрозаводск, 2007. С. 32–51.
21. Эдвард Александрович Гюллинг – первый руководитель советской Карелии: сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2020. 699 с.

И.И. Иноземцев

Влияние денежной реформы на массовое сознание и повседневную жизнь населения Ленинграда и Ленинградской области в 1947 г.

Статья посвящена оценке влияния денежной реформы 1947 г. на повседневную жизнь населения Ленинграда и Ленинградской области. В работе рассматриваются изменения в бытовом аспекте, оценке и суждениях народа по поводу реформы и отмене карточек. Анализ архивных документов позволяет оценить масштаб и эффективность проведенной реформы, а также ее большое влияние на повседневность и настроение народа в Ленинграде и Ленинградской области.

The article is devoted to assessing the impact of the monetary reform of 1947 on the daily life of the population of Leningrad and the Leningrad region. The paper examines changes in the everyday aspect, the assessment and judgments of the people about the reform and the abolition of cards. The analysis of archival documents allows us to assess the scale and effectiveness of the reform, as well as the great impact on the daily life and mood of the people in Leningrad and the Leningrad region.

Ключевые слова: денежная реформа, повседневность, деньги, торговля, массовое сознание.

Key words: monetary reform, everyday life, money, trade, mass consciousness.

К концу Великой Отечественной войны особо насущным стал вопрос о проведении денежной реформы, которая разрабатывалась советским руководством с конца 1943 г. 14 декабря 1947 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) официально объявили денежную реформу и отмену карточек на продовольственные и промышленные товары. Данная информация была опубликована во всех газетах Ленинграда и Ленинградской области 15 декабря 1947 г. [2–4; 6].

В современной литературе денежная реформа 1947 года нередко оценивается негативно, ее характеризуют как способ ограбления населения [5, с. 100–101]. Но если сравнить ее с проводившимися одновременно в Западной и Восточной Европе конфискационными денежными реформами, то окажется, что условия денежной реформы в СССР были гораздо мягче, носили более щадящий по отношению к населению характер, чем в других странах. Важно и то, что оценка денежной реформы современниками была очень многообразной, и чаще не носила негативный характер.

Большинством населения реформа воспринималась как очередная трудность, которую необходимо пережить с минимальными по возможности потерями [1, с. 175]. Но учитывая и то, что не все с пониманием отнесутся к реформе, власть в лице МГБ, партийных и местных органов управления тщательно собирала информацию о настроении населения в Ленинграде и Ленинградской области, а также проводила большую работу по проведению разъяснительных и агитационных мероприятий, связанных с денежной реформой. Также учитывался тот момент, что проведение реформы и отмена продуктовых карточек по времени практически совпала с выборами в местные советы депутатов трудящихся, которые прошли 21 декабря 1947 г. [2; 3].

Слухи о проведении денежной реформы серьезно повлияли на приток денежных вкладов в сберкассы. Например, за период с 1 октября по 1 декабря 1947 г. отлив вкладов в сберкассах Ленинградской области составил 1 598 тыс. р., а в период с 1 по 14 декабря того же года, приток вкладов в сберкассы составил 9 810 тыс. р., что говорит о большом влиянии слухов и домыслов по поводу предстоящей реформы на массовое сознание людей и боязни потерять свои сбережения [9, л. 5].

Необходимо особо отметить, что с конца ноября – начала декабря 1947 г. увеличился спрос на продукты питания. Активно раскупалось мясо, шпик, соль и другие продукты. Значительно выросли цены на колхозных рынках. Например, цена на мясо возросла с 60 р. до 100 р. за кг. По заявлению директора Сенного рынка, 30 ноября многие покупатели брали на руки по 10 кг мяса и сливочного масла [7, л. 5].

В связи с повышенным спросом в некоторых магазинах стали ограничивать продажу продуктов. Так, в гастрономических магазинах «Особторга» покупателям выдавали не более 200 г колбасы и конфет на руки. У многих коммерческих магазинов и на рынках появились очереди. Как характерный симптом массовой скупки продуктов и промтоваров – из продажи совершенно исчезли спички [7, л. 13].

В начале декабря проявились признаки недовольства среди студентов. Так, многие жаловались на отсутствие в достаточном количестве круп, белой муки, сахара, на ухудшение жилищных условий и питания в студенческих столовых. Появились слухи об отмене стипендии, что вызвало большие негодования. Многим при скромной стипендии хватало карточки, чтобы регулярно обедать в столовой, а с отменой карточек, как им думалось, трудно было бы достать продукты, в том числе отпадала одна из статей студенческого дохода – продажа хлеба [7, л. 26].

Но ближе к 14 декабря настроение трудящихся заметно улучшилось в связи со слухами об отмене карточной системы. Скорую отмену карточек можно было предположить по многим признакам: энергичная подготовка торговых организаций, усиленный завоз продуктов в торговые точки, открытие новых магазинов, ателье, бытовых пунктов, и т.д. В связи с ожидающимися переменами у населения наблюдалось приподнятое настроение. Трудящиеся с удовлетворением отмечали, что новый год теперь можно встретить спокойно, уверенно и более весело. Были зафиксированы такие реплики: «Скоро вам спекулянтам капут будет», «Только бы сегодня, да завтра прожить, а потом, чем другим, а хлебом будем обеспечены», «Послезавтра не надо будет покупать хлеб с рук, начнется свободная продажа» [7, л. 71–72]. При этом ряд трудящихся с опасением и с сомнением отнеслись к изменениям, считая «Вот купим хлеб на два дня, а там и зубы на полку. Зарплату задерживают, денег нет, пенсию тоже не выдают, ждут реформу, а о людях не думают» [7, л. 73].

Опираясь на архивные данные, можно с уверенностью сказать, что проведенная денежная реформа и особенно отмена карточек была восторженно встречена населением после публикации постановления правительства [7–11]. Многие выражали свое удивление и удовлетворение богатым ассортиментом и особенно большим количеством продовольственных товаров. Не редки были высказывания «вот это торговля, вот это красота, столько разного товара», «наконец-то мы заживем. Товарищ Сталин великое дело сделал для народа». Наибольшим спросом у населения пользовались такие продукты как сахар, крупа, масло, штучные хлебобулочные изделия. Из промышленных товаров спросом пользовались ситец, фланель, галоши, трикотажные изделия и дешевая обувь [7, л. 93–94].

В Ленинградской области, начиная с 15 декабря 1947 г., были открыты ряд новых торговых точек и магазинов. Только в Мгинском районе было дополнительно открыто 8 магазинов, в том числе в селе Шум один хлебный магазин, один ларек на «Невдубстрое», один продмаг и один торговый ларек на торф предприятии «Назия», новый продуктовый магазин и ларек на станции Мга, хлебный магазин и смешанная лавка в селе Назия. Существующие торговые точки были приведены в порядок: покрашены, побелены, некоторые перепланированы. В магазины было завезено достаточное количество соли, спичек, керосина. Одновременно в промтоварные магазины были пущены в продажу хлопчатобумажные ткани на 180 тыс. р., шерстяных тканей на 114 тыс. р., швейных изделий на 170 тыс. р., обуви на 75 тыс. р. [4, с. 1].

В то же время ближе к концу декабря 1947 г. достаточно частым стало такое явление, как очереди у хлебобулочных магазинов. Нередко в таких очередях простаивало по 200 и более человек. Отмечали несколько причин таких явлений: медлительность «кассирш» ввиду приема денег старого и нового образца, недостаточное количество касс, в некоторых случаях отсутствие цен на отдельные товары. Появление очередей за хлебом также в значительной мере было вызвано распространившимися слухами, что после дня выборов в местные советы торговля продовольственными товарами значительно сократится. Для устранения подобных слухов и упорядочивания торговли направлялись агитаторы, которым поручалось проводить разъяснительную работу среди населения [7, л. 142].

Денежная реформа и отмена карточной системы благотворно повлияла и на подъем энтузиазма у населения. Партийные и профсоюзные работники отмечали, что трудящиеся более охотно стали откликаться на различные общественные мероприятия и поручения. Особенно активна стала молодежь. Культработник цеха № 44 завода «Большевик» рассказывал, что до отмены карточной системы было трудно завлечь молодежь в кружки художественной самодеятельности. Молодежь шла на это неохотно и вяло. После проведения реформы ситуация в корне изменилась. Многие сами изъявляли желание участвовать в кружках [7, л. 170–171].

По итогу первого дня торговли без карточек только в Лодейнопольском районе Ленинградской области денежный оборот составил 1 679 400 р., из которых на долю Потребкооперации – 245 тыс. р., Леноблторга – 324 тыс. р., ОРСов – 657 тыс. р. Связано это было в первую очередь с тем, что население восприняло денежную реформу и отмену карточек как большую победу советского народа, как начало новой жизни. Значительно лучше стал ассортимент товаров, что так же положительно сказалось на настроении народа [10, л. 18–19]. Так, в Гатчинском районе первый день свободной торговли показал, что к нему хорошо подготовились. В Сиверской работало 12 магазинов, полностью обеспеченных хлебом, сахаром, маслом, крупами и т.д. В магазине Никольского сельпо появились в продаже сукно, драп, трикотаж. В продажу поступили карамель, печенье. В первый день бескарточной торговли сотрудница сельхозартели Моисеева приобрела для себя драп на сумму 850 р. Колхозники охотно приобретали выставленные в продажу товары [2, с. 1].

Народное воодушевление не являлось, однако, стопроцентным. Были случаи высказывания недовольства реформой, не всем нравилась и отмена продуктовых карточек. В частных беседах возникали и такие мнения, что «денег у нас нет, будем смотреть на магазины», «раньше мы хоть могли продать конфеты, выкупленные по карточкам, а взамен купить хлеба, а сейчас мы этого сделать не можем». Возникали и достаточно комичные ситуации, когда основными претензиями к реформе были сохранившиеся старые цены на водку [11, л. 18].

Не обошлось без финансовых, а также торговых махинаций, что негативно влияло на массовое сознание населения. Были неоднократно выявлены злоупотребления отдельных работников торговых точек, состоявших в том, что часть ценных товаров, таких как водка, папиросы, мука, мануфактура, бо-

тинки и т.д. была заранее спрятана, а затем реализовывалась по послереформенным ценам. Такие случаи жестко пресекались, махинаторы привлекались к суду [8, л. 65].

Таким образом, можно сделать вывод, что влияние денежной реформы на массовое сознание и повседневную жизнь населения Ленинграда и Ленинградской области в 1947 г. было очень существенным. Сначала большинство трудящихся с сомнением и опаской относились к предстоящим изменениям, боясь потерять свои сбережения, так же были опасения относительно отмены карточек. Но как только вышло постановление правительства о денежной реформе, стали проводиться мероприятия по обеспечению продуктами и промтоварами, улучшились жизненные условия, то сразу появились восторженные отклики и энтузиазм населения. Также можно сделать вывод о том, что для основной массы населения денежная реформа 1947 г. имела положительный характер и была благопринято воспринята народом.

Список литературы

1. Болдовский К.А. Денежная реформа 1947 г. и Ленинградский партаппарат // Вестник СПбГУ. 2013. № 4. С. 175–184.
2. Гатчинская правда. Орган Гатчинского районного и городского комитетов ВКП(б), районного и городского советов депутатов трудящихся. Гатчина, 17 дек. 1947.
3. Знамя коммунизма. Орган Новолодожского Райкома ВКП (б) и Районного Совета депутатов трудящихся. Новая Ладога, 18 дек. 1947.
4. Мгинская правда. Орган Мгинского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. Мга, 19 дек. 1947.
5. Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов. 2000. 221 с.
6. Сталинский путь. Орган Волосовского РК ВКП(б) и Райсовета депутатов трудящихся. Волосово, 19 дек. 1947.
7. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 8002.
8. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 8125.
9. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 8157.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 48. Д. 128.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. 1816. Оп. 6. Д. 107.

Р.С. Воронцов

Технологическое оснащение пищевого производства Курской области в условиях послевоенной модернизации*

Необходимость модернизации отечественной промышленности в период послевоенного восстановления и последующие годы стала одним из ключевых вызовов индустриальной цивилизации середины XX в. Поколение советских граждан, вышедшее победителем из самой кровопролитной войны, было психологически ориентировано на созидательный мирный труд, повысить эффективность которого предполагалось через механизацию и модернизацию производственной деятельности. Противоречивости указанных процессов в региональном пищевом производстве посвящена данная статья.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90044\19.

The need to modernize domestic industry during the post-war recovery and subsequent years has become one of the key challenges of industrial civilization in the mid-twentieth century. The generation of Soviet citizens who emerged victorious from the bloodiest war was psychologically focused on creative peaceful labor, which was supposed to increase its effectiveness through mechanization and modernization of production activities. This article is devoted to the inconsistency of these processes in regional food production.

Ключевые слова: Курская область, пищевая промышленность, производство, механизация, оборудование.

Key words: Kursk region, food industry, production, mechanization, equipment.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. пищевая промышленность Курской области, в основном, была представлена предприятиями, которые восстанавливались после Великой Отечественной войны, и требовали значительного вложения материальных средств и мобилизации человеческих ресурсов. Повышение эффективности деятельности пищевой индустрии в значительной мере зависело от обновления технологической базы предприятий, для чего необходимо было максимальное использование новейших достижений науки и техники. Не подлежит сомнению тот факт, что значительный рост производительности труда и валового внутреннего продукта возможен во многом за счет внедрения передовых достижений науки и техники. Помимо этого научно-технический прогресс позволяет рационализировать использование сырья, топлива и энергии на всех этапах промышленного производства, за счет чего можно достичь значительного ресурсосбережения.

В рассматриваемый период значительная часть достижений научно-технического прогресса была направлена на механизацию производства во всех сферах промышленности. Механизация производственной деятельности подразумевала вытеснение физически очень тяжелого ручного труда и замену его машинным.

Во второй половине 1940–1950-х гг. большое внимание техническому перевооружению и механизации производства уделялось на предприятиях хлебобулочной промышленности Курской области. Например, во исполнение решения облисполкома от 10 мая 1946 г. осуществлялось расширение пекарни Льговского хлебокомбината с установкой двух канальных печей марки «ХР». Указанное оборудование имело ряд преимуществ, а именно: оно было экономичным, высокопроизводительным и отличалось удобством работы в процессе эксплуатации. Установка нового оборудования была вызвана необходимостью удовлетворения возросших потребностей населения г. Льгова в хлебобулочных изделиях [4, л. 9–10].

В 1948 г. Курский трест хлебопекарной промышленности полностью переоборудовал и реконструировал хлебопекарню № 1 и № 2 в г. Белгороде и пекарню № 1 в г. Старый Оскол. На данных предприятиях печи устаревших конструкций удалось заменить новыми конвейерными печами ФТЛ-2, а также были механизированы процессы просеивания муки, замеса и разделки теста.

В результате выполненной работы пекарни были превращены в хлебозаводы [2, л. 23].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в хлебопекарной промышленности Курской области были проведены большие работы по механизации производства хлебопечения. Так, в 1951 г. был полностью механизирован Обоянский хлебокомбинат: установлены конвейерные печи общей мощностью 16,5 т., механизирован процесс замеса теста и просеивания муки, а также транспортировка готовой продукции и разделка теста. В 1952 г. установлено новейшее хлебопекарное оборудование на хлебозаводах г. Курска, Старого Оскола, Льгова, Суджи, Валуйках. Вместо устаревших хлебопекарных канальных печей были установлены новые конвейерные печи и другое хлебопекарное оборудование, что давало возможность значительно расширить ассортимент и повысить качество хлебобулочных изделий.

По состоянию на сентябрь 1952 г. в Курской области заново были построены и механизированы 3 хлебозавода: в городах Шебекино, Новый Оскол и на строительстве Курской магнитной аномалии. Следует отметить, что до 1950 г. из 13 предприятий Курского треста «Росглавхлеб» было механизировано только 5. За период 1950 г. и 8 месяцев 1952 г. полностью удалось механизировать 11 предприятий. Механизацию двух хлебокомбинатов (Суджанского и Дмитриевского) планировалось завершить до конца 1952 года [3, л. 66, 91–92, 120–121, 156–157, 181].

В конце 1940-х гг. неудовлетворительно велись работы по механизации производственных процессов на предприятиях Курского треста «Росглавплодоовощ». Например, анализируя итоги 1949 г., можно сделать вывод о том, что не были введены в эксплуатацию в установленный срок механизированные ленточные сушилки на Обоянском, Золотухинском и Дьяконовском сущзаводах [1, л. 149].

В марте 1952 г. на собрании партийного актива промышленности Курской области начальник областного управления пищевой промышленности Н.А. Горшелев отметил, что за 1951–1952 гг. удалось значительно механизировать заводы и фабрики. Но, несмотря на это на многих предприятиях оставалось большое количество примитивной техники и ручного труда, которые с успехом можно было заменить механическим трудом. Поэтому хозяйственным руководителям необходимо было принимать решительные меры к дальнейшей механизации трудоемких процессов, внедрению и освоению новой техники и совершенствованию технологических процессов [6, л. 29, 99, 181].

В 1950-х гг. коллективы рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий пищевой промышленности Курской области были вовлечены в активную деятельность по повышению технического уровня организации производства. К примеру, в середине 1950-х гг. на Льговском молочно-консервном заводе расфасовка молока и закатка банок были переведены на поток, с последующей механизацией всех процессов изготовления сгущенного молока. Можно привести еще целый ряд положительных приме-

ров внедрения новой техники и передовой технологии на предприятиях пищевой промышленности, но необходимо отметить, что на заводах и фабриках этой отрасли еще сохранялась техническая отсталость. По состоянию на начало 1955 г. уровень механизации и автоматизации производственных процессов в пищевой промышленности Курской области оставался низким, на ряде предприятий имелись серьезные упущения в разработке и освоении передовой технологии и в деле внедрения новой техники [8, л. 34, 87, 99, 101–102].

В связи с решением задач по увеличению производства молока, особое значение приобретало внедрение механизации в маслодельной промышленности. В середине 1950-х гг. в Курской области насчитывалось более 30 маслозаводов, многие из которых использовали отсталую технику и технологии. В этот период в отечественной маслодельной промышленности стала внедряться новая механизированная поточная линия инженера В.А. Мелешина по производству масла. Это оборудование, по сравнению с действующим в то время, давало возможность в три раза увеличить производительность и повысить качество масла. К ноябрю 1955 г. в Курской области было построено и пущено в действие всего 4 поточные линии производства масла по методу инженера В.А. Мелешина, и намечалось смонтировать еще 4 такие же линии на Советском, Крупецком, Кореневском и Б.-Солдатском маслозаводах [8, л. 105]. Но этого оказалось явно недостаточно, поэтому для повышения производительности и улучшения качества выпускаемой продукции необходимо было добиваться быстрее технического перевооружения всех маслозаводов.

Крайне неэффективно в 1950-е гг. работали предприятия мельнично-крупяной промышленности Курской области. На предприятиях треста «Главмука» медленно внедрялась новая техника и технологии. Более того, в течение нескольких лет оставалось без использования дорогостоящее производственное оборудование, а руководство треста не принимало мер к быстрейшему вводу его в эксплуатацию. В свою очередь, руководство треста «Сельхозмукомолье» также смирилось с технической запущенностью, которая имела место на предприятиях этого ведомства [8, л. 106–107].

Исключительно слабо внедрялась новая техника и технология на спиртовых заводах Курского спиротреста – большое количество нового оборудования лежало на складах заводов и не использовалось. Так, к середине 1955 г. на спиртовом заводе им. Калинина имелось 14 единиц такого оборудования, на Бекетовском заводе – 4 единицы, на Рождественском – 4, на Никольском – 3 [9, л. 12–14].

Неудовлетворительное положение с внедрением новой техники сложилось в середине 1950-х гг. на Рышковском пивоваренном заводе. В 1954 г. было принято решение о переводе этого предприятия на новую технологию, что должно было увеличить мощности производства пива в 2 раза. Однако по состоянию на июль 1955 г. приобретенное для этих целей оборудование больше года бесхозно находилось во дворе завода и не устанавливалось. Также в негативном ключе можно отметить завод безалкогольных напитков

г. Курска, где более полугодом не использовалась холодильная установка [9, л. 12–14]. Недопустимо медленно устанавливалось завезенное оборудование на предприятиях Курского треста Маслопром [5, л. 195].

Благодаря помощи государства в послевоенные годы значительно окрепли технически сахарные заводы Курской области [8, л. 272]. Например, энергетическое оснащение сахарной промышленности региона существенно возросло: количество паровых котлов уменьшилось на одну треть за счет установки более современных высокопроизводительных. Таким образом, паропроизводительность была увеличена в 1,5 р., что позволило повысить мощность турбогенераторов почти в 5 р. Кроме этого, сахарная промышленность Курской области постоянно пополнялась средствами механизации тяжелых трудоемких работ. По состоянию на 1955 г. более чем на половине сахарных заводов Курской области были установлены вакуум-фильтрационные установки, ликвидирующие ручной труд, применялись насосы для перекачки свеклы, а также внедрено значительное количество другого более совершенного в технологическом отношении оборудования, которым не располагала сахарная промышленность до Великой Отечественной войны [9, л. 10–11]. Помимо этого, получала дальнейшее развитие автоматизация производственных процессов. Указанные организационно-технические мероприятия в сахарной промышленности Курской области позволили к 1955 г. довести фактическую переработку свеклы до 112 тысяч центнеров в сутки (в предвоенном 1940 г. заводы региона перерабатывали около 69 тыс. центнеров сахарной свеклы в сутки).

Однако оснащение новой техникой сахарных заводов продвигалось крайне медленно, а внедряемая техника использовалась недостаточно и не на полную мощность. В основном, это было связано с тем, что на ряде предприятий уровень организации труда не успевал за ростом уровня техники [8, л. 272–274]. В первом квартале 1954 г. в сахарной промышленности Курской области погрузочно-разгрузочные работы по железнодорожному транспорту были механизированы на 39%, по складам – на 50%, в то время как техническая оснащенность позволяла механизировать транспортные работы до 50% и на складах – до 80%. Сахарные заводы им. К. Либкнехта и «Коммунар» в первом квартале 1954 г. совершенно игнорировали имеющиеся у них средства механизации тяжелых трудоемких работ. Низкий уровень механизации и увеличение числа работников приводили к низкой выработке на одного рабочего, а также к невыполнению плана по выпуску сахара [7, л. 17]. Очевидно, что руководству Курского сахсвеклотреста следовало безотлагательно решать проблемы механизации погрузочных, разгрузочных и других подготовительных работ, отказываясь от использования ручного труда и привлечения большого количества рабочей силы [8, л. 91].

Таким образом, модернизация предприятий пищевой промышленности являлась непременным условием своевременного обеспечения населения страны качественными продуктами питания. Государственная поддержка и

технологический потенциал, представленный как отечественными разработками, так и трофейным технологическим оборудованием, позволял обеспечить оснащение производства современным технологическим оборудованием. Но, несмотря на определенные успехи в модернизации отрасли, отсутствие квалифицированных инженерных кадров на местах и безответственное отношение к решению указанной проблемы со стороны отдельных представителей администрации предприятий, препятствовали успешной реализации планов механизации производственных процессов в региональной пищевой промышленности.

Список литературы

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3165. Оп. 2. Д. 74.
2. ГАКО. Ф. Р-5069. Оп. 1. Д. 12.
3. ГАКО. Ф. Р-5069. Оп. 1. Д. 29.
4. ГАКО. Ф. Р-5069. Оп. 1. Д. 84.
5. ГАКО. Ф. Р-5100. Оп. 1. Д. 86.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1889.
7. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2409.
8. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2439.
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2578.

А.И. Репинецкий

Три вызова: западный образ жизни как вызов традиционной повседневности населения СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.)

В статье рассмотрены изменения в повседневной жизни городского населения страны под влиянием вызова западного образа жизни. К ним автор относит издание в СССР журнала «Америка» (1956 г.), проведение Международного фестиваля молодёжи и студентов (1957 г.), выставку изделий американской промышленности (1959 г.). Эти события привели к появлению первых стихийных нонконформистов и новых тенденций в повседневной жизни советского общества.

The article examines the changes in the daily life of the urban population of the USSR under the influence of the challenge of the Western lifestyle. These include the publication in the USSR of the magazine "America" (1956), the holding of the International Festival of Youth and Students (1957), an exhibition of American industrial products (1959). These events led to the emergence of the first spontaneous nonconformists and new trends in the daily life of Soviet society.

Ключевые слова: повседневная жизнь, фестиваль молодёжи и студентов, выставка, стилиги, Э. Хемингуэй, общество потребления.

Key words: daily life, festival of youth and students, exhibition, dudes, E. Hemingway, consumer society.

Развитие экономики требовало постоянного притока рабочей силы на промышленные предприятия. Доля городского населения постоянно росла.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. зафиксировала преобладание городского населения. В городах РСФСР проживало 52,8% населения страны [5, с. 32].

Рост городского населения происходил в основном за счёт механического прироста. Так, в городской местности Поволжья за период 1956–1965 гг. он составил 57,9% [12, с. 99]. В основном это были жители сельской местности. Большинство из них испытывали трудности социальной и бытовой адаптации. Причём изменения в социальной сфере проходило менее болезненно, чем в бытовой. Осознание, что теперь они городские жители примеряло мигрантов с бытовой неустроенностью, коммунальными квартирами в бараках без удобств, которые они не видели и в прежней сельской жизни.

Привыкшие работать весь световой день, бывшие колхозники получили свободное время. Низкий образовательный и культурный уровень определил и проблемы в его использовании. Женщины занимались домашним хозяйством. Мужчины, по-своему организовывали свой досуг. Широко распространённой становится игра в козла (игра в домино). «Забить козла» становится одним из самых распространённых форм отдыха мужского общества.

В 1950-е гг. в стране сложилась своеобразная городская повседневность, в которой переплелись черты городского и сельского быта, перенесённые на городскую почву. Его основой стал коммунальный быт нашедший воплощение в коммунальных квартирах и бараках.

На это переходное общество, не сформировавшее свою повседневную культуры, и обрушились три вызова западного образа жизни.

Вызов традиционному повседневному быту был брошен западным «обществом потребления». Это было связано с некоторым открытием «железного занавеса» в период «хрущёвской оттепели». После начала холодной войны жизнь простых людей в капиталистических странах, прежде всего, в США рисовалась исключительно чёрными красками. Нищета, безработица, социальное неравенство – вот повседневная жизнь человека труда капиталистического общества.

Первой ласточкой, изменившей представление о жизни населения США, стал журнал «Америка». Его издание, остановленное в 1951 г., возобновилось в 1956 г. Тираж журнала был для Советского Союза мизерный – 50 тыс. экземпляров. Он распространялся по строго ограниченной подписке, которую могли оформить только партийные и советские функционеры. Журнал находился вне политики, статьи на политические, международные, социальные, религиозные темы были под запретом.

Однако с глянцевого страниц журнала представала блистательная Америка, страна, где даже мелкий служащий или рабочий жил в отдельном коттедже, мог в любое время купить автомобиль, не говоря уже о всевозможной бытовой технике. Средняя и мелкая партийная и советская номенклатура не могла об этом и мечтать. Разговоры о шикарной повседневной жизни американцев выходили за пределы этого круга. У части представителей советской номенклатуры начали меняться представления о повседневной жизни. Первый вызов был брошен.

Вторым вызовом стал VI Московский молодёжный фестиваль молодёжи и студентов (28 июля – 11 августа 1957 г.). На фестиваль приехали 34 тыс. участников из 131 страны мира [11, с. 449–450]. Появление на московских улицах десятков тысяч иностранцев, с которыми можно было общаться, не боясь репрессий было удивительно. До этого любой иностранец считался потенциальным шпионом, даже если это был член Коммунистической партии. Теперь же это было свободное общение, которое никем не контролировалось, да и установить контроль над тысячами людей было не под силу. Гости фестиваля, хоть это были «прогрессивно мыслящие молодые люди» принесли невиданную в нашей стране интеллектуальную и поведенческую свободу.

Это настроение восторга и удивления отразилось в многочисленных воспоминаниях современников. Известный саксофонист, народный артист России Алексей Козлов пишет о тех днях: «Ни туристы, ни бизнесмены в страну ещё не приезжали, дипломаты и редкие журналисты просто так на улицах не появлялись. Поэтому, когда мы вдруг увидели на улицах Москвы тысячи иностранцев, с которыми можно было общаться, нас охватило что-то вроде эйфории... Я помню, как тогда подавали нам этот образ – либо несчастные безработные, затравленные и оборванные, либо толстые буржуи в цилиндрах, с сигарами во рту. А приехали простые парни и девушки, дружелюбные, улыбающиеся, а главное – одетые как-то странно. В цветные рубашки, джинсы и во что попало. ...» [6].

Советская молодёжь кинулась в фестивальный ритм с огромным воодушевлением. Помимо свободного общения с иностранцами она впервые познакомилась и с западной повседневностью – в частности с модой. Молодые люди нашей страны увидели джинсовую одежду, юбки-клёш, разнообразные не только женские, но и мужские причёски, услышали джаз. В парке Горького, прошла выставка художников абстракционистов чьё искусство совершенно не вписывался в каноны пропагандируемого в СССР соцреализма.

Общение и даже внешний вид западной молодёжи оказали огромное влияние на молодое население СССР, прежде всего жителей столицы, но не только на них. На фестиваль приехали представители всех союзных республик, в прессе публиковались многочисленные фотографии с иностранными участниками фестиваля.

Вскоре последовал и третий вызов – выставка «Промышленная продукция США», прошедшая в Москве в 1959 г. Выставка имела свою официальную цель – улучшить советско-американские отношения. Но американские организаторы видели её реальное предназначение в демонстрации преимуществ американского образа жизни перед советским.

Именно поэтому на выставке в парке «Сокольники», где она проходила, широко экспонировались товары потребления, которые по идее устроителей должны были ошеломить советских людей, лишенных этих вещей. Среди экспонатов было высокотехнологическое оборудование: новейшие модели автомашин, катеров, трактора, газонокосилок, первый компьютер, телевизионные

установки, новые экспериментальные принадлежности домашнего и кухонного обихода. На выставке был построен «типичный американский дом» набитый бытовой техникой.

Советские граждане также увидели заграничную одежду и косметику. Три раза в день устраивались показ мод, заканчивающийся рок-н-ролом. Женщины были восхищены туфлями на шпильках, нейлоновыми чулками, причёсками и макияжем, которые они могли сделать на выставке. Американские устроители одаривали москвичей значками, яркими пластиковыми пакетами. Посетителей выставки бесплатно поили пепси-колой, кормили тортами и пирогами. За 6 недель ее работы на ней побывало около 3 миллионов человек – то есть каждый второй житель Москвы. Для большинства увиденное было настоящим культурным шоком.

Выставка получила негативную оценку советских руководителей. Это было связано и с разным подходом к её целям. Устроители выставки в СССР надеялись увидеть технологические новинки, которые можно было бы использовать в промышленности страны. Американская сторона сосредоточилась на показе повседневной жизни, демонстрации приоритетов западного образа жизни. И эта цель была достигнута: произошла переоценка отношения советских граждан к американскому образу жизни [2].

На эти вызовы требовался ответ, и он последовал. Изменилась социальная политика государства, определившая новые подходы к жилищной политике. Он не был связан с этими вызовами, но привёл к кардинальным изменениям в повседневной жизни. Наступление на коммунальный быт началось с середины 1950-х гг., когда в стране началось мощное жилищное строительство. На смену помпезным «сталинкам» приходят однообразные «хрущёвки». Небольшие квартиры с ванной и санузлом сразу стали пределом мечтаний большинства горожан. Эти настроения, возможно несколько эмоционально, передавала написанная в 1958 г. оперетта Д.Д. Шостаковича «Москва, Черёмушки», а затем и фильм-мюзикл «Черёмушки», вышедший на экраны в 1962 г.

Успехи жилищного строительства были впечатляющи. За вторую половину 1950-х – начала 1960-х гг. в новые квартиры переселились около 54 млн человек, а жилищный фонд увеличился в 2,3 раза [8, с. 610]. В начале 1960-х гг. около 40% городских жилищ имели водопровод, газ и канализацию [3, с. 32]. Получение индивидуального жилья превращало семейную жизнь из коммунальной в частную.

Изменилась эстетика внутренней обстановки жилища. С одной стороны, мода диктовала мебель без излишеств, невысокую, но на ножках со стеклянными раздвижными дверцами. Именно такую унифицированную мебель стала выпускать мебельная промышленность страны. Известная исследовательница повседневности Н.Б. Лебина отмечает: «Стандартная мебель и жильё, построенное по строго утверждённым стандартам, должна была в конечном итоге повлиять и на ментальность» [7, с. 53]. С другой стороны, небольшие по площади, с невысокими потолками новые квартиры не предназначались для громоздкой, высокой старой мебели. На свалках оказались величественные резные шкафы, комоды, трюмо, диваны с полочками.

Изменение обстановки, не означало отказ от старого быта. Новая полированная мебель и радиоприёмники покрывались вязанными и вышитыми скатертями и салфеточками. На новых кроватях красовались подзоры, перьевые подушки покрытые вязанными накидушками.

Общество потребления начало своё наступление на советскую повседневность, прежде всего, на молодёжную культуру. Старшее поколение, прошедшее войну, видевшее, что она принесла экономики СССР было более устойчиво к восприятию красот западного мира. Молодые всегда стремились к переменам, к свободе. В американском образе жизни они видели внутреннюю и внешнюю свободу. Символом этого освобождения становится – мода. И как бы это не было странным, законодателями новой моды становятся мужчины.

Первыми стихийными нонконформистами стали так называемые стилиаги. Эти молодые люди стремились создать собственную субкультуру, принадлежность к которой определялось внешним обликом человека. Широкие пиджаки с накладными карманами, узенькие брюки-дудочки, ботинки на толстой рифлёной микропорке, и всё это немислимых цветов. Отличительным признаком были галстуки самых невероятных или как писали в сатирических журналах «обезьяних» расцветок и причёска кокон. Среди однообразно одетых граждан, с преобладанием чёрного и серого цвета, стилиаги выглядели крайне вызывающе. Но сами молодые люди считали, что их облик свидетельствовал о раскрепощении личности. Именно так, по их мнению, одевалась свободная молодёжь Запада.

Стилиаги подражали, прежде всего, американской моде. Среди них можно было встретить людей разных социальных групп и профессий, но преобладали студенты. В каждом крупном городе появился свой «брод», где вечерами прогуливались «стилиаги». Официальные власти отреагировали на появление стилиаг быстро и возможно излишне резко. Комсомол и милиция начали на них самую настоящую охоту. Проводились увещательные беседы, распарывались брюки, самое страшное наказание было исключение из комсомола. После этого можно было «вылететь» из института. По твёрдому убеждению идеологических работников, студент – не член ВЛКСМ не мог сдать общественно-политические дисциплины.

В период «оттепели» в стране стали издаваться ранее запрещённые западные писатели. В 1959 г. впервые в СССР вышел двухтомник Эрнеста Хемингуэя. Здесь мы снова видим совершенно разное восприятие властью и молодёжью одного и того же явления. Идеологи видели в романах Хемингуэя разоблачение западного образа жизни, порождающего «лишнего» человека в современном капиталистическом мире.

Молодые интеллигенты увидели в романах писателя, прежде всего, определённый образ жизни и её восприятие. В среде молодёжи появляется совершенно другое направление. Вызов повседневности не путём особой модели поведения и моды, как это демонстрировали стилиаги, а стиль поведения, при котором его сторонники демонстрировали полное пренебрежение к моде. В какой-то мере сторонники американского писателя повторили путь русских

нигилистов второй половины XIX в. Протестуя против «мира отцов», молодые люди стали отращивать бороды, носить косоворотки и сапоги. Здесь же молодые люди протестовали против с одной стороны, официального пафоса, а с другой, серого однообразия жизни. Как и в XIX в. это был вызов обществу, «Бороды воспринимались как вызов общественному мнению» [1, с. 109]. Мода копировала известный портрет Хемингуэя. Толстый, вытянутый свитер, трубка стали символами нового молодёжного направления в повседневной жизни. Галстук и пиджак, которому так поклонялись «стиляги» был полностью вытеснен из одежды.

В этом направлении видно чёткое противопоставление стилям. Для последних мир вещей был своеобразны, фетишем, выделяющим их из повседневной жизни. Для нового направления характерно новое отношение к внешности, т.е. подчёркиванием безразличия к тому, как выглядишь. В холодную погоду это были свитера, в теплую – рубашки-ковбойки.

Поклонники Хемингуэя переняли не только моду, но и поведение, а точнее образ жизни героев его романов, которые живут, чтобы жить. Герои писателя постоянно пьют: во время обеда, ведя разговоры, воюя, на рыбалке, занимаясь любовью и т.д. Материальная жизнь в его романах полностью преобладает над духовной. Это, на взгляд автора и стало ловушкой для последователей американского писателя. Пьянство всегда была частью повседневной жизни русского человека. Но постоянная выпивка, выпивка как образ жизни было свойственно только алкоголикам. В стране появились молодые интеллектуалы, сделавшие выпивку символом свободной жизни.

Власть по-разному отреагировала на эти явления в повседневной жизни страны. В ярких «стилягах» она увидела вызов действительности. Опасались и их влияние на подростков. Итог опроса молодых людей об отрицательных явлениях среди молодёжи пункт «подражание западной моде, стиляжничество» показал, что только 16,6% опрошенных назвали это отрицательным явлением [4, с. 182]. Это не могло не тревожить власть.

Оба движения завершились достаточно быстро. Его носители повзрослели, остепенились, завели семьи. Но оно не прошло бесследно для страны. С одной стороны, был ужесточён идеологический контроль. Из-за вредного идеологического воздействия были сняты с проката иностранные фильмы, успешно идущие на советских экранах: американские «Великолепная семёрка», «Семь невест для семи братьев», французский «Бабетта идёт на войну», итальянские «Рокко и его братья», «Вчера, сегодня, завтра».

С другой стороны, правительство приняло меры по расширению производства предметов повседневного спроса. Произошли и изменения в одежде, связанные с началом производства искусственных тканей. А.А. Аджубей в своих воспоминаниях отмечал, что их выпуск начался по инициативе Н.С. Хрущёв, он же лично контролировал их производство [1, с. 98].

В начале 1960-х гг. промышленность страны начала выпускать предметы бытовой техники: телевизоры, холодильники, стиральные машины. Возможно на это повлияли «кухонные дебаты, прошедшие на американской выставке

между Председателем Совета Министров СССР Н.С. Хрущёвым и вице-президентом США Ричардом Никсоном. За пять лет (1960–1965 гг.) производство бытовой техники выросло. Особенно быстро рос выпуск холодильников (более чем в 3 раза) и телевизоров (более чем в 2 раза) [9, с. 136–139]. Однако при росте населения страны предметы бытовой техники оставались дефицитными.

К 1965 г. телевизоры имелись в 24 семьях из 100, радиоприёмники и радиолы в 59, холодильники в 11, стиральные машины в 21, швейные машины в 52 [10, с. 269]. Как видно из приведённых данных наиболее успешное население было снабжено радиоприёмники – их имели более половина советских семей. Бытовая техника сразу же попала в разряд дефицитных. Зачастую её наличие определяло престиж владельцев. Бытовая техника, как и мебель, продавалась заслуженным гражданам: участникам войны, лицам, имевшим государственные награды, передовикам производства. Дефицит порождал стремление получить вожделенные вещи, а это вело к блату, взяточничеству. Эти негативные явления высмеивались в средствах массовой информации, с ними боролась общественность, но победить их можно было только насытить рынок, а этого не происходило.

Правительство так и не смогло перестроить своё мышление. Приоритетом оставался выпуск средств производства, а не предметов потребления. К 1965 г. доля предметов потребления в общем объёме выпускаемой продукции не только не увеличилась, а напротив уменьшилась. Если в 1960 г. она составляла 27,5%, то в 1965 г. этот показатель уменьшился до 25,1% [9, с. 123].

Во многом этому способствовала «холодная война». Гонка вооружений, навязываемая странами блока НАТО и, прежде всего, США вынуждало руководство страны направлять все средства на развитие военно-промышленного корпуса. Это не позволило Советскому Союзу достойно ответить на вызовы «общества потребления». А это во многом определило будущую судьбу государства.

Список литературы

1. Аджубей А.А. Те десять лет. М., 1989.
2. Американская национальная выставка в СССР 1959 г. Сайт «Страницы истории» Адрес: <https://www.oldtimer.ru/oldtimer-gallery/visitors/america-55/>
3. Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих сегодня и завтра. М., 1977.
4. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущёва. М., 2001.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963.
6. Кобзон, Алибасов и Козлов пожелали участникам фестиваля молодежи найти друзей. Сайт XIX Всемирный фестиваль молодёжи и студентов Адрес: tass.ru
7. Лебина Л.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград 1950–1960-е годы. М., 2015.
8. Народное хозяйство в 1964 г.: стат. сб. М., 1965.
9. Народное хозяйство СССР в 1965 году. Статистический ежегодник. М., 1966.
10. Обеспеченность населения предметами культурно-бытового назначения длительного пользования // Большая советская энциклопедия. Т. 24. «СССР». Ч. II. М., 1977.
11. Полонский Д. Ф. Всемирные фестивали молодёжи и студентов // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 5.
12. Репинецкий А.И. Демографический состав работников промышленности Поволжья. 1945–1965 гг. Самара, 1996.

Практика решения проблем жилищного строительства Советами народных депутатов в г. Куйбышеве в 1977–1985 гг.

В статье рассмотрена практика решения проблем жилищного строительства Советами народных депутатов в г. Куйбышеве в 1977–1985 гг., проанализированы полномочия Советов народных депутатов в жилищном строительстве. Анализ статистики улучшения жилищных условий в г. Куйбышев позволяет сделать вывод об остроте жилищной проблемы в повседневной жизни советских людей в изучаемый период.

The article is examined the practice of solving the problems of housing construction by the Soviets of People's Deputies in the city of Kuibyshev in 1977–1985, analyses the powers of the Councils of People's Deputies in housing construction. Analysis of statistics on the improvement of housing conditions in the city of Kuibyshev is allowed us to conclude about the severity of the housing problem in the everyday life of Soviet people during the period under study.

Ключевые слова: Конституция СССР 1977 г., совет народных депутатов, Куйбышев, проблемы жилищного строительства, социально-экономическое управление СССР.

Key words: Constitution of the USSR of 1977, Council of People's Deputies, Kuibyshev, problems of housing construction, socio-economic management of the USSR.

В эпоху тоталитарного режима принятие Конституции СССР 1977 г. [3] можно считать переломной точкой периода деятельности Советов народных депутатов, продолжавшегося вплоть до 1991 г., который многие историки называют не иначе как «золотым веком» советской власти [4]. Именно в этот период Советы народных депутатов различных уровней получили свое правовое закрепление, одновременно значительно расширив свою компетенцию, что, безусловно, привело к более широким возможностям в решении важнейших задач в области социально-экономического управления вверенными им территориями, что позволило значительно улучшить повседневную жизнь советского человека.

В зоне ответственности местных Советов находилось огромное коммунальное хозяйство, которое обеспечивало работу городской инфраструктуры. Также Совет народных депутатов осуществлял руководство эксплуатацией электрических, водопроводных, канализационных, тепловых и газовых сетей и сооружений, контролировал строительство и эксплуатацию очистных сооружений. Взаимоотношения Совета с предприятиями вышестоящего подчинения, находящимися на его территории, строились по линии контроля за состоянием и правильной эксплуатацией жилищного фонда, коммунальных предприятий и сооружений, принадлежащих данным предприятиям, учреждениям и организациям. Право контроля со стороны Советов распространялось также и на кооперативные жилые дома и жилые дома, которые находились в личной собственности граждан.

Кроме того, местные Советы могли «в установленном порядке» привлекать организации вышестоящего подчинения к участию в работе по благоустройству и строительству дорог, осуществлять контроль за благоустройством территорий всех предприятий и организаций, расположенных на его территории, осуществлять контроль за обеспечением топливом и другими видами коммунальных услуг учреждений народного образования, культуры, здравоохранения и социального обеспечения, за проведением ремонта их помещений.

Не вызывает сомнений, что одной из самых острых проблем в деятельности местных Советов была проблема обеспечения жильем и темпы жилищного строительства. Советы народных депутатов вели учет граждан, которые нуждались в улучшении жилищных условий, а также осуществляли контроль за состоянием учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, на предприятиях, в учреждениях и организациях, независимо от того, кому они были подчинены. В зону их ответственности входило распределение жилой площади и предоставление гражданам жилых помещений в домах жилищного фонда, находящихся в ведении местных органов власти. Они осуществляли контроль за правильностью распределения жилой площади и предоставления гражданам жилых помещений, а также решали вопросы использования и сохранности жилищного фонда.

Законодательные полномочия местных Советов в области жилищного строительства были весьма объемны. Помимо полномочий в области генплана и правил застройки, местные Советы руководили строительными и ремонтно-строительными организациями городского подчинения, обеспечивали «выполнение ими производственно-финансовых планов». Они организовывали жилищное, коммунальное, дорожное, культурно-бытовое строительство, строительство объектов просвещения, здравоохранения, торговли, общественного питания и других объектов «за счет средств, выделяемых местным Советам». Так же Советы решали «с согласия предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории города, вопросы о совместном использовании их средств, выделяемых на жилищное, коммунальное, дорожное, культурно-бытовое строительство, строительство объектов просвещения, здравоохранения, торговли и общественного питания, а также в необходимых случаях об объединении средств», утверждали проекты и титульные списки по стройкам и объектам городского подчинения «в пределах сметной стоимости, устанавливаемой законодательством РСФСР». Советы производили работы по реконструкции, расширению, ремонту и благоустройству жилых домов, объектов коммунального, культурно-бытового назначения, здравоохранения, просвещения, социального обеспечения и других объектов городского подчинения [2].

Разумеется, «обеспечивать выполнение финансово-производственных планов» предприятиями и «организовывать жилищное строительство» в условиях, когда значительная часть необходимых для этого материальных ресурсов зависела от «согласия» соответствующих ведомств было весьма проблематично. Тем

не менее, ответственность за решение жилищной проблемы, как правило, лежала на местных Советах.

Согласно статистическим данным в городе Куйбышеве за 1980 г. улучшили свои жилищные условия 18 671 советская семья. В 1981 г. из обветшавших бараков было переселено в благоустроенные квартиры более 1 300 семей, также сдано в эксплуатацию 570,2 тыс. кв.м. жилья [9, л. 14, 15], что составляло тогда 9 415 квартир. Позднее жилищные условия улучшили еще 16 148 семей [9, л. 39]. Тем не менее, в очереди на получение жилья в начале 1980-х все еще стояло 92 тыс. семей.

Большинство обращений граждан в городской Совет народных депутатов составляли заявления по жилищным вопросам, в частности в 1979 г. доля их равнялась 47%. Вместе с тем, из-за огромного числа ветхого и аварийного жилья, которое находилось на балансе местных органов власти, ситуация с годами только ухудшалась. По воспоминаниям председателя Куйбышевского горисполкома А.А. Росовского, ситуация с жилищным фондом в 1980 г. выглядела таким образом, что «несмотря на принимаемые меры по его ремонту, привести строения в технически исправное состояние не представляется возможным» [7, л. 40, 41]. В начале перестройки в 1987 г., на сессии Куйбышевского горсовета впервые были опубликованы результаты хозяйственной деятельности местного Совета в области жилищного строительства. За период с 1967 по 1987 гг. невыполнение планов жилищного строительства в городе Куйбышеве составило почти 3 миллиона квадратных метров, а к 1987 г. очередь на улучшение жилищных условий составляла более 120 тыс. семей [9, л. 9–10]. Общее же выполнение планов строительства жилья и объектов социально-бытового назначения находилось в очень плачевном состоянии.

Социальная сфера всегда оставалась одной из основных забот местных органов управления. В начале 1980-х гг. количественно выросли объем и доля материальных ресурсов местных Советов, выделяемых на социальные нужды. Это позволило Куйбышевскому городскому совету народных депутатов активнее решать главную из проблем горожан – жилищную. Несмотря на большое строительство жилищная проблема в Куйбышеве решалась очень медленно. Почти половина пригодной для жилищного строительства территории была занята домами дореволюционной постройки. Кроме этого, в годы войны было сооружено немало зданий барачного типа. В результате, к началу рассматриваемого периода в городе имелось огромное количество квадратных метров жилья, давно отслужившего свой срок. А.А. Росовский указывал в своих воспоминаниях, что средства на жилищное строительство выделялись Куйбышеву в одних и тех же размерах, а население ежегодно увеличивалось на 25 тыс. чел. Это, по мнению председателя горисполкома, привело к диспропорции между ростом населения города и планированием капиталовложений на его жилищное строительство и развитие социальной инфраструктуры. Средства для жилищного строительства министерства выделяли предприятиям, которые выступали в качестве дольщиков и, соответственно, получателей жилплощади [10, с. 105]. В качестве единого официального заказчика

строительства выступало управление капитального строительства горисполкома. По окончании строительства дома, часть жилья, с 1971 г. – 12%, передавалось в распоряжение горисполкома для обеспечения жителей города, стоявших в очереди на получение жилья, чего явно не хватало, поэтому горисполком, игнорируя правительственное решение, настаивал на том, чтобы предприятия передавали городу 18% жилья [10, с. 105]. За годы работы Росовского на посту председателя горисполкома в Куйбышеве ежегодно строилось 500–600 и более тыс. кв. м. жилой площади, вводилось в строй до 10000 благоустроенных квартир. В одном только 9-ти этажном доме могла разместиться целая деревня с наличием в ней до 200 и более дворов [1, с. 505]. Согласно статистическим данным в 1982 г. жилой фонд города Куйбышев составлял 16,8 млн кв. м. [5, с. 248]. Появились жилые кварталы на улицах Гагарина, Молодогвардейской, Ново-Садовой, проспекте Ленина. Только в одной северо-восточной части Куйбышева было построено 13 новых микрорайонов, от улицы Советской Армии до Алма-Атинской, потом в других частях областного центра появились микрорайоны «Мичуринский», «поселок Кузнецовых», «Приволжский» [6, с. 144].

Возраставшие темпы жилищного строительства способствовали сносу огромного количества бараков, построенных еще в военные годы, это объяснялось тем, что к началу исследуемого периода все имевшиеся в черте города свободные для строительства площадки практически уже были застроены. Другие территории, предусмотренные генеральным планом, могли быть использованы под застройку лишь после сноса расположенных там домов [6, с. 65]. В тот период времени в городе было снесено 2 200 бараков, ликвидировано более 4 500 подвальных помещений [1, с. 506]. Горисполком принимал все меры, чтобы при любой возможности сносить бараки и переселять граждан из ветхого жилья в новые строящиеся 9, 12 и 16 этажные жилые дома обновленного города.

При ознакомлении с документами отдела строительства и городского хозяйства Куйбышевского горкома КПСС, были исследованы материалы по подготовке и снятию с контроля вопроса на бюро горкома КПСС от 25 июля 1980 г. «По завершению переселения граждан из бараков и подвальных помещений в районах города».

Период исследуемых документов с 25 июля 1980 г. по 23 октября 1981 г. Надо отметить, что здесь ситуация намного лучше, за 1980 г. и 3 месяца в городе снесено 43 барака, из которых переселено 442 семьи, в том числе по линии местных Советов – 2 барака с отселением 61 семьи, предприятиями и ведомствами – 41 барак, из которых переселена 381 семья. Также за этот период ликвидировано 3 233 кв.м. жилых помещений в подвалах, из которых переселено 148 семей, в том числе по линии местных Советов – 3 167 кв.м. с отселением 144 семей. Такая же тенденция сохранилась и в 1981 г., и предусматривалась планом до 1985 г., предполагавшем положительную тенденцию по вводу жилья в эксплуатацию – свыше 10000 квартир в год [8].

Хочется отметить активную роль в этом вопросе местных Советов народных депутатов районов города, в некоторых даже удалось полностью ликвидировать подвальные помещения и переселить семьи. Что касается ведомственного жилья, то тут ситуация складывалась по-разному, те организации, которым жилье не выделялось, сохраняли фонд ветхого жилья довольно долго и эта проблема решалась довольно слабо, в остальных градообразующих предприятиях планы выполнялись на 50–70%.

К середине 80-х повседневная ситуация с вводом жилья и объектов соцкультбыта по государственной программе, складывалась самым печальным образом. Задача по строительству и наращиванию темпов ввода жилья в эксплуатацию для улучшения жизни советских семей повсеместно была провалена. Руководители строительных организаций потеряли чувство ответственности за порученное дело, перестали считать честью выполнение государственного плана по своевременному вводу объектов. Жилищная проблема вновь встала острой повседневной заботой для многих советских людей и продолжала оставаться ею еще довольно долго, вплоть до развала СССР в 1991 г. и ликвидации Советов народных депутатов в 1993 г.

Список литературы

1. Бульхин А.К. На крутых поворотах судьбы. Т. II. Самара: ИФА Пресс, 2006. 769 с.
2. Закон «О городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР» (в ред. Закона РСФСР от 03.08.1979 – Ведомости ВС РСФСР, 1979, № 2, ст. 786; с изм. и доп., внесенными Указами Президиума ВС РСФСР от 21.02.1985 – Ведомости ВС РСФСР, 1985, № 9, ст. 307; от 29.01.1986 – Ведомости ВС РСФСР, 1986, № 6, ст. 175) [Электронный ресурс]. URL: http://innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_36245.html (дата обращения: 14.11.2020).
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 14.11.2020).
4. Матвеев М.Н. Власть и общество в системе советов народных депутатов в 1977–1993 гг. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 455 с.
5. Народное хозяйство Куйбышевской области за 1981–1985 гг.: стат. сб. Куйбышев: Кн. изд-во, 1987. 281 с.
6. Росовский А.А. О времени и о себе. Самара: Солдат отечества, 2006.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Р-17. Оп. 149. Д. 650.
8. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 714. Оп. 76. Д. 28; Оп. 78. Д. 21, 59, 61; Ф. 8755. Оп. 1. Д. 10.
9. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-56. Оп. 55. Д. 355.
10. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е годы. Очерки истории: коллективная монография / под ред. П.С. Кабытова. Самара: Издательство «Самарский университет», 2014. 240 с.

Сведения об авторах

Абдуллоев Абдулло Рахматуллоевич, адъюнкт кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург; e-mail: abdulloev-a@mail.ru

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства (ДГУНХ), e-mail: vikingpasha@mail.ru

Абдыкулова Гулжанар, магистр истории, докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; e-mail: gabdykulova@mail.ru

Алексеенко Елена Вячеславовна, аспирант, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева; преподаватель кафедры философии и истории науки, Самарский государственный университет путей сообщения; e-mail: elenaalekseenko163@yandex.ru

Арутюнян Каринэ Сергеевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина; e-mail: carin-dop@yandex

Бакуменко Геннадий Владимирович, кандидат культурологии, преподаватель кафедры общих социальных и гуманитарных дисциплин, Армавирский социально-психологический институт; e-mail: genn-1@mail.ru

Барина Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева; e-mail: rfz25@yandex.ru

Белова Анна Валерьевна, доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории, Тверской государственный университет; e-mail: belova_tver@rambler.ru

Буриева Хайрия Амануллаевна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека; e-mail: burieva73@mail.ru

Вербовой Алексей Олегович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-морского института, кандидат исторических наук; e-mail: a.verbovoy@mail.ru

Верещагин Станислав Дмитриевич, магистрант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: Corharuill@yandex.ru

Волков Валерий Вячеславович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тверской государственный университет; e-mail: Volk7Valery@yandex.ru

Волкова Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества, доцент, Тверской государственный университет; e-mail: volknat@mail.ru

Воронцов Роман Сергеевич, младший научный сотрудник кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет; e-mail: roman.voronzof@yandex.ru

Глубоковских Роман Владимирович, адъюнкт, Санкт-Петербургский университет МВД России РФ; e-mail: 521405@mail.ru

Горелов Илья Павлович, доктор военных наук, профессор, профессор кафедры организации работы полиции, Санкт-Петербургский государственный университет МВД России; e-mail: grey-2@yandex.ru

Григорьева Светлана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: svetl-grigor@yandex.ru

Гуркин Андрей Борисович, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина); e-mail: abgur313@mail.ru

Гуркин Ярослав Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта; e-mail: yargur@mail.ru

Демьяненко Николай Николаевич, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: nik4-demyanenko@yandex.ru

Дианова Елена Васильевна, доцент, доктор исторических наук; доцент кафедры отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Дидуренко Леонид Павлович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет; e-mail: didurenko@pgsga.ru

Дзюбко Галина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище; e-mail: dg108@mail.ru

Долгова Анжела Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель зав. кафедрой истории и исторического архивоведения, Московский государственный институт культуры; e-mail: angela_dol@mail.ru

Дрогавцева Екатерина Александровна, адъюнкт кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет МВД России

Дякиева Раиса Батнасуновна, доктор педагогических наук, доцент, зав. кафедрой калмыцкой литературы и журналистики, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова; e-mail: raisadyakieva@mail.ru

Жукова Анастасия Евгеньевна, младший научный сотрудник, НОЦ Исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: sstasja@ya.ru

Загуменнов Александр Владимирович, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка, Автономная некоммерческая организация дополнительного образования «Учебно-информационный центр «СОКРАТ»; e-mail: zaw1991@mail.ru

Зайцева Светлана Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: svlanaz@yandex.ru

Зверева Александра Андреевна, магистр, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева; e-mail: sashka11031995@mail.ru

Иванов Кирилл Андреевич, независимый исследователь; e-mail: beethoven5@yandex.ru

Иноземцев Игорь Игоревич, магистрант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: iiinozemcev@gmail.com

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, зав. кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Казарина Юлия Владимировна, студентка, факультет медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств, направление Журналистика, Московский государственный институт культуры

Когданов Александр Николаевич, магистрант 2 курса, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова; e-mail: kogdanov1978@mail.ru

Козинникова Екатерина Николаевна, преподаватель кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России; e-mail: katerina_kozinnikova@mail.ru

Королева Любовь Сергеевна, магистрантка факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: lyubow.corolyova@yandex.ru

Костяшов Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта; e-mail: kostyashov@gmail.com

Кравченко Наталья Николаевна, преподаватель, Южный федеральный университет; e-mail: kravchenkova9561@gmail.com

Крылов Павел Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела всеобщей истории, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Крылова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: hellennak@yandex.ru

Крюкова Светлана Станиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук; e-mail: krjukova@list.ru

Курдюкова Виктория Юрьевна, адъюнкт кафедры юридической психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России

Левашко Вадим Олегович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Ломоносова Марина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: lomonosovamv@mail.ru

Максимова Ирина Васильевна, кандидат исторических наук, преподаватель первой категории, специалист по УМР, Волгоградский государственный медицинский университет (Министерства здравоохранения Российской Федерации); e-mail: maksirinas@mail.ru

Маскевич Екатерина Дмитриевна, кандидат исторических наук, ведущий специалист, Российский государственный исторический архив; e-mail: spb-collects@yandex.ru

Мельникова Дарья Андреевна, лаборант-исследователь НОЦ исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: 31020307d@gmail.com

Михайлов Сергей Сергеевич, научный сотрудник Музея истории и культуры старообрядчества; e-mail: mesherdkray@mail.ru

Мусабалина Гульнара Толевгазиновна, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; e-mail: g.mussabalina@mail.ru

Нижник Надежда Степановна, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России; e-mail: n.nishnik@bk.ru

Никифоров Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: ratibor76@mail.ru

Никуленкова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: elena_na2004@mail.ru

Новиков Александр Сергеевич, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: alessandro_novarres@mail.ru

Новикова Лидия Игоревна, кандидат педагогических наук, директор библиотеки, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины

Нуреев Рустем Махмутович, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: nureev50@gmail.com

Павлова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Санкт-Петербургская юридическая академия; e-mail: svetlanavpravlova@mail.ru

Петев Николай Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; e-mail: cyanideemo@mail.ru

Плюйко Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, учитель истории, школа № 16, г. Долгопрудный Московской области; e-mail: jan_boden@rambler.ru

Повлюченко Владимир Анатольевич, аспирант, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева; e-mail: vladimir1243@rambler.ru

Подгорбунская Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева; e-mail: mir_63@mail.ru

Попова Анастасия Валентиновна, магистр, библиотекарь 1 категории, МЦБС им. М.Ю. Лермонтова библиотека им. Н.А. Некрасова; e-mail: nastyaoropova.2016@mail.ru

Резанов Андрей Дмитриевич, магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: misterizhmyak@yandex.ru

Репинецкий Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе, Самарский государственный социально-педагогический университет; e-mail: a.repinetsky@yandex.ru

Ржанова Светлана Александровна, доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой журналистики, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва; e-mail: rzanova@mail.ru

Северцев Олег Вадимович, кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела, Управление по внутренней политике, Администрация Главы Республики Калмыкия; e-mail: aguzg@mail.ru

Семёнов Алексей Михайлович, соискатель, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: amsemenov92@gmail.com

Семёнова Ольга Александровна, младший научный сотрудник НОЦ исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: ivanova.olga.al@mail.ru

Снетков Иван Геннадьевич, бакалавр философских наук, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Leibniz Universität Hannover; e-mail: st049846@student.spbu.ru

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Сухова Мария Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин, Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко; e-mail: salamramaswami@gmail.com

Травкин Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; E-mail: trawkin09@yandex.ru

Урожаева Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии, Иркутский государственный университет; e-mail: olgoy@yandex.ru

Харитонов Александр Михайлович, научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН; e-mail: mavr@tigdvo.ru

Циденков Григорий Геннадиевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры Отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет; e-mail: gcidenkov@yandex.ru

Чекулаев Николай Дмитриевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский научный центр Российской Академии наук; e-mail: bratzikow1974@mail.ru

Чориева Дилором Абдумуминовна, младший научный сотрудник, координационно-методический центр по вопросам новейшей истории Узбекистана при АН РУз

Чукаев Тимур Омарович, преподаватель кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России; e-mail: timurchukaev@yandex.ru

Федотова Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, подготовительный факультет для иностранных учащихся, Казанский федеральный университет; e-mail: stasi7886@mail.ru

Филимончик Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет; e-mail: syrta@yandex.ru

Янькина Елизавета Виталиевна, магистрант 2 года обучения филологического факультета, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва; e-mail: id.yankina.elizaveta@yandex.ru

About Authors

Abdulloev Abdullo Rakhmatulloevich, Adjunct of the Department of Theory of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg; e-mail: abdulloev-a@mail.ru

Abdusalamov Magomed-Pasha Balashovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Dagestan State University of National Economy (DSUNE); e-mail: vikingpasha@mail.ru

Abdykulova Gulzhanar, Master of History, Doctoral Candidate, L.N. Gumilyov Eurasian National University; e-mail: gabdykulova@mail.ru

Alekseenko Elena Vyacheslavovna, Postgraduate, Samara National Research University; e-mail: elenaalekseenko163@yandex.ru

Arutyunyan Karine Sergeevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Law of the Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin; e-mail: carin-dop@yandex

Bakumenko Gennadiy Vladimirovich, Candidate of Cultural Science, Lecturer of the Department of General Social and Humanitarian Disciplines, Armavir Social and Psychological Institute; e-mail: genn-1@mail.ru

Barinova Ekaterina Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History and Historiography, Samara National Research University; e-mail: rfnz25@yandex.ru

Belova Anna Valer'evna, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General History, Tver State University; e-mail: belova_tver@rambler.ru

Burieva Khairiya Amanullaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek; e-mail: burieva73@mail.ru

Verbovoy Aleksey Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Naval Institute; e-mail: a.verbovoy@mail.ru

Vereshagin Stanislav Dmitrievich, Master Student, Pushkin Leningrad State University; e-mail: Corharuill@yandex.ru

Volkov Valeriy Vyacheslavovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Tver State University; e-mail: Volk7Valery@yandex.ru

Volkova Natalya Vasil'evna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philological Foundations of Publishing and Literary Creativity, Associate Professor, Tver State University; e-mail: volknat@mail.ru

Vorontsov Roman Sergeevich, Junior Researcher of the Department of Constitutional Law, Southwestern State University; e-mail: roman.voronzof@yandex.ru

Glubokovskikh Roman Vladimirovich, Adjunct, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: 521405@mail.ru

Gorelov Ilya Pavlovich, Doctor of Military Sciences, Professor, Professor of the Department of Police Work Organization, St. Petersburg State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: grey-2@yandex.ru

Grigor'eva Svetlana Valer'evna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: svetl-grigor@yandex.ru

Gurkin Andrey Borisovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"; e-mail: abgur313@mail.ru

Gurkin Yaroslav Andreevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg; e-mail: yargur@mail.ru

Demyanenko Nikolai Nikolaevich, Postgraduate, Pushkin Leningrad State University; e-mail: nik4-demyanenko@yandex.ru

Dianova Elena Vasil'evna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Didurenko Leonid Pavlovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State Social and Pedagogical University; e-mail: didurenko@pgsga.ru

Dolgova Anzhela Valer'evna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of History and Historical Archival Science, Moscow State Institute of Culture; e-mail: angela_dol@mail.ru

Drogavtseva Ekaterina A., graduate of the department of constitutional and international law, Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

Dyakieva Raisa Batnasunovna, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Kalmyk Literature and Journalism, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov; e-mail: raisadyakieva@mail.ru

Dzyubko Galina Yur'evna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Natural Sciences, Ryazan Guards Higher Airborne Command School; e-mail: dg108@mail.ru

Zhukova Anastasia Evgen'evna, Junior Researcher, Research and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; e-mail: sstasja@ya.ru

Zagumennov Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Philological Sciences, Teacher of the Russian language, Autonomous non-profit organization of additional education "Educational and information center "SOKRAT"; e-mail: zaw1991@mail.ru

Zaitseva Svetlana Valentinovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: svlanaz@yandex.ru

Zvereva Aleksandra Andreevna, Master Student, Samara National Research University; e-mail: sashka11031995@mail.ru

Ivanov Kirill Andreevich, Independent Researcher; e-mail: beethoven5@yandex.ru

Inozemtsev Igor Igorevich, Master Student, Pushkin Leningrad State University; e-mail: iiinozemcev@gmail.com

Kabytov Petr Serafimovich, Doctor of Historical Sciences, Honored Scientist of Russian Federation, Professor, Head of the Department of Russian History, Samara National Research University; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Kabytova Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Samara National Research University; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Kazarina Yulia Vladimirovna, Student, Faculty of Media Communications and Audiovisual Arts, Direction "Journalism", Moscow State Institute of Culture

Kogdanov Aleksandr Nikolaevich, 2nd year Master Student, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov; e-mail: kogdanov1978@mail.ru

Korolyova Lyubov Sergeevna, Master Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: lyubow.corolyova@yandex.ru

Kozinnikova Ekaterina Nikolaevna, Lecturer of the Department of Theory of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: katerina_kozinnikova@mail.ru

Kostyashov Yuriy Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University; e-mail: kostyashov@gmail.com

Kravchenko Natalya Nikolaevna, Lecturer, Southern Federal University; e-mail: kravchenkova9561@gmail.com

Kryukova Svetlana Stanislavovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, RAS Institute of Ethnology and Anthropology; e-mail: krjukova@list.ru

Krylov Pavel Valentinovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the World History Department, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; e-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Krylova Elena Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Communications, Pushkin Leningrad State University; e-mail: hellennak@yandex.ru

Kurdyukova Viktoria Yur'evna, Adjunct, Department of Legal Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Levashko Vadim Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: v.levashko@lengu.ru

Lomonosova Marina Vasil'evna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University; e-mail: lomonosovamv@mail.ru

Maksimova Irina Vasil'evna, Candidate of Historical Sciences, Teacher of the 1st category, Specialist in UMR, Volgograd State Medical University (Ministry of Health of the Russian Federation); e-mail: maksirinavas@mail.ru

Maskevich Ekaterina Dmitrievna, Candidate of Historical Sciences, Leading Specialist of the Russian State Historical Archive; e-mail: spb-collects@yandex.ru

Melnikova Daria Andreevna, Research Assistant, Research and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; e-mail: 31020307d@gmail.com

Mikhailov Sergei Sergeevich, Research Officer of the Museum of History and Culture of Old Believers; e-mail: mesherdkray@mail.ru

Musabalina Gul'nara Tolevgazinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University; e-mail: g.mussabalina@mail.ru

Nikiforov Anatoliy Leonidovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: ratibor76@mail.ru

Nikulenкова Elena Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Pushkin Leningrad State University; e-mail: elena_na2004@mail.ru

Nizhnik Nadezhda Stepanovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: n.nishnik@bk.ru

Novikov Aleksandr Sergeevich, Postgraduate of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: alessandro_novarres@mail.ru

Novikova Lydia Igorevna, Ph.D. in Pedagogy, Director of the library, Saint-Petersburg State University of Veterinary Medicine

Nureyev Rustem Makhmutovich, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: nureev50@gmail.com

Pavlova Svetlana Viktorovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Academy; e-mail: svetlanavpavlova@mail.ru

Petev Nikolay Ivanovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov; e-mail: cyanideemo@mail.ru

Plyuiko Dmitriy Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, History Teacher, Autonomous educational institution School №16, Dolgoprudny, Moscow region; e-mail: jan_boden@rambler.ru

Povlyuchenko Vladimir Anatol'evich, Postgraduate, Samara National Research University; e-mail: vladimir1243@rambler.ru

Podgorbunskaya Irina Gennad'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Language, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev; e-mail: mir_63@mail.ru

Popova Anastasia Valentinovna, Magister, Librarian of the 1st category, MCBS named after M.Yu. Lermontov, N.A. Nekrasov Library; e-mail: nastyapopova.2016@mail.ru

Rezanov Andrey Dmitrievich, Master Student of the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: misterizhmyak@yandex.ru

Repinetskiy Aleksandr Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research, Samara State Social and Pedagogical University; e-mail: a.repinetsky@yandex.ru

Rzhanova Svetlana Aleksandrovna, Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Journalism, Ogarev Mordovia State University; e-mail: rzanova@mail.ru

Severtsev Oleg Vadimovich, Candidate of Historical Sciences, Deputy Head of Department, Department for Internal Policy, Administration of the Head of the Republic of Kalmykia; e-mail: aruzg@mail.ru

Semyonov Aleksey Mikhailovich, Applicant, Pushkin Leningrad State University; e-mail: amsemenov92@gmail.com

Semyonova Olga Aleksandrovna, Junior Researcher, REC for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; e-mail: ivanova.olga.al@mail.ru

Snetkov Ivan Gennad'evich, Bachelor of Philosophy, Master Student, St. Petersburg State University, Leibniz Universität Hannover; e-mail: st049846@student.spbu.ru

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University; e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Sukhova Maria Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Socio-Humanitarian Disciplines, Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko; e-mail: salamramaswami@gmail.com

Travkin Sergey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University; e-mail: trawkin09@yandex.ru

Urozhaeva Tatyana Petrovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University; e-mail: olgoy@yandex.ru

Kharitonov Aleksandr Mikhailovich, Research officer, Pacific Institute of Geography, Far East Branch, Russian Academy of Sciences; e-mail: mavr@tigdvo.ru

Tsidenkov Grigoriy Gennad'evich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of National History and Archeology, Samara State Social and Pedagogical University; e-mail: gcidenkov@yandex.ru

Chekulaev Nikolay Dmitrievich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the RAS Dagestan Scientific Center; e-mail: bratzikow1974@mail.ru

Chorieva Dilorom Abdumuminovna, Junior Researcher, Coordination and Methodological Center for the Modern History of Uzbekistan at the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Chukaev Timur Omarovich, Lecturer of the Department of Theory of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: timurchukaev@yandex.ru

Fedotova Anastasia Yur'evna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Humanities Department, Preparatory Faculty for Foreign Students, Kazan Federal University; e-mail: stasi7886@mail.ru

Filimonchik Svetlana Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Petrozavodsk State University, Associate Professor of the Department of Russian History; e-mail: syrsa@yandex.ru

Yankina Elizaveta Vital'evna, 2nd year Master Student of the Faculty of Philology, Ogarev Mordovia State University; e-mail: id.yankina.elizaveta@yandex.ru

Научное издание

**«ВЫЗОВ» В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ТОМ 1

**Материалы международной научной конференции,
1–3 апреля 2021 г.**

Оригинал-макет Н. П. Никитиной

Подписано в печать 03.03.2021. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 22,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1688

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10